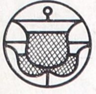
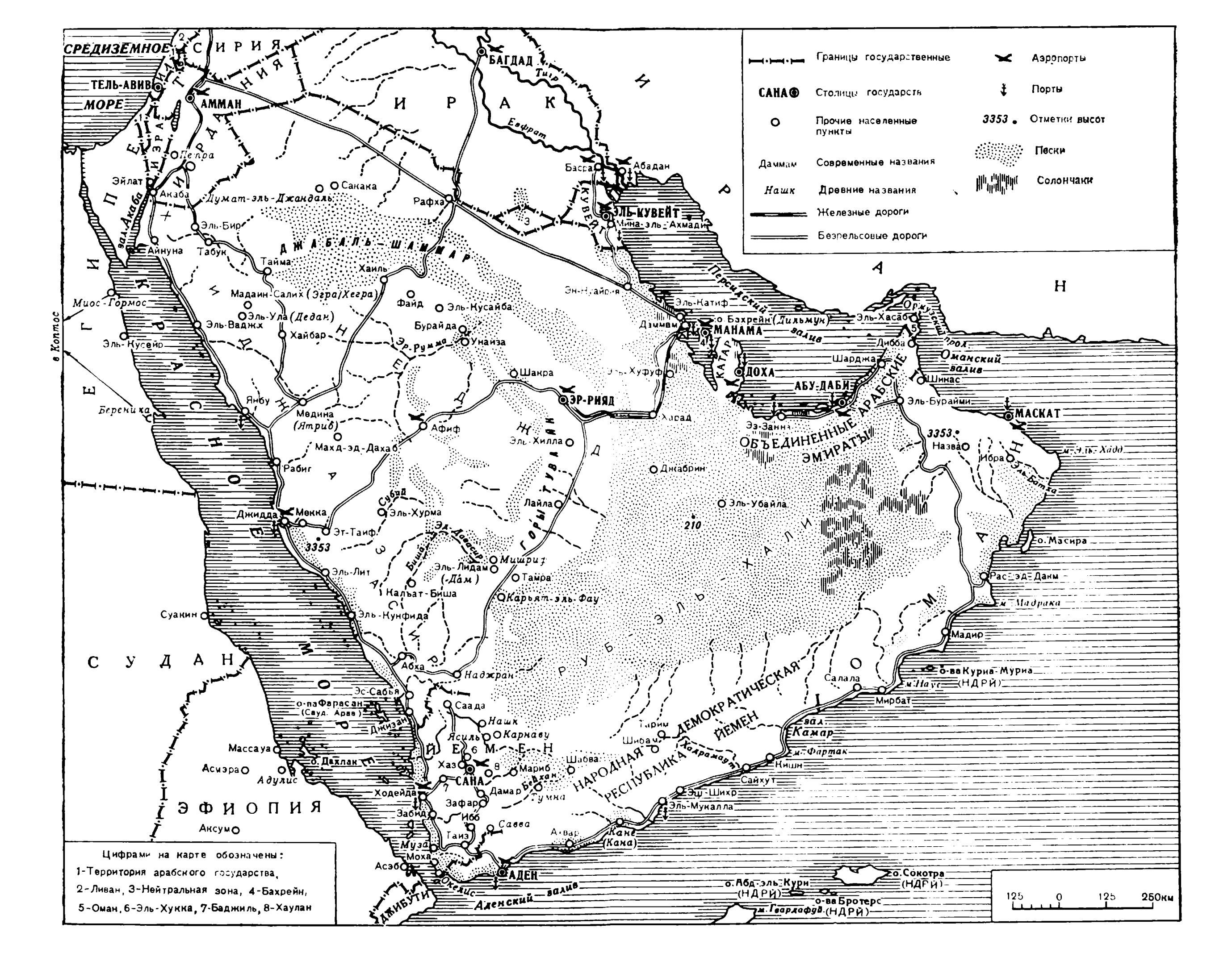
АРАВИЯ

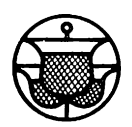
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ



АРАВИЯ. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ



Границы государственные
САНА Столицы государств
Прочие населенные пункты
Даммам Современные названия
Нашк Древние названия
Железные дороги
Безрельсовые дороги
Аэропорты
Порты
3353 Отметки высот
Пески
Солончаки
Цифрами на карте обозначены:
1-Территория арабского государства,
2-Ливан, 3-Нейтральная зона, 4-Бахрейн,
5-Оман, 6-Эль-Хукка, 7-Баджиль, 8-Хаулан
125 0 125 250км
СРЕДИЗЕМНОЕ
МОРЕ
СИРИЯ
ТЕЛЬ-АВИВ
АММАН
ИОРДАНИЯ
ИРАК
БАГДАД
Тигр
Евфрат
ИРАН
Басра
Абадан
КУВЕЙТ
ЭЛЬ-КУВЕЙТ
Мина-эль-Ахмади
Петра
Эйлат
Акаба
зал. Акаба
Сакака
Думат-эль-Джандаль
Рафха
Эль-Бир
Айнуна
Табук
Тайма
ДЖАБАЛЬ-ШАММАР
Хаиль
Мадаин-Салих (Эгра/Хегра)
Эль-Ула (Дедан)
Файд
Эль-Кусайба
Бурайда
Унайза
Эр-Румма
Хайбар
Эль-Ваджх
Миос-Гормос
Эль-Кусейр
в Коптос
ЕГИПЕТ
Береника
Янбу
Медина (Ятриб)
Махд-эд-Дахаб
Афиф
Шакра
ЭР-РИЯД
Эль-Хилла
Рабиг
Джидда
Мекка
Эт-Таиф
3353
Субай
Эль-Хурма
Эд-Давасир
Биша
Эль-Лидам (-Дам)
Мишриф
Тамра
Кальат-Биша
Карьят-эль-Фау
Эль-Лит
Эль-Кунфида
ГОРЫ ТУВАЙК
НЕДЖД
ХИДЖАЗ
АСИР
КРАСНОЕ МОРЕ
Суакин
СУДАН
Абха
Наджран
Эс-Сабья
о-ва Фарасан (Сауд. Арав.)
Джизан
Саада
Нашк
Ясиль
Карнаву
ЙЕМЕН
6
Хаз
САНА
8
Мариб
Шабва
Массауа
о. Дахлак
Асмэра
Адулис
ЭФИОПИЯ
Аксум
Ходейда
7
Дамар
Бейхан
Тумна
Зафар
Забид
Ибб
Савва
Таиз
Муза
Моха
Асэб
Окелис
АДЕН
ДЖИБУТИ
Аденский залив
Азвар
Кане (Кана)
Эль-Мукалла
Эш-Шихр
Сайхут
Нишн
м. Фартак
Хадрамаут
Шибам
Тарим
НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ЙЕМЕН
Кишм
зал. Камар
Салала
Мирбат
м. Наус
о-ва Курия-Мурия (НДРЙ)
Мадир
м. Мадрака
Рас-эд-Дакм
о. Масира
ОМАН
Эль-Батха
Ибра
м. Эль-Хадд
Назва
3353
МАСКАТ
Эль-Бурайми
Шинас
Оманский залив
Дибба
Ормузский прол.
Эль-Хасаб
5
Шарджа
ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ
АБУ-ДАБИ
Эз-Занна
ДОХА
КАТАР
МАНАМА
4
о. Бахрейн (Дильмун)
Персидский залив
Эль-Катиф
Даммам
Эн-Нуайрия
Эль-Хуфуф
Харад
Джабрин
Эль-Убайла
Лайла
210
РУБ-ЭЛЬ-ХАЛИ
3
о. Сокотра (НДРЙ)
о. Абд-эль-Кури (НДРЙ)
о-ва Бротерс (НДРЙ)
м. Гвардафуй



АКАДЕМИЯ НАУК СССР. ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АРАВИЯ.
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ

Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

OTTO BAUMHAUER
DOKUMENTE ZUR ENTDEKUNGSGESCHICHTE, Bd 1
G. VON WISSMANN
ARABIEN
Henry Govert, Stuttgart, 1965

Перевод с немецкого

Предисловие

А. Г. Лундина

Ответственный редактор

Г. М. Бауэр

Книга посвящена истории открытия европейцами Аравийского полуострова и содержит извлечения из подлинных описаний путешествий в Аравию, начиная с первой известной экспедиции в эти края, снаряженной в середине II тысячелетия до н. э., и кончая наиболее значительными поездками XX в.

А $\frac{20901\text{-}172}{013(02)\text{-}81}$ 233-81. 1905020000

АРАВИЯ

Материалы по истории открытия

Утверждено к печати Редколлегией серии «Культура народов Востока»

Редактор *Л. В. Негря*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *Л. Е. Сиченко*. Корректоры *В. В. Воловик* и *П. С. Шин*

ИБ № 14331

Сдано в набор 06.04.81. Подписано к печати 17.08.81. Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 21,39. Усл. кр.-отт. 21,62. Уч.-изд. л. 24,28. Тираж 5000 экз. Изд. № 3041. Зак. № 186. Цена 2 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б 143, Открытое шоссе, 28

ПРЕДИСЛОВИЕ

Аравия занимает громадную территорию, лежащую на стыке трех материков Старого Света — Азии, Африки и Европы. Она простирается на тысячи километров с севера на юг и с востока на запад. Обычное географическое наименование — Аравийский полуостров — вступает в противоречие с аравийскими масштабами даже при беглом взгляде на карту Восточного полушария; лишь в недавнее время в географической номенклатуре появился термин, отражающий характер Аравии, — Аравийский субконтинент.

Природные условия Аравии достаточно разнообразны. В ней сочетаются прибрежные низменности, лежащие почти на уровне моря, и горные вершины, превышающие 3000 м, безжизненные пустыни, где десятилетиями не выпадает ни капли дождя, и тропические леса в горных ущельях южного побережья. Здесь можно встретить шатры кочевников, многоэтажные «небоскребы» древних городов Хадрамаута, древние храмы и плотины сабейцев, возведенные три тысячи лет назад и сейчас еще гордо возвышающиеся над землей, и современные небоскребы Кувейта, построенные из стекла и бетона.

Природа Аравии ставит перед путешественниками не меньшие препятствия, чем природа Африки или Америки, и не предоставляет ему удобных речных путей, по которым шли первые исследователи этих континентов; она не дает и сенсационных открытий, крупных объектов, попадающих даже на мелкомасштабные карты: высочайших горных хребтов, грандиозных рек и озер. Может быть, поэтому имена отважных исследователей Аравии не получили широкой известности. Если имена Гумбольдта и Ливингстона знает каждый культурный человек, то Карстен Нибур, единственный оставшийся в живых из пяти членов датской экспедиции, исследовавшей Аравию в 1762—1763 гг., известен только специалистам, хотя материалы его исследований неизменно получали высокую оценку последующих путешественников и частично сохраняют свое значение и сейчас. Ирония судьбы прояви-

лась и в том, что наибольшую известность приобрело путешествие Пальгрейва в 1862—1863 гг. Его описание выдержало множество изданий и переводов, но лишь к середине нашего века выяснилось, что это путешествие существовало только в воображении автора, а книга была искусной мистификацией (что, впрочем, не помешало Пальгрейву получить золотую медаль французского географического общества).

Книга, представленная читателю, содержит обширные отрывки из сочинений путешественников по Аравийскому полуострову, начиная с древнейших времен и кончая серединой нашего века. Эти выдержки не только отражают основные этапы изучения Аравии и главные открытия, они позволяют также составить представление и о личности самого исследователя, о его задачах и стремлениях, о его отношении к местному населению. В целом материал подобран таким образом, что дает достаточно полную картину Аравии, ее природных и климатических условий, нравов и обычаев населения разных областей страны. Описания, относящиеся к разным периодам, знакомят читателя также и с историей Аравии в XVII—XX вв., хотя и не в форме связного, последовательного изложения, а в виде серии «моментальных картин». Но такое изображение вполне искупает свою отрывочность непосредственностью и непредвзятостью, свойственными очевидцу и невозможными для историка, умудренного опытом последующих событий.

Расположенная на стыке трех материков, Аравия издавна была связана с районами, где возникали и развивались древнейшие человеческие цивилизации, — с Египтом и Месопотамией. Она служила соединительным звеном в общении областей Средиземноморья с Восточной Африкой и Индией, а через нее — и с Китаем. Поэтому первые письменные известия об Аравии появляются в других странах очень рано, уже в середине II тысячелетия до н. э. С этих известий и начинаются материалы по «открытию Аравии».

В самой Аравии, в ее южной и особенно юго-западной части, где природные условия благоприятствуют развитию орошаемого земледелия, примерно в это же время возникают собственная культура и государственность, быстро достигающие высокого уровня развития, не уступающего уровню развития стран Средиземноморья в этот же период. Плавания древних египтян и финикийцев, походы вавилонского царя Набонида и Неарха, флотоводца Александра Македонского, показывают неразрывную связь истории Аравии с историей стран Средиземноморья.

В эллинистическо-римский период эти связи становятся все более оживленными и интенсивными. Благовония Южной Аравии и пряности стран Индийского океана становятся важнейшим предметом международной торговли; торговый путь из Аравии даже получает название Дороги благовоний. Экономические потребности стимулируют и научное изучение: в этот период создается подробная карта Аравии, составленная Птолемеем около 150 г. н. э. (эта карта была заменена лучшей только спустя полторы тысячи лет), и своеобразная «лоция», торговый и навигационный справочник по Красному морю и Индийскому океану, анонимный «Перипл Эритрейского моря». Составленный, по-видимому, еще в I в. н. э., он переписывался и редактировался на протяжении почти двухсот лет, что лучше всего говорит о необходимости и популярности этого сочинения.

В начале VII в. н. э. произошел решительный перелом в истории Аравии: с возникновением ислама и образованием Арабского халифата страна превратилась в политический и идеологический центр мировой державы, простиравшейся от Атлантического океана до границ Китая. Правда, политический центр халифата довольно быстро переместился в Дамаск, а затем в Багдад, но еще долгое время города Центральной Аравии сохраняли значение культурных и идеологических центров мусульманского мира. Мекка и Медина до сих пор остаются религиозными центрами, священными городами, запретными для «неверных» (немусульман). Современное шоссе из Джидды в Эр-Рияд, столицу Саудовской Аравии, по которому проносятся машины новейших марок, имеет даже специальную объездную ветку, идущую в обход «священных городов».

Развитие науки в Арабском халифате, продолжавшей традиции античной науки, очень сильно способствовало географическому изучению Аравии. Уроженец и патриот Йемена аль-Хасан аль-Хамдани (ум. в первой половине X в.) составил не только подробнейшее географическое описание Аравийского полуострова, но и специальную книгу, посвященную археологическим и архитектурным памятникам древней Аравии. По-видимому, это сочинение является вообще первым в мире трудом по археологии. По количеству и детальности сведений сочинения аль-Хамдани до сих пор остаются непревзойденными.

Однако все эти достижения арабской науки оставались неизвестными Европе. Кроме того, европейские народы, погруженные во тьму средневековья, утратили даже те сведения об Аравии, которые имели древние греки и римляне.

В период Великих географических открытий изучение Аравии пришлось начинать заново, с нуля. Поэтому само понятие «открытие» Аравии можно принять и употреблять лишь применительно к европейской науке.

Аравия стала предметом географического исследования со стороны европейцев уже в начале эпохи Великих географических открытий. В конце XVI в., как только Васко да Гама открыл морской путь в Индию, португальские корабли вышли к южным берегам Аравии. Больше того, морская торговля между Индией и Южной Аравией стала опасным конкурентом для португальцев; они расправлялись с ней самыми жестокими средствами морского разбоя, пользуясь своим преимуществом в вооружении. Вскоре в Аравии появились опорные пункты португальцев, преимущественно в восточной части южного побережья, в Омане. Однако португальцы ставили своей задачей отнюдь не исследование Аравии, а борьбу с торговлей между Индией и Аравией, обеспечение монополии своей индийской торговли. Во внутренние районы Аравии они попадали лишь в качестве пленников. Несомненно, что и такие посещения давали им сведения о географии южных районов полуострова, но то же стремление к монополии заставляло португальцев держать эти сведения в секрете. Поэтому их деятельность не принесла почти никаких научных результатов.

Более полезной оказалась деятельность их итальянских конкурентов, послужившая причиной путешествия Лодовико ди Вартема в 1503—1505 гг. Он первым из европейцев побывал в Мекке, посетил Медину, Аден и Сану и опубликовал описание своего путешествия, надолго оставшееся единственным источником для знакомства с Аравией в Европе.

На протяжении XVI и XVII вв. сведения об Аравии доставляли только пленники, попадавшие туда, сопровождая своих господ-мусульман при паломничестве в Мекку, либо купцы, пытавшиеся завязать торговлю с Йеменом и Хадрамаутом и иногда проникавшие для торговых переговоров с правителями и во внутренние области страны. Южная Аравия в этот период приобретает мировую славу как «страна кофе», единственная страна, где произрастало тогда кофейное дерево.

Среди путешественников этого времени выделяются немец И. Вильд (Вильден), посетивший в 1607 г. Мекку и опубликовавший описание этого путешествия, и голландец П. Ван ден Брок, неоднократно посещавший различные порты Южной Аравии и в 1616 г. совершивший путешествие из Мохи в Сану.

Заслуживает особого упоминания также путешествие Р. Паэса: иезуитский миссионер, направлявшийся в Эфиопию, в результате кораблекрушения попал в плен к арабам в Дофаре и совершил путешествие через весь Хадрамаут и Йемен, побывав в Марибе (где он первым из европейцев увидел памятники древней южноарабской культуры), Сане и Мохе. Он провел в плену пять с половиной лет (1589—1594) и оставил описание своих странствий, но опубликовано оно было лишь в начале XX в.

Только в 1761 г. в Аравию была послана первая научная экспедиция со специальной целью изучения страны. В нее входили востоковед Ф. Христиан, ботаник П. Форскол (ученик К. Линнея), врач и зоолог К. Крамер, художник Г. Бауренфайнд и географ К. Нибур. В 1765 г. вернулся только один из ее членов — К. Нибур. Экспедиция обследовала в основном Йемен, ее результатами были первые карты страны, превосходное описание ее растительности и очень подробный очерк политического положения Южной Аравии. Короче говоря, это был первый научный труд нового времени, посвященный географии Аравии. Он оказал громадное влияние на все дальнейшие исследования; читатель легко заметит это в описаниях последующих путешествий, помещенных ниже.

В XIX в. географическое исследование Аравии продолжалось более быстрым темпом. Уже к началу века относятся путешествия У. Зетцена (1806—1815), исследовавшего Северную, Центральную и Южную Аравию, от Синая до Мохи, и бесследно пропавшего в последнем путешествии. В 1831 г. Британская картографическая экспедиция начала составлять подробную карту побережья Красного моря; к 1843 г. эта работа была завершена описанием побережья Индийского океана.

Несмотря на трудности, вызванные политическими и особенно природными условиями, уже к концу XIX в. европейская наука добилась весьма значительных успехов в географическом исследовании Аравии: была установлена конфигурация страны и ее основных климатических районов, изучены хозяйство и характер населения. Лишь огромные территории пустыни Руб-эль-Хали оставались недоступными ученым. Проникнуть в эту пустыню удалось только после первой мировой войны, и только в 1949 г. В. Тезигер сумел пересечь ее в центральной части, разрешив последнюю из крупных загадок географии Аравии. Но и после этого осталось множество частных задач, большое число мест, никогда не посещенных исследователями, и неизвестных деталей рельефа. Только с помощью аэрофотосъемки удалось разрешить

и эти вопросы и завершить географическое исследование Аравии.

Историко-археологическое изучение шло параллельно с географическим. Не говоря о сведениях Р. Паэса, оставшихся во тьме архива, уже К. Нибур сообщал о памятниках древней культуры в Марибе, хотя только с чужих слов. Первые древние надписи обнаружил У. Зетцен во время своего последнего путешествия; он даже прислал в Европу копии пяти текстов, найденных в развалинах Зафара, древней химьяритской столицы. Однако это были небольшие обломки, довольно плохо скопированные, так что дешифровать их не удалось и до сих пор.

В 1834 г. офицеры британской картографической экспедиции Уэллстед, Круттенден и Халтон обнаружили на южном побережье Аравии, на мысе Хусн-эль-Гураб, руины древней крепости и несколько надписей, высеченных на скалах, в том числе один большой текст, сыгравший позднее важнейшую роль в изучении истории древнего Йемена. Надписи были опубликованы в том же году.

Древние надписи Южной Аравии написаны алфавитным письмом, близкородственным современному эфиопскому; поэтому дешифровка письменности не представила больших трудностей, хотя можно назвать курьезную попытку Ч. Форстера считать большую строительную надпись из Хусн-эль-Гураба оригиналом арабской поэмы, которую приводит автор XIII в. Нувейри, выдавая ее за древнее сочинение, написанное на стене замка химьяритских царей.

Открытие древних надписей вызвало большой интерес. Французский консул в Джидде Ф. Френель, уже ранее известный трудами по древней истории Аравии, написанными на материалах античных и средневековых арабских авторов, убедил француза Т. Арно, фармацевта египетского полка, стоявшего в Джидде, совершить путешествие в Мариб в поисках древних надписей. Поездка, предпринятая Арно в 1843 г., несмотря на значительные трудности и опасности, завершилась блестящим успехом. Он посетил Мариб, исследовал знаменитую Марибскую плотину и обнаружил руины второго важнейшего города Сабейского государства — городище Хариба (древний Сирвах). Арно привез копии нескольких десятков надписей, создавших основу для развития новой науки — сабеистики, изучающей язык, историю и культуру древней Южной Аравии. Уже в 1845 г. в «Азиатском журнале» в Париже были опубликованы путевые заметки Арно и работа Френеля, посвященная найденным надписям.

 Обогащению новой науки весьма способствовала коллек-

ния бронзовых табличек с надписями из Амрана, обнаруженных местными жителями и купленных английским полковником Когланом в Адене в начале 60-х годов.

В 1869 г. французская Академия надписей и изящных искусств отправила в Йемен молодого ученого-семитолога Ж. Халеви со специальной целью сбора и изучения древних надписей. Эта экспедиция явилась важнейшим этапом в изучении древнего Йемена. Чтобы получить возможность более свободного передвижения по стране, Ж. Халеви выдавал себя за йеменского еврея; его проводником стал медник и ювелир Хайим Хабшуш, еврей из Саны. Видимо, именно проводнику Халеви обязан тем, что смог объехать весь Йемен, посетить Наджран, многочисленные городища Джауфа, Мариб, Сирвах и множество других мест. Он скопировал почти 700 надписей, чуть не в десять раз больше того, что было известно до его путешествия, и открыл древнее государство Маин. Многие древние городища, обнаруженные Ж. Халеви, после него до сих пор не видел ни один исследователь. Впоследствии Халеви внес очень большой вклад в сабеистику публикацией надписей, их исследованием и многочисленными работами по языку и истории древней Южной Аравии.

Достижения Ж. Халеви превзошел лишь Э. Глазер, посвятивший всю жизнь сбору древних письменных памятников Йемена. Он совершил три больших путешествия в Южную Аравию (в 1882—1884, 1885—1886 и в 1892—1894 гг.), результатом которых явилось подробное географическое описание маршрутов и более 1800 древних надписей. Материалы Э. Глазера не полностью опубликованы и до сих пор, хотя они на протяжении более пятидесяти лет были предметом усиленного изучения и разработки.

Исследования Э. Глазера показали, что надписи, привезенные Ж. Халеви, в значительной мере были найдены и скопированы не самим Халеви, а кем-то другим; поэтому тексты, состоящие из одной-двух длинных строк, оказались разделенными на много коротких, отсутствовали точные указания места находки и т. п. Э. Глазер нашел и действительного автора копий — Хайима Хабшуша (которого Ж. Халеви даже не упомянул в своем отчете). По просьбе Э. Глазера Хабшуш составил описание своего путешествия.

Э. Глазер также широко пользовался помощью местных жителей; он обучал их делать эстампажи с надписей и получал таким образом материалы из тех мест, куда не мог проникнуть лично. Благодаря этому он стал обладателем эстампажей знаменитого маинского «Списка иеродул», надписей столицы Катабана Тимна, сабейского списка эпонимов

и многих других текстов. Этот вклад, внесенный в изучение древнего Йемена самими йеменцами, обычно замалчивается. Между тем о его значении говорит уже то, что оба величайших собирателя древних надписей Южной Аравии, Ж. Халеви и Э. Глазер, обязаны большей частью достижений своим йеменским сотрудникам и помощникам.

Примерно в это же время значительные эпиграфические открытия были сделаны и в Северной Аравии Ш. Юбером (1878—1882 и 1883—1884 гг.), скопировавшим большое число древних самудских надписей, и особенно Ю. Ойтингом, обследовавшим Эль-Улу — древний Дедан, оазис, где на протяжении всего I тысячелетия до н. э. существовали то самостоятельные государства с особой письменностью (деданский и лихьянский алфавиты), то большая торговая колония Маина. Большое значение для изучения древних памятников Северной Аравии имели три путешествия А. Жоссена и Р. Савиньяка в Северный Хиджаз, оазис Тайма и Дедан (1907—1910 гг.).

Путешествия Э. Глазера закончили эпоху великих собирателей южноарабских надписей. Хотя и много позднее путешествия иногда приносили очень значительные и важные материалы (так, египетский археолог А. Фахри в 1947 г. обнаружил более 120 неизвестных надписей, бельгийский геолог Ф. Гекен в 1955 г. — почти столько же, советский арабист П. А. Грязневич в 1965 г. — более 50), но удельный вес новых находок в общей массе материала все время снижается, и они играют сейчас лишь второстепенную роль. Впрочем, возможности собирания материала даже самой первостепенной важности еще далеко не исчерпаны. Достаточно сказать, что до сих пор ни один исследователь не смог побывать на территории Авсана, одного из четырех крупнейших государств древней Южной Аравии.

Приток новых надписей продолжается. Благодаря тому что в Йемене до настоящего времени в строительстве часто используется тесаный камень старых построек, для чего разбирают руины древних плотин и зданий, в ряде случаев новые, неизвестные надписи обнаруживаются в уже хорошо изученных местах. Сбор надписей остается важнейшей задачей науки и обязанностью каждого культурного человека, который попадает в страны Южной Аравии.

В XX в. резко возросли требования науки к изучаемому материалу: сейчас ученому уже недостаточно иметь текст письменного памятника, требуется знать также характер письма, точное место находки, окружение памятника и т. п. В ряде случаев эти дополнительные данные могут оказаться гораздо важнее, чем сам текст. Поэтому на оче-

редь встал новый этап исследования — этап археологических раскопок.

Напротив, в изучении древней Северной Аравии этап собирания материала продолжается до сих пор. Наибольшие заслуги в нем принадлежат Г. Филби, собравшему в своих многочисленных путешествиях несколько тысяч самудских граффити и большое число южноарабских надписей из Центральной Аравии. Важнейшим этапом здесь была экспедиция Г. Рикманса — Г. Филби зимой 1951/52 г., проделавшая путь от Джидды до Наджрана и оттуда в Эр-Рияд; при этом было обнаружено около девяти тысяч самудских граффити (тогда как до этого было известно всего около трех тысяч) и три тысячи химьяритских. Интересный источник представляют и наскальные рисунки — петроглифы, сотнями покрывающие скалы Центральной Аравии и охватывающие время с VI тысячелетия до н. э.

Первая попытка археологической экспедиции в Йемен была предпринята еще в конце прошлого века: в 1898 г. в Южную Аравию направилась экспедиция Венской Академии наук. Различные неожиданные обстоятельства помешали ей проникнуть в глубь страны и произвести раскопки, но она достигла очень больших результатов в изучении диалектов южного побережья Аравии и острова Сокотра; выяснилось, что эти диалекты родственны языку древних надписей Южной Аравии, а не «классическому» арабскому языку.

Следующая попытка раскопок была произведена через тридцать лет, в 1927—1928 гг., в Эль-Хукке, севернее Саны; читатель найдет ниже описание этих раскопок. Еще через 10 лет, в 1938 г., три англичанки, Гертруда Кэтон-Томпсон, Эва Гарднер и Фрейя Старк, провели раскопки в Хурайде, в Хадрамауте, исследовав небольшой храм, посвященный богу Луны Сину. Превосходное издание результатов этих раскопок до сих пор представляет собой основу археологии Южной Аравии.

В 1950 г. начал свою деятельность в Южной Аравии американский «Фонд по изучению человека». В первые годы были проведены крупные раскопки в Тимна, столице древнего Катабана (1950—1951 гг.), и в столице Сабы Марибе (1952 г.), где объектом раскопок стал самый крупный и значительный из сабейских храмов — Аввам, храм бога Луны Альмакаха.

Раскопки американской экспедиции принесли очень большое количество новых надписей и предметов искусства, в том числе великолепные образцы бронзовой скульптуры, и составили эпоху в изучении древней Южной Аравии. Но собственно археологический материал, который позволил бы устано-

вить стратиграфию памятников, их относительную и абсолютную датировку, археологический контекст и т. п., оказался незначительным. Так, раскопки в Марибе пришлось внезапно прервать, потому что у экспедиции возникли раздоры с администрацией города; часть документации была оставлена при поспешном бегстве из Мариба. Вероятно, поэтому раскопки не вскрыли наиболее ранних слоев и не установили дату постройки храма. Но этим нельзя объяснить, почему для найденных надписей неизвестно ни взаимное расположение, ни глубина находки, ни точное место в храме. Практически об этих надписях известно столь же немного, сколько и о текстах, обнаруженных случайно. Точно так же публикация надписей и вещей с могильника Тимна, очень подробная и роскошно изданная, не позволяет даже установить инвентарь хотя бы одной погребальной камеры. По-видимому, увлеченные богатством открывшегося материала, археологи забыли о правилах научных раскопок и превратились в кладоискателей. Впрочем, специальные стратиграфические раскопки, проведенные в Тимна, до сих пор не опубликованы.

Дальнейшая деятельность «Фонда по изучению человека» ведется в меньших масштабах и на окраинах ареала южноарабской культуры: проведены раскопки в Дофаре, в Хор-Рури (Оман), в Салале и археологическая разведка в вади Хадрамаут. Но до сих пор о них известно лишь по предварительным сообщениям.

Таким образом, археологическое изучение Аравии, несмотря на его очевидную необходимость, находится еще на стадии зарождения. Раскопан и опубликован по-настоящему только один незначительный памятник — храм Сина в Хурайде. Соответственно и изучение древней Южной Аравии находится на том этапе, на котором находилось изучение истории древнего Востока в период первых раскопок, т. е. почти сто лет назад, когда были еще практически неизвестны такие могущественные государства, как Хеттская держава или Митанни. Между тем уже обнаруженные вещи свидетельствуют, что археологические раскопки в Йемене обещают первостепенный материал в отношении как памятников искусства, и прежде всего бронзовой скульптуры, чрезвычайно распространенной в Южной Аравии, так и письменных памятников. Климатические условия Йемена заставляют ожидать находки не только надписей на камне и бронзе, но и литературных памятников, которые писались на коже и пергаменте, на дереве и пальмовых листьях.

Уже сейчас надписи из Южной Аравии стали важнейшим
 источником сведений по истории Эфиопии и Центральной

Аравии; в дальнейшем можно найти в них богатый материал по истории народов Восточной Африки, Индии и Индонезии, может быть, даже и стран Ближнего Востока. Поэтому организация систематических, планомерных раскопок в Южной Аравии становится важнейшей задачей науки.

Остается показать только одну, последнюю сторону материалов по истории открытия Аравии — их важность для понимания самих «открывателей», их духа и психологии. Внимательный читатель легко заметит средневековую религиозную ограниченность европейских путешественников XVI—XVIII вв., когда многочисленные тирады о «фанатизме» жителей Аравии, снисходительное пренебрежение к «нелепым формальностям» мусульманских обрядов лишь маскируют собственную христианскую ограниченность (большей частью даже не замечаемую автором), собственный христианский фанатизм. Яркие примеры этого дают сочинения Вреде и Мальцана.

Позднее, уже в XIX—XX вв., ярко проступают у некоторых авторов колониальная ограниченность, пренебрежение к бедности и отсталости жителей Аравии, хотя главнейшей причиной этой отсталости был колониальный гнет, проявившийся особенно ярко на южном побережье Аравии, где он принял форму открытого морского разбоя, при помощи которого португальцы (а позднее и англичане) ликвидировали морскую торговлю Аравии с Индией и Восточной Африкой.

Интересно отметить, что в тех случаях, когда путешественником движут серьезные научные интересы, когда его одушевляет стремление к познанию, это пренебрежение исчезает уступая место дружелюбному, истинно человечному отношению. Еще в начале XIX в. этим выделяется записка Э. Ботта. В конце XIX—XX в. такое отношение проявляется в работах Э. Глазера, Г. Филби, Г. фон Виссмана и других путешественников. Особенно выделяется в этом смысле В. Тезигер, совершивший свое труднейшее путешествие через Руб-эль-Хали с небольшой группой бедуинов как один из них, как равноправный член группы. Совместные опасности, испытания и лишения сблизили его со спутниками и вылились в строки, проникнутые любовью и благодарностью к ним.

В 60-х годах XX в. Аравия вступила в новый этап исторического развития; он характеризуется не только ростом добычи нефти и распространением автомобильного транспорта,

подрывающими кочевое хозяйство, о чем пишет и Г. фон Виссман в своем «Введении». Более важно свержение феодально-монархического режима в Йемене и английского колониального гнета в Адене и Хадрамауте, образование Народной Демократической Республики Йемен. Народы стран Аравийского полуострова вступают на путь независимого национального развития, на путь социальных преобразований. Материалы по истории открытия Аравии покажут читателю условия, в которых начинается этот процесс.

А. Лундин

ВВЕДЕНИЕ

Аравийский полуостров вклинивается между Евразийским и Африканским континентами в виде слабо расчлененного массива. Красное море отделяет его от Африки, а Персидский залив — от Ирана. Северную границу образует Евфрат, излучина которого проходит вблизи впадающего в Средиземное море Оронта. Таким образом, Аравия оказывается как бы островом — Джазират-аль-Араб (Остров арабов).

Аравия расположена на широте Сахары. Ее внутренние районы составляют продолжение пояса пустынь, простирающегося на другом берегу Красного моря и далее за Нилом. Руб-эль-Хали — Пустынная четверть — величайшая песчаная пустыня на земле. На севере Аравия граничит со странами древнейших высокоразвитых цивилизаций — речными оазисами Месопотамии и Египта, а между ними — с богатой дождями Сирией, омываемой водами Средиземного моря. Палестинский Иерихон — один из древнейших укрепленных городов, известных нам по археологическим раскопкам. На север Аравии со Средиземноморского побережья проникают зимние дожди, а ее гористые южные районы попадают в зону летних муссонов. Нагорья тянутся по восточному побережью Красного моря от Иордании до Йемена и далее вдоль берега Индийского океана через Хадрамаут до Дофара. Изолированно расположена маленькая горная страна Оман. К югу от Иордании дожди выпадают только в горах. Они сравнительно обильны в возвышенном массиве, начинающемся к востоку от Мекки и достигающем в своих йеменских отрогах максимальной ширины и высоты (более 3000 м). Прибрежные низменности, особенно вдоль Красного моря, представляют собой пустыню, где отсутствие дождей и сильная жара совмещаются с высокой влажностью. Их климат в отличие от климата сухих пустынь внутренних областей переносится жителями плоскогорий с большим трудом. Юго-западные нагорья — Асир, Йемен и Хадрамаут — имеют оседлое, по большей части густое население. К северу же от Мекки сравнительно менее высокий хребет перерезается гигантскими вулканическими районами позднего происхождения, здесь простираются лавовые поля, испещренные кое-где еще действующими конусами из пепла. Безотрадный пейзаж! Среди такого ландшафта располагается колодезный оазис Медина,

2 Зак. 186

ранее называвшийся Ясриб, а к северу от него — библейский Дедан (современный городок Эль-Ула), имевший большое значение в древности. К северной оконечности лавовых полей с запада примыкает горная страна Мидиан. В настоящее время она населена кочевниками; ранее же (как и ныне в лежащей к северу от Мидиана Иордании) население здесь было оседлым. Внутренние области Аравии приблизительно наполовину состоят из солончаковых и песчаных пустынь, остальная же их территория занята скалистой и гравийной степью. От пустыни Нефуд на севере до песков Пустынной четверти на юге через степь тянется склоняющийся к западу известковый уступ длиной 1300 км. Этот уступ, носящий название Джабаль-Тувайк, имеет тот же геологический возраст, что и южнонемецкий Альб. Карстовые источники и колодцы, разбросанные в пределах этой плиты, исстари служили вехами на караванных путях, соединяющих оседлое население Южной Аравии с Месопотамией. Другая караванная дорога, ведущая из Южной Аравии к Средиземному морю и в Египет, пролегала вдоль западных прибрежных гор. Природные условия, таким образом, в известной степени определяли эти два основных пути, которые, пересекая пустыни Центральной Аравии, связывали оседлое население южных плоскогорий с древними цивилизациями севера. Восточный путь проходил через карстовые оазисы Хагар и Герры (нынешние Эль-Хуфуф [1] и Эль-Катиф). Выйдя у Герр на побережье Персидского залива, этот путь несколько отклонялся к востоку и захватывал нынешний остров Бахрейн — древний Дильмун, — где также встречаются большие выходы карстовых вод. Бахрейн с III тысячелетия до н. э. служил важным перевалочным пунктом на морских путях из Месопотамии в Индию. Эти две дороги в Южную Аравию — северо-западная (через Дедан, Ясриб и оазис Биша) и северо-восточная (из Герр через Хагар и артезианские колодцы Эль-Хардж и Эль-Афладж) — встречались в Наджране, самом северном из группы оазисов на восточных склонах южноаравийского плоскогорья. Они вместе продолжались в южном направлении, чтобы затем снова разделиться, направляясь одна — к речным оазисам Маину и Марибу (столице Сабы), другая — на юго-восток, к оазису Шабва — столице страны благовоний Хадрамаута, расположенной на крайнем северо-западе этого государства. Маин, Мариб и Шабва лежали друг против друга на южной оконечности большой южно-аравийской пустыни.

В правление царицы Хатшепсут (около 1495 г. до н. э. [2]) из Египта были отправлены корабли в издревле прославленный Пунт, чтобы доставить оттуда священные благовония.

Описание этой экспедиции, сохранившееся в памятниках Дейр-эль-Бахри, включает и изображения туземного населения, которое по внешним признакам следует отнести к восточной ветви средиземноморской расы. Эта ветвь, говорившая на семитских языках, по-видимому, имела своей родиной Северную Аравию. Властители Пунта носили семитские имена. Здесь в изобилии добывались ценнейшие ароматические вещества. Их родиной служили знойные склоны гор, тянущихся по обоим берегам Аденского залива (Сомали, Хадрамаут и особенно Дофар).

Главные области страны Пунт, как можно заключить из упомянутых расовых и языковых признаков, находились на аравийской стороне залива [3].

Расовый состав современного населения Южной Аравии указывает на то, что переселенцы прибыли сюда с дальнего севера, возможно еще в период переселения народов во II тысячелетии до н. э. В. Ф. Олбрайт полагает, что цивилизация Южной Аравии восходит к периоду вторжения северных племен, имевшему место примерно в XV столетии до н. э.

Гора Хореб, или Синай, к которой около 1290 г. до н. э. направились из египетского рабства предводительствуемые Моисеем еврейские племена, по-видимому, находилась не на Синайском полуострове, а в стране Мидиан, где жил мудрый священник Йетро *, тесть Моисея. Некоторые данные позволяют предположить, что восточные города Мидиана располагались у подножия действующих вулканов на крайнем севере аравийской вулканической области. Внезапное извержение одного из вулканов могло немало способствовать божественным видениям Моисея и глубокому потрясению сознания израильтян.

Разведение одногорбого верблюда, вначале практиковавшееся только в Аравии, началось не позднее XIII столетия до н. э. В пользу этого свидетельствует сообщение Библии о вторжении в Палестину мидианитов, среди которых находился отряд верблюжьей кавалерии. Это вторжение произошло в середине XI столетия до н. э., т. е. в начале железного века. Упомянутое библейское известие (Кн. Судей VI—VIII) является первым свидетельством о разведении верблюдов.

Цементный раствор, изобретенный в Сирии около 1200 г. до н. э., примерно в это же время проникает и в Южную Аравию. Его появление позволило приступить к сооружению плотин и водохранилищ, от которых зависело существование оазисов во внутренних долинах страны, в первую очередь Мариба и Шабвы. Укрепление этих оазисов и покорение земледельческих горных областей сопровождались возникновением Сабейского государства, которое вскоре подчинило почти

все плоскогорье. Рассказ о посещении Соломона (965—928 гг. до н. э.) «царицей» Савской показывает, что уже в это время процветало караванное сообщение между Южной Аравией и Средиземноморским побережьем [4]. С тех пор в течение семи столетий провозились на север южноаравийские благовония, мирра и золото, а также ценнейшие товары из Индии. В обратном направлении следовали ткани, предметы искусства, изделия из железа и различные новинки тогдашнего производства. Этой Дороге благовоний, однако, уже в то время приходилось выдерживать конкуренцию с навигацией по Красному морю. Действительно, в тесной связи с сухопутной поездкой «царицы» Савской сообщается и о морской экспедиции, организованной финикийцами и Соломоном в страну золота Офир. Учеными уже приводились доказательства, что Офир был расположен на западном побережье Аравии — в Асире; я могу добавить к ним новые доводы (см. с. 50—52).

Саба основала на Эфиопском нагорье подчиненные ей колонии переселенцев. Это произошло в начале I тысячелетия до н. э., однако более точную дату установить невозможно. В. Ф. Олбрайт полагает, что это была эпоха Соломона (т. е. для Египта период после падения Нового царства). Так Эфиопия включилась в круг высокоцивилизованных государств. В эпоху этой колонизации Саба, как следует полагать, владела всеми территориями на южном берегу Красного моря. В книге Иезекииля (XXVII, 19) мы находим упоминание корицы как «продукта» из Узала в Южной Аравии, что указывает на раннее возникновение мореплавания между Южной Аравией и страной корицы — Индией (VI или V столетие до н. э.) [5].

По мнению А. Г. Лундина, в течение примерно половины тысячелетия могущественным Сабейским государством управляли властители, происходившие из одного знатного рода. Они называли себя мукаррибами *, что можно приблизительно перевести как «жрец-правитель», и состояли в тесной связи с местными храмами [6]. Три официальных божества — бог утренней звезды Астар, бог Луны Альмаках и богиня Солнца, представляемая в двух воплощениях, — были введены также и в колонизированной Эфиопии. Зависимые от Сабы южноаравийские государства имели собственных лунных божеств: Хадрамаут — Сина, Катабан — Амма, Маин — Вадда, которые, однако, появляются в надписях лишь к концу периода мукаррибов. В 715 г. до н. э. один из сабейских правителей, Йиса'амар, посылает подарки ассирийскому царю Саргону. Аналогичным образом в 685 г. до н. э. Сеннахерибу посылаются дары сабейским властителем Кариб'илем. От

этого времени до нас дошли городские стены с мощными воротами и прямоугольный храм с незатейливыми колоннами и архитравом. Колонны и архитравы иногда украшались надписями. Надписи высекались на камне красивым письмом, насчитывающим двадцать девять знаков, передающих согласные. Этот алфавит является ответвлением ханаанско-финикийского письма. Южноарабские колонисты перенесли свой язык и письмо и в Эфиопию; в дальнейшем из них развились современные язык и письмо этой страны. Видимо, к значительно более раннему времени относятся два обширных храмовых сооружения овальной формы. Из них особенно примечательно храмовое сооружение Аввам в Марибском оазисе, которое было посвящено богу Луны Альмакаху. Пространство двора окружено стеной, облицованной тщательно вытесанными каменными блоками. Толщина стены по верху — 3,5 м. Продольная и поперечная оси двора достигают соответственно 100 и 75 м. Аналогичные храмовые сооружения овальной формы известны для III тысячелетия до н. э. также в Бахрейне и Месопотамии (Громанн). В VII столетии до н. э. в одну из продольных стен Аввама встроили прямоугольное входное святилище, в котором помещался большой бронзовый бассейн, напоминающий «медное море» Иерусалимского храма. Это входное святилище было заложено Йада''илем Зарихом, известным своими храмовыми постройками[7]. Около 200 г. до н. э. входной храм был расширен и перед ним соорудили пропилеи из восьми монолитных колонн высотой 7,5 м, перекрытых архитравом. Вплоть до этого времени в Южной Аравии еще сохранялись древнейшие формы в архитектуре и геометрическом орнаменте.

По мнению В. Ф. Олбрайта, есть основания полагать, что халдеи до завоевания ими Вавилона (625 г. до н. э.) создали морское государство с центром в Омане и были тогда соседями Сабы и Вавилона.

После того как Навуходоносор покорил Тир и Иерусалим, все караванные пути из Сабы заканчивались в пределах Вавилонской империи. Царь Набонид покинул Вавилон, доверив власть своему сыну, и избрал своей резиденцией оазис Тайма, отделенный от Месопотамии североаравийскими пустынями. В Тайме Набонид построил себе крепость, откуда он совершал нападения и подчинил Дорогу благовоний, Дедан и Ясриб (позднее Медина). Впоследствии Вавилон был завоеван Киром (538 г. до н. э.), а новосозданная Персидская империя распростерлась вплоть до южных районов Аравийского полуострова. Выполняя поручение Дария, Скилак отправился из устья Инда и совершил плавание вокруг Аравийского полуострова (около 518—516 гг. до н. э.). Так было

установлено морское сообщение вдоль берегов Южной Аравии. Конечным пунктом его служила Персия, началом же канал между Нилом и Красным морем, прорытый специально для этой цели[8]. В то время в Южной Аравии, видимо, еще существовало единое Сабейское государство, но его связи с Эфиопией были уже несколько ослаблены.

Возникновение греко-сабейских торговых отношений восходит, как следует полагать, к тому времени, когда Милет, сильнейший город Ионии (сабейский Yawan), основал в дельте Нила колонию Навкратис (VI в. до н. э.). Аристофан в «Птицах» (144 сл.) упоминает город Эвдемон на побережье Индийского океана, под которым, возможно, подразумевался Аден (ср. с. 66, 68). Примерно в конце V столетия до н. э., т. е. в тот период, когда Афины утратили свою главенствующую роль, Сабейское государство мукаррибов распалось. Последний мукарриб Сабы в монументальной надписи сообщает об ожесточенных внутренних войнах, предшествовавших этой катастрофе[9]. С этого времени в Южной Аравии образовались четыре царства: на севере — Маин с недавно построенной столицей Қарнаву, затем — Саба со столицей в Марибе, далее к югу — Қатабан с главным городом Тумна (или Тимна) и, наконец, на востоке — Хадрамаут со столицей Шабва[10]. Оазисы столичных городов лежали поблизости друг от друга на южной оконечности пустыни. Согласно относящимся к более позднему периоду данным Эратосфена (около 273—192 гг. до н. э., Страбон XVI, 4, 2—3), все четыре государства имели выход к морскому побережью.

Примерно в середине IV столетия до н. э. Қатабанское царство после победоносной войны с Сабой подчинило себе всю юго-западную оконечность Аравии (наскальная надпись RES 3858), так что Баб-эль-Мандебский пролив оказался под катабанским господством. Саба была ослаблена наметившимися партикуляристскими тенденциями.

В 323 г. до н. э. Александр Великий, намереваясь приступить к завоеванию Аравии, отправил из Египта флот во главе с Анаксикратом, поручив ему обследовать южноаравийское побережье. Этот флот достиг, надо полагать, страны благовоний Дофара. Основываясь на сообщениях мореплавателей, Теофраст называет четыре страны на южноаравийском побережье, но при этом вместо Маина он упоминает Мамали. Это Мамали соответствует стране золотых копей Ма'мали (у Плиния — Мармаль или Мермель). Ранее она называлась Офир, ныне же — Асир. Еще и по сей день в Асире слово ma'mal означает «копи». Вероятно, эта область принадлежала Маину — самому северному из четырех госу-

дарств. Значительные участки Дороги благовоний также попали под господство маинцев. Последние превратили в свою колонию расположенный к северу от Ясриба Дедан с окружающей его областью. До нас дошли также надписи маинских купцов из греческого торгового центра на Делосе и из Гизе в Египте от времени Птолемеев[11]. Служительницы, посвящавшиеся главному храму маинской столицы, происходили из далеких стран, связанных с Маином торговыми отношениями. Дошедший до нас список называет восемь служительниц из Египта, двадцать семь из палестинского порта Газа, куда караваны доставляли товары по Дороге благовоний, девять из Дедана, двух из Ясриба (Медина), одну из Явана (Иония) и т. д.[12]. В III столетии до н. э. каравану требовалось семьдесят дней, чтобы покрыть путь от нынешней Акабы (Южная Палестина) до Маина (Страбон XV, 4, 4; сведения Эратосфена). Во II столетии до н. э. Катабан настолько усилился, что смог принуждать караваны, шедшие из страны благовоний Хадрамаута, отклоняться от основного пути в сторону столицы Катабана Тумна. На покрытие пути от Тумна до средиземноморской Газы караванам требовалось только шестьдесят пять дневных переходов. Однако удорожание товаров вследствие уплаты податей и таможенных сборов стало весьма чувствительным (Плиний XII, 63 и сл.).

В правление Птолемея II (285—246 гг. до н. э.) египетское мореплавание по Красному морю вступило в полосу расцвета[13]. На Красноморском побережье, у южных границ Египта, был построен новый порт — Береника. От нильского города Коптоса к нему провели дорогу со специально оборудованными остановочными пунктами. Для обеспечения сообщения по этой дороге из Аравии были доставлены верблюды и погонщики[14]. Это явилось началом распространения в Африке верблюда в качестве верхового и вьючного животного. (Ранее верблюды в Африке не были известны[15].) Птолемей II оккупировал эфиопское побережье Красного моря[16]. Эфиопское нагорье оказалось отрезанным от Сабы, и при наследниках Птолемея II здесь наряду с изначальной сабейской цивилизацией распространились греческие язык и культура. Однако дорога через Баб-эль-Мандеб по-прежнему блокировалась Катабаном.

Я полагаю, что Маинское государство в середине I столетия до н. э. было покорено Сабой. Саба также отвоевала у Катабана побережье Красного моря до Баб-эль-Мандеба. Вслед за этим племя химьяр, обитавшее в горных и прибрежных областях, известных добываемой там миррой, сбросило власть Катабана и захватило катабанское побережье

Индийского океана и хадрамаутский порт Кана[17]. Со 115 г. до н. э. отсчет времени ведется по новой — химьяритской — эре. Обращает на себя внимание то, что открытие прямого морского сообщения из Египта в Индию мореплавателем Евдоксом приходится примерно на это же время. Но все же Аден и в дальнейшем сохранил свое значение как перевалочный порт.

Рассказы о богатстве, инертности и устарелом оружии сабейцев, которые мы находим, в частности, у Агатархида, не могли не побудить властителей Египта к нападению на Сабу. Воздействие этих сведений усиливалось с ростом числа кораблей, направлявшихся в Индию и делавших промежуточные остановки в Южной Аравии. Страбон (XVII, 1, 13) так описывает условия мореплавания во времена Августа: «Прежде едва двадцать кораблей осмеливались проплыть Аравийский залив, чтобы выйти за пределы Пролива. Теперь отправляются большие флоты даже до Индии и оконечностей Эфиопии». Какие-либо затруднения, причиненные кораблям сабейцами, или просьба Химьяра о помощи могли способствовать организации Римом военного похода против Сабы. Это предприятие было поручено Элию Галлу. В 25—24 гг. до н. э. он выступил из Левке Коме (Янбо) — крайнего южного порта набатейских союзников римлян[18]. Галл продвинулся в южном направлении вплоть до самого Мариба, но у его ворот потерпел неудачу, вызывающую ассоциации с походом Наполеона на Москву (см. с. 57 и сл.). По-видимому, этот поход привел к ослаблению Сабы в ее борьбе с Химьяром, и последнему удалось расширить свою территорию за счет сабейских земель в горах и на побережье Красного моря.

Муза, лежавшая несколько севернее, чем возникшая позднее Моха, стала одним из главных портов Химьяра. В горных отрогах, на высоте почти 3000 м над уровнем моря, химьяриты построили царский замок Райдан, а под его защитой — столицу государства Зафар (Плиний VI, 104; время Нерона). Римские корабли, направлявшиеся в Индию, на всем пути от Египта до места назначения приставали теперь к берегу только один раз, в основном чтобы набрать воды. Остановка делалась в химьяритском порту Окелисе (в Баб-эль-Мандебе) или же в отличной хадрамаутской гавани Кане (Кана). Римские торговые колонии в Южной Индии процветали (раскопки в Арикамеду), а римские деньги потекли в Индию как оплата за предметы роскоши. Для поездки из Южного Египта в Окелис или Кане требовалось около тридцати дней. Затем с попутным южным муссоном за сорок дней добирались через Индийский океан до Южной Индии. Сухопутные же дороги из Римской империи в Индию

через Месопотамию и Иран были закрыты враждебным Риму Парфянским государством.

Сабейское и Химьяритское государства вели друг с другом ожесточенную борьбу. Каждая из сторон пыталась подчинить себе противника. Бо́льшая по размерам Саба была ослаблена внутренними войнами: на плоскогорье к западу от Саны выступила новая династия, противопоставившая себя традиционной династии в Марибе. В этот же период в Эфиопии сложилось сильное государство с двумя официальными языками — эфиопским и греческим. После отделения Эфиопии от прародины эфиопский язык и письмо все больше отдалялись от сабейского. Столица государства Аксум находилась на североэфиопском плоскогорье, а главный порт страны Адулис — вблизи нынешнего Массауа. В начале II столетия н. э. Эфиопия стала морской державой. Она распространила свою власть в северном направлении, завоевав побережье Красного моря до границы с Египтом, и утвердилась также на аравийском берегу к северу от расшатанного Сабейского государства — от Мамали (Офир) до границ римских вассалов, крайним южным портом которых был Левке Коме (Янбо) [19]. Властитель Эфиопии с полным правом похвалялся, что благодаря этим завоеваниям он смог ликвидировать пиратство в Красном море. Так Эфиопия превратилась в аравийскую державу и начала вмешиваться в борьбу между четырьмя южноарабскими государствами. Эта полная войн эпоха (около 80—250 гг.) известна нам по многочисленным надписям. Ее начало ознаменовалось разрушением Тумна, а двумя поколениями позже (около 140 г.) последовало падение Катабанского государства, которое было завоевано Хадрамаутом.

В этот период Клавдий Птолемей получил весьма обстоятельное топографическое описание государства Хадрамаут, которое уже включало Катабан с зависимыми от него территориями и находилось на вершине своего могущества (около 150 г. н. э.). Эти сведения, по всей вероятности, были сообщены Птолемею римским послом при дворе союзного царя в Шабве.

Арабская верблюжья кавалерия усовершенствовалась в частых войнах между Римом и Парфянским государством, в которых арабские всадники участвовали в качестве наемников на той и другой стороне. Для езды на верблюдах стали применять седла нового типа. Этот традиционный для арабов вид войск был теперь усилен конницей. На верблюдах преодолевались большие расстояния по пустыне; лошади же использовались для внезапных нападений. Лошади и новое оружие появились и в Южной Аравии. Посредником при пе-

редаче послужило государство племени кинда, возникшее в Центральной Аравии в I в. до н. э., со столицей у карстового источника Эль-Афладж. Появление отрядов кочевников сделало внутренние войны еще более тяжелыми и кровопролитными. Наибольшая опасность угрожала столицам южноарабских государств, расположенным вблизи пустыни. Кочевые наемники с севера приобрели большое влияние и силу.

Приблизительно со 170 по 215 г. Эфиопия удерживала под своей властью низменность вдоль Красноморского побережья, к северу от Баб-эль-Мандеба. Эфиопы проникли и в горные районы и достигли химьяритской столицы Зафара. Однако в это время Химьяр находился в зависимости от Сабы, и оба государства сумели совместными усилиями отразить нападение. Вскоре после этого химьяриты распространили свою власть на Мариб, но были изгнаны новой сабейской династией, появившейся среди горных племен. Около 220 г. н. э. в Химьяре правил Кариб'ил, ведший войну с Сабой. Царем Хадрамаута в это время был Ил'азз. Эти имена мы находим и в «Перипле Эритрейского моря» — греческом навигационном справочнике по Индийскому океану. В греческой передаче они звучат «Харибаел» и «Элеазос». Этот синхронизм является одной из причин, позволяющих датировать последнюю из дошедших до нас редакций «Перипла» периодом около 220 г. н. э. (ср. с. 64—65) [20]. Около 230 г. Химьяр заключил с Хадрамаутом союзный договор, по-видимому направленный против Сабы. Благодаря этому союзу Химьяру удалось завоевать Сабу (между 250 и 265 гг.). С этого времени химьяритская династия царствовала одновременно в Зафаре с его замком Райдан и в Марибе, где также находился замок, именовавшийся Сальхин.

Со времени Августа южноарабская культура и искусство начали испытывать сильное воздействие греко-римской античности. Однако храмовая архитектура и религиозное искусство в первые века нашей эры еще во многом сохраняли своеобразие. Появились восьмигранные колонны, но их кубообразные капители украшались традиционным геометрическим орнаментом, имевшим, надо полагать, символический смысл. Привозные римские художественные изделия оказывали влияние на светскую скульптуру. В дальнейшем, со II столетия н. э., Южная Аравия все больше и больше включается в мир средиземноморского и иранского искусства

Предположительно в 80-х годах III в. н. э. царь химьяритов и сабейцев Шаммар Йухар'иш завоевал Хадрамаут. Шаммар состоял в тесной дружбе с центральноаравийским государством Кинда и вторгся с его территории в северо-восточную область Аравии, находившуюся тогда в вассальной

зависимости от Персии. Однако затем вся Центральная Аравия была завоевана североарабским вассалом императора Диоклетиана Мар'алкайсом. Последний продвинулся до Наджрана и оказался, таким образом, у самых границ южноаравийского государства Шаммара. Мар'алкайс изгнал киндитов и влиятельное кочевое племя мазхидж из Неджда и Эль-Афладжа. Эти племена бежали в Южную Аравию и расселились там, получив во владение большую область возделанной земли. С тех пор они составляли ядро сабейской конницы. При потомках Шаммара Химьяр снова утратил власть над Хадрамаутом. В этот период упадка Химьяра, совпадающий с эпохой Константина Великого (306—337), в Эфиопии правил известный по нескольким большим надписям царь 'Эзана, перешедший в христианство. В его титуле упоминаются не только эфиопские провинции, но также Химьяр и Саба. Это как будто указывает на то, что 'Эзана на какое-то время подчинил себе отдельные южноарабские области по другую сторону Баб-эль-Мандеба. При химьяритском царе Замар'али Йухабирре (около 340 г.) был вновь, и теперь уже надолго, завоеван Хадрамаут. Во время правления его сына Са'рана Йухан'има произошел прорыв построенной еще в древности гигантской плотины, с помощью которой регулировалась подача воды для орошения Марибского оазиса. К этому времени относятся последние посвящения сабейскому богу Луны Альмакаху в большом храме Аввам вблизи Мариба. Создается впечатление, что храм с этого времени был заброшен. Это могло быть следствием деятельности Теофила, обратившего химьяритского властителя в христианство. Теофил был послан с соответствующей миссией императором Констанцием II (337—361) и построил церкви в Зафаре и Адене. До нас дошла датированная христианская надпись из Зафара (378 г.), составленная от имени сына Са'рана — Малкикариба Йуха'мина. Последний царствовал в это время совместно с двумя своими сыновьями. Старший из них, Абукариб Ас'ад, стал, согласно преданию, величайшим из властителей Южной Аравии. Автор X в. аль-Хамдани написал о нем книгу, которая до нас, впрочем, не дошла. Еще в начале своего долгого правления Абукариб завоевал Центральную Аравию вплоть до земель, входивших в сферу влияния Рима и Персии, и, по-видимому, возвратил киндитам их прежнюю страну. Надпись, составленная от имени Абукариба и пяти его сыновей (428 г.) включает христианскую формулу обращения к богу. Сообщаемые преданием сведения, согласно которым Абукариб впоследствии перешел в иудейство, возможно, соответствуют истине, ибо его наследники действительно исповедовали

иудейскую веру (последнее обстоятельство установил Ж. Рикманс по формулам обращения к богу, встречающимся в надписях этого времени). В 450 г., при наследнике Абукариба, произошел новый прорыв плотины у города Мариба, утратившего к тому времени роль столицы государства. Плотина была опять восстановлена при помощи царских войск.

В Северо-Восточной Аравии образовалось государство кочевников, попавшее в вассальную зависимость от Персии. Его центр находился в Эль-Хире, на берегу Евфрата (вблизи нынешнего Эн-Наджафа). Несторианское христианство постепенно просочилось отсюда в Наджран — большой оазис на севере южноарабского государства. В Южной Аравии относились к несторианству весьма терпимо, что, конечно, объясняется ее тесными связями с Персией.

Как устанавливает Ж. Рикманс, властители, пользовавшиеся иудейскими исповедальными формулами, засвидетельствованы в надписях и для последующего периода. Это Шарахби'иль Йаккуф (надпись 467 г.), Марсад'илан Йануф (надпись 499 г.), Ма'адкариб Йа'фур (надпись 516 г.) и Йусуф Ас'ар Зу-Нувас (надпись 518 г.). Последний из них, без сомнения, уже не принадлежал к химьяритской царской династии.

Предпоследний из названных правителей — Ма'адкариб, хотя и исповедовал формально иудейство, стал на сторону Византии и Эфиопии в их борьбе с Эль-Хирой и Персией. Он терпимо относился к существованию эфиопских опорных пунктов на южноаравийском побережье в районе Мохи. Правитель Эль-Хиры Мунзир III распространил пределы своей власти на всю Северную Аравию и вступил в союз с иудейскими группировками в Ясрибе (Медина). В 516 г. Ма'адкариб предпринял поход в Центральную Аравию, одной из целей которого могло быть оказание помощи Кинда в войне с Мунзиром. Йусуф Зу-Нувас, перейдя на сторону Персии, использовал этот поход для организации государственного переворота и захвата власти. Зу-Нувас снес эфиопские укрепления вокруг Мохи и разрушил христианскую церковь в этом городе. Жители всей области Мохи были уведены в плен, а на побережье соорудили укрепления, направленные против Эфиопии. Эфиопская христианская община в Зафаре была уничтожена, ее церковь разорена. Христианское население Наджрана, бывшее, как и эфиопы, монофизитами, по приказу Зу-Нуваса было перебито (518 г.). Эти события, а также настояния византийского императора побудили негуса к захвату Южной Аравии. Управление страной было передано наместнику — южноаравийскому христианину Сумйафа' Ашва'.

В 525 г. киндитский царь завоевывает Эль-Хиру; Мунзиру приходится бежать. Однако уже через три года Киндитское государство было уничтожено и Мунзир вернул себе свой трон.

Эфиопским наместником Южной Аравии после Сумйафа' стал Абраха, занявший почти независимое положение. При нем в 542—543 гг. марибская плотина была опять прорвана. Войскам Абрахи удалось отстроить ее заново. Известное предание о «походе слона», осуществленном Абрахой против Мекки, видимо, имеет в своей основе военные экспедиции этого властителя против федерации племен маадд. Последняя образовалась в Центральной Аравии и, надо полагать, включала в свой состав и Мекку. (Четвертый такой поход произошел в 547 г.)

Около 570 г. Южная Аравия была завоевана Персией и включена в число персидских сатрапий. Произошел еще один — уже последний — прорыв плотины Марибского оазиса (Коран XXXIV). Точная дата его неизвестна. С этих пор место оазисов заняла пустынная степь с редкими очагами растительности. Плотина служила людям около полутора тысяч лет. Теперь же среди общего запустения можно встретить лишь жалкие деревушки, одиноко стоящие там, где когда-то возвышались богатые столицы Сабы, Катабана, Хадрамаута и Маина. Область возделанных земель отступила в богатые дождями плоскогорья и в большие долины с их легко используемыми грунтовыми водами.

Арабы-кочевники («а'раб») до I столетия н. э. занимались главным образом разведением верблюдов и водили караваны. В качестве наемников они участвовали в опустошительных войнах между Римом и Персией, поставляя той и другой стороне конницу и верблюжью кавалерию. В беспрестанных битвах они усовершенствовали тактику «газв» (внезапного нападения) и благодаря этому превратились во внушающую страх верхушечную касту. Не только в римско-персидской Северной Аравии, но также и на юге полуострова центральноаравийские кочевые племена получили в условное владение обрабатываемые земли. Пустынные степи, бывшие ранее страной бедных пастухов с их верблюжьими и овечьими стадами, теперь превратились в родину воинственных всадников, которых повсюду боялись и перед которыми заискивали. Религией арабов оставалась одна из форм политеизма, стоявшая на более низкой ступени, чем существовавшее некогда в Южной Аравии почитание небесных светил.

Мекка появилась на карте Аравии благодаря своей роли межплеменного торгового центра. Она была островком среди анархии, где почитавшийся священным метеорит издавна

обеспечивал гражданский мир и давал право убежища. В доисламских источниках она упоминается только один раз — как незначительное селение под названием Макораба * (Птолемей, 150 г. н. э.). Это название, по-видимому, возникло в результате искажения первоначального Михраб (святилище) аль-Макка. Скудный колодец Мекки не мог дать достаточно воды для образования оазиса. Это место не находилось и на сколько-нибудь значительной торговой трассе. Дорога благовоний проходила примерно на расстоянии одного дня пути к северу.

Мекка лежит в знойной котловине среди низменной пустыни. Она постоянно нуждалась в снабжении различными товарами со стороны кочевников и оседлых жителей близлежащих плоскогорий.

Вблизи Мекки западноаравийский хребет пересекается самой глубокой расщелиной, которая дает возможность наиболее легкого сообщения между Красным морем и внутренними степями. Однако безжизненный берег здесь до такой степени усеян коралловыми рифами, что только опытный человек может найти среди них проход к открытому морю. В то же время это побережье дает хорошее убежище морским разбойникам. Лишь в V и VI вв. независимый мекканский торговый центр, защищенный постоянным гражданским миром, становится популярной станцией караванных торговцев. Сложное положение города среди воинственных племен развило у мекканцев дипломатическую гибкость в отношениях то с дружественными, то с враждебными соседями, а затем, когда начали снаряжать дальние караваны, и в отношениях с великими державами: Византией на севере, Персией и бедуинским государством Эль-Хира на северо-востоке, Сабой на юге, эфиопской морской державой по ту сторону моря. Мекке удавалось получать охранные грамоты от всех враждующих друг с другом соседних государств, больших и малых, так что она могла отправлять вооруженные караваны в дальние страны — даже в Сирию или Южную Аравию. Вокруг мекканского языческого святилища, бывшего также центром паломничества и ярмарок бедуинов, царили мировые религии: на западе — монофизитское христианство, в Эль-Хире и в Наджране — несторианское, в Ясрибе и других оазисах на севере, а также в Южной Аравии было распространено иудейство, заслуживает упоминания также зороастризм в Персии.

Фанатически боровшиеся друг с другом мировые религии не могли не оказать многостороннее духовное воздействие и на Мекку с ее международными торговыми связями. Конечно, его чувствовал и Мухаммед, небогатый человек, в юности

пастух и погонщик караванов. Религиозные верования, признававшие провозвещенного в пророчествах Единого Бога и грядущий Страшный суд, видимо, произвели на него впечатление еще в раннем возрасте. Когда же он достиг сорока лет, где-то в пустынных горах вокруг Мекки его стали посещать видения. Эти видения связывались у Мухаммеда с иудейскими и христианскими представлениями, так что он стал рассматривать себя как последнего пророка после Христа. Мекканское купечество, бывшее распорядителем языческого святилища, естественно, отнеслось к его проповеди отрицательно. Мухаммед со своей небольшой общиной переселился в конкурирующий с Меккой Ясриб, где у него нашлись приверженцы в одной из местных языческих группировок. Административная ловкость Мухаммеда помогла ему установить единство между неиудейскими группами этого города. Иудейское население он подверг изгнанию и частичному уничтожению, безнаказанно нарушив при этом господствовавшие здесь законы обычного права. Бедуинские племена присоединились к нему. В 630 г. ему удалось захватить Мекку, бывшую до тех пор враждебной, но наконец осознавшую, что присоединение к Мухаммеду не повредит ее торговым делам. Как выяснилось из «ниспосланного» Мухаммеду «откровения», мекканское святилище было сооружено Авраамом и Исмаилом. Теперь, когда Мухаммед в качестве наследника Авраама поставил это святилище в центр новой религии и языческое паломничество к нему заменил мусульманским, это выглядело лишь как очищение прежнего культа.

Тяжелая борьба с Византией и гибель Хосрова II обессилили Персию. Это позволило Мухаммеду вступить в союз с персидским сатрапом Южной Аравии, который оказался отрезанным от своей метрополии (630—631 гг.). Благодаря этому пакту Южная Аравия, называвшаяся отныне Йеменом, вошла в мусульманскую религиозную общину. Для Мухаммеда это был важный шаг на пути укрепления своего могущества и влияния. Аравия превратилась в единое государство, центр которого теперь находился не в густонаселенных земледельческих районах Южной Аравии, а в принадлежавшей кочевникам пустыне. Место сабейско-химьяритских царей с их полководцами и чиновниками заняли пророк и возникшая в оазисах полубедуинская аристократия, снедаемая сильной жаждой власти. Правовая основа этого теократического государства излагалась в изречениях пророка. Его военную силу составляли гордые духом бедуины и их привыкшая к победам кавалерия. Мухаммед умер в 632 г. в Ясрибе, который с тех пор называют Городом пророка, или просто Городом — аль-Мадина. Медина стала первой столи-

цей государства халифов. Эта держава с помощью своих воинственных племен за какие-нибудь 18 лет (633—651) покорила весь пояс пустынь между Триполи и Египтом на западе и Персидскую империю на востоке. К 715 г. во власти халифов оказалась территория, простиравшаяся от Южной Испании и Марокко до Инда и Сырдарьи, включая Аравию, бывшее персидское государство и южную часть распавшейся Римской империи. (Восточная Римская империя уцелела в пределах Малой Азии.)

Столица халифата была перенесена вначале в Дамаск, а затем в заново построенный Багдад. С 750 г. персидские воины были уравнены в правах с арабскими бедуинскими. Преимущественное положение Аравии сохранялось теперь только благодаря традиционному паломничеству в Мекку и Медину. В халифате воспользовались византийской и персидской административной системой, а духовное развитие обогащалось в противоборстве с греческим идейным наследством. Христианская Европа в этом отношении осталась далеко позади. Она находилась в состоянии религиозного раскола и лишь постепенно принимала новые очертания после Великого переселения народов.

Приводимый далее (с. 72 и сл.) отрывок из «Джазират аль-'араб» йеменца аль-Хамдани, касающийся одной из горных областей западнойеменского хребта, показывает, с какой проницательностью изучали природу и жителей своей страны арабские ученые X в., опиравшиеся на традиции беспристрастной греческой науки. В европейской литературе мы не встретим ничего подобного вплоть до Возрождения. Войдя в состав халифата, Йемен превратился в отдаленную провинцию, где власть попала в руки местных властителей. Аль-Хамдани жил там в области, подчиненной имаму секты зейдитов *, которая возникла в X в. на Йеменском плоскогорье и благодаря непоколебимости своих приверженцев сохранилась до наших дней.

Появление халифата, а затем сменивших его государств сделало Аравию недоступной для христианской Европы. Европейцам предстояло открыть ее заново. Крестовые походы вызвали многочисленные контакты между обеими дочерними культурами античной цивилизации, но в то же время и усилили разделявшие их барьеры. Необузданный искатель приключений Рено де Шатильон вопреки воле иерусалимского короля воздвиг замок на острове Фаръун в Акабском заливе. Здесь он построил флот, заблокировал торговлю на Красном море и собирался с отрядом в 300 человек опустошить священную для мусульман Медину, которая представлялась ему городом Антихриста (1183 г.). Однако его ма-

ленький отряд был разбит. Четыре года спустя великий султан Египта Саладин * завоевал Иерусалим.

Для пробуждавшегося в Италии Ренессанса с его непредвзятым миросозерцанием и жаждой открытий Аравия оставалась неведомой землей. Купцы из итальянских городов были вынуждены заниматься перевалочной торговлей через Александрию. Здесь они владели торговыми конторами, но не имели права выходить за пределы города. Плавание вокруг Африки, осуществленное португальцами (Васко да Гама, 1498 г.), создало угрозу для Венеции как посредницы в торговле индийскими товарами. На этом историческом фоне нам становится понятным путешествие Лодовика ди Вартема *. В 1503 г. он отправился из Венеции в Александрию, при посредстве венецианской дипломатии установил хорошие связи в местных кругах и изучил в Дамаске арабский язык. Вместе с крупным местным чиновником, ведавшим безопасностью караванов паломников, он предпринял путешествие в Медину и Мекку. Ди Вартема оказался первым европейцем, оставившим описание паломничества, полного опасностей из-за снующих вокруг бедуинских банд. Мы находим у него также хорошее описание Мекки, ее мечети и местных обрядов. Некий персидский капитан доставляет ди Вартема на своем корабле из Джидды в Аден. Отсюда его в качестве пленника привозят к имаму в Сану. После различных приключений ди Вартема получает свободу, и ему даже удается предпринять путешествие в Южный Йемен. Окольными путями он пробирается из Адена в Индию, несмотря на препятствия, которые португальцы стали чинить арабскому мореплаванию. В Индии ди Вартема предотвращает нападение на один из португальских фортов. Затем он через Лиссабон возвращается в Рим и Венецию (1506 г.), где сообщение о его странствиях приносит ему большие почести.

Португальцы упустили благоприятный момент для захвата Адена. Их опорными пунктами были Сокотра *, Маскат (в Омане) и Хормоз. Посылавшиеся оттуда донесения, за исключением портуланов [21], долгое время держались в секрете. Для периода расцвета Турецкой империи в XVI и XVII вв. мы имеем об Аравии весьма скудные сведения. В это время началась европейская торговля кофе через Моху. Этим коммерческим связям мы обязаны описанием путешествий француза Журдена (1610 г.) и голландца Ван ден Брока (1616 г.) из Мохи в Сану. Еще важнее образный, но в то же время деловой отчет нюрнбержца Иоганна Вильда о его поездке из Каира в Мекку, которую он совершил, будучи рабом персидского купца (см. с. 85 и сл.).

Несмотря на относительно скромную исследовательскую

3 Зак. 186

деятельность, в XVI и XVII вв. были достигнуты значительные успехи в картографическом описании Аравии. До начала XVI в. еще пользовались старой картой Птолемея, внося в нее лишь некоторые новые названия. Португальские обследования морского побережья позволили более точно обозначить очертания береговой линии. В XVIII в. европейцы познакомились с арабскими географами и начали дополнять карты по их данным; особенно важна в этом отношении карта д'Анвиля (1755 г.).

В 1762 г. по инициативе датского короля и Королевской Академии была снаряжена большая научная экспедиция в Аравию. Эта экспедиция, возглавлявшаяся Карстеном Нибуром, оказалась единственной в своем роде как для предшествующего, так и для последующего времени. Нибура сопровождали четыре специалиста: востоковед, известный ботаник (Форскол), врач и художник. Все четверо скончались в течение трех лет странствий. Заметки и описания Нибура вызывают удивление своей точностью, обдуманностью и беспристрастностью, независимо от того, касается ли дело топографических, этнографических, культурных или религиозных деталей. Собственные записи Нибура дополняются описаниями растительного мира по дневникам и собраниям Форскола. Нибур вел скромный образ жизни, согласуя его с обычаями страны, и никогда не нарушал традиций местных жителей, у которых гостил. В дальнейшем ни один путешественник не мог, подобно Нибуру, разъезжать по своему усмотрению по всей территории Йемена, подчиненной власти имама *. До сих пор в Йемене остаются области, со времен Нибура не описывавшиеся ни одним путешественником.

Новые достойные внимания путешествия последовали лишь через пятьдесят лет. Несколько исследователей посетили Мекку и Медину в то время, когда эти города были заняты фанатиками-ваххабитами * из Неджда, и в период последовавшего египетского господства (Зетцен, Али-бей, Буркхардт — 1807—1815 гг.). Большое путешествие в Йемен, предпринятое Зетценом, было посмертно описано по его дневникам, так как сам он был убит во время странствий. Прибрежные области Красного моря, включая и берег Южной Аравии, были тщательно обследованы, и англичане составили их карты (1826—1836 гг.). Затем (в 1839 г.) последовала английская оккупация Адена. Султанат Оман еще с 1798 г. находился в союзе с Англией. Внутренние районы этой страны были исследованы в 1835 г. Уэллстедом. Г. Ф. Садлиер в 1818—1819 гг. пересек Центральную Аравию от Персидского залива до Медины, чтобы установить сношения с египетским
 победителем ваххабитов; его рассказ, однако, содержит мало

полезного. М. Тамизье сопровождал в 1837 г. египетские войска, покорявшие плоскогорье между Меккой и Йеменом (Асир), и первый исследовал его.

На то же время, когда совершались великие путешествия через Африку, приходятся и исследовательские экспедиции, познакомившие Европу с Северной Аравией, вплоть до северных границ Неджда (Г. А. Валлин — 1845 и 1848 гг., К. Гуармани и Ж. Пелли — 1863—1865 гг.). Путешествие Пальгрейва оказалось фантазией [22]. А. фон Вреде первый проник в Хадрамаут (1843 г.); Р. Ф. Бертон * посетил «священные города» (1853 г.), оказавшиеся к тому времени под властью турок (египетский хедив Мехмет Али * был вынужден в 1841 г. уступить свою власть Турции, ставшей его наследницей также и в Западной Аравии и захватившей бóльшую часть Йемена). Т. Арно удалось в 1843 г. проникнуть из Саны к руинам сабейской столицы Мариба и посетить остатки плотины и главного сабейского храма. Он привез в Европу сабейские надписи, которые были успешно расшифрованы. Однако основы для подлинно научной сабеистики были созданы Ж. Халеви, который, выдавая себя за йеменского еврея, совершил путешествие в Мариб, Маин и Наджран (1870 г.) и привез оттуда в Европу более шестисот древних надписей.

С 1876 по 1878 г. Ч. М. Доти путешествовал по Северо-Западной Аравии. В восточном направлении он достиг Бурайды (в Неджде), на юге — Эт-Таифа и Джидды. От святых городов он держался в отдалении. Даже в самых опасных ситуациях Доти не скрывал своей твердой приверженности к христианству. Он странствовал как бедный врач, скромный, но мудрый и готовый оказать помощь «сын дороги». В стране, где господствовала анархия и где он постоянно наталкивался на проявления мусульманского фанатизма, Доти нашел среди простых людей внимание и сочувствие. Доти был исследователем, но в то же время обладал и большим художественным даром. Через десять лет после завершения своего путешествия он подарил миру книгу, написанную прекрасным, лаконичным языком, где с большой любовью описаны страна и ее население, которые становятся близкими и понятными нам. Его книга полезна и для науки: в нее включены описания строений и надписей древнего Дедана, а также карты и сведения о геологии местности.

Ко времени последних великих открытий в Африке Центральная Аравия вторично попала под власть ваххабитской саудовской династии и, таким образом, стала недоступной для европейцев. На карте Аравии продолжало сохраняться большое «белое пятно». В то же время интенсивные исследо-

вания расширили наши знания о северо-западных областях полуострова и пустыне Нефуд (Ш. Юбер — 1878—1884 гг., Ю. Ойтинг — 1883—1884 гг.). К. Снук-Хюргронье в 1885 г. пробыл некоторое время в Мекке и написал о ней большую работу. С. Б. Майлс объездил Оман; Э. Глазер совершил четыре поездки в Йемен (1882—1894 гг.) и привез обширные материалы, дававшие сведения об этой стране, число жителей которой превышает население всей остальной Аравии. Глазер обладал хорошими знаниями языка и обычаев и получил также основательную подготовку в географии. Он сделал топографические съемки территории, повсюду увязав их с описаниями аль-Хамдани, изучил хозяйственные и культурные условия страны, ее политические и социальные контрасты, а также историю отдельных областей. Глазер собрал больше двух тысяч древних надписей и исследовал по ним развитие древнейеменской истории. Смерть настигла его во время обработки этого обширного материала, который до настоящего времени еще полностью не изучен. Книга Глазера «Путешествие в Мариб» содержит важнейшие основы наших знаний об этой древней столице Сабы, хотя число памятников и возросло в результате американских раскопок в 1952 г., впрочем весьма непродолжительных.

На 90-е годы истекшего столетия приходятся поездки Л. Хирша и Т. Бента в вади Хадрамаут, которое фон Вреде видел не полностью, а также путешествие В. Бури в княжества протектората Аден. Бури открыл руины Тумна, древней столицы Катабана, где затем (в 1951—1952 гг.) производила раскопки американская экспедиция.

В течение десятилетия, предшествовавшего первой мировой войне, в Аравии появились европейские технические специалисты. Была построена хиджазская железная дорога от Дамаска до Медины, что облегчило исследовательскую работу (Жоссен и Савиньяк — древние памятники и надписи в Дедане; Л. Кобер — геология; А. Мусиль — карты и население). Разработка проекта железной дороги в Йемен потребовала картографирования значительных территорий (А. Бенейтон). Во время войны (1915 г.) уроженец Праги А. Мусиль объездил зону, подчиненную Ибн Рашиду — главе племен области Джабаль-Шаммар в Северном Неджде. Ибн Рашид придерживался турецкой ориентации. В это время 'Абд аль-'Азиз ибн Са'уд * создал в Центральном Неджде третье ваххабитское государство. В 1917 г. к Ибн Са'уду был направлен Филби, облеченный британским правительством чрезвычайными полномочиями. В это же время Т. Е. Лоуренс * с помощью бедуинских иррегулярных частей, возглавлявшихся сыновьями шерифа Мекки и короля Хиджаза, бес-

покоил вдоль хиджазской железной дороги турок, еще удерживавших Медину. Филби пересек Аравию от Персидского залива до стоящей на Красном море Джидды, составив первое детальное и снабженное картами описание такой поездки. Это путешествие связало Филби дружбой с выдающимся властителем Ибн Са'удом. Свою вторую миссию к Ибн Са'уду в Эр-Рияд (1918 г.) Филби использовал для поездки вдоль цепи оазисов, тянущихся в меридиональном направлении к востоку от известковой плиты Джабаль-Тувайк. Через эту область фанатического ваххабизма он достиг вади Эд-Давасир, прорывающего Джабаль-Тувайк в 500 км к югу от Эр-Рияда. Во время этой поездки Филби обследовал значительную часть древнего пути из Сабы в Месопотамию. В 1947 г. он проехал по нему еще большее расстояние и при этом сфотографировал древние руины.

В 20-х годах увеличивается число геологических экспедиций, которые посылаются правителями арабских стран (П. Ламар в Йемене, Г. Лис в Омане, О. Х. Литтль в Хадрамауте, на территории, прилегающей к Эль-Мукалле). Экспедиция в Йемен, предпринятая несколько наудачу К. Ратьенсом и мною (1927—1928 гг.), дала не только сведения по топографии, краеведению и ботанике — по инициативе имама были также осуществлены и первые археологические раскопки. Удалось открыть и сфотографировать сабейский храм богини Солнца Зат-Ба'дан *, датируемый I в. н. э. К. Ратьенс впоследствии несколько раз посещал Йемен (1931, 1934, 1937—1938 гг.); в течение некоторого времени он был советником имама по хозяйственным вопросам. В результате этих поездок были получены данные по географии, археологии и этнографии (опубликовано в трех томах «Sabaeica»).

Б. Томас, будучи британским советником при султане Омана, имел возможность свободно ездить по стране. В 1928 г. ему первому удалось совершить длительное путешествие вдоль маскатского побережья до Дофара, а в 1930 г. он проник из Дофара до южной оконечности Руб-эль-Хали — Пустынной четверти. Филби тогда жил в знойной Джидде, руководя своей фирмой «Шарки лимитед», занимавшейся продажей автомобилей Форда. Всю свою немалую энергию и упорство он решил посвятить исследованию Внутренней Аравии. Оправившись от тяжелой болезни, Филби в 1930 г. перешел в ислам, чтобы еще больше приблизиться к Ибн Са'уду и достичь давно манившей его цели. Для него явилось горьким разочарованием, что Бертран Томас опередил его, проехав в 1930—1931 гг. от Дофара в Катар через всю великую южноаравийскую пустыню — Пустынную четверть — и как бы разрезав пополам большое «белое пятно», тогда

еще существовавшее на карте Старого Света. Ибн Са'уд также был раздосадован поездкой Б. Томаса, поскольку последний пересек территорию одного из его племен. Поэтому Ибн Са'уд поддался на уговоры Филби и поручил ему обследовать отдаленные области Пустынной четверти. Караван Филби смог благополучно пересечь безводные пространства лишь благодаря твердости, проявленной Филби по отношению к своим спутникам, а также дождю, пролившемуся как раз в нужный момент (1932 г.).

В это время послом Нидерландов при Ибн Са'уде состоял Ван дер Мойлен. Ранее он долгое время служил чиновником в Нидерландской Индии, и теперь правительство Нидерландов поручило ему посетить в Хадрамауте местных уроженцев, которые составили значительные капиталы на Яве и в Сингапуре и затем вернулись с ними на родину. Со времени Хирша и Бента (1895 г.) нога европейца не ступала в вади Хадрамаут, и аденское правительство полагало, что перспективы на успешный исход такого путешествия весьма малы. Ван дер Мойлен, с которым у меня установилась дружба во время поездки в Джидду (1927 г.), пригласил меня отправиться вместе с ним. Это путешествие, совершенное пешком через раздираемую междоусобицами страну (1931 г.), превратилось благодаря содействию репатриантов из Индии в блестящий триумф дипломатической ловкости Ван дер Мойлена и показало его отличные знания языка. То же самое можно сказать и о трудной и опасной поездке к юго-западу от Вади. Оба путешествия оставили у нас обоих большое впечатление. Засняв дорогу, я смог затем детализировать карту Хадрамаута. Известный своими прекрасными фотографиями Х. Хельфриц проследовал в 1932 г. по нашему пути. В 1934 г., совершая второе путешествие, он побывал в древней столице Хадрамаута Шабве. В третью свою поездку он посетил Сану, и, наконец, четвертое путешествие привело его из Хадрамаута в Восточный Йемен, где его арестовали и переправили в порт Ходейду. После нашей поездки вади Хадрамаут принимало у себя и других гостей с Запада: в 1934 г. — Фрейю Старк (впоследствии она написала свою яркую книгу «The Southern Gates of Arabia»), в 1936 г. — археологическую экспедицию из Египта, посетившую также Северный Йемен. В 1934—1935 гг. в Хадрамауте служил британским советником В. Г. Инграмс. Он и его жена были первыми европейцами, спустившимися вниз по вади Хадрамаут до махрийского побережья. Наш хадрамаутский друг сеид Абубакр аль-Каф и Инграмс установили в 1937 г. мир в этой раздиравшейся междоусобными войнами стране.

 В 1938 г. Фрейя Старк в сопровождении Г. Кэтон-Томпсон и

Э. В. Гарднер отправились в Хадрамаут. Здесь они произвели образцовые раскопки маленького древнего храма. В 1939 г. Ван дер Мойлену, мне и моей жене удалось пересечь неспокойную страну между Аденом и вади Хадрамаут и вторично посетить наших друзей в этой долине. Моя большая карта, начинающаяся с земель восточнее Адена и охватывающая весь Хадрамаут, была издана в 1958 г. Королевским Географическим обществом (Royal Geographical Society). В том же, 1939 г. супруги Инграмс проследовали по древней дороге, одной из тех, что связывали порт Кана со столицей Хадрамаута Шабвой.

Самым значительным путешествием этого десятилетия, однако, оказалась автомобильная экспедиция Филби (1936—1937 гг.), которую он подробно описывает в «Дочерях Сабы» («Sheba's Daughters», ч. 1) и в «Аравийских плоскогорьях» («Arabian Highlands», ч. 2). Из Мекки эта экспедиция направилась в Наджран, а оттуда вдоль древней Дороги благовоний к руинам Шабвы. Здесь был составлен план Шабвы и сняты копии с надписей. Далее Филби побывал в вади Хадрамаут, совершив также вылазку к океану. На обратном пути по вади Хадрамаут экспедиция вновь проследовала через Шабву и отклонилась в сторону Мариба, не теряя его из виду. К северу от Мариба были сняты планы двух старинных городов и скопированы надписи. Затем экспедиция возвратилась в Наджран. Далее, выполняя поручение Ибн Са'уда, Филби провел в горных районах размежевание границ между Саудией и Йеменом до самого морского побережья. Из Джизана он затем через низменность вернулся в Джидду. Конечно, это трудное и опасное предприятие удалось осуществить только благодаря тому, что Филби путешествовал как представитель главы ваххабитов, почитавшегося во всей Аравии.

Из экспедиций первых послевоенных лет наиболее значительны предпринятые египетскими учеными М. Тауфиком и А. Фахри через Сану к руинам Мариба и Маина. Их предшественником на этом пути был аль-'Азм (в 1935—1936 гг.). Экспедиции М. Тауфика и А. Фахри внесли большой вклад в археологию и сабеистику. В промежутке между 1948 и 1953 гг. взялся за раскопки американский «Фонд изучения человека» («Foundation for the Study of Man»). Работа шла под руководством В. Филиппса и целого штаба ученых, в том числе В. Ф. Олбрайта, А. Жамма, Г. ван Бика и Ф. П. Олбрайта. Раскопки затронули в первую очередь руины древней Тумна (столицы Катабана), отдельные участки главного сабейского храма Аввам близ Мариба и хадрамаутскую крепость Хор-Рури в стране благовоний Дофаре. Важное значе-

ние для сабеистики и истории древнего мира имела находка большого числа древних надписей, в основном в храме Авам, опубликованных А. Жаммом.

Возвратившись из путешествия в Мидиан, Филби примкнул к Бельгийской археологической экспедиции, в которой также участвовали два сабеиста и историка Г. и Ж. Рикмансы * и Ф. Липпенс (1951—1952 гг.). Экспедиция направилась из Джидды в Наджран и далее через пустыню западнее Джабаль-Тувайка в Эр-Рияд. Результатами исследований были новые надписи, наскальные изображения, план древнего города Наджрана и большая карта обследованной местности. Но и после этого путешествия Филби не прекратил исследовательской деятельности. Материалы его двух поездок в Мидиан еще ожидают обработки. Лишь когда умер его покровитель Ибн Са'уд — Филби было тогда 67 лет, — окончились его кропотливые исследовательские путешествия.

Последние значительные «белые пятна» были устранены с карты Аравии смелыми караванными путешествиями В. Тезигера (1945—1949 гг.). Он был последним и самым пытливым из трех исследователей южноаравийской пустыни — Пустынной четверти, которую он изъездил к западу и востоку от маршрутов Томаса и Филби, дойдя в восточном направлении до подножия оманского плоскогорья. Тезигер разделял с бедуинами радости и невзгоды, живя с ними одной жизнью, мало изменившейся на протяжении полутора тысяч лет. С печалью наблюдает он разрушение бедуинского уклада и закат многогранных традиций, вызванные наступлением техники, автомобилей и нефти. Язык Тезигера ясен, прост и возвышен...

Мы стоим теперь на пороге новой эпохи. Периоду «открытия страны» в узком смысле слова предстоит смениться научной исследовательской работой. Кочевое скотоводство, в начале нашего тысячелетия имевшее преимущество перед оседлым хозяйством и часто подчинявшее себе последнее, стоит теперь перед угрозой уничтожения вследствие появления автомобиля. Какая судьба ожидает бедуинов? Найдут ли они в новой Аравии — Аравии, неотделимой от благословений и проклятий «черного золота», — свой путь, который позволит им и дальше кочевать со стадами по степным просторам? Сохранят ли они свой, хотя уже и изменившийся пастушеский образ жизни? Не покинет ли население Центральную Аравию?

Г. фон Виссман

[1] В отличие от Г. фон Виссмана французский исследователь К. Робэн полагает, что под древним Хагаром в данном случае следует понимать район Думат-эль-Джандаль (совр. Эль-Джауф), расположенный на северной окраине пустыни Нефуд. См.: Ch. Robin. Monnaies provenant de l'Arabie du Nord-Est (1).— «Semitica». 24. 1974, с. 102—111, а также: H. von Wissmann. Über die frühe Geschichte Arabiens und das Entstehen des Sabäerreiches. Die Geschichte von Saba'. I.— SBAW Wien. Bd 301, Abh. 5, 1975, с. 35—43 (примечания к «Введению» написаны ответственным редактором).

[2] По принятой ныне хронологической схеме, царица Хатшепсут правила в последней четверти XVI в. до н. э.; считается также, что плавание в Пунт было предпринято примерно в середине ее правления.

[3] Проблема местоположения Пунта волнует исследователей уже свыше ста лет. За это время его помещали и в Северной и Северо-Восточной Африке, на западе и востоке Аравийского полуострова или по обе стороны Баб-эль-Мандебского пролива (так считает и Г. фон Виссман) и т. п. К настоящему времени все большее число исследователей склоняется (на наш взгляд, справедливо) к мысли, что Пунт древних египтян находился на северном побережье и в глубине территории, на которой ныне расположено Сомали [см.: R. Herzog. Punt. Glückstadt, 1968 (Abhandlungen des Deutschen Archäologischen Instituts Kairo. Ägyptologische Reihe. Bd 6)]. Именно здесь, кстати, лежала «область, производящая мирру», и «страна корицы» Эратосфена (Страбон XVI, IV, 4) и «область, производящая благовония», страны трогодитов и побережья Северо-Восточной Африки, по сведениям Артемидора (там же, XVI, IV, 14). Что касается «расовых и языковых признаков», о которых говорит Г. фон Виссман, то здесь дело обстоит следующим образом. По мнению большинства более ранних исследователей, внешний облик жителей Пунта на рельефах храма в Дейр-эль-Бахри свидетельствовал в пользу предположения о бушменском типе. Ныне благодаря исследованию Э. Бруннер-Траут из Тюбингена можно, по-видимому, считать установленным, что жители Пунта принадлежали к эфиопской расе, т. е. составляли часть восточнохамитских, кушитских, иначе говоря, восточноафриканских племен [см.: E. Brunner-Traut. Noch einmal die Fürstin von Punt. Ihre Rasse, Krankheit und ihre Bedeutung für die Lokalisierung von Punt.— «Mitteilungen aus der Ägyptischen Sammlung». Bd 8 (Festschrift zur 150jährigen Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums). B., 1975, с. 80—81, 84)]. Язык этих племен, как известно, входит в группу семито-хамитских языков, к числу которых принадлежали и древнеегипетский язык, и языки аравийских племен.

[4] Широко распространенному представлению о происхождении «царицы Савской» (т. е. «царицы Сабы») из Южной Аравии противоречит тот очевидный для сабеистов факт, что носителями верховной власти в южноаравийских государствах того времени были мужчины. В надписях ни одна женщина в подобной роли вообще не выступает. В связи с этим сам Г. фон Виссман выдвигает предположение, что «царица Савская» была наместницей или «жрицей-правительницей» сабейских владений в североарабской колонии Дедан, лежавшей на Пути благовоний. Если вспомнить, что, по ассирийским источникам, среди правителей Северной Аравии VIII—VII вв. до н. э. было немало представительниц «слабого пола», такое предположение не лишено оснований (см.: H. von Wissmann. Frühe Geschichte, с. 85—86).

В то же время некоторые ученые (например, Уллендорф) полагают, что «царица Савская» прибыла к Соломону вовсе не из Аравии, а из Северо-Восточной Африки.

[5] Перевод древнееврейского текста приведенного места книги Иезе-

киля следующий: «Ведан (?) и Яван (Иония?) доставляли из Узала на рынки твои обработанное железо, корицу и пряный тростник-калам...» Локализация Узала в Южной Аравии восходит к Э. Глазеру (конец XIX в.), который идентифицировал название «Узал» с «Азал» — именно так в раннее средневековье, по аль-Хамдани, обозначалась Сана. Исследования самого Г. фон Виссмана привели его к выводу, что Узал, в противовес взглядам многих, вероятно, не следует отождествлять с Саной, а потому «его местоположение остается неизвестным» (H. von Wissmann. Frühe Geschichte, с. 78).

С другой стороны, упоминание корицы ни в коем случае не вынуждает нас искать страну ее происхождения в Индии. И Артемидор и Плиний в равной мере находят ее в Северо-Восточной Африке.

[6] Существуют и другие мнения, по которым термин «мукарриб» значил «объединитель», «создатель объединенного царства» или даже «сборщик (налогов)» (последнее толкование должно характеризовать, по А. Ф. Л. Бистону, власть мукарриба с точки зрения ее происхождения).

[7] По мнению некоторых ученых, сооружение перистиля храма Аввам, или, как он здесь назван, «входного святилища», относится к более позднему времени — V—IV вв. до н. э. (В. Ф. Олбрайт), рубежу IV—III вв. до н. э. (Ж. Пиренн). См.: W. F. Albright. Notes on the temple Awwan and the archaic bronze statue.— BASOR. 128. 1952, с. 38; J. Pirenne. Notes d'archéologie sud-arabe VI. Le péristyle du Temple de Mârib d'après les fouilles de 1951—52.— «Syria». T. 46. 1969, fasc. 3—4, с. 315.

[8] К истории сооружения нильского канала см.: История Африки. Хрестоматия. М., 1979, с. 125—126.

[9] Речь идет о мукаррибе Кариб'иле Ватаре, сыне Замар'алая, и его надписи RES 3945 [сиглом RES или R обозначаются южноаравийские тексты, опубликованные в Répertoire d'épigraphie sémitique (T. 5—7. P., 1929, 1935, 1950, № 2624—5106), а также ряд надписей, изданных в более ранних томах этого собрания].

В этой надписи сообщается не просто «об ожесточенных внутренних войнах», а о завоевательных походах мукарриба в основном против главного врага Сабы — государства Авсан, в результате разгрома которого возникло (или было воссоздано) мощное Сабейское государство, включившее в свой состав помимо некоторых областей, ранее принадлежавших Авсану, ряд до того независимых городов-государств. Таким образом, толкование событий Г. фон Виссманом здесь неверно.

Что же касается времени правления упомянутого мукарриба, то автор «Введения» придерживается здесь имевшей некоторое распространение точки зрения, будто существовало два правителя с одним и тем же именем, с одним и тем же эпитетом и именем отца. Один из них, по этой гипотезе, располагался в начале, другой — в конце периода мукаррибов (автором RES 3945 считался последний). В своих позднейших работах Г. фон Виссман категорически отказался от своей прежней точки зрения. Ныне он считает (и, по-видимому, справедливо), что мукарриб Кариб'ил Ватар не имел двойника, что это был один из первых известных мукаррибов Сабы и что именно он в 685 г. до н. э. посылал дары царю Ассирии Синаххерибу (см.: H. von Wissmann. Über den Inschriftenkomplex einer Felswand bei einem Aṯtar-Tempel im Umkreis von Marib.— SBAW Wien. Bd 298, Abh. 1, 1975, с. 32; он же. Die Geschichte des Sabäerreichs und der Feldzug des Aelius Gallus.— Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, 2, Bd 8, 1976, Kap. 3, 6.

[10] Царства Катабан и Хадрамаут, во всяком случае, существовали и до завоевательных войн автора RES 3945. В течение некоторого времени перед этими войнами они находились в зависимости от Авсана и от них были отторгнуты значительные части их территории. Кариб'ил Ватар вернул эти территории Катабану и Хадрамауту, освободил их от власти Ав-

сана и, вероятно, простер над ними свою собственную верховную власть. Это произошло, как мы только что отметили, вероятно, в начале VII в. до н. э. Государство Маин, очевидно, образовалось в VI—V вв. до н. э.

[11] Речь идет о RES 3570 — маинским и греческим текстом на алтарике с острова Делос, посвященном «Вадду, богу маинцев, и RES 3427 — надписи на саркофаге, найденном в Египте. Автор последней надписи, маинец, ввозил в эту страну благовония из Южной Аравии и принадлежал к числу жрецов бога Сараписа. Точное место находки саркофага не установлено.

[12] Так называемые «Списки иеродул» — надписи на стелах у храма — были скопированы (эстампированы) для Э. Глазера в конце XIX в. неподалеку от развалин столицы Маина. Все сохранившиеся тексты (83 надписи из примерно 500 на семи стелах) изданы в 1943 г. К. Млакером [K. Mlaker. Die Hierodulenlisten von Ma'in nebst Untersuchungen zur altsüdarabischen Rechtsgeschichte und Chronologie. Lpz., 1943 (Sammlung orientalistischer Arbeiten, H. 15)]. По мнению некоторых исследователей, перечисленные в надписях «Списка» женщины являлись вовсе не «служительницами» храма, а женами-чужеземками маинцев (см.: Г. М. Бауэр. «Списки иеродул» из Ма'ина.— VIII Всесоюзная конференция по Древнему Востоку, посвященная памяти академика В. В. Струве (2.II.1889—15.IX.1965). Москва, 6—9 февраля 1979 г. Тезисы докладов. М., 1979, с. 13—15). Уточнение: из Газы происходило, по «Спискам», не 27, а 29 женщин.

[13] Эпоха Птолемея II — время, когда еще только разведывался и осваивался путь по Красному морю вдоль восточноафриканского побережья, в основном для обеспечения доставки царскому войску боевых слонов из района современного Суакина. Дальнейший путь на юг, вдоль Аравийского побережья и за пределы Баб-эль-Мандебского пролива, был проложен при преемниках Птолемея II. При всем этом на протяжении III—II вв. до н. э. лишь немногие корабли отваживались на рискованное плавание. Подлинного расцвета мореплавание по Красному морю достигает в I в. до н. э., особенно в результате открытия системы муссонов в северной части Индийского океана; см. также с. 23 и примеч. 16.

[14] Древние географы причисляли к Аравии также и территорию в Восточной Африке, лежащую между Нилом и Красным морем.

[15] Верблюд, по археологическим материалам, был известен в Египте с эпохи неолита. Правда, он как будто вскоре исчезает из этой зоны, и надолго. Однако уже в «персидское время» (конец VI—IV в. до н. э.) верблюд был в Египте приручен (см.: Х. А. Кинк. Египет до фараонов. М., 1964, с. 181—183 и приведенную там литературу).

[16] При Птолемее II на побережье Красного моря было создано лишь несколько опорных пунктов, причем только до района современного Суакина (см. примеч. 13).

[17] Нет достаточных оснований утверждать, будто химьяриты в это время захватили хадрамаутскую пристань Кана, находившуюся на южном побережье Аравии, в районе современной бухты Бир-Али.

[18] Локализация набатейской гавани Левке Коме на месте современного Янбо, на наш взгляд, весьма неудачна и не подтверждается источниками. Наиболее вероятное ее местоположение — район современной Эль-Айнуны, в самой северной части Аравийского побережья Красного моря (см.: L. Kirwan. Where to search for the ancient port of Leuke Kome.— The Second International Symposium on Studies in the History of Arabia. Pre-Islamic Arabia. Riyad, 1399/1979, с. 4 и сл.; Г. М. Бауэр. Красноморские заметки.— Мероэ. М., № 3, в печати).

[19] См. выше, примеч. 18.

[20] Таковы аргументы Г. фон Виссмана, вызвавшие, как он полагает,

необходимость передатировки «Перипла» с I в. на III (!) в. н. э. (к истории датировок «Перипла» см.: W. Raunig. Die Versuche einer Datierung des Periplus maris Erythraei.— «Mitteilungen der antropologischen Gesellschaft im Wien». Bd 100. 1970, с. 231—242). Инициатором передатировки стала Ж. Пиренн, опиравшаяся в своих исследованиях именно на приведенные выше аргументы и предложившая датировать «Перипл» первой четвертью III в. н. э. [см.: J. Pirenne. Le Royaume Sud-Arab de Qataban et sa datation d'après l'archéologie et les sources classiques jusqu'au Périple de la mer Erythrée, avec contribution de André Maricq. Louvain, 1961 (Bibliothèque du «Museon». Vol. 47), с. 167—193; она же. Un problème-clef pour la chronologie de l'orient: la date du «Périple de la Mer Erythrée».— JA. T. 249. 1961, fasc. 4; она же. Le développement de la navigation Egypt-Inde dans l'antiquité.— Sociétés et compagnies de commerce en orient et dans l'Ocean Indien. Actes du VIII-ème colloque International d'histoire maritime. Beyrouth, 5—10 Septembre 1966 (P., 1967, особо с. 113)]. Датировка Ж. Пиренн была с энтузиазмом встречена Ф. Альтхаймом, который внес в нее некоторое уточнение (208 г. до н. э., см.: F. Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd 5. B., 1962, с. 11, 13; F. Altheim, R. Stiehl. Die Araber in der alten Welt. Bd 4. B., 1967, с. 492 и сл.), и поддержана в целом Ж. Рикмансом (см.: J. Ryckmans. Chronologie des rois de Saba et d̲ū-Raydān.— «Oriens antiquus». Vol. 3. 1964, fasc. 1, с. 73, 76—78; он же. L'apparition du cheval en Arabie ancienne. — «Ex orient Lux». № 17 (1963), 1964, с. 212 и примеч. 3), как видим, Г. фон Виссманом (здесь и в других работах), Ю. М. Кобищановым (Аксум. М., 1966, с. 32) и некоторыми другими учеными.

Между тем многочисленные прочие исторические факты, упомянутые в «Перипле» и поддающиеся проверке по другим источникам, не выходят за пределы второй половины I в. н. э. Возникает вопрос, обладают ли аргументы, выдвинутые Ж. Пиренн и повторенные в рассматриваемом нами «Введении» Г. фон Виссманом, доказательной силой, достаточной для, прямо скажем, сенсационной передатировки. Никоим образом. Действительно, в начале III в. н. э. в Химьяре правил некий Кариб'ил, и, действительно, в III в. н. э. в Хадрамауте сидел на троне царь Ил'азз. Однако как в истории Сабы и Химьяра, так и в истории Хадрамаута начиная с I в. н. э. известно несколько Кариб'илей и Ил'аззов, и каждый из них мог бы претендовать на роль действующего лица «Перипла». При таких условиях решающей доказательной силой обладают как раз те факты, которые поддаются надежной проверке, те факты, которые в общем непротиворечиво датируют «Перипл» второй половиной I в. н. э. Именно поэтому предложение Ж. Пиренн встретило обоснованные, серьезные (и подчас довольно резкие) возражения со стороны целого ряда исследователей [см.: A. Diehle. Umstrittene Daten. — «Wissenschaftliche Abhandlungen der Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen». 32. 1965, с. 9—35; Raunig. Datierung, с. 241—242; O. W. Macdowall, N. G. Wilson. The References to the kuṣāṇas in the Periplus and further Numismatic Evidence for its Date.— «Kushan Culture and History». Publ. by Historical and Literary Society of Afghanistan Academy. Kabul, Dec. 1971, № 2, с. 51—70; M. Rodinson. Le Périple de la mer Erythrée.— «Ecole pratique des hautes études. IV section. Sciences historiques et philologique». P., 1975. Annuaire 1974/1975, с. 210—238; 1975/1976, с. 201—210; И. Ш. Шифман. Набатейское государство и его культура (из истории культуры доисламской Аравии). М., 1976, с. 8 и примеч. 2; Yūzō Shitomi. On the Date of Composition of the Periplus Maris Erythraei. A Study of the South Arabian Epigraphic Evidence.— «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library)». № 34. Tokyo 1976, с. 15—45; История Африки. Хрестоматия. М., 1979, с. 92—93].

 Думается, что сегодня мы можем с полным основанием констатиро-

вать: необходимость в передатировке «Перипла» по меньшей мере еще не назрела.

Для желающих поближе познакомиться с вопросом кроме приведенной выше литературы отметим еще следующие работы: J. Innes Miller. The Space Trade of the Roman Empire 29 B. C. — A. D. 641. Ox., 1969, с. 16, примеч. 2; доклады И. Харматты и Р. Панкхерста на IV Международном конгрессе по изучению Эфиопии [IV Congresso Internationale di Studi Etiopici. Roma, 10—15 Aprile 1972. T. 1. Sezione storica. Roma, 1974 (Accademia nazionale dei lincei. Problemi attuali di scenza di cultura. Quaderno № 191), с. 96, 209 и сл.]; G. Mathew. The Dating and Significance of the «Periplus of the Erythraean Sea».— East Africa and the Orient. Cultural Syntheses in pre-colonial Times. Ed. by H. W. Chittick and R. J. Rotberg. N. Y.—L., 1975, с. 147—163.

Заметим, что в 1975 г. Ж. Пиренн вновь подтвердила свою позицию, см.: J. Pirenne. Première mission archéologique française en Hadramout (Yemen du Sud).— Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1975, avril — juin. P., 1975, с. 263—264.

[21] Портуланы — морские навигационные карты, содержавшие тщательно отмеченную береговую полосу.

[22] Ср., однако: Ж. Пирен. Открытие Аравии, с. 327—329.

ЦАРИЦА ХАТШЕПСУТ ПОСЫЛАЕТ ЭКСПЕДИЦИЮ В СТРАНУ БЛАГОВОНИЙ ПУНТ

Около 1493—1492 гг. до н. э.[1]. по приказанию царицы Хатшепсут была снаряжена морская экспедиция в страну благовоний Пунт. Сведения о ней дошли до нас в многочисленных рельефах, рисунках и надписях храма в Дейр-эль-Бахри. В современной науке существует единодушное мнение, что местом назначения этой экспедиции были сомалийское побережье Африканского материка и противолежащий берег Южной Аравии. Столь ценившиеся в древности благовония встречаются только в глубинных районах южноаравийского побережья — в областях Хадрамаута и Дофара, а также во внутренних районах Сомали. Одна из надписей храма в Дейр-эль-Бахри прямо называет «страну Пунт, лежащую на обоих берегах моря», а представленные на этом памятнике туземные расовые типы достаточно убедительно свидетельствуют о том, что центр Пунта должен находиться на южноаравийском берегу[2].

Экспедицию Хатшепсут никоим образом нельзя считать первым проникновением египтян в Пунт. Напротив, ранние египетские путешествия в эту малоизведанную страну предпринимались, по всей вероятности, еще в начале IV тысячелетия до н. э. Древнейшие документальные свидетельства о поездках в Пунт относятся ко времени V династии, датировка которой, впрочем, вызывает у египтологов большие разногласия (пределы колебаний — от XXXII столетия до 2480—2350 гг. до н. э.)[3]. При всяком нарушении стабильности центральной власти на Ниле связи с Пунтом затухали и его приходилось «открывать» снова и снова и каждый раз разведывать к нему дорогу. Мы знаем, к примеру, что такое восстановление торговых связей с Пунтом произошло после объединения египетских номов и создания Среднего царства при фараоне Ментухотепе II (около 2050 г. до н. э.). Приблизительно в 2000 г. до н. э., во время правления фараона Ментухотепа III, экспедиционный отряд численностью три тысячи человек выступил из нильского порта Коптос и через вади Хаммамат направился к Красному морю — в Кусейр. Каждый воин имел при себе мех и два кувшина с водой, а

также двадцать караваев хлеба. Кувшины переносились на коромысле. Все это составляло запас провианта для четырех-пятидневного перехода по пустыне. На протяжении 150 км пути экспедиция выкопала дюжину колодцев для обеспечения водой будущих караванов. В Кусейре был построен и спущен на воду корабль библосской * конструкции, взявший курс на Пунт.

После изгнания из Египта гиксосов, господствовавших с 1730 по 1580 г. до н. э., и восстановления центральной власти царица Хатшепсут вновь приказывает отправить экспедицию в Пунт, эту прославленную страну благовоний. Экспедиция Хатшепсут впервые в истории определенно называется «исследовательской». Хатшепсут постаралась привлечь к ней внимание, что, видимо, вызывалось внутриполитическими причинами: в противовес наступательной политике против Палестины и Сирии, которую отстаивал пасынок и племянник царицы Тутмос III, Хатшепсут старалась подчеркнуть необходимость поддержания мирных отношений с дружественно настроенными соседями.

НАДПИСИ ХРАМА В ДЕЙР-ЭЛЬ-БАХРИ[4]

Слова команды над изображением кормчих:
«Отправляться в Великую Землю!»

Надпись над кораблем, причаленным к берегу:

Пусть будет совершено плавание по Великой Зелени (Красное море) корабля, отправляющегося по прекрасному пути в Землю бога (название родины бога Гора, находившейся, по представлениям египтян, на востоке от Египта; позднее стало одним из обозначений Пунта). Отчаливание от земли с миром по направлению к чужеземной стране Пунт воинов владыки Обеих Земель (одно из названий Египта), согласно повелению владыки богов Амона, владыки тронов Обеих Земель, находящегося во главе Карнака, чтобы доставить для него чудесные вещи всякой чужеземной страны, так как велика любовь его к его дочери Мааткара (тронное имя Хатшепсут), больше, чем к царям, которые были прежде. Действительно, не случалось такого при других царях, живших в этой земле издавна.

Надпись над грузовым судном, нагруженным дарами, привезенными для Хатор Пунта:

Пусть будут разгружены эти большие морские корабли с

дарами для матери его (т. е. Хатшепсут, поскольку Хатшепсут была одной из немногих женщин-фараонов во всей истории древнего Египта, о ней часто говорилось в мужском роде, она носила приставную бороду, как и все остальные египетские фараоны, и ее изображения в целом мужеподобны) корабль за кораблем [...] для Хатор (одна из главных богинь Египта), владычицы Пунта, ради жизни, благополучия и здоровья ее величества.

Приветствие царским посланцам и воинам от властелинов Пунта и их подданных. Перед посланцами ценные дары для Хатор...

Надпись над египтянами:

Прибыл царский посланец в Землю бога вместе с воинами, которые находились позади него, к владыкам Пунта, посланный с вещами всякими прекрасными от двора владыки, да будет он жив, благополучен и здоров, для Хатор, владычицы Пунта, ради жизни, благополучия и здоровья ее величества.

Надпись перед людьми Пунта:

Пришли властелины Пунта, выражая почтение поклоном, чтобы встретить это войско царя. Воздали они хвалу владыке богов Амону-Ра, владыке Обеих Земель, отправившемуся в чужеземные страны.

Надпись над людьми Пунта:

Сказали они, прося мира: «Зачем прибыли Вы сюда в эту чужеземную страну, которая неведома людям? Шли ли вы дорогой неба, плыли ли вы по воде или [шли] по земле? Как радуется Земля бога, что следовали вы велению Ра, так как, что касается царя Та-Мери (=Египет), то нет более пути к его величеству, чтобы мы могли жить дыханием, которое дает он».

Надписи перед изображениями владыки Пунта и его семьи:

Владыка Пунта Перху, его жена Итии, два его сына, его дочь...

Надпись над царским посланником, получающим дары от владыки Пунта:

Приготовление шатра для царского посланника и его войска на террасе, где растет мирра в Пунте по обеим сторонам моря, чтобы принимать вождей этой страны. Переданы для них хлеб, пиво, вино, мясо, фрукты и всякие вещи, нахо-

дящиеся в Та-Мери, согласно повелению, данному владыкой, да будет он жив, благополучен и здоров.

Надпись перед царским посланником:

Получение дани от владыки Пунта царским посланником.

Надпись перед людьми Пунта:

Приход владыки Пунта с дарами его к берегу моря, к царскому посланнику [...для] дворца его величества, да будет он жив, благополучен и здоров, — золото земли Аму (Ам, предположительно к востоку от Нила, на широте 3-го порога), благовония [...]

Надпись над золотыми кольцами, которые нагромождены перед царским посланником:

Золото.

Изображение рубки эбеновых деревьев. Надпись:

Рубятся эбеновые деревья в большом количестве.

Изображение сбора благовонной смолы с деревьев. Надпись:

[...] благовония многочисленные на нем [...] на террасе.

Изображение сцены сбора благовонных растений с земли. Надпись:

Сбор благовонных растений...

Сцена погрузки кораблей. Надпись:

Нагружаются корабли весьма тяжело вещами прекрасными чужеземной страны Пунт, всякими прекрасными растениями Земли бога, грудой смолы мирры с зеленых деревьев мирры, эбеновым деревом и чистой слоновой костью, чистыми золотом Аму, деревом *тишепес* и *хесит*, благовониями *ихмут*, ладаном, черной краской для глаз, павианами, мартышками, собаками, многочисленными шкурами леопардов, (местными) жителями и их детьми. Никогда не приносилось подобного этому для какого-либо царя, жившего на земле прежде.

Сцена отплытия на родину и причаливания в Фивах. Надпись:

Отплытие, благополучное путешествие, причаливание к земле, к Карнаку войска владыки Обеих Земель в радости, а вместе с ними вождей этой чужеземной страны. Привезли они, что никогда не было привезено ими для других царей, удивительные вещи чужеземной страны Пунт, из-за величия и могущества этого прекрасного бога Амона-Ра, владыки тронов Обеих Земель...

4 Зак. 186

Примечания

[1] См. примеч. 2 к «Введению» (примечания к этому и следующим разделам написаны ответственным редактором).

[2] См. примеч. 3 к «Введению». Что же касается выражения «мирра в Пунте по обеим сторонам моря» (так!), то, быть может, полезнее было бы вспомнить о «рынках по ту сторону» из африканской части лоции «Перипла», под которыми подразумевались торговые пункты на африканском побережье, сразу за Баб-эль-Мандебским проливом, в отличие от стоянок на африканском же побережье Красного моря, а вовсе не пункты на аравийском берегу.

[3] По принятой ныне хронологической схеме, V династия в Египте правила в середине III тысячелетия до н. э.; экспедиция в Пунт была проведена при втором царе этой династии — Сахуре.

[4] Приводим надписи в переводе с древнеегипетского научного сотрудника Института востоковедения АН СССР Э. Е. Кормышевой по изданию: История Африки. Хрестоматия. М., 1979, с. 10—17 (с сокращениями).

МОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЦАРЯ СОЛОМОНА В СТРАНУ ЗОЛОТА ОФИР И ПОСЕЩЕНИЕ СОЛОМОНА «ЦАРИЦЕЙ» САВСКОЙ

Около 945 г. до н. э. царь Соломон распорядился о постройке кораблей в городе Эцион-Гебере, у северной оконечности Красного моря. Этот флот совместно с кораблями правившего в Тире финикийского царя Хирама совершил плавание в страну Офир.

Согласно новейшим исследованиям Б. Ротенберга, Эцион-Гебер следует идентифицировать со скалистым островом Фаръун, находящимся в заливе Акаба-Эйлат, вблизи восточного побережья Синайского полуострова. В то же время Н. Глюк на основании своих раскопок полагает, что Эцион-Гебер соответствует нынешней Телль-эль-Хелейфе, лежащей напротив острова Фаръун, вблизи Эйлата (в северной оконечности Акабского залива). Здесь Глюк обнаружил остатки медеплавильных печей, относящихся, видимо, ко времени Соломона.

Местоположение Офира спорно. Переводчики Библии на греческий язык (Септуагинта) искали его в Индии; В. Ф. Олбрайт и другие ученые полагают, что он мог находиться на африканском побережье — в Эфиопии и Сомали; Бертон помещает Пунт в Мидиане — на северохиджазском побережье, Кин — в Сабейском государстве, А. Шпренгер и Б. Мориц —

в крайних южных областях Красноморского побережья современной Саудовской Аравии.

По мнению Г. фон Виссмана, можно привести ряд веских доводов в пользу локализации Офира именно в последней из названных областей, а точнее, на побережье Асира, между Кунфудой и вади Байш. Доводы эти следующие.

1. В Бытии X, 26—29 (примерно VIII в. до н. э.) Офир описывается как один из сыновей Йоктана *. Территория же, приписываемая этим сыновьям Йоктана, ограничивалась оседлыми районами Южной Аравии — от Асира на севере до Хадрамаута и Дофара на востоке.

2. В Бытии X, 26—29 в прямой последовательности названы Саба, Офир и Хавила. Хавилу же большинство ученых вполне основательно идентифицируют с Хауланом, что подтверждается и эпиграфическими памятниками.

3. В Бытии II, 11—12 первая река, вытекающая из рая, именуется Пишон: «Первая называется Пишон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото этой земли хорошее». Действительно, в Северном Хаулане находятся золотые копи, которые и в средние века сохраняли свое значение. Они были подробно описаны еще Агатархидом * во II в. до н. э. Северную границу Хаулана образует непересыхающее вади Байш. Она огибает Северный Хаулан в виде подковы, Р. Риттер и Г. фон Виссман считают ее библейским Пишоном. К северу же от вади Байш лежит Асир с его золотоносными копями, т. е. Офир.

4. В Сомали встречается кристаллическая горная порода, в которой иногда попадается золото. Однако вблизи морского побережья эта порода не обнаружена. Напротив, в Мидиане и Эритрее, а особенно в Асире золото находят не только в руслах вади, но и в кристаллических породах. В Асире золото попадается и вблизи побережья. Вплоть до новейших времен здесь в городе Дахабан (у Птолемея — Фивы) золото находили в непосредственной близости от берега. Агатархиду было известно о наличии здесь золота возле Дебая.

5. В I Книге Царей X, 11—12 сообщается о том, что корабли Хирама доставили из Офира золото, дерево альмуггим и драгоценные камни. Во II Книге хроник II, 8 Соломон просит Хирама поставить ему из Ливана кедры, кипарисы и дерево альгуммим (альмуггим). Соответственно альмуггим не может быть индийским сандаловым деревом, как это принято считать. Единственный вид дерева, встречающийся как на Ливане, так и в Асире, — это местный можжевельник, растущий в горах Асира целыми лесами, спускающимися к морскому берегу. Поэтому весьма вероятно, что под альмуггимом подразумевается именно это дерево, тем более что оно, буду-

чи единственным деревом на берегах Красного моря, должно было играть важную роль в местном кораблестроении (ср., однако: G. Ryckmans. Ophir. Supplément au dictionnaire de la Bible VI, 24, Sp. 744—751).

6. В I Книге Царей X, 22 также упоминаются корабли Соломона, плававшие вместе с флотом Хирама. Они доставляли золото, серебро, слоновую кость и обезьян — самцов и самок. Офир в этом тексте, однако, не упоминается. Вероятно, эти корабли плавали не только в Офир, но и в другие сабейские гавани и к африканскому побережью — в Эритрею, где до времен Птолемеев в изобилии встречались слоны. То, что эти корабли «один раз в три года» возвращались домой, может означать лишь, что они отплывали осенью первого года и возвращались весной на третий год (В. Ф. Олбрайт).

7. История визита «царицы» Савской включена в сообщения о плаваниях в Офир. Это ясно показывает, что оба рассказа тесно связаны друг с другом. Хаулан и, по-видимому, Асир (Офир) были частями Сабейского государства. Царица Савская привезла с собой благовония, золото и драгоценные камни; из Офира же доставляли помимо золота и драгоценных камней и дерево альмуггим [5].

ИЗ КНИГИ ЦАРЕЙ

И сделал Соломон корабли в Эцион-Гебере, что при Эйлате, на берегу Тростникового моря, в земле Эдом. И послал Хирам на кораблях своих людей, моряков, знающих море, со слугами Соломоновыми. И прибыли они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону... (I Кн. Царей IX, 26—28).

И царица Савская, услышав о славе Соломона, которой он удостоился через имя Господне, пришла, чтобы испытать его загадками. И пришла она в Иерусалим с весьма большой свитой. Верблюды были навьючены благовониями, и золотом в большом количестве, и драгоценными камнями... (I Кн. Царей X, 1—2).

И подарила она царю сто двадцать талантов золота, и великое множество благовоний, и драгоценные камни. Никогда не привозили столько благовоний, сколько подарила царица Савская царю Соломону. И корабль Хирама, который возил золото из Офира, доставил из Офира великое множество дерева альмуггим и драгоценные камни... [6] (I Кн. Царей X, 10—11).

Примечания

[5] См. примеч. 4 к «Введению».

[6] Если даже считать, что рассказы о плавании в Офир и о визите к Соломону «царицы Савской» «тесно связаны друг с другом», то, как показывает последний отрывок, их объединяет лишь описание сокровищ, собранных Соломоном из разных источников для одной цели — сооружения храма и дворца.

ЭКСПЕДИЦИЯ СКИЛАКА ИЗ КАРИАНДЫ В ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

У Геродота, жившего в середине V в. до н. э., мы находим следующее сообщение. Скилак из Карианды, происходивший из древнего морского народа карийцев, выполняя поручение персидского царя Дария, спустился вниз по Инду, проплыл вдоль северного побережья Индийского океана и южного побережья Аравии и добрался по Красному морю до нынешнего Суэца. Это, по всей видимости, очень тщательно осуществленное путешествие потребовало двух с половиной лет и датируется 520—518 гг. до н. э.

В рассказе Геродота есть отдельные погрешности, но в целом он подтверждается сообщением милетца Гекатея (около 549—479 гг. до н. э.), который, возможно, даже был знаком с оригиналом донесения Скилака.

Нам известна и еще одна экспедиция из Красного моря в Персидский залив. Сведения о ней содержатся в клинописных и иероглифических надписях на четырех памятниках царю Дарию, стоявших у канала, соединявшего Нил с Красным морем. Надписи, в частности, сообщают, что этот судоходный канал был прорыт по приказу Дария.

На одной из стел в описании путешествия упоминается «Šb». Это могла быть какая-либо из гаваней Сабы (Šebā) в южной части Красного моря, вероятнее всего на его аравийской стороне (возможно, Шабат возле Байт-эль-Факиха).

ГЕРОДОТ IV, 44

Бо́льшая часть Азии стала известна при Дарии. Царь хотел узнать, где Инд впадает в море (это ведь единственная река, кроме Нила, где также водятся крокодилы). Дарий послал для этого на кораблях нескольких людей, правдивости которых он доверял. Среди них был и Скилак кариандец. Они отправились из города Каспатира в Пактии * и поплы-

ли на восток вниз по реке до моря. Затем, плывя на запад по морю, на тридцатом месяце прибыли в то место (как я сказал выше), откуда египетский царь послал финикиян в плавание вокруг Ливии[7]. После того как они совершили это плавание, Дарий покорил индийцев и с тех пор господствовал также и на этом море. Таким-то образом было выяснено, что Азия (кроме ее восточной стороны), подобно Ливии, окружена морем (Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. Л., 1972, с. 198).

НАДПИСИ НА СТЕЛАХ, НАЙДЕННЫХ У СУЭЦКОГО КАНАЛА

...Я приказал прорыть этот канал от реки Пирава (Нил), которая течет в Египте, до моря, которое простирается до Персии. Затем этот канал был прорыт, как я повелел, и корабли пошли из Египта через этот канал в Персию... (Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963, с. 366).

Примечания

[7] Имеется в виду плавание, совершенное при фараоне Нехо (610—595 гг. до н. э.).

ЭКСПЕДИЦИЯ НЕАРХА В ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

В 326 г. до н. э. Александр Великий, стоявший тогда с войском в индийском Пятиречье, был вынужден отказаться от своего плана дойти до крайних пределов Азии. Его македонцы не хотели следовать за ним дальше. Александр спустился со своим войском вниз по Инду до самой Дельты и в сентябре 325 г. до н. э. выступил из Патталы на запад. Маршрут этого перехода, стоившего Александру многих потерь, пролегал по прибрежным областям арабитов и ореитов через Белуджистан к Хормозу.

21 сентября 325 г. до н. э., вскоре после выступления в путь Александра, отплыл и построенный в дельте Инда флот. Командование им Александр поручил своему другу детства Неарху, уроженцу острова Крит. Кормчим царского корабля, членом военного совета и советником Неарха был Онесикрит с Астипалеи, маленького островка вблизи Крита. 15 декабря Неарх уже мог сообщить вступившему в Хормоз Александру о прибытии флота в Персидский залив. В конце января

324 г. до н. э., после 130 дней плавания, флот достиг устья Евфрата. К организации этого плавания Александра побуждали два обстоятельства. Во-первых, он хотел таким способом доставить на родину часть своего войска. Во-вторых, политические условия заставляли его стремиться уточнить сведения о южных границах Азии и о морских путях вдоль северного берега Индийского океана.

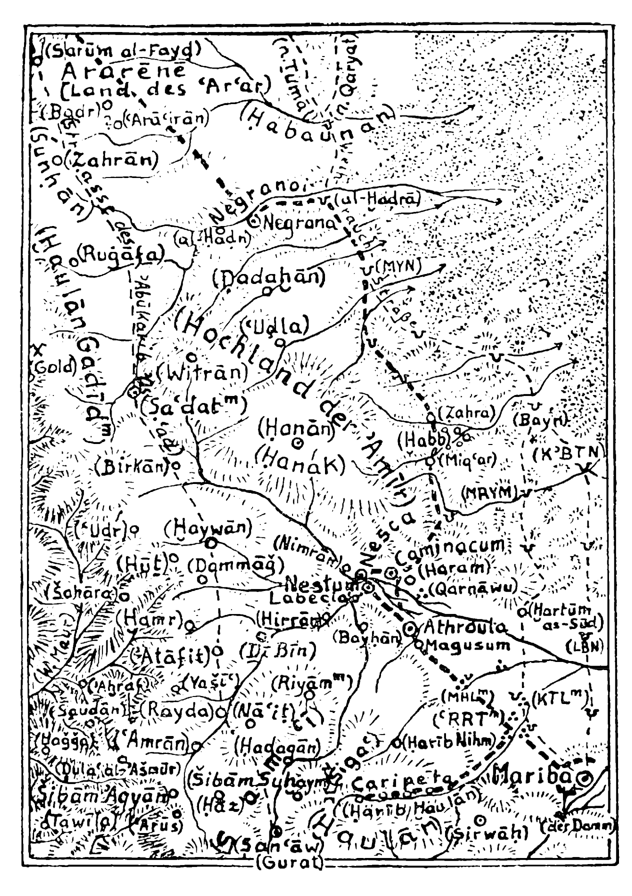
Находясь в море, Неарх и его спутники имели возможность наблюдать берега Аравии, но на сушу не высаживались. Для обследования Аравийского побережья в 324 г. до н. э. было специально послано несколько кораблей. Александр также предполагал отправить весной 323 г. до н. э. большой флот во главе с Неархом в плавание вдоль берегов всей Аравии — от устья Евфрата до северных вод Красного моря. Этот план сорвался из-за болезни и смерти Александра, последовавшей 8 июня 323 г. до н. э.

Отчет Неарха о его путешествии в оргинале не сохранился. Он дошел до нас в довольно точном пересказе Флавия Арриана (около 96—117 гг. н. э.) в его «Indiké». Краткие сведения об этом плавании содержатся также у Страбона (XV, 696; XVI, 767), Плиния Старшего (Nat. Hist. VI, 21) и Плутарха (Александр 68 и 76). Главным источником Плиния служил отчет Онесикрита, подлинный текст которого также был впоследствии утрачен.

Сообщением о том, что Александр намеревался совершить плавание вокруг всего Аравийского полуострова, и о других подготавливавшихся экспедициях мы обязаны Плутарху (Александр 68) и в особенности Флавию Арриану. Теофраст (Hist. plant. IV, 4, 1 и сл.) также рассказывает о флоте, во главе которого, по-видимому, стоял Анаксикрат и который был послан Александром из Героонполя (у Суэца) для исследования берегов Аравийского полуострова. Этот флот, вероятно, проник до страны благовоний Дофара, на южном берегу полуострова. Дофар тогда входил в состав государства Хадрамаут. Теофраст относит к южноаравийским странам Сабу, Адрамиту (Хадрамаут), Китибайну (Катабан с проливами и Аденом) и Мамали (Ma'mali — Страна копей, видимо, золотоносные районы Хаулана и Асира, прежнего Офира).

ФЛАВИЙ АРРИАН. ИНДИЯ 32, 6—8

Отсюда [8], проплыв 800 стадий, они пристали к пустынному берегу. Отсюда они увидели большой гористый мыс, далеко вдающийся в море; этот мыс, казалось, отстоит на один



H. Wissmann

Южная Аравия на рубеже нашей эры

— — — — маршрут похода Элия Галла

день плавания; люди, знающие эти места, говорили, что этот далеко выдающийся мыс относится уже к Аравии и называется Макета, что отсюда вывозятся в Ассирию корица и другие такого же рода пряности. И от того берега, где на якорях в открытом море стоял флот, и до того горного мыса, который они видели сильно выдающимся в море, простирается внутрь залив (это мнение и мое, и равным образом таково же мнение Неарха), образуя, как вполне вероятно, Эритрейское море[9]... (см.: Арриан. Индия. — «Вестник древней истории». 1940, № 2).

Примечания

[8] Примерно от входа в Ормузский пролив, следуя вдоль восточного побережья.

[9] Здесь — современный Персидский залив. Относительно географического понятия «Эритрейское море», «Красное море» в древности см.: История Африки. Хрестоматия, с. 99—100.

ПОХОД ЭЛИЯ ГАЛЛА В СЧАСТЛИВУЮ АРАВИЮ (Arabia Felix)

Гней Помпей Великий планировал в 65 г. до н. э. подчинить отдельные районы Аравии, действуя с территории Сирии. Однако он не продвинулся дальше набатейской Петры, лежавшей к юго-востоку от Мертвого моря. Когда в 31 г. до н. э., после битвы при Акции *, Египет стал римской провинцией, Август снова обратился к плану Помпея, но его основной целью была Юго-Западная Аравия — Arabia Felix — Счастливая Аравия в собственном смысле слова. Богатства этой страны, накопленные в торговле с Индией и благодаря собственной добыче благовоний и золота, а также роскошь ее правителей были хорошо известны, но сильно переоценивались на основе сообщений Агатархида о Сабе. В этих сообщениях, впрочем, указывалось также и на деградацию и военную отсталость сабейцев.

В 25—24 гг. до н. э. наместник Египта Элий Галл предпринял поход в Южную Аравию, подробное описание которого дает Страбон (Geogr. XVI, IV, 22—24). Более краткие рассказы мы находим у Плиния Старшего (Nat. Hist. VI, 160 и сл.) и у Диона Кассия (История Рима LIII, XXIX, 3—8)[10]. На основе сообщений Страбона и Плиния можно достаточно точно проследить весь поход Элия Галла. Из Наджрана, царь которого спасся бегством, войско прошло

вдоль прежней Дороги благовоний к «реке». Единственная река в этой области — Мадаб. В его окруженной пустынями дельте находился оазис, где стояли маинские города, входившие тогда в Сабейское государство (см.: H. von Wissmann. Himyar. Ancient History. — «Le Muséon». 77. 1964, с. 429—499). Сабейцы потерпели здесь поражение. Римское войско достигло укрепленных городов Каминака (Каминаху), Неста (Нашан), Нески (Нашк), руководитель обороны которых бежал, и Атрул (или Афрул) — вероятно, древнего Ясиля, некогда свободного маинского города. Всегда склонный к возмущению против Сабы, он, по-видимому, добровольно открыл свои ворота и стал для римлян опорным пунктом (это единственное местное название, приводимое Дионом Кассием в его рассказе о походе Элия Галла). Совершив вспомогательный марш в сторону западного плоскогорья до Карипеты (видимо, Хариб Хаулан), римляне начали осаду великой сабейской столицы Мариба[11]. Его защитой руководил Илазар (Илшарах, брат царя Сабы Замар'али Байина). Он предводительствовал главными войсками рода рамманитов (Райман). Разразившаяся в римском войске эпидемия (Дион Кассий), видимо, явилась главной причиной, принудившей римлян уже через шесть дней снять осаду и начать поспешное отступление (Ж. Пирени, А. Марик). Страбон, с которым Элий Галл был в дружеских отношениях, возлагает вину за провал похода на араба Силлея (Силлая). Поход этот, впрочем, не был должным образом подготовлен, и римляне были совершенно ошеломлены возникшими перед ними трудностями. Силлей, наместник Южной Набатеи, был впоследствии обезглавлен в Риме[12].

СТРАБОН. ГЕОГРАФИЯ XVI, IV, 22—24

Много своеобразных особенностей Аравии стало известно нам благодаря недавнему походу римлян против арабов, который был совершен в наше время под предводительством Элия Галла. Август Цезарь послал Галла для изучения этих племен и мест не только в Аравии, но и в Эфиопии. Август видел, что смежная с Египтом Троглодитика находится по соседству с арабами и что Аравийский залив, отделяющий арабов от троглодитов, совсем узок. Поэтому он возымел намерение сделать арабов друзьями или же покорить их. Было у него, впрочем, еще одно важное соображение — распространенная с давних пор молва об их огромных богатствах, так как они-де обменивали свои благовония и драгоценнейшие камни на серебро и золото, но сами никогда ничего не тра-

тили из полученного в обмен. Таким образом, Август рассчитывал приобрести богатых друзей или же одолеть богатых врагов. Кроме того, решимости Августу придала ожидаемая помощь набатеев *, так как они были «друзьями» и обещали всемерное содействие римлянам.

При таких обстоятельствах Галл предпринял поход. Однако правитель набатеев Силлей обманул его. Силлей, хотя и обещал Галлу быть проводником в походе, снабжать войско всем необходимым и во всем помогать, между тем всюду действовал изменнически: он не указывал ни безопасного морского пути вдоль берега, ни сухопутной дороги; например, на суше он вел римлян по бездорожной местности, окольными путями через совершенно бесплодные области, а по морю — вдоль скалистых берегов, лишенных гаваней, по мелководью или среди подводных камней. Однако особенный вред в таких местах причиняли римлянам морские приливы и отливы. Первой ошибкой Галла было то, что он приказал построить военные корабли, хотя не было и не ожидалось никакой морской войны. Да и на суше арабы не были особенно храбрыми воинами, будучи скорее торговцами и купцами, а тем более на море. Между тем Галл велел построить не менее 80 судов — бирем, трирем и легких судов — в Клеопатриде, около древнего канала из Нила в залив. Как только Галл понял обман, он построил 130 грузовых судов и отплыл на них с 10 000 пехотинцев из числа римлян, находившихся в Египте, а также союзников; среди последних было 500 иудеев и 1000 набатеев под предводительством Силлея.

Претерпев много мук и лишений, Галл на пятнадцатый день прибыл к Левке Коме, большому торговому центру в земле набатеев. Из-за несчастного плавания, а не от какого-нибудь врага он потерял много судов, причем несколько даже погибло вместе с экипажем. Эти бедствия были вызваны вероломством Силлея, который объявил, что по суше войску нет дороги к Левке Коме, хотя купцы с верблюжьими караванами туда и оттуда — из Петры и в Петру — легко и безопасно ходят с таким количеством людей и верблюдов, что эти караваны ничем не отличаются от войска.

Впрочем, это произошло потому, что царь Обода [13] не слишком усердно занимался общественными делами и в особенности военными (в этом общая слабость аравийских царей), но все предоставил на произвол правителя Силлея. Последний во всем действовал коварно и, как я думаю, старался разведать эту страну, чтобы покорить вместе с римлянами несколько их городов и племен, а затем самому сделаться владыкой над всеми после гибели римлян от голода,

утомления, болезней и прочих бедствий, которые он изменнически им подстроил [14]. Тем не менее Галл высадился в Левке Коме, причем его войско уже страдало двумя местными болезнями — цингой и слабостью в ногах; первая проявлялась в виде паралича рта, а вторая — в параличе ног вследствие губительных свойств местной воды и трав. Во всяком случае, он был вынужден провести там лето и зиму в ожидании выздоровления больных. Из Левке Коме грузы благовоний доставляют в Петру, а оттуда в Риноколуры, что в Финикии, близ Египта, а затем к другим народам. Теперь, однако, эти грузы идут большей частью по Нилу в Александрию; из Аравии и Индии их везут в Миос Гормос, затем переправляют на верблюдах в Копт в Фиваиде, расположенной на Нильском канале, а потом в Александрию. Выступив из Левке Коме, Галл шел по таким местностям, что из-за вероломства проводников даже воду приходилось подвозить на верблюдах. Поэтому ему удалось только спустя много дней прибыть в землю Ареты, родственника Ободы [15]. Арета, правда, оказал ему дружественный прием и поднес подарки, но из-за измены Силлея переход через эту страну оказался также затруднительным. Во всяком случае, Галлу пришлось потратить 30 дней, чтобы пройти через страну, где можно было достать только полбу, немного фиников и коровьего масла вместо оливкового, так как они шли по местности, лишенной дорог. Следующую область, куда прибыл римский полководец, занимали кочевники, но на самом деле бо́льшая ее часть представляла настоящую пустыню. Она называлась Арареной; царем ее был Саб [16]. Через эту землю Галлу пришлось пробираться непроходимыми путями, потратив 50 дней до города Негран в стране мирной и плодородной. Царь страны бежал, и город был взят приступом. Отсюда войско через 6 дней прибыло к Реке, где и произошла битва римлян с варварами, причем последних пало около 10 000, а со стороны римлян — только 2 человека. Будучи совершенно невоинственными, варвары не умели обращаться с оружием, именно: луками, копьями, мечами и пращами; большинство их было вооружено обоюдоострыми секирами. Тотчас после сражения был взят город под названием Аска, покинутый царем. Отсюда Галл прибыл в город Афрулы; овладев им без боя, он оставил там охранительный отряд. Затем, заготовив хлеба и фиников на дорогу, он достиг [города] Марсиабы, который принадлежал племени рамманитов, подвластному Иласару [17]. Напав на город, Галл 6 дней вел осаду, но вынужден был отступить из-за недостатка воды. Он находился, по сообщениям пленников, на расстоянии двухдневного перехода от Страны, производящей благовония [18], а ему пришлось потратить 6 месяцев

на переходы из-за скверных проводников. Слишком поздно, лишь на возвратном пути, он понял, что стал жертвой злого умысла, и пошел назад по другим дорогам. На девятый день он прибыл в Неграны, где произошла битва, а оттуда на одиннадцатый день — в Гепта Фреата — место, названное так, потому что там 7 колодцев. Отсюда, двигаясь по мирной стране, он прибыл в селение Хааллы и затем в другое селение — Малофа, лежащее у реки. Дальнейший путь шел через пустынную местность, где было мало водоемов, до селения Эгры. Это селение находится в стране Ободы, у моря [19]. На обратный путь Галл затратил 60 дней, употребив на первое путешествие 6 месяцев. Отсюда он переправил свое войско в Миос Гормос [20] за 11 дней; затем, переложив багаж на вьючных животных, прошел сухим путем в Копт и со всеми, кому досталось счастье выжить, прибыл в Александрию. Остальных воинов он потерял, но не от руки врагов, а от болезней, бедствий, голода и бездорожья; от войны погибло только 7 человек. По этим причинам этот поход не принес большой пользы для познания этих областей, хотя все же оказал этому некоторое содействие. Виновник неудачи похода — Силлей — понес наказание в Риме; хотя он прикидывался другом, но кроме этой измены был уличен еще и в других преступлениях и обезглавлен [21] (Страбон. География в 17 книгах. Пер., статья и коммент. Г. А. Стратановского. М., 1964, с. 721—723).

ПЛИНИЙ. ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ VI, 160—161

До настоящего времени единственно лишь Элий Галл из всаднического сословия ввел римские армии в эту страну, ибо Г[ай] Цезарь, сын Августа, видел Аравию лишь издали [22]. Галл разрушил города, не называвшиеся предшествующими авторами: Неграну, Нест, Неску, Магус, Каминак, Лабецию и названную выше Марибу окружностью 6000 шагов, а также Карипету — самое дальнее место, которого он достиг. Остальное он сообщает на основании устных рассказов [23]: кочевники живут скотоводством и охотой на дичь [24], прочие наподобие индов выжимают вино из пальм, а масло — из сезама. Самое густое население — в стране хомеритов [а][25], у минеев — плодородные поля, пальмовые рощи, они богаты скотом; кеубаны [б] и арреи превосходят других как воины, но особенно

[а] Химьяр (это и последующие постраничные примечания даны составителями — О. Баумхауэром и Г. фон Виссманом).
[б] Катабан.

[это относится] к хатрамотитам; у карреев — огромнейшие и плодороднейшие поля; сабейцы же наиболее богаты из-за лесов, изобильных благовониями, из-за наличия у них золотых рудников, обводненности их полей и производства меда и воска.

Примечания

[10] Кроме того, сведения о походе Галла содержатся у Иосифа Флавия (Иудейские древности XV, 317), затем в так называемом «Анкирском памятнике» — надписи, посвященной «деяниям божественного Августа» и составленной на латинском и греческом языках. Не исключено также, что именно о нашем Галле ведет речь великий римский врач Гален в своей книге «О противоядиях», когда описывает средство от укуса змей и скорпионов, которое некий Элий Галл давал императору и которое он вывез из Аравии (Galen XIV, 189, 203).

Важное значение имеет, как мы увидим ниже, вопрос об источниках сообщений Страбона и Плиния Старшего. Страбон, по-видимому, получил сведения о походе из уст самого Галла, с которым состоял в самых дружеских отношениях. Плиний же — он сам говорит об этом — предпочитает при описании Аравии «следовать за римской армией и за царем Юбой в его книгах об этом походе, написанных для самого Гая Цезаря» (VI, 141).

Если учесть, что единственной экспедицией в Аравию, по признанию самого Плиния, был поход Элия Галла (см. с. 61), то именно он подразумевался в выражении «этом походе», и, таким образом, источником Плиния при описании похода Элия Галла являлись сообщения, приведенные Юбой II, царем Мавретании и плодовитым писателем (50(?) г. до н. э. — 23 (?) г. н. э.), в его записке «Об Аравии», составленной по поручению Гая Цезаря, внука императора Августа, готовившегося к новому походу в Аравию, но скончавшегося в 4 г. н. э., в разгар этой подготовки.

[11] См. с. 61 и примеч. 17.

[12] См. ниже, примеч. 21.

[13] Имеется в виду набатейский царь Ободат II (28—9 гг. до н. э.).

[14] Относительно действительной роли Силлея (Силлая) в неудачном, прямо скажем гибельном, походе Элия Галла мнения ученых расходятся. Одни (большинство) присоединяются к мнению Страбона, другие полагают, что Силлей ни в чем не виноват и сам Галл, вернее, его ошибки послужили истинной причиной гибели войска. Действительно, префект Египта в довольно сбивчивом рассказе Страбона выглядит большим путаником (не следует забывать также о том, что Август придавал Египту слишком большое значение, чтобы послать туда совершеннейшего недотепу): он строит военный флот и потом узнает, что этот флот не нужен. Если он узнал об этом «не сходя с места», то почему он не поинтересовался состоянием дел у арабов до того, как приступил к строительству? Если же флот выходил в море и столкнулся с кораблями арабов, то почему Страбон об этом не говорит? Далее, постройка военных судов, а затем и 130 грузовых судов происходила «в Клеопатриде, около древнего канала из Нила в залив», а это означает, что римлянам пришлось работать в чрезвычайно трудных условиях недостатка пресной воды, губительных свойств местных источников и т. п., а затем всему войску волоком перетаскивать суда в открытое море через Горькие озера, сквозь которые проходил канал, ко времени Галла заброшенный и сильно помелевший. Именно поэтому, как мы увидим ниже, войско прибыло в Левке Коме (Эль-

Айнуна) уже больным. Но зачем войску было вообще плыть в Левке Коме, из которой, как это видно по описанию Страбона, ни одна из дорог не вела на юг, к цели похода?

Совершенно очевидно, что и Галл допустил промахи, и Силлей не без греха. По-видимому, предполагалось, что построенные в Клеопатриде корабли (о том, что же произошло в связи с постройкой военного флота, мы так, вероятно, и не узнаем) будут перегнаны в Левке Коме и там на них для плавания на юг погрузится войско, которое пешим маршем и по хорошо обустроенной и снабженной колодцами и станциями дороге пройдет сюда через Петру. Однако это означало бы для набатеев пустить в Петру целый легион римлян да еще 500 отборных воинов Ирода, своего смертельного врага. Иначе говоря, это было бы равносильно оккупации! Именно поэтому, вероятно, Силлей настойчиво утверждал, будто от Петры к Левке Коме не пройти и что «при любом раскладе» через Петру на юг дороги нет. Зато, думается, он всячески расписывал прелести морского похода. Галл послушался, и только уже в пути обнаружились последствия пребывания войска в районе Клеопатриды и познаний араба пустыни Силлея в мореходстве. Нужно было срочно приставать к первой же гавани, а такой гаванью и была Левке Коме. Как видно из последующего, Галл, оказавшись в Левке Коме и пробыв здесь почти полгода, так и не понял, что его водили за нос, ведь единственный сухопутный маршрут отсюда на юг опять же пролегал через Петру (т. е. сначала на северо-восток в Петру, а затем оттуда на юг по Дороге благовоний). Но он вновь повел войска за Силлеем, который предпочел углубиться в бездорожье пустыни, лишь бы не навести римлян на столицу. Лишь позже Галл узнал, что дорога из Левке Коме на Петру существует, весьма оживленная в обычное время дорога.

[15] Будущий Арета IV, царь набатеев (8 г. до н. э.— 40 г. н. э.).

[16] Ни область, ни правитель не поддаются отождествлению.

[17] У Страбона именно так — «Марсиаба», однако, согласно Плинию (см. с. 61) и «Анкирскому памятнику», Элий Галл дошел до Мариба. По мнению Ж. Пиренн, в основе неправильной передачи названия Элием Галлом лежит воспринятое на слух от пленных или местных проводников выражение «Мариб Саба» (или, быть может, «Мариб-зу-Саба»?), т. е. («город) Мариб (страны) Саба».

Об Иласаре (Илшарахе) см. с. 58.

[18] Т. е. от Хадрамаута, который носил такое название у античных географов.

[19] Т. е. уже в пределах Набатеи. Эгры — древняя Хегра, современный Мадаин-Салих в Северо-Западном Хиджазе, некогда южный форпост набатеев на Дороге благовоний. Сама Хегра не лежала на побережье, но в ней от южного пути ответвлялась дорога к морю (через Эль-Улу), которая выходила на побережье у современного Эль-Ваджха.

[20] Древняя гавань Миос-Гормос (Ракушечная гавань, или Мышиная гавань) находилась в прибрежной части плато, носящего ныне название Абу-Шаар-эль-Кибли (АРЕ), и была связана караванным путем с Коптосом (современный Кифт) на Ниле.

[21] Согласно Иосифу Флавию, Силлей был казнен вовсе не за обман и измену Галлу; во время краткого междуцарствия после смерти царя Ободата II (9 г. до н. э.) рвущийся к власти Силлей постарался уничтожить как можно больше своих вероятных соперников из представителей набатейской знати, внешне изъявляя в то же время полную покорность римлянам. Тем не менее на трон вступил Арета IV, по настоянию которого Силлей был вызван в Рим и там казнен за злодеяния (около 8 г. до н. э.). (Иуд. древности XVI, 7—10; XVII, 2—4).

[22] См. примеч. 10 к этому разделу.

[23] В тексте cetera explorata retulit. что было бы лучше переводить:

«Прочие достоверные сведения, которые он передал». Это место текста с очевидностью обличает неправомерность выдергивания цитат из контекста составителем. Действительно, возникает вопрос: кому должны предшествовать анонимные авторы Плиния, вернее, кто первый упомянул названные города? Далее кто «он», сообщивший «на основании устных рассказов»? И т. д. Читателю может показаться, что в обоих случаях этим человеком является сам Галл (на чем, между прочим, строятся целые концепции). На самом деле цитата может быть правильно понята лишь в контексте параграфа 141 той же книги, из которого явствует, что в обоих случаях автором является Юба II Мавретанский (см. выше, примеч. 10) и что во втором случае сведения вообще не восходят к Элию Галлу.

[24] В тексте Nomadas lacte et ferina carne vesci, что было бы правильнее переводить: «Кочевники питаются молоком и дичью».

[25] В тексте numerosissimos esse homeritas, что было бы лучше переводить: «Хомериты — самые многочисленные» или «Самый многочисленный [народ] — хомериты».

«ПЕРИПЛ ЭРИТРЕЙСКОГО МОРЯ»[26]

Навигационный справочник, известный под названием «Перипл Эритрейского моря», служил основным руководством для греко-египетских купцов в их плавании по Индийскому океану. В последнее время выяснилось, что известный нам вариант этого сочинения восходит к III в. н. э. (Ж. Пиренн, А. Марик); однако вполне возможно, что некоторые его части были взяты из редакций, выполненных в предыдущие два столетия.

Около 210 г. н. э. в Химьяритском царстве, которому тогда были подвластны оба берега Баб-эль-Мандеба, правил некий Кариб'ил. Его резиденцией служил город Зафар, где возвышался царский замок Райдан. Райдан расположен на высоте почти 3000 м над уровнем моря, среди обильного дождями плато, окруженного горами юго-западного хребта. В это же время царем Хадрамаута был Ил'азз Йалит. Его столица Шабва стояла на самой окраине внутренних южноаравийских пустынь. К этим царям, по всей видимости, относятся встречающиеся в «Перипле» имена — Харибаэл и Элеаз.

Античный автор Клавдий Птолемей, живший в середине II в. н. э., обладал весьма обстоятельными знаниями о Химьяре и Хадрамауте, о чем свидетельствует его «География». Рим уже тогда поддерживал дружественные связи с этими двумя государствами. Напротив, с Сабой и Хабашат (Эфиопия) отношения были напряженными. Незадолго до этого Катабан был завоеван Хадрамаутом, и теперь три южноаравийских государства — Саба, Химьяр и Хадрамаут — стояли лицом к лицу друг с другом. Те же отношения с Римом мы находим и во времена химьяритского царя Кариб'ила и хад-

рамаутского царя Ил'азза. Эпиграфические памятники сообщают, что Ил'азз в качестве долголетнего правителя страны благовоний поддерживал разносторонние связи с высокоцивилизованными странами древнего мира. При его дворе постоянно находились посольства Химьяра, Пальмиры (Тадмор), Халдеи (Кашад) и Индии. В одном из текстов также упоминается, что как-то раз *хадрамаутского* (курсив мой. — *Г. Б.*) царя во время поездки к «башне Анвад», расположенной на скале, возвышавшейся над оазисом Шабвы, сопровождало десять женщин из племени курайш[27]. Как известно, это племя впоследствии получило преобладающее влияние в Мекке (см.: A. Jamme. The Al 'Uqlah Texts. Catholic University. Wash. D. C., 1963).

Со времен императора Нерона (54—68) из Египта в Индию плавали только с одной промежуточной высадкой на берег (Плиний. Естественная история VI, 104), преимущественно в Окелисе (в Баб-эль-Мандебском проливе) или в хадрамаутском порту Кане. В Индийском океане пользовались муссонами, меняющими свое направление каждые полгода, и пересекали открытое море. Таким образом, Южная Аравия в период с I по III столетие н. э. оказалась на середине пути между Римской империей (в лице Египта) и Индией, манившей к себе своими тропическими богатствами. Данные Птолемея (до 150 г. н. э.), «Перипла» (не позднее 210 г. н. э.) и современных археологических раскопок показывают, что римская торговля с Индией была очень оживленной на этом морском пути, огибавшем Месопотамию и Иран и, таким образом, не подверженном угрозам со стороны враждебного Риму Парфянского государства.

Раскопки обнаружили некогда процветавший римский торговый центр даже на восточном побережье Индостана. Это был укрепленный пункт, просуществовавший не менее двух столетий. Он назывался Пудучери (у Птолемея и в «Перипле» — Подуке) и находился в Арикамеду, вблизи нынешнего тамильского Путтуччери (Пондишери) [см.: Sir Moritimer Wheeler. Rome beyond the Imperial Frontiers. L., 1955 (Pelican Book)].

Во времена составления «Перипла» торговые колонии южноаравийского Химьяритского государства находились в современной Танзании. Эти поселения, центром которых была Рапты (близ нынешнего Дар-эс-Салама), существовали уже в I столетии до н. э. (Юба — у Плиния). Продукты влажных тропиков поступали в Рим и из этих областей, хотя и не в таком объеме, как из Индии.

Основными предметами экспорта из Южной Аравии были благовония (Хадрамаут) и мирра (Химьяр). Эти высоко це-

5 Зак. 186

нившиеся товары отправляли в средиземноморские страны, где спрос на них для культовых церемоний был велик.

В I столетии до н. э. Дорога благовоний из Южной Аравии к Средиземному морю потеряла свое значение как путь дальней караванной торговли. С тех пор перевозку грузов начали осуществлять почти исключительно по морю.

ИЗ «ПЕРИПЛА ЭРИТРЕЙСКОГО МОРЯ»

§ 16 [28]: «Отсюда [29] в двух морских переходах вдоль побережья находится последний рынок Азании [а], называемый Рапты [б] — по упомянутым выше лодкам (из сшитых кож) (см. § 15). Здесь также очень много слоновой кости и черепаховых панцирей... Управляет же этой областью, перешедшей на основании древнего права под власть царства нынешней Первой Аравии [в], правитель Мофаритиды [г]. По велению же царя [31] податью за эту область облагаются жители Музы, и они посылают туда фелуки, большей частью с кормчими и командой из арабов, которые, будучи связаны с местными жителями общими обычаями и браками, знают и их язык, и сами эти места».

В § 19 и 20 описывается западное побережье Аравии к югу от Левке Коме (Янбо) [32] с его рыбацкими хижинами, кочевым и оседлым (в оазисах) населением, промышляющим морским разбоем. Это побережье опасно из-за коралловых рифов. Поэтому корабли, выйдя из южной гавани Египта Береника, держались середины открытого моря [33], ориентируясь на Выжженный (остров) (ныне вулкан Джебель-Таир). Далее к югу, сообщает «Перипл», вдоль берега лежат местности с «людьми, с пасущимися стадами и верблюдами» (йеменская низменность, относившаяся тогда к Сабе).

§ 21: «После этих (прибрежных областей) у последнего залива на левом берегу этого моря [д] есть царская торговая гавань [34] Муза [е], удаленная от Берники (так! — *Г. Б.*), если плыть прямо на юг [35], приблизительно на 12 000 стадий. Она заполнена арабами — судовладельцами и моряками [36] — и оживлена торговой деятельностью, [ибо] все они участвуют

[а] Восточная Африка, Танзания.

[б] Возле Дар-эс-Салама.

[в] Подразумевается Arabia emporion, или Eudaimon, т. е. Аден, в то время разрушенный [30].

[г] Область Маафир, см. ниже.

[д] Красного моря.

[е] Ныне Маушидж, к северу от Мохи.

в торговле с противолежащим берегом [а] и Баригазами [б] на собственных судах».

§ 22: «В трех днях пути от берега расположен город Сауэ [в] — в центре области, называемой Мафартида [г] [38], это резиденция правителя Холайба [39]».

§ 23: «А еще далее, в девяти днях пути [д], [находится] Сафар [е] [40] — столица, в которой живет Харибаэл [ж], законный царь двух народов — омеритов [з] и соседствующих с ними так называемых сабаитов [и]. Постоянно отправляемые посольства и подарки сделали его (химьяритского царя) другом римских императоров» [41].

§ 24: «Рынок Муза лишен гавани, но имеет хороший открытый рейд с песчаным дном, удобным для постановки судов на якорь».

В качестве предметов ввоза названы: пурпурные ткани, отделанная и простая одежда, льняные ткани и изделия, простые и пестрые пояса, шафран, сыть, благоуханные масла, специи, а также вино и пшеница, но в небольших количествах, так как они производятся и в самой стране. Царь и правитель Маафира получают для себя лошадей, мулов, золотые и серебряные сосуды, изделия из меди и роскошные наряды. Предметами вывоза служат мирра высшего качества, белый мрамор и товары с противолежащего эфиопского и восточноафриканского берегов: слоновая кость, черепаховые панцири, рог носорога. Затем описываются течения, осложняющие переход через Баб-эль-Мандебский пролив, посреди которого лежит остров Диодора (Перим).

§ 25: «...В этом узком проливе находится приморское арабское селение Окелис, [принадлежащее к] области, подвластной тому же правителю-наместнику (тиранну), — не столько рынок, сколько гавань и место, где запасаются водой, а также первая стоянка для отдыха на пути тех, кто плывет мимо» [к].

§ 26: «После Окелиса, где море вновь расширяется в восточном направлении и вскоре принимает вид открытого океана, приблизительно на расстоянии 1200 стадий, находит-

а Африка до Танзании, см. выше.
б Большой порт в Индии [37].
в В надписях — Савва.
г Маафир.
д В глубь страны.
е Зафар с замком Райдан.
ж Кариб'ил.
з Химьяр.
и Сабейцы тогда не были под властью химьяритов, но последние претендовали на сабейскую территорию, что видно, в частности, из титула царя Химьяра, в которой включены Саба и Зу-Райдан.
к Т. е. для тех, кто плывет в Индию.

ся приморское селение Эвдемон Аравия[а], принадлежащее царству того же самого Харибаэла. Здесь удобные гавани и вода слаще и лучше окелийской». Далее описывается, каким образом это место — в прошлом город и важный перевалочный пункт индийских и египетских товаров — к тому времени было опустошено и перестало посещаться кораблями[42].

§ 27: «За Эвдемон Аравия[б] (?)[43] находится бухта в 2000 стадий ширины, на берегах которой разбросаны селения рыбаков и стоянки кочевников[44]. За выступающим еще далее мысом лежит другой приморский рынок, Кане, принадлежащий к царству Элеаза[в] — стране благовоний[г][45]. Далее два пустынных острова: один из них Птичий, другой — Трулла — на расстоянии 120 стадий от Кане. Выше же ее, в глубине страны, лежит столица Саубата[д], в которой живет царь. Все производимые в стране благовония доставляются сюда на верблюдах, <и Саубата служит для них как бы складом. В Кане же благовония перевозятся> на местных плотах, обтянутых кожей, как мехи, и на кораблях[46]. Это место (Кане) ведет также торговлю с рынками на противоположном берегу[е], с Баригазами[ж], Скифией[з], Оманами[и] и соседней Персидой».

§ 28: «Сюда, как и в Музу, ввозится из Египта небольшое количество пшеницы и вина, арабские, равно как и общепринятые и простые, одеяния, в значительном количестве поддельные; медь, олово, кораллы, стиракс и все остальное... Для царя же доставляют чеканное серебро и золотые сосуды, коней, статуи и разнообразные тонкие одежды. Вывозятся отсюда местные товары: ладан и алоэ, а в остальном же товары, полученные из других рынков[к]. В это место хорошо плыть в то самое время, что и в Музу, только немного ранее»[47].

§ 29: «Сразу же за Кане, где земля отступает еще глубже назад, есть другой, более глубокий и еще дальше врезающийся в материк залив, называемый Сахалитским[л], и область, где родится ладан, гористая и труднодоступная; воздух здесь густой и туманный; тут же на деревьях рождается

[а] Здесь не Аравийский полуостров, а Аден.

[б] Аден.

[в] Ил'азз.

[г] Хадрамаут.

[д] Шабват.

[е] В Сомали.

[ж] Индия.

[з] Индоскифия на Инде.

[и] Оман.

[к] См. выше.

[л] Саакаль, ныне Дофар.

ладан. Деревья, приносящие ладан, — не очень большие, не очень толстые. Приносят они ладан, затвердевающий на их коре... Ладан собирается царскими рабами[а] и теми, кто посылается [на эти работы] в наказание».

§ 32: «...за [горами] — гавань, предназначенная в качестве места погрузки сахалитского ладана; это так называемая бухта Моха, куда из Кане регулярно посылаются суда. Сюда же присылают корабли из Лимирики и Баригаз[б]. Зазимовав здесь вследствие позднего времени, последние в обмен на хлопок, зерно и сезамовое масло грузят полученный от царских чиновников ладан, лежащий кучами на сахалитском берегу».

Примечания

[26] Здесь, во вступительной статье составителя к публикации отрывка из «Перипла», читателю надлежит разобраться, вооружившись тем, что говорилось выше по поводу времени написания этого памятника (см. примеч. 20 к «Введению»).

Действительно, «около 210 г. н. э.» в Химьяре правил царь, известный по сабейским надписям как Кариб'ил зу-Райдан — Кариб'ил, владыка Райдана, и, быть может, около этого времени (что, впрочем, спорно) в Хадрамауте царствовал Ил'азз Йалит. Однако ни тот, ни другой не являются Харибаэлом и Элеазом «Перипла».

Вообще говоря, нужно иметь в виду: сведения, приведенные в статье на основе данных Кл. Птолемея и эпиграфических материалов II—III вв. н. э., в целом правильны; сведения, почерпнутые из «Перипла», тоже правильны (с учетом примечаний). Просто факты не стыкуются, они не синхронны, ибо одни относятся ко II—III, а другие — к I в. н. э.

[27] Не десять, а четырнадцать. Хадрамаутская надпись А. Жамма № 919.

[28] Приводим этот параграф по изданию: История Африки. Хрестоматия, с. 99.

[29] Т. е. от точки местонахождения корабля, приблизительно на широте острова Занзибар (?), см. § 15.

[30] Несомненно, что под «царством... Первой Аравии» здесь имеется в виду государство Химьяр, образовавшееся в Южной Аравии в конце II в. до н. э.

[31] Имеется в виду царь Химьяра, упомянутый ниже, в § 23. Из контекста следует, что «заморские владения» царя непосредственно управлялись правителем-наместником (тиранном) области Маафир, лежавшей на крайнем юго-западе Южной Аравии.

[32] Относительно локализации Левке Коме см. примеч. 18 к «Введению».

[33] Не так. Выйдя из Береники (или Миос Гормоса), корабли вначале за два-три перехода мимо южной оконечности Синайского полуострова достигали Аравийского побережья у Левке Коме (Эль-Айнуна) и дальнейший путь проделывали уже вдоль него, держась, впрочем, на значительном расстоянии от берега до самого Выжженного острова.

[34] В тексте ἐμπόριόν ἐστιν νόμιμον παραθαλάσσιον Μούζα, что следует переводить: «Имеется установленный законом прибрежный рынок Муза». Здесь речь идет о специально определяемом царским указом или другим

а Рабами царя [Хадрамаута].

б Оба в Индии[48].

актом, имеющим силу закона, месте, через которое официально разрешен ввоз и вывоз товаров. Такие меры обычно диктовались необходимостью контроля со стороны властей за торговой деятельностью главным образом с целью облегчения сбора торговых пошлин, но также и для бо́льших удобств при реализации правителями своего права преимущественной покупки товаров через своих агентов или непосредственно (ср. «Перипл», § 52).

[35] В тексте σταδίους ἀπέχον τοὺς πάντας ἀπὸ Βερνίκης — «удаленная от Берники, считая все вместе (а не „прямо")», если плыть на юг и т. д., т. е. складывая все расстояния между отдельными пунктами, приведенные в «Перипле», Г. фон Виссман и О. Баумхауэр не придали значения этому месту, и, быть может, именно потому первый из них пришел к неверной локализации Левке Коме (см. примеч. 18 к «Введению»).

[36] Или: «кормчими и матросами».

[37] Точнее, древняя Бхарукачха, современный Бхаруч на западном побережье Индостана.

[38] В тексте Μαφαρτιδος с конъектурой Μαφαρ⟨ί⟩τιδος; ср. § 16: ὁ Μοφαρίτης τύραννος; очевидно, речь идет об одном и том же месте.

[39] В тексте ἔστιν δὲ τύραννος καὶ κατοικῶν αὐτὴν Χόλαιβος —«Ее правителем-наместником (тиранном) является живущий в нем (городе) Холеб (или Холайб?)».

[40] В тексте αφαρ с конъектурой ⟨Σ⟩αφαρ.

[41] В тексте συνεχέσι πρεσβείαις καὶ δώροις φίλος [δὲ] τῶν αὐτοκρατόρων, т. е. «вследствие постоянных посольств и даров [являющийся] другом императоров». Таким образом, из текста вовсе не следует, что именно Харибаэл отправлял императорам посольства и дары, а не наоборот.

[42] Совершенно непонятно, почему составитель не привел полностью перевод § 26, очень важного с исторической точки зрения, особенно следующего отрывка: «...[селение это] названо „Эвдемон", так как ранее было городом — тогда, когда еще не плавали [прямо] из Индии в Египет, да и из Египта не отваживались плавать в столь отдаленные места, но доходили только до этих мест,— и служило [рынком] для товаров с обеих сторон, подобно тому как Александрия является рынком, где собираются товары, доставляемые из других [стран] и привозимые из Египта. Ныне, незадолго до нашего времени, его покорил (или разрушил) кесарь».

Как это место текста, так и греческий текст § 26 и 27 показывают, что в действительности селение называлось не Эвдемон Аравия, а Эвдемон Аравии или Эвдемон Аравийский. Само название Эвдемон, как видно и из содержания, означает здесь не «счастливый», но «процветающий в результате торговли [город]» — такое значение термина «Эвдемон» надежно засвидетельствовано у Флавия Арриана и др. При этом очень вероятно, что в названии отражено переосмысленное греками южноаравийское название города Адан, впрочем близкое к Эвдемон и по смыслу (в указанном выше значении «процветающий»). Что касается «Аравии», то, по-видимому, имеется в виду уже встречавшееся нам выше «царство Первой Аравии».

Далее в тексте содержатся любопытные сведения о том времени, когда Аден еще служил местом перевалки грузов, приходивших из Индии и Египта [т. е. о времени до плавания Евдокса в конце II в. до н. э. и особенно до открытия «кормчим Гиппалом» (см. § 57 «Перипла») системы муссонов в северной части Индийского океана (время неизвестно, но скорее всего начало I в. до н. э., ибо, как мы видели выше, у Страбона, в 20-х годах I в. до н. э. мореплавание в Индию из Египта уже достигло громадных масштабов)].

История мореплавания по Индийскому океану в сжатой форме изложена Плинием (VI, 96—106); кроме того, у александрийца Агатархида,

уроженца Книда (II в. до н. э.), мы находим описание Адена, относящееся к тому времени, когда он обслуживал корабли, приходящие из Индии (египетские еще не упоминаются), причем, как следует из текста, индийскую морскую торговлю с Аденом тогда держали в руках потомки греков, основавших в устье Инда город Потану еще при Александре Македонском (Агатархид V; Диодор III, 47, 9).

Особый вопрос — конец параграфа, вызывающий немало споров, ибо он мог бы дать в наши руки еще один аргумент в пользу того или иного временно́го отнесения «Перипла». Но увы. Событие, описанное здесь, нигде более в источниках, во всяком случае прямо, не отражено. Если под словом «кесарь» понимать не собственное имя Цезарь, а обозначение римских императоров, то таковое они имели в греческом только для ранних императоров (до Нерона). Если это имя собственное, то не подразумевается ли здесь уже известный нам внук Августа Гай Цезарь [как сообщает Плиний (II, 168), флот Гая Цезаря вел операции в Красном море, видимо, в 1—4 гг. н. э.]? Но, быть может, нападение с моря на Аден произошло при Августе, и здесь мы получаем ответ на вопрос о том, куда девался военный флот Элия Галла и как он узнал о низких боевых качествах морских сил арабов. Вопросов много, много и всяких предположений. Авторы некоторых из них пытаются снять вопросы, исправляя текст. Так, Г. фон Виссман считает, что «кайсар» следует изменить на «элисар» и что речь идет о захвате Адена племенем ал-асар; К. Веллсли, а за ним и Ж. Пиренн полагают, что событие вообще не имело места, что это отзвуки занимательной «сказки», включенной в «Перипл». Уж это-то крайне маловероятно.

[43] См. выше, в тексте кодекса здесь Ἀπὸ δὲ τῆς Εὐδαίμονος Ἀραβικῆς; ср. § 26: Εὐδαίμων Ἀράβια.

[44] В тексте Ἀπὸ δὲ τῆς εὐδαίμονος Ἀραβικῆς ἐκδέχεται συναφὴς αἰγιαλὸς ἐπιμήκης καὶ κολπὸς ἐπὶ δισχιλίους ἢ πλείονας παρήκων σταδίους. νομάδων τε καὶ Ἰχθυοφάγων κώμαις παροικούμενος, что было бы лучше, в том числе и для локализации и идентификации мест, и точнее переводить: «Сразу же за Эвдемон Аравийским(?) непосредственно следуют далеко тянущееся взморье и залив, простирающийся на 2000 или более стадий, по берегам которого разбросаны селения ихтиофагов („рыбоедов") и кочевников».

[45] В тексте Χώρας Λιβανωτοφόρου, а потому лучше — «Ладаноносной стране».

[46] Весь перевод, заключенный в скобки и восходящий к Фабрициусу, представляет собой полное искажение смысла и буквы текста под явным воздействием Теофраста (Исследование о растениях IX, 4, 5—6) и Плиния (Естественная история XII, 63). В действительности все соответствующее место текста звучит так: πᾶς δ' ὁ γεννώμενος ἐν τῇ Χώρᾳ λίβανος εἰς αὐτὴν ὥσπερ ἐκδοχεῖον εἰσάγεται καμήλοις τε καὶ σχεδίαις ἐντοπίαις δερματίναις ἐξ ἀσκῶν καὶ πλοίοις — и перевод его должен быть: «Весь рождающийся в стране ладан свозится сюда, как на склад, [сначала] верблюдами, а [затем] на местных плотах...» Речь идет о способах доставки ладана вовсе не в Саубату, а в Кане: «сюда» значит «в Кане», о чем свидетельствует и обрамление текста, упоминающего Саубату просто для ориентировки Кане; здесь, в Кане, ладан и «хранился» в огромных кучах на берегу, ср. § 30 и Полибий в «Суда» s. v. στακτή.

[47] Согласно «Периплу» (§ 24), в Музу из Египта лучше всего отплывать в сентябре. Эта дата учитывает систему муссонов: отплыв из Египта в сентябре купцы через месяц с небольшим оказывались в Музе. В таком случае они захватывали «летний» муссон, дующий с севера на юг в Красном море и с запада на восток в Индийском океане, и вместе с тем после времени, потребного на разгрузку судна, его загрузку и всякие формальности, они без особых задержек могли отплыть обратно, отдавшись воле «зимнего» муссона, дующего в противоположном направлении.

Отплыть раньше — значило потерять время в южноаравийской гавани, дожидаясь благоприятного ветра, отплыть позже — значило не доплыть.

[48] Это верно с тем лишь уточнением, что Лимирика — область в Западной Индии, а Баригазы — город (см. выше).

ИЗ ОПИСАНИЯ ЙЕМЕНА АЛЬ-ХАМДАНИ

Принадлежащее аль-Хамдани «Описание Аравийского полуострова» не может считаться сообщением о новооткрытых землях, ибо арабский ученый описывал родную для него страну. Однако сочинение этого йеменца (его полное имя — Абу Мухаммед аль-Хасан бен Ахмед бен Йа'куб бен Йусуф бен Да'уд аль-Хамдани), «один из выдающихся географических трудов мусульманского средневековья», имеет большое значение для изучения географии и истории Аравии. Описаниям аль-Хамдани мы обязаны не только необычайно точным знанием положения в Южной Аравии в X в. Помимо этого его труд образует неоценимое связующее звено между сообщениями античных авторов и результатами исследований современных путешественников. Благодаря этому мы часто получаем ключ к пониманию сведений, приводимых древними авторами. Хамдани свойствен также кажущийся нам вполне «модернистским» взгляд на вещи, характерный для мусульманской культуры эпохи ее расцвета, но чуждый европейскому средневековью.

Аль-Хамдани, родившийся в Сане и умерший там же в 945-46 г., занимался отнюдь не одной только географией. Он имел также прозвище Грамматик, написал большое сочинение по доисламской истории Южной Аравии и о ее памятниках древности, из которого до нас дошли два тома, создал труды по астрономии, о хищных зверях, стрельбе из лука, а недавно стало известно его сочинение о получении и обработке золота и серебра. Этот разносторонний ученый был еще и поэтом, что заметно и по его «Описанию Аравийского полуострова».

АЛЬ-ХАМДАНИ

Эль-Арасом называется обширное укрепление на плоской вершине Тухла. На ней сосредоточены следующие селения: деревня Байт-Райб, где находится рынок и проживают куп-

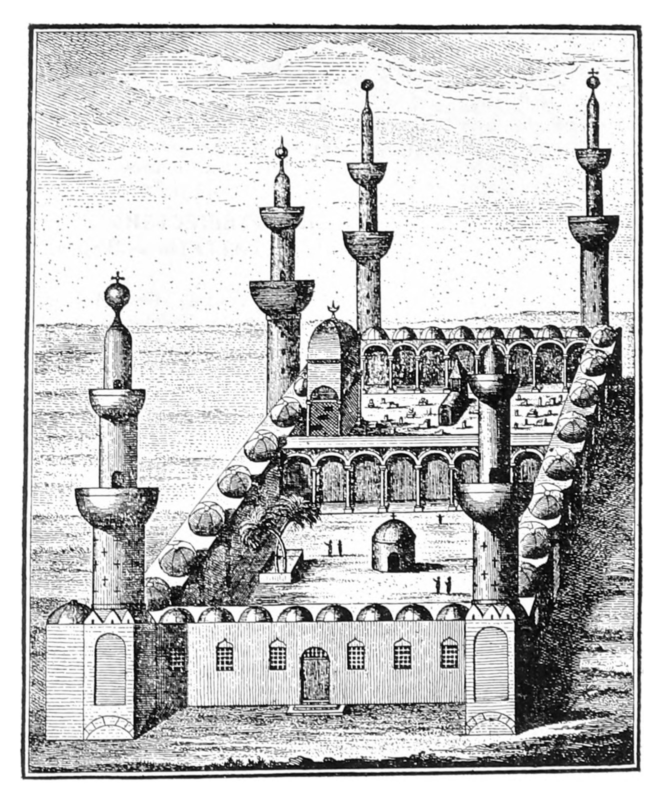
цы; деревня Эль-Джауш, Майдан, Байт-Зуд, Байт-эль-Бурим, Сама, Байт-Фаис и Эль-Мидмар; все это деревни. [Крепость] имеет несколько ворот, через которые можно пройти только по специальному разрешению: ворота Эс-Сирвадж — это те, через которые выходят в направлении Саны и Балад-Хамдана; ворота Эль-Бирар [ведут] в Кудам, Намаль и Шарис; ворота Эль-Макахиль — в Айян, Эль-Мухаллафу, Балад-Хаджур, Эш-Шараф, Балад-Хакам и Мекку; ворота Удам — в Тамам, Балад-Акк, Мильхан, Эль-Махджам, Эль-Кадру, Забид и Аден; ворота Эль-Ашша. Паломники не пользуются ими, так же как и воротами Габакан. Далее [есть еще] ворота Адн. Эти ворота замыкают упомянутые крепости. Перечисленные деревни расположены среди угодий, которые дают 5000 захабов, то есть 7500 кафизов *, пшеницы и ячменя. Из прудов и ручьев [следует назвать] ручей Габала, пруды Сама, Майдан, Хала, Эс-Сук, Байт-Фаис, далее ручей Айн-Буяда, Айн-эль-Ашша, Айн-Байт-эль-Хаталь, Айн-эль-Ваарайн. [Укрепления] охватывают: торговую площадь, сторожевые посты, бойню, мечети, пастбища, овец, коров и лошадей; верблюдов нет, так как они не могут подняться наверх. На вершине горы, однако, много хищных зверей. Здесь нет вредных насекомых и пресмыкающихся: змей, гадюк, скорпионов, дуфра, муравьев, комаров, тараканов, навозных жуков и клопов. Путники иногда завозят клопов в своих грузах, но они здесь погибают. Здесь редки мухи и пауки, но много ворон и коршунов.

Воздух и погода здесь особенно хороши зимой, так как в это время года обычно стоят погожие дни. Под «зимой» я подразумеваю период, именуемый составителями календарей осенью. Это время Весов, Скорпиона и Стрельца. Здесь с ним часто сходен период Козерога, Водолея и Рыб. Однако бо́льшая часть этого времени проходит под влиянием Плеяд, а именно период Козерога и часть периода Водолея. Ливни господствуют в период Рыб. Время Овна, Тельца и Близнецов у составителей календарей — весна. В этот период здесь бывают грозы с дождем и градом, но [случается] и сильная жара. Когда же дожди, [порожденные] Плеядами, совпадают с весенними дождями, солнца почти не видно из-за туманов, которые здесь стойко держатся. Собаки тоскуют по нему (солнцу), и, когда наступает время ясного неба и светит солнце, они лают на него. Осень — по календарям лето — это здесь период Рака, Льва и Девы; в это время из-за большой высоты [гор] выпадает много дождей и разражаются грозы. Они появляются в них (горах) и иногда уносят жителей. Гром — это сила, которая зажигает молнии и приводит их в движение. Всякое облако, издающее гром, произво-

дит также и молнию. Если оно парит высоко в воздухе, то ее движение заканчивается там же и оно не достигает земли. Если же заключающее молнию [облако] близко от земли, то его звук и движение поражают землю и не иссякают. При этом она действует на пораженные ею тела как стрела, которой попадается навстречу какое-либо тело и которое она пронзает сильным толчком. Если же стрела натыкается на тело на излете, то она падает вниз, не произведя удара.

Значительная часть ее (Джабаль-Тухла) природных свойств определяется воздействием луны. В дни, когда стоит ясная погода, [на горе] облаков нет — до тех пор, пока солнце не начинает склоняться с небесного меридиана и возле него не станет видной луна. Тогда из русл вади, окружающих Джабаль-Тухла, и из лощин с подземными водоемами поднимаются испарения, образующие густые белые хлопья. Они возникают, сгущаются и быстро поднимаются вверх. Прежде чем небо успеет повернуться на два или три градуса, туман окутывает вершину горы со всех сторон и гора одевается им. Когда туман поднимается впереди тебя, ты видишь, как он проползает между тобой и мулом, на котором ты сидишь; если же туман догоняет тебя сзади, то он отделяет тебя от твоих спутников. Когда начинается дождь, облако, в котором ты находишься, изливает обильные потоки воды. Затем оно поднимается вверх, сгущается, и при этом в нем вспыхивает молния, а за ней раздаются раскаты грома. Между молнией и громом проходит больший или меньший промежуток времени в зависимости от удаленности зигзага молнии. Это происходит так же, как если ты стоишь на равнине и в пределах видимости от тебя находится другой человек, ударяющий киркой по камням или топором по дереву, и ты наблюдаешь за ударом топора — звук достигает тебя лишь при втором ударе топора, а звук от второго удара — при третьем ударе. Часто это происходит очень медленно — соответственно величине расстояния. Так же и молния порой сверкает три раза подряд, но первый удар грома слышен лишь при третьей вспышке.

Часто эти облака сгущаются тогда, когда они, поднимаясь из глубин вади, еще не успевают выйти из теснин. Они собираются и сталкиваются на середине высоты горы; тогда образуется молния, ее стрела сверкает под тобой, и ты видишь, как облака прорезают горы, а сверху сияет солнце. Когда же облака проносятся, ты видишь, как дождевая вода течет по дну вади. Потом над вершиной горы показывается ясное небо, дождь прекращается, и воздух снова становится чистым. Тогда с любой открытой горы и с любого возвышенного места, на которое ты поднимешься, ты можешь видеть



Большая мечеть в Медине.
Рисунок из «Описания Аравии» Карстена Нибура (Копенгаген, 1772)

Тихаму от середины Балад-Хакама или от Сурдуда до Эль-Махджама. Ты можешь видеть также, как напоминающий белую волосинку поток Маур протекает среди то высоких, то низких трав Тихамы и ее уруффан (кузнечиков?). А далее ты видишь красную, как карбункул, полосу моря и, если бросишь взгляд еще дальше, — острова Фарасан.

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ИБН БАТТУТЫ — МЕДИНА

Мухаммед бен 'Абдаллах бен Мухаммед бен Ибрахим бен Мухаммед бен Йусуф, из рода Лувата и из города Танжер, Абу 'Абдаллах ибн Баттута, родившийся в 1304 г., считается крупнейшим землепроходцем мусульманского средневековья. Паломничество в Мекку, в которое он отправился в 1325 г., превратилось в кругосветное путешествие, забросившее странника на крайние пределы тогдашнего мира. За двадцать четыре года странствий Ибн Баттута повидал берега Тихого океана, страну болгар на Волге и Мозамбик. Посетив затем мавританскую Испанию, он предпринял еще одно большое путешествие — через Западную Сахару до Нигера.

В своем главном путешествии Ибн Баттута несколько раз пересек Аравию. В июне 1325 г. он двинулся в путь из Танжера, по хорошо известной дороге добрался из Дамаска в Мекку, проехал через Северную Аравию до Куфы и далее через всю Персию. Затем по той же дороге паломников Ибн Баттута вернулся в Мекку, где жил с 1328 по 1330 г. Частично по суше, частично по морю он проехал вдоль йеменского побережья из Джидды в Аден, откуда начал свое путешествие по Восточной Африке. Вернувшись на южное побережье Аравии — в Дофар, Ибн Баттута посетил лежащие далее на восток приморские города и из Кальхата в имамате Оман проехал в глубь страны до ее столицы Назвы. На широте Хормоза он перебрался через Персидский залив, снова возвратился через остров Бахрейн на Аравийский полуостров и пересек его с востока на запад, совершив третье паломничество в Мекку.

Возвратившись в 1347 г. с Дальнего Востока, Ибн Баттута высадился на берег Персидского залива. Из Египта он предпринял четвертое и последнее паломничество в Мекку.

Странствия Ибн Баттуты можно с полным основанием рассматривать как первооткрывательские. В этом убеждают и составленные им описания своих поездок. На родине Ибн

Баттуты — в Марокко, конечно, были известны какие-то сведения о Египте, Сирии, Ираке, о главных дорогах паломников и о святых городах — Мекке и Медине. Но в то же время в Магрибе почти ничего не знали о всех остальных землях, которые Ибн Баттута посетил во время своего большого путешествия. Он попытался изучить географическое, историческое, политическое, религиозное и хозяйственное положение этих областей и включил его в описание своих путешествий (ср.: Hennig III, с. 205—216).

ИБН БАТТУТА

Тайба — город посланника Аллаха (Аллах да благословит его и да дарует ему мир). Вечером того же дня, после захода солнца, мы вступили на священную территорию и достигли наконец благородной мечети. Мы подошли к Воротам мира, чтобы выказать наше благоговение, и молились у благородного сада, между могилой [посланника] и благородным мимбаром *. Мы поцеловали сохранившийся остаток ствола пальмы, которая тосковала по посланнику Аллаха (Аллах да благословит его и да дарует ему мир); этот ствол теперь привязан к столбу, который стоит между могилой и мимбаром, с правой стороны, если стать лицом к кыбле *. Мы воздали подобающее приветствие господину людей, прежних и будущих, заступнику за грешных и ослушников, посланнику и пророку из рода Хашима, из Мекканской долины, Мухаммеду (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) и подобающее приветствие двум его сподвижникам, которые покоятся около него,— Абу Бекру ас-Сиддику * и Абу Хафсу 'Омару аль-Фаруку * (да будет доволен ими Аллах). Затем мы вернулись в лагерь, радуясь этой великой благости, воодушевленные этой огромной милостью, восхваляя Аллаха всевышнего за наше благополучное прибытие туда, где жил его благородный посланник, к его прекрасным и возвышенным местам, и молясь, чтобы по его соизволению это не было нашим последним соприкосновением с ними и чтобы мы принадлежали к тем, чье посещение принимается и чье путешествие угодно воле Аллаха.

Мечеть и святой сад посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир). Святая мечеть прямоугольна, имеет по периметру со всех сторон четыре мощенных камнем зала. В середине ее открытый двор, усыпанный галькой и песком. Вокруг всей святой мечети проходит дорога, вымощенная обтесанными камнями. Святой сад (да будет благословение и мир от Аллаха тем, кто обитает там) нахо-

дится вблизи юго-восточного угла благородной мечети. Вид сада необычен, и его трудно описать достойно. Он обрамлен прекрасно вытесанным мрамором наилучшего качества, за много лет покрывшимся парами мускуса и благовоний. На его южной стороне укреплен серебряный гвоздь, как раз напротив благородного тела [Мухаммеда]. С этой стороны становится народ для поклонения, лицом к благородному телу и спиной к кыбле. Совершив поклонение, вы отходите направо, к телу Абу Бекра ас-Сиддика (голова Абу Бекра — да будет доволен им Аллах — покоится у ног посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да дарует ему мир), и далее, к 'Омару ибн аль-Хаттабу (голова 'Омара покоится близ плеча Абу Бекра — да будет доволен Аллах ими обоими). К северу от святого сада (да увеличит Аллах его сладость) находится небольшое углубление, облицованное мрамором. На его южной стороне — ниша в форме михраба *. Как рассказывают, это помещение принадлежало Фатиме, дочери посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир). Говорят также, что здесь ее могила, но Аллах знает лучше. В середине благородной мечети к поверхности земли приложена створка дверей. Она закрывает вход в подземный переход со ступеньками, который ведет к дому Абу Бекра (да будет доволен им Аллах) и который находится вне мечети. Это тот переход, по которому дочь Абу Бекра, 'Айша *, мать верующих (да будет доволен ею Аллах), обычно направлялась в его дом. Нет никакого сомнения, что это тот самый переход, о котором упоминается в хадисах и который посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) приказал сохранить, в то время как все остальные он велел закопать. Напротив дома Абу Бекра (да будет доволен им Аллах) находятся дома 'Омара и его сына 'Абдаллаха ибн 'Омара (да будет доволен Аллах ими обоими). К востоку от благородной мечети стоит дом имама аль-Мадины Абу 'Абдаллаха Малика ибн Анаса (да будет доволен им Аллах), а вблизи Ворот мира расположен водоем с проточной водой, к которому можно спуститься по ступенькам. Этот водоем известен под названием Голубой источник.

О начале строительства благородной мечети. Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) прибыл в Святой город (аль-Мадина), место его переселения, в понедельник тринадцатого дня месяца раби первого. Он остановился в [жилищах] рода 'Амр ибн 'Ауф и пробыл у них двадцать два дня, а по другим сообщениям — четырнадцать или четыре дня. Затем он переехал в сам город и остановился в жилищах рода ан-Наджжар, в доме Абу Аййуба аль-Ансари (да будет доволен им Аллах), у которого он пробыл

семь месяцев, пока не были построены его собственное жилище и мечеть. Место, где воздвигли мечеть, раньше было огороженной площадкой для сушки фиников. Оно принадлежало Сахлю и Сухайлю, сыновьям Рафи ибн Абу ʿОмара ʿАнида ибн Саʿлаба ибн Ганма ибн Малика ибн ан-Наджжара; сироты состояли под опекой Асʿада ибн Зурара (да будет доволен Аллах всеми ими). Рассказывают также, что они были под опекой Абу Аййуба (да будет доволен им Аллах). Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) купил эту сушильню; другие отрицают это и утверждают, что Абу Аййуб вознаградил их за это; другие же сообщают иные сведения, а именно, что они подарили ее посланнику Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир). Затем посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) построил мечеть — он сам принимал участие в строительстве вместе со своими сподвижниками и возвел вокруг нее стену, но не соорудил крыши и столбов. Он придал ей форму квадрата; ее длина составляет сто локтей, ширина — столько же; говорят, однако, что ширина была иной; высоту стены он определил в рост человека.

Позднее, когда жара усилилась, его сподвижники стали говорить о том, чтобы сделать мечети крышу; тогда он установил для этой цели некоторое количество колонн из пальмовых стволов и из их ветвей соорудил крышу. Когда же пошли дожди, крыша мечети начала протекать; тогда сподвижники посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) заговорили о том, чтобы сделать ее из глины; но он сказал: «Нет! Пусть будет хижина, как хижина Мусы», или «навес, как навес Мусы», что точнее. Его спросили: «А что это был за навес Мусы?» И он (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) ответил: «Когда он вставал, то ударялся головой о крышу». Он устроил три входа в мечеть. Однако впоследствии, когда направление кыблы было изменено, южный вход был закрыт.

В таком положении мечеть оставалась при жизни посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) и Абу Бекра (да будет доволен им Аллах). Когда наступило правление ʿОмара ибн аль-Хаттаба (да будет доволен им Аллах), он расширил мечеть посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир), говоря: «Если бы я не слышал, как посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) сказал: „Нам надо будет расширить мечеть“, я бы ее не расширил». Он снес деревянные колонны и поставил на их место кирпичные, нижние каменные части он сделал в высоту человека и увеличил количество входов до шести — по два входа на каждой стороне,

исключая сторону кыблы. Он сказал по поводу одного из этих входов: «Необходимо предоставить его женщинам». И его там ни разу не видели до самого времени, когда он встретился с Аллахом (велик он и славен). Он также говорил: «Если даже мы расширим эту мечеть до края города, она все равно будет мечетью посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир)».

'Омар хотел присоединить к мечети участок, принадлежавший аль-'Аббасу *, дяде посланника Аллаха (да благословит его Аллах, и да дарует ему мир, и да будет он доволен обоими сподвижниками) с отцовской стороны; но аль-'Аббас не хотел уступить ему этот участок. На участке был водосток, который выходил на территорию мечети. 'Омар велел его убрать, говоря, что он мешает народу. Аль-'Аббас вступил с ним в спор по поводу его поступка, и они согласились призвать Убаййя ибн Ка'ба * (да будет доволен им Аллах), чтобы он рассудил их. Когда они пришли к его дому, он заставил их подождать некоторое время, прежде чем разрешил им войти; когда же они вошли к нему, он сказал: «Моя рабыня мыла мне голову». 'Омар собрался говорить, но Убайй сказал ему: «Дай говорить Абу-ль-Фадлу [аль-Аббасу], учитывая его родство с посланником Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир)». Тогда аль-'Аббас сказал: «[Дело касается] участка, который мне выделил посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир). Я строил на нем с его помощью, а водосток возводил, стоя на плечах самого посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир). А теперь является 'Омар, сносит водосток и хочет весь участок присоединить к мечети». Убайй сказал: «Мне известно кое-что, относящееся к этому делу. Я слышал, как посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) сказал: „Дауд (да будет над ним мир) хотел построить святой храм Аллаха [в Иерусалиме]. На этом месте стоял дом, принадлежавший двум сиротам. Он попытался заставить их продать его, но они отказались; через некоторое время он уговорил их, и они продали дом. Затем они заявили, что их обсчитали; продажа была отменена, и он [снова] купил у них дом; они, однако, тем же способом отказались от продажи; Дауд же нашел цену слишком высокой. В этот момент Аллах обратился к нему; в откровении он сказал ему: „Если ты даешь из того, что является твоим, то это твое дело, но если ты даешь им из нашего достояния, дай им столько, чтобы они были довольны. Воистину более других от несправедливости должен быть чист дом, принадлежащий мне; и поэтому я запрещаю тебе строить“. Он сказал: „О мой господин, предоставь это

Сулейману!" И Аллах предоставил это Сулейману (да будет над ним мир)». 'Омар сказал: «Кто может мне гарантировать, что посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) это сказал?» Убайй вышел из дома к людям из ансаров *, и они подтвердили его рассказ. Затем 'Омар (да будет доволен им Аллах) сказал: «Что касается меня, то, если бы не нашлось никого, кроме тебя, мне было бы достаточно твоих слов, но я предпочел получить подтверждение». И он сказал аль-'Аббасу (да будет доволен им Аллах): «Клянусь Аллахом, ты снова пристроишь водосток, и стоя ногами на моих плечах». Аль-'Аббас сделал так; потом он сказал: «Теперь, когда доказано, что это мое, я добровольно жертвую это Аллаху». Тогда 'Омар снес это здание и включил его участок в территорию мечети.

Следующий, кто ее расширил, был 'Осман * (да будет доволен им Аллах). Он строил энергично, сам участвовал в работе и проводил в мечети целые дни. Он побелил ее, укрепил ее конструкцию тесаными камнями и расширил ее во всех направлениях, кроме восточного. Он воздвиг в ней столбы, сделанные из камня и прочно закрепленные штырями из железа и свинца, и покрыл их тиковым деревом. Он также соорудил в ней михраб; но, по другим сообщениям, первым, кто построил михраб, был Мерван *; рассказывают также, что это сделал 'Омар ибн 'Абд аль-'Азиз * во время правления халифа аль-Валида *.

Позднее мечеть была расширена аль-Валидом ибн 'Абд аль-Маликом; работами же руководил 'Омар ибн 'Абд аль-'Азиз. Он ее расширил и украсил, сделал ее чрезвычайно прочной и употребил для нее мрамор и позолоченное тиковое дерево. Аль-Валид послал [сказать] царю греков: «Я хочу отстроить мечеть нашего пророка (да благословит его Аллах и да дарует ему мир), помоги мне в этом!» В ответ на это тот послал ему ремесленников и восемьдесят тысяч мискалей золота. Аль-Валид также распорядился присоединить к мечети помещения жен пророка (да благословит его Аллах и да дарует ему мир). Соответственно 'Омар купил некоторое число домов, чтобы иметь возможность расширить мечеть в трех направлениях. Но когда он дошел до южной стены, 'Убайдаллах ибн 'Абдаллах ибн 'Омар отказался продать дом Хафсы *. Между ними возник долгий спор. В конце концов 'Омар купил этот дом на том условии, что собственники сохранят [за собой] всю неиспользованную территорию и с этих остатков земли смогут прокопать проход в мечеть. Это и есть тот проход, который находится теперь в мечети. 'Омар также пристроил к мечети минареты по ее четырем углам. Один из них возвышался над домом Мервана. Когда Сулей-

6 Зак. 186

ман ибн 'Абд аль-Малик * прибыл сюда, совершая паломничество, он жил в этом доме. Во время призыва к молитве муэдзин * смотрел на него сверху, и он отдал приказ разрушить минарет. 'Омар также построил в мечети михраб. Как сообщают, он был первым, кто ввел михраб.

Мечеть была вновь расширена аль-Махди, сыном Абу Джа'фара аль-Мансура *. Это собирался сделать его отец, но ему не было это суждено. Аль-Хасан ибн Зейд написал Абу Джа'фару, побуждая расширить мечеть с восточной стороны. Он говорил, что если ее увеличить к востоку, то благородный сад окажется в середине святой мечети. Абу Джа'фар заподозрил, что его единственным желанием было разрушить дом 'Османа (да будет доволен им Аллах), и написал ему: «Я понял, чего ты хочешь; не прикасайся и пальцем к дому шейха * 'Османа». Абу Джа'фар приказал устроить так, чтобы двор в самое жаркое время года получал тень от полотнищ, натянутых на канатах между деревянными стойками, установленными во дворе, так что молящиеся оказывались зашищенными от жары. Длина мечети, как она была построена аль-Валидом, составляла двести локтей. Он устроил максуру * на уровне земли, ранее она была на высоте двух локтей от пола. Он также повелел написать свое имя на различных частях мечети.

Впоследствии аль-Малик аль-Мансур Кала'ун * велел построить перед Воротами мира здание для омовений. За этой постройкой наблюдал благочестивый эмир 'Ала эд-Дин, известный под именем аль-Акмар. Он устроил при этом здании обширный двор, окруженный индивидуальными помещениями, и провел туда воду. Он собирался воздвигнуть подобное строение и в Мекке (да почтит ее всевышний Аллах), но его намерение осталось невыполненным. Такое здание [вместо этого] построил его сын аль-Малик ан-Насир между ас-Сафа и аль-Мервой. Мы расскажем об этом далее, если пожелает Аллах.

Кыбла мечети посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) направлена чрезвычайно точно, ибо он сам (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) установил ее, или, как сообщают другие, ее установил Гавриил (да будет над ним мир), или же, по другим сведениям, Гавриил указал ему направление, когда он ее устанавливал. Рассказывают, что Гавриил (да будет над ним мир) дал знак холмам и они сами понизились и отклонились в сторону, так что стала видна Кааба *; поэтому пророк (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) мог видеть ее во все время постройки. В любом случае это абсолютно точно ориентированная кыбла. Когда пророк (да благословит его Аллах и да

дарует ему мир) только приехал в Медину, кыбла была [направлена] в сторону Иерусалима, а через шестнадцать или семнадцать месяцев она была повернута в направлении Каабы.

О благородном мимбаре. В традиции рассказывается, что, когда посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) произносил свои проповеди, он обычно прислонялся к стволу пальмы, росшей в мечети. Когда же ему сделали мимбар и он поднялся на него, пальмовый ствол начал стенать наподобие того, как верблюдица стенает по своему верблюжонку. Далее рассказывается, что он (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) сошел к стволу и обхватил его руками, после чего ствол перестал стенать; он же сказал: «Если бы я его не обнял, он стенал бы до дня Страшного суда». Относительно того, кто действительно сделал мимбар, версии традиции расходятся. По одним сведениям, это был Тамим ад-Дари (да будет доволен им Аллах); другие сообщают, что его сделал раб, принадлежавший аль-'Аббасу (да будет доволен им Аллах), по третьей версии, это был некий раб, принадлежавший женщине из энсаров, что рассказано в общепризнанных хадисах. Мимбар был выполнен из обыкновенного лесного тамариска, по некоторым же сообщениям — из восточного тамариска — исл *. Он имел три ступени. Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир) обычно сидел на верхней ступени, а свои святые ноги ставил на среднюю. Когда стал править Абу Бекр ас-Сиддик (да будет доволен им Аллах), он сидел на средней ступени и ставил ноги на нижнюю. А когда за ним последовал 'Омар (да будет доволен им Аллах), он сидел на первой ступени и ставил ноги на землю. Так же поступал в начале своего правления и халиф 'Осман (да будет доволен им Аллах), однако затем он начал подниматься на третью ступеньку. Когда власть перешла к Му'авии * (да будет доволен им Аллах), он собирался перенести этот мимбар в Дамаск, что вызвало возмущение среди мусульман. Поднялся сильный ветер, солнце скрылось, звезды появились средь бела дня, на земле наступил мрак, так что люди натыкались друг на друга и было невозможно найти дорогу. Когда Му'авия это увидел, он оставил мимбар на своем месте, но прибавил снизу шесть ступеней, так что их всего стало девять.

О проповеднике и имаме мечети посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир). Когда я посетил аль-Мадину, имамом пресветлой мечети был знатный каирец Баха эд-Дин ибн Салама. Его заместителем был образец для шейхов (да окажет нам пользу Аллах через него),

ученый и набожный аскет 'Изз эд-Дин аль-Васити. До него проповедником и кади* в пресветлой аль-Мадине был Сирадж эд-Дин 'Омар аль-Мисри.

История. Рассказывают, что этот Сирадж эд-Дин занимал должности кади и проповедника в аль-Мадине непрерывно на протяжении сорока лет. Потом он захотел переехать в Каир, но ему три раза подряд являлся во сне посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да дарует ему мир); каждый раз он запрещал ему покидать аль-Мадину и возвестил ему его предстоящий конец. Он все же не хотел отказаться от своего плана, отправился в путь и умер в месте, называемом Сувайс (Суэц), в трех днях пути от Каира, которого он так и не достиг, — да сохранит нас Аллах от плохого конца. Его место занял законоучитель Абу 'Абдаллах Мухаммед ибн Фархун (да будет над ним милость Аллаха); его сыновья сейчас в пресветлой аль-Мадине: Абу Мухаммед 'Абдаллах, учитель маликитов* и заместитель наблюдателя над судебной деятельностью, и Абу 'Абдаллах Мухаммед. Эта семья происходит из города Туниса, где она пользуется почетом и уважением. Затем должности проповедника и кади в пресветлой аль-Мадине занимал Джамаль эд-Дин из Асьюта, египтянин, бывший до этого кади в замке Карак.

О служителях и муэдзинах пресветлой мечети. Служители и привратники этой пресветлой мечети — евнухи из Абиссинии и других стран — люди хорошо сложенные, приятного вида, в красивой одежде. Их глава называется «шейхом служителей» и имеет тот же ранг, что и высокие эмиры. Они пользуются пожертвованиями, поступающими из Египта и Сирии и выплачиваемыми им ежегодно. Главой муэдзинов в святой мечети является достойный имам и знаток хадисов Джамаль эд-Дин аль-Матари из Матарии, селения близ Каира. Его сын — достойный 'Афиф эд-Дин 'Абдаллах. Набожный шейх Абу 'Абдаллах ибн Мухаммед аль-Гарнати, известный под именем ат-Таррас, живущий в святилище, является старостой «гостей», это человек, сам подвергший себя кастрации из страха перед искушением.

История. Рассказывают, что Абу 'Абдаллах аль-Гарнати был слугой некоего шейха, по имени 'Абд аль-Хамид аль-'Аджами. Шейх был о нем хорошего мнения и, уезжая, обычно оставлял его в своем доме и доверял ему свою семью и имущество. Однажды, когда он покинул дом и, как всегда, оставил Абу 'Абдаллаха в своем жилище, жену шейха 'Абд аль-Хамида охватила страсть к нему и она попыталась его соблазнить. Однако он [отклонил ее попытки] и сказал: «Я боюсь Аллаха и не обману того, кто доверяет мне свою семью и свое имущество». Она продолжала его соблазнять и

искала с ним встречи, так что он из страха, что сможет поддаться соблазну, сам себя оскопил и упал без чувств. Люди нашли его в таком состоянии и заботились о нем, пока он не излечился. Он стал служителем в святой мечети и также муэдзином в ней и достиг положения главы этих двух групп. Он здравствует и по сей день.

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ИОГАННА ВИЛЬДА — МЕККА И МЕДИНА

Странствия привели Иоганна Вильда в 1604 г. в Венгрию. Здесь он вступил в императорский полк, который сразу же был послан на борьбу со Стефаном Бокчаи. Последний восстал против власти Габсбургов в Венгрии и Семиградье и заключил союз с турками. Вскоре Вильд попал в плен к венграм и был продан какому-то турку. В качестве раба различных хозяев он оказался в Константинополе, а затем через Родос был привезен в Египет. Вместе со своим хозяином, персидским купцом, он поехал из Каира в Мекку, оттуда через порт Джидду — в Йемен и далее по Красному морю — обратно в Каир. Другое путешествие привело Иоганна Вильда из Каира в Иерусалим и снова в Каир. Получив свободу, он попытался достичь родины через Кипр и Малую Азию, но кораблекрушение, болезнь и потеря всего имущества заставили его опять возвратиться в Каир. Только в 1611 г. ему удалось добраться через Константинополь до Польши и в конце концов до своего родного города Нюрнберга.

Первым европейцем, попавшим в Мекку, был искатель приключений из Болоньи — Лодовико ди Вартема. В 1508 г. он оказался в ней, следуя с караваном паломников из Дамаска. Однако путевые впечатления Иоганна Вильда относятся к наиболее ранним и точным описаниям Аравии и святых городов ислама из когда-либо публиковавшихся в Европе.

ИОГАНН ВИЛЬД

О том, как турки за три дня пути до Мекки раздеваются догола и в таком виде продолжают путь дальше

За три дня пути до Мекки они делают остановку на один день на большом поле. Здесь расположена деревня и можно найти воду.

Их обычай здесь таков: сначала они едят и пьют, затем раздеваются и повязывают вокруг тела пештамаль *, то есть цветной платок, берут воду, омывают все тело и говорят: «О боже, смилуйся над нами ради нашего пророка». Все омылись, молодые и старые, и ревностно молились по своему обычаю. Я тоже должен был омыться и поступить сообразно с остальными, хотя это вовсе не было мне по душе.

Вечером, когда зашло солнце, они снова отправились в путь. Одежды не надевали, только прикрывали срамные места повязкой, а верхнюю часть тела — ихрамом *, то есть волосяным платком. У меня же не было ихрама, только два пештамаля, льняных платка, — один наверху, а другой внизу вокруг тела. Так я сидел на верблюде. Днем меня жгло солнце, ночью же пробирал мороз. Я терпел такие муки и должен был во время всего путешествия вынести так много жары и жажды, что я часто готов был целовать ноги тому, кто дал бы мне ложку воды. Поистине терпеть жажду гораздо мучительнее, чем голод. Я бы предпочел два дня страдать от голода, чем один день от жажды.

На протяжении трех дней пути они непрерывно кричали: «О ты, любимый дом Бога; ты, любимый дом Бога; о ты, любимый дом Бога!» И так в течение всего дневного переезда.

Они омываются и ездят нагими потому, что надеются таким способом искупить свои грехи. Они думают, эти слепые, глупые турки, что совершают поступки приятные богу, и прямо говорят, что бог простит грехи тому, кто таким образом совершит путешествие в Мекку. Если же кто-либо окажется в пути, совершая эту поездку, но умрет по дороге, не достигнув цели, то и ему бог простит его прегрешения. Такими притворными, лицемерными делами они хотят заслужить перед богом небесную жизнь. Они также говорят: если вы совершаете грехи, но после этого молитесь, то грехи вам прощаются. Грешите же и дальше, надеясь на милосердие божье, и полагайтесь на вашего Магомета, который вызволит вас из всех затруднений. Они также говорят: если мусульманин, или, по-арабски, муслим, то есть тот, кто признает их учение, попадет в ад, то он будет гореть, пока не покается в своих грехах. Затем придет Магомет и освободит его от адских мук. Это записано и в их Алькоране, и они твердо в это верят. Я сказал им однажды: «Тот, кто попадет в ад, уже никем не будет освобожден». Тогда они заявили, что я говорю ересь.

О прибытии турок в Мекку и о том, как их там приняли

На четвертый день, утром, мы прибыли в Мекку. За четверть мили до города, когда он еще не виден, есть несколько колодцев. Воду из них черпают кожаными ведрами. У каждого колодца стоит по четыре больших каменных корыта. Их наполняют за несколько дней до прибытия каравана, чтобы путники сразу нашли в корытах воду. Для наполнения некоторых корыт используются ослы, тянущие ведра. При осле находится араб, который его погоняет и отводит назад.

Когда караван прибывает туда, они снова омываются, чтобы очиститься как подобает. Затем они вступают в Мекку.

Для того чтобы войти в город, надо подняться на высокую гору. Дорога на нее была пробита в скале с большими усилиями. По ней даже не могут пройти рядом два верблюда. Город лежит между горами, и его не видно, пока не подойдешь на расстояние полета камня, брошенного человеком.

Перед въездом в город, по правую сторону от дороги, мы обнаружили в горах большое имение. Там находилась группа арабов, принадлежащих шерифу *. Они заметили нас и сделали несколько выстрелов из мушкетов. Если же подъезжать со стороны гор, то, чтобы попасть к городу, надо снова спуститься в долину. Вокруг Мекки нет крепостных стен, однако напасть на город было бы нелегко из-за окружающих его гор.

В Мекке мой хозяин сразу начал искать пристанище, ибо в это время его нелегко найти. Я был рад, что добрался до Мекки целым и невредимым. Очень многие среди нас умерли из-за жары и жажды.

Чем занимаются турки, прибыв в Мекку

Сразу по прибытии в Мекку турки направляются в храм и молятся там два раза. Затем они семь раз обегают вокруг четырехугольного здания, которое стоит посреди храма. Их обычно сопровождает мекканец, первым произносящий слова молитвы; они же повторяют ее за ним.

В один из углов дома, с правой стороны, если стать лицом к восходу, вмурован черный блестящий камень величиной с кулак. Они семикратно целуют его — по три раза в каждый прием — и произносят: «О боже, будь милостив ко мне! О боже, будь милостив ко мне! О боже, будь милостив ко мне!» Обежав семь раз вокруг дома, они покидают храм.

У них есть и другие почитаемые места, и они снова начинают бегать между ними и храмом, произнося слова молитвы и что-то бормоча.

После этого они обращаются к храму (его легко узнать с любого расстояния по простому признаку — каменной стене с несколькими светильниками наверху, их зажигают на ночь), здесь они садятся и бреют голову. Некоторые же ограничиваются тем, что велят обрить себе место с правой стороны повыше щеки.

Затем они снова идут в названный храм. Здесь стоит дом, а внутри его — колодец глубиной в несколько саженей. При колодце — несколько арабов, черпающих воду. Колодец снабжен примерно восемью кожаными ведрами. Они входят в упомянутый дом, и их обливают водой с головы до пят. При этом они приговаривают: «Да воцарится здесь имя господа и милосердие его». Они думают, что таким омовением могут смыть все свои грехи. Некоторые же обливаются в одежде. Эта вода по-арабски называется «земзем май», то есть «святая вода». Она очень теплая. Некоторые турки наполняют ею бутылки и берут с собой — за двести, триста миль пути и даже в Константинополь. Они сохраняют ее и держат в большом почете.

Мой хозяин сказал мне: «Слушай-ка! Как много турок, которые охотно бы приехали в Мекку, но которые не удостаиваются чести оказаться здесь». Он имел в виду, что я должен усердно благодарить его за то, что он привез меня в такое святое место.

О том, как я, Ганс Вильд, видел, как трем маврам отрубили за воровство руки и ноги

На третий день нашего пребывания в Мекке в городе поднялось волнение из-за трех воров, похитивших у турецкого купца деньги и товары. Эти воры были слугами шерифа — так называют наместников, коих насчитывается четыре. Когда же турок, у которого украли товар, заметил пропажу и побежал вдогонку за ворами, явились его приказчики и хотели помочь поймать воров. Воры, однако, побежали к своим сообщникам и стали звать их на помощь, которую те не замедлили оказать. Они напали на турок и основательно их поколотили. Тут тотчас собралось около трехсот турок, набросившихся с саблями на эту банду, состоявшую примерно из ста человек. Увидев, что они в меньшинстве, мавры отправились в дом своего господина и начали стрелять в турок

из ружей, что вызвало страшный переполох. Но и турки отнеслись к делу серьезно и собрались числом около четырех тысяч с ружьями и другим вооружением.

Когда шерифы узнали об этих волнениях, они созвали свою челядь, думая, что турки хотят разграбить город. Они приказали стрелять в них и выступили против них со своими силами. Турки тоже действовали решительно. В течение часа они перебили до двухсот арабских бандитов и задали им такого жару, что тем в конце концов пришлось обратиться в бегство.

Главари арабов поспешно направились к эмир аль-хаджжу * и доложили ему, что турки устроили в городе чрезвычайное волнение и убили несколько сот человек. Эмир аль-хаджж послал спросить у турок, в чем причина этих событий. Они сообщили ему, как три вора из мавров украли у одного турка много товаров и денег и он погнался за ними, чтобы их поймать. Когда же сообщники грабителей это увидели, они избили турок и не захотели выдать виновных. Турки взялись за оружие и изрубили их. Увидев это, арабы побежали в дом своего господина и начали стрелять в них из ружей. Тогда и началось такое волнение среди арабов и турок. Услышав это, эмир аль-хаджж разгневался и сказал: «Воистину, клянусь господом богом, если вы не выдадите виновных, мы изрубим вас всех. Вы неисправимые, забывшие честь злодеи!»

Когда арабы увидели, что с ними не собираются шутить, они ответили: «О милостивый господин, мы ничего не знали об этих ворах. Во имя бога, мы выдадим их». На это эмир аль-хаджж ответил: «Вы, сыновья греха, не знаете ничего о ворах? Мы-то прекрасно знаем, что вы за воры!»

Награжденные таким почетным титулом, они были вынуждены удалиться и привести воров. Тех тотчас же отвели на площадь, отрубили им руки и ноги и пустили их ползти, куда они хотели.

Так это волнение и битва были остановлены. Не менее трехсот мавров и ста турок погибло в столкновении из-за трех воров, а было еще и много раненых с обеих сторон. На другой день два вора умерли, третий остался жив. Я видел в Мекке, как другой такой мавр ездил на осле и просил милостыню. Двадцать лет назад ему тоже отрубили руки и ноги. Я очень удивился, что такой человек мог так долго жить.

Эмир аль-хаджж велел провозгласить по всему лагерю: «Если кто-либо увидит или поймает вора, он должен его немедленно убить, и его кровь будет ему прощена». Старейшина потому так разгневался на арабов и мавров, что хорошо знал нравы этих людей.

О том, как турки и мавры совершают паломничество к горе, называемой ими Арафат *, и как они там совершают молитву

Ежегодно совершая паломничество из Каира, Дамаска и Востока, турки должны посетить гору Арафат. У ее подножия совершается праздник жертвоприношения, который они называют «кючюк байрам». Накануне вечером они все отправляются из Мекки к горе, на которой якобы Авраам собирался принести в жертву своего сына Исаака. Гору называют Арафат. Это одна из вершин горной цепи в трех или четырех милях от города.

Прибыв на место, они останавливаются одним лагерем и разбивают шатры. Каждой группе отводится свой участок.

На следующий день, в полдень, они снимают свои палатки, переходят к горе и начинают молиться. Из их среды выходит святой человек, который выполняет роль предстоятеля на молитве. Затем в течение часа или около того он произносит им проповедь об Аврааме и его сыне Исааке, а также о некоторых пророках — чему они учили и что проповедовали. Окончив проповедь, он обращается к богу за благословением, прося о прощении их грехов. Тут все турки и арабы падают на колени и говорят: «Аминь, аминь, аминь, аминь» — вслед за всем, что произносит святой; это означает: «Да будет так!» Все это продолжается около двух часов. Потом они покидают это место.

На горе стоит маленькая часовня, по-турецки «кубба» *. У подножия горы находятся три больших каменных бассейна. В них собирается вода, вытекающая из горы. Отсюда, как я слышал, эта вода поступает в Мекку. Говорят, что другой воды у них нет, чему я вполне верю, ибо она у них весьма дорога — настолько, что если человек испытывает жажду, то он может за один раз выпить воды на два крейцера.

Эту гору окружают холмы, возвышенности и долины. Только в сторону Мекки тянется равнина. Почва ее — сплошной песок.

Святой, предстоящий на молитве, называется по-турецки «эмир эфенди» *. Такие святые носят на голове зеленую повязку. Ни один турок, не принадлежащий к этому сословию, не может ее носить. Когда святой завершает все молитвы и спускается с горы, мамелюки * начинают стрелять — один отряд за другим. Потом они удаляются. При этом возникает такая теснота и сутолока, что невозможно понять, где находишься. Они так спешат потому, чтобы, в случае если на них с гор нападут мавры, можно было спастись.

Мне тогда было страшно и жутко, ибо я остался охранять верблюдов, а моего хозяина со мной не было. Я не знал, куда мне их отвести, и очень боялся, чтобы в наступившей темноте у меня не отобрали верблюда и не увели его в горы.

Через час мой хозяин вернулся. Я этому очень обрадовался. Он поругал меня за то, что я его не ждал, но все же был обрадован, что все верблюды были в сборе.

О том, как турки в течение трех дней приносят жертву, а также о том, как они бросают камни в дьявола, думая таким способом прогнать его

С этой горы они возвращаются в Мекку. Примерно в одной миле от города находится место, где будто бы дьявол заговорил с Исааком, спросил его, куда он направляется, и предостерег его, чтобы он не шел со своим отцом, так как тот хочет его убить. Тогда Исаак поднял камень и бросил его в дьявола, сказав при этом: «Уходи, дьявол. Мой отец не сделает ничего, что не было бы угодно богу». Дьявол трижды обращался к нему. Исаак же каждый раз так отвечал ему и бросал в него камни. Так утверждают турки. Однако слово божье гласит иначе, и я никак не могу поверить, что Авраам когда-либо был в Мекке.

В описанном месте они останавливаются на три дня. Оно называется Мина *. Здесь сооружены три каменные колонны, одна от другой на расстоянии двух полетов брошенного камня. Каждая колонна стоит на маленьком холмике. Здесь они приносят свою жертву по следующему обряду.

В первый день, совершив рано поутру омовение и молитву, они направляются к главной колонне, стоящей со стороны Мекки, и бросают в нее семь камней со словами: «О боже, смилуйся над нами». Спускаясь с горы, они, однако, подбирают эти камни и используют их потом для плутовства.

Затем они уходят и бреют себе голову. Каждый покупает овцу, козу или барана, смотря по возможности, и перед восходом солнца собственной рукой закалывает животное и раздает мясо семи нищим. Те же, получив тушу, сдирают с нее шкуру, делят мясо между собой и съедают его. Некоторые из них продают мясо мяснику. В этом состоит жертвоприношение первого дня. Некоторые богатые турки закалывают и приносят в жертву верблюдов. После жертвоприношения они едят и пьют.

Затем купцы в течение трех дней торгуют хорошими и ценными товарами, покупают и продают. Те же, кто не успеет

продать свои товары за три дня, отвозят их назад в Мекку, ибо там они остаются еще двадцать дней.

На другой день они направляются к средней колонне и бросают в нее четырнадцать камней, каждый раз произнося: «О боже, смилуйся над нами». Затем каждый снова покупает овцу или другое животное, закалывает его и отдает семи нищим, как и ранее.

На третий день они идут к третьей колонне, бросают в нее двадцать один камень, приговаривая каждый раз то же, что и раньше, а затем закалывают животное и раздают мясо, как и в предыдущие два раза. В трех караванах — из Каира, Дамаска и Йемена — не менее сорока тысяч человек. Они являются сюда каждый год и выполняют описанные обряды и церемонии, полагая, что это приятно богу и что им за это будут прощены их грехи.

В эти дни мамелюки и арабы ведут грешный образ жизни — развратничают и распутничают. Здесь много проституток, которые живут в палатках и держат музыкантов. Честная братия заходит туда, развлекается и распутничает, и потом все расходятся восвояси. Я указал на это моему хозяину и спросил, не является ли это их благодарностью богу за прощение грехов. Он же ответил: «Что ты спрашиваешь об этих вещах? Если они не правы, то бог их накажет». Мне пришлось замолчать, ибо они очень не любят, когда [с ними] спорят, выступая против их веры.

Однако стоит посмотреть, какой роскошью сопровождается паломничество жителей Мекки к горе. Они выступают со своими верблюдами, покрытыми коврами. Женщины сидят на верблюдах и на протяжении всего пути поют, так же как и слуги, идущие рядом.

Мне случилось видеть, как били одного араба за то, что он потерял на пастбище двух верблюдов эмир аль-хаджжа. Бедного парня так отделали, что он плевался кровью и все время кричал: «О дорогой господин, прошу тебя, во имя господа, вели отрубить мне голову».

О том, как турки возвращаются в Мекку и занимаются торговлей

На третий день, к вечеру, они снимают свои палатки и возвращаются в город, каждый на место своего постоя. Все они покупают и продают в меру своих способностей. Здесь можно найти ценнейшие товары: мускус, жемчуг, рубины, алмазы, бирюзу, восточные камни, ценные породы благоуханного дерева, называемые по-турецки «калембек», бухур *, ёдагадши, дибитари (?), азельбент, разные изделия из шелка

и красивые прозрачные покрывала из хлопчатобумажной ткани, турецкие чалмы и много превосходных соболей, привозимых из Персии, чудесные вьющиеся, подкрашенные в голубой цвет шкуры молодых ягнят, которыми они подбивают свои плащи, такие же шкуры пантеры и множество пряностей — перец, имбирь, мускатный орех и тому подобное. Кроме того — ценные краски, доставляемые из Индии. В общем, здесь столько покупалось и продавалось, что я мог только удивляться.

Здесь можно встретить и богатых купцов, которые торгуют всеми товарами оптом. Прежде всего есть особая категория людей, служащих посредниками между торговцами-покупателями и торговцами-продавцами. Вначале они расспрашивают покупателя, какие товары тот хочет иметь и будет ли он платить наличными или отдаст взамен другие товары. Затем они идут к продавцу, указывают ему, что нужно покупателю, и сообщают, будет он платить наличными или даст для обмена товары. Если этот торговец хочет вступить в сделку, то посредник приводит первого купца к продавцу, чтобы он осмотрел товары. Если товары ему нравятся, продавец, в свою очередь, идет на место стоянки контрагента и осматривает его товары. Если они ему также понравятся, то каждый выставляет свой товар, и сделка совершается. Тот, чей товар окажется дороже, получает от другого деньги за избыток стоимости. Затем каждый должен удовлетворить посредника.

Здесь также идет большая торговля маврами. Их привозят по Красному морю из Йеменского вилайета *, гористой страны пресвитера Иоанна *. Эти мавры ходят обнаженными до пупа — как мужчины, так и женщины. Некоторые женщины носят в носу серебряные кольца. Среди этих пленных мавров встречаются и христиане, ибо их обрезают только тогда, когда берут в плен. Они не черные, как другие, а скорее коричневые. В Мекке их покупают по сходной цене, но затем весьма дорого перепродают в Каире. Турки называют этих мавров «хабашитами». Это абиссинцы, известные у нас как народ пресвитера Иоанна. Помпоний Мела * называет эту страну Хабассия, отсюда у турок — Хабеш, а у мавров — Хабеши. Торговые сделки на мавров заключаются тем же способом, что и на товары, — об этом я рассказал ранее. Однако белых пленников сюда привозят немного, так как торговцы боятся, что те умрут в дороге и прибыль пропадет.

Так они ведут торговлю круглый год; ежегодно сюда доставляется товаров на несколько тонн золота, и весь он продается. Потом турки снова отвозят товары в Каир или Дамаск и продают их там.

Описание города Мекки, его планировки и находящегося там храма

Этот город лежит среди высокого нагорья со стороны восхода солнца. Окружающие земли совершенно лишены растительности. Я видел, что в город доставлялось лишь небольшое количество салата, дыни, редька, петрушка и виноград. Больше здесь ничего не растет, чему причиной гористая местность. Все остальное — зерно, муку, ячмень, бобы, рис, чечевицу, сахар и тому подобное — доставляют из Каира по Красному морю. Все это в Мекке очень дорого. Я однажды съел хлеба на пятнадцать крейцеров, но не насытился. Здешние мавры и арабы хлеба едят немного, потому что это очень жаркая страна. В основном они употребляют холодную пищу, к примеру рис, сваренный в молоке, которому они дают остыть, и потом едят его без хлеба. Это главная пища бедняков. Здесь много баранины и молока — овечьего и козьего. Нигде в округе я не видел быков или коров. Здесь, как и в Каире, есть растение, которое они называют «карпуц». Плоды его величиной с бычью голову, некоторые немного меньше, и напоминают тыкву. Этот фрукт очень сочен и хорошо утоляет жажду. Я ел его с огромным удовольствием.

Жители города в основном арабы. Они расхаживают в больших широких штанах черного или синего цвета. Рукава их одежды длинные и широкие, и они завязывают их на спине. Люди на улице называют друг друга «хаджжи» *, так же как и пилигримы, прибывающие в Мекку.

Вода здесь тепловатая и стоит дорого.

Храм стоит в центре города. Сверху он совершенно открыт. У него около четырнадцати ворот, расположенных попарно. Если хочешь войти внутрь, то надо спуститься на несколько ступеней. Вокруг храма полно маленьких лавок, где предлагают множество различных благовоний. Внутри храма висит несколько сотен ламп. Ночью их зажигают для лучшей видимости. Здание стоит внутри храма. Над ним натянут покров из штофа. В середине — арабская надпись, выполненная золотом, буквами величиной в пядень. Этот дом четырехугольный, высота его — два этажа. Понизу в камень впаяно множество медных и железных колец. Храм сооружен из больших каменных плит. Они утверждают, что его построил Авраам. Дверь храма сделана полностью из серебра. Она находится на высоте, превышающей человеческий рост. Лестницы к двери нет, и тот, кто хочет попасть внутрь, должен карабкаться по стене. Внутри стоят три мраморные колонны. Здесь жарко, как будто находишься в бане. Как мне рассказывали, храм отворяют только три раза в год.

Далее. Перед зданием в десяти шагах стоит маленькая часовня. Турки и арабы утверждают, что здесь будто бы похоронен Авраам. Часовня окружена железной решеткой, покрытой золотом. Внутри стоит большой черный гроб, на который накинуто красивое покрывало. Возле часовни находится дом, где паломники совершают омовение у колодца, о котором рассказывалось раньше.

Город Мекка потому так почитается, что, как они утверждают, здесь похоронен Авраам, а также из-за упоминавшейся ранее горы, где он хотел принести в жертву Исаака.

Дома в городе очень высоки, как в Германии. В основном они построены из обожженного кирпича.

Есть еще одно место, посещаемое паломниками, в миле от города по направлению к Красному морю. Туда они бегают босиком и только с повязкой на теле. На этом месте стоит каменная стена, на которой висит несколько ламп. Внизу — маленькая стена в форме круга, засыпанная песком. Здесь они преклоняют колени и молятся около получаса. Сделав же это, бегом возвращаются в Мекку. К этому месту, говорят они, часто ходил Авраам и там молился. По-арабски это называется «умра» *.

Итак, о Мекке сказано достаточно. Ни христиане, ни евреи не имеют права вступать в этот город. Если кто-нибудь из них будет там обнаружен, его полагается сжечь без всякого милосердия.

Как следует снаряжаться и готовиться тому, кто хочет поехать в Мединет-эн-Неби * — город, где похоронен Магомет

Эмир аль-хаджж велел объявить: кто хочет ехать дальше, должен явиться со всем снаряжением и позаботиться, чтобы в два дня все было готово.

Все тотчас собрались в дорогу. Недостающий провиант был закуплен. Каждый запасся жиром, солью, рисом, мукой, чечевицей, уксусом, медом и всем прочим, что считал необходимым для дороги.

Мой хозяин велел тщательно заделать наши просмоленные мехи с водой и наблюдать, чтобы они не протекли в пути. Он распорядился также запаковать и приладить грузы для верблюдов и закупил много продовольствия, ибо все, что у нас было, мы уже съели.

Хозяину был нужен еще один верблюд, так как один из наших погиб. Ему пришлось немало побегать, пока он его купил. Некоторые турки, у которых погибли верблюды, так

и не смогли отправиться с караваном. Им пришлось уехать по Красному морю в Каир. Многие сетовали, говоря: «О создатель, неужели я недостоин такой чести, чтобы совершить паломничество к Магомету?» Было слышно много таких причитаний.

О том, как эмир аль-хаджж выступил из Мекки в Мединет-эн-Неби, где похоронен Магомет

Когда каждый запасся всем необходимым и снарядился в дорогу, они выступили во главе с эмир аль-хаджжем в Медину, где похоронен почитаемый ими Магомет. В первый день мы отъехали недалеко, ибо караван двигался отдельными группами. Мы рано разбили лагерь и прождали остаток дня, пока все собрались. Наш лагерь был у горного хребта, примерно в трех милях от Мекки. Мы нашли здесь хорошую воду, но ни единого селения или дома.

На следующий день, утром, мы снова двинулись в путь и вступили в гористую местность, тянущуюся на три дня пути. Здесь мы уже не нашли больше воды, и у нас погибло много верблюдов. Турки очень расстроились и упали духом: пришлось оставить немало товаров, которые уже никогда не удалось бы забрать.

Через три дня мы подошли к красивой зеленой местности, где было арабское селение. Здесь можно было получить превосходную пресную воду. Эмир аль-хаджж сделал здесь остановку на один день, чтобы сильно ослабевшие верблюды могли отдохнуть. Мы уже не могли ехать с таким напряжением, как из Каира. Многие турки отстали в пути и подошли только на другой день.

Вечером следующего дня эмир аль-хаджж велел трубами возвестить отъезд. Мы снова двинулись в путь по бесчисленным песчаным горам и низинам. До самой Мединет-эн-Неби вода встретилась нам только один раз. Город показался на исходе седьмого дня. Путь стоил нам тяжкого труда и напряжения. Многие так устали со своими верблюдами, что отстали от нас и прибыли в Медину лишь через полтора дня.

О том, как турки взывают к своему Магомету, и о месте, где он похоронен

Мы подошли к Мединет-эн-Неби поздно вечером, расположились лагерем на расстоянии броска камня от города и были очень рады, что наконец достигли его. В эту ночь мы от-

дохнули. Утром турки тщательно совершили омовение и помолились, по своему обычаю.

Затем мы отправились в город, в большую турецкую церковь. Тут к моему господину подошли арабы и спросили его, не хочет ли он воззвать к Магомету. Мой господин ответил утвердительно. Тогда один из них сказал ему: «Господин, вы должны дать мне вознаграждение. Потом пойдете со мной и будете повторять за мной святые слова». Мой хозяин дал ему полталера *. Тогда он повел нас в церковь — к большому отгороженному решеткой со стороны восхода солнца помещению. Нам пришлось трижды обойти его, произнося за арабом такие слова: «Приветствую тебя, пророк Мухаммед; приветствую тебя, Фатима (она была дочерью Магомета), приветствую тебя, Омар (он был его сподвижником), а затем Османа, Али *, Хусейна * и Абу Бекра». Они произносят это трижды и столько же раз обходят вокруг места за решетчатой оградой, где похоронен Магомет. Затем они преклоняют перед могилой колени и молятся. Входить внутрь, чтобы осмотреть могилу, запрещено. Можно только заглядывать сквозь решетку.

Есть еще особые черные арабы; они оскоплены и не имеют срамных органов. Этих людей называют «хадимы». Они в большом почете у богатых и знатных господ. Эти оскопленные хадимы охраняют у турок женщин. К последним не допускаются мужчины, кроме этих слуг. Султан в Константинополе имеет их больше ста, и там они также предназначены для обслуживания женщин. Они достигают положения больших господ. Нынешний государь, султан Ахмед *, возвел одного такого камердинера в сан паши *. Он и сейчас главный паша в Константинополе и называется Хадим Махмед паша. Я сам видел его в свое время, когда в декабре 1610 года прибыл туда из Александрии.

Таких скопцов в этой церкви пять или шесть. Они наблюдают за могилой Магомета. Днем и ночью они находятся в церкви и не занимаются ничем другим, кроме пения, молитвы, чтения и наблюдения за исполнением церковных обрядов. Их считают святыми людьми, и мне рассказывали, что они по три дня не берут в рот хлеба.

Окончив молиться, они встают, подходят к решетке, заглядывают внутрь и говорят: «О любимый Магомет, попроси за меня у бога, чтобы он простил мне мои грехи». Затем они выходят из церкви.

Неподалеку от дверей, ведущих в церковь, находится маленькая часовня. В ней стоит араб, который наполняет маленькие кувшинчики пресной водой и ставит их на камень с наружной стороны решетки. Все подходят и пьют, а потом

7 Зак. 186

произносят: «Эль-хамду ли'ллах», то есть: «Благодарение богу».

Потом они снова заходят в церковь, становятся на колени перед могилой Магомета и молятся богу и Магомету. Затем они поднимаются, обходят церковь, смотрят, как красиво она украшена. Эта церковь очень велика. В центре наверху она открыта. В ней висит более ста ламп. У одной из дверей расположен роскошный покой, где живут скопцы.

На красивых подставках здесь лежит множество рукописных книг на арабском языке. Они покрыты зеленым платком, который якобы хранится со времен Магомета. Эти книги очень почитаются.

Так поступают турки у места погребения их Магомета. У христиан распространено мнение, что он висит в мекканской церкви в железном гробу и магнит удерживает его на высоте. Это не так. Он лежит в Мединет-эн-Неби, в одной из церквей; его могила покрыта красивыми благоухающими платками, а сверху на гробе стоит большой ящик.

О том, как на другой день вспыхнули волнения из-за мамелюка, который саблей раскроил голову одному местному арабу

На следующий день после полудня в городе начались волнения. Их причиной было следующее: один мамелюк пил в городе кофе (этот напиток турки, мавры и арабы употребляют очень горячим круглый год). Мамелюк сидел в кофейне — «кахвехане» — так называют место, где варят и продают этот напиток, — и попивал его. Тут вошел некий араб и набросился на него со словами: «Ты, мошенник, дохлая собака! Ты сказал эмир аль-хаджжу, будто я знаю, где находятся верблюды, которых воры украли и угнали в горы!» Мамелюк ответил ему: «О сын греха, кто это утверждает, что я так заявил эмир аль-хаджжу?» Тут араб рассердился, что мамелюк назвал его сыном греха, ударил его по лицу и сказал: «Я это сказал. И ты еще будешь называть меня сыном греха, когда я святой человек?» Араб был эмиром эфенди в этом городе. Эти люди носят на голове зеленую повязку и считаются святыми, как я излагал немного ранее. Мамелюк толкнул его в живот и сказал: «Убирайся от меня! Что тебе от меня надо?» Тут араб, как рассказывали, еще больше рассердился. Увидев, что мамелюк не желает с ним считаться, он вытащил свой кинжал и бросился на мамелюка. Тот попытался выхватить кинжал у араба, но наткнулся на острие

и тогда уже разгневался по-настоящему, вытащил саблю и нанес арабу большую рану на голове. Араб начал звать на помощь. Пока он так кричал, мамелюк успел удрать из города.

В городе тотчас поднялся шум. Ворота заперли, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти. Жители города прибежали со своими ружьями и луками на городскую стену и, не щадя усилий, начали нас обстреливать.

Мы перепугались и не могли понять, что бы это могло означать. Оглядевшись, мы обнаружили, что они уже убили некоторых из нас. Тут мы поняли, что дело нешуточное, и более не медлили. С нами выступил и эмир аль-хаджж. Все, кто смог быстро вооружиться, бросились к стене и воротам. Негодяи же продолжали яростно обстреливать нас сверху.

Между тем несколько человек выбили ворота и прорвались внутрь. Но когда они вошли в город, его глава появился перед ними с теми, кто ожидал исхода событий в церкви Магомета, спросил, чем вызваны волнения, и попросил их соблюдать мир. Наши люди ответили, что причина волнений им неизвестна, но зато они хорошо знают, что жители города поспешно собрались на стене и начали их обстреливать. Увидев, что дело принимает плохой оборот, они начали защищаться. Начальник города ответил, что он тоже ничего не знает о причине событий, но что он услышал такие крики и стрельбу, что из-за них вышел сюда, намереваясь расспросить об этом эмир аль-хаджжа. Он сказал также, что разберется в этом деле и мы будем удовлетворены. Так потом и было.

Затем начальник города отправился к эмир аль-хаджжу и расспросил его о событиях, чтобы выяснить, кто был их зачинщиком. Тут пришел эмир эфенди, показал свою рану на голове и рассказал все с самого начала. Затем появился мамелюк и изложил свою версию о том, как араб пристал к нему, что тот увел верблюдов, сильно ругал его, первым дал оплеуху, а потом уколол кинжалом. После этого он и ударил араба саблей по голове. Сообразно выдвинутым обвинениям был произнесен приговор: мамелюку следовало отрубить голову, а эмир эфенди должен был в три дня покинуть город и отправиться прочь по своему усмотрению. Однако им обоим смягчили наказание. Эмиру эфенди надлежало уплатить начальнику города штраф в триста дукатов. Мамелюк же посылался на три года гребцом на галеры. Так это дело было улажено.

В городе было убито пятьдесят арабов, а у нас в караване — двадцать человек. Но, кроме того, у обеих сторон было

много раненых и искалеченных, некоторые из них впоследствии скончались.

Причина же смятения, в котором эти двое столкнулись друг с другом, была в следующем. В первую же ночь, когда мы прибыли к городу и остановились среди гор, у эмир аль-хаджжа похитили и увели несколько верблюдов. Мамелюк сказал эмир аль-хаджжу, что араб с зеленой чалмой знает, кто это сделал; последний, узнав об этом, явился к нему и начал его ругать, что тот запятнал его своей клеветой. Мамелюк ответил руганью и отрицал, что говорил что-либо подобное. Они подрались и ранили друг друга. Это вызвало свалку, в которой погибло много народу. Ибо, если с каким-нибудь арабом что-либо случается, они все собираются и ревностно помогают друг другу; кто здесь прав или не прав, их не интересует. Такова была причина этого столкновения.

Мне, однако, все это очень понравилось из-за поведения моего хозяина. В глубине души я не мог не смеяться над ним. Он пришел в такое отчаяние, что не знал, где ему скрыться. Он убежал из палатки и спрятался за какой-то стеной. У него дрожали руки и ноги, и он не знал, куда ему деваться от страха.

Описание города Мединет-эн-Неби. Его расположение и снабжение съестными припасами

Этот город населен арабами. Он лежит в долине, и на расстоянии полумили от города можно видеть только арабские возвышенности. Вся эта местность совершенно бесплодна. Все съестные припасы поступают по Красному морю из Каира, до которого можно добраться только за четыре-пять дней.

Торговые и прочие связи города идут в основном через Мекку в Каир. В Каире они покупают муку, рис, зерновой хлеб, ячмень, чечевицу, горох, бобы и другие съестные припасы и доставляют их в Медину. Таким образом, пищу и прочие закупки они получают из Каира, иначе они бы умерли от голода, так же как и жители Мекки.

Город окружен стеной с тремя воротами. Стена сооружена из глины и помета. Город по величине, пожалуй, равен Штраубингу на Дунае, в Баварии. Перед городом — большой сад, где растет множество финиковых пальм. Других плодов, кроме фиников, я здесь и не видел. Они здесь дешевы и гораздо лучше, чем в Каире. Финики покупают и мавры, а затем продают их в Каире. Другой дешевой еды здесь нет.

За городом находится большой колодец, а возле него несколько каменных бассейнов. Здесь чужестранцы и паломники берут воду.

Здания в городе построены из камня, как в Германии.

Относительно храма: он стоит в центре города, имеет большие размеры, крыша в середине открыта; внутри его сооружены четырехугольные колонны. Могила, где тлеют кости Магомета, находится при входе у дверей; как описывалось выше, она окружена позолоченной решеткой.

ПУТЕШЕСТВИЕ НИБУРА В ЙЕМЕН

В январе 1761 г. группа из пяти человек покинула Копенгаген, чтобы по поручению датского короля исследовать Аравию, и в первую очередь Йемен. «Профессор Фридрих Христиан фон Хавен посвятил себя главным образом восточным языкам, а профессор Петер Форскол — естественной истории. Наш врач, доктор Христиан Карл Крамер, должен был также заняться наблюдениями в естествознании, а художник и гравер Георг Вильгельм Бауренфайнд — оказывать путешественникам помощь, зарисовывая природные объекты, ландшафты, одежду и т. п. На меня были возложены главным образом географические описания». Так пишет Карстен Нибур в предисловии к своему «Описанию Аравии». Побывав в Константинополе и Египте, экспедиция, следуя по суше вдоль берега Красного моря, достигла в декабре 1762 г. Йемена. «Мы должны были оставаться в этой стране от двух до трех лет и затем возвратиться назад через Басру и Халеб *. Ученые, несомненно, могли бы получить много важных сведений из Аравии, если бы мы задержались в этой стране на намеченный срок и все возвратились назад. Но мы прибыли в Йемен только в декабре 1762 г. Господин фон Хавен умер в Мохе уже 25 мая 1763 г., а господин Форскол — 11 июля в другом йеменском городе — Яриме. После неожиданной утраты обоих наших спутников мы решили отправиться в Бомбей с последним кораблем, который отплывал в том году из Мохи в Индию. Во время этого плавания, 29 августа, умер господин Бауренфайнд; мы находились тогда вблизи острова Сокотра. Господин Крамер скончался 10 февраля 1764 г. в Бомбее». На обратном пути Нибур, выехав из Басры, пересек Персию, Палестину и Сирию.

Свой основной отчет о поездке — «Описание путешествия в Аравию и другие сопредельные страны» — Нибур издал в двух томах в 1774 и 1778 гг.; в третьем томе — «Путешествия

по Сирии и Палестине», — вышедшем в 1837 г., Нибур описал последний этап своих странствий, из которых он вернулся в Копенгаген только в 1767 г. Кроме того, он опубликовал наследие своего спутника Форскола.

Разумеется, наши знания об Аравии за последние двести лет значительно возросли, и в данные, полученные Нибуром в его путешествиях, не раз вносились поправки. Несмотря на это, его труды и по сей день считаются значительнейшим описанием Аравийского полуострова. Они сыграли также большую роль, побудив к поездкам на Ближний Восток и в Аравию целую вереницу путешественников, в частности Зетцена (см. с. 118 и сл.). Описания Нибура служили руководством в этих странствиях. Современная история открытия Аравии неразрывно связана с именем Карстена Нибура — «первого» землепроходца этого полуострова в новое время.

КАРСТЕН НИБУР

Йемен в собственном смысле слова

Эта страна прилегает на западе к Аравийскому заливу, на юге — к государству Аден, на востоке — к Яфе, Хадрамауту и Хаулану, на севере — к Хашиду и Бакилю и на северо-западе — к области Абу-Ариш. Длина этой территории равна приблизительно сорока восьми немецким милям, а средняя ширина — двадцати. Та часть этой страны, которая называется Тихама *, представляет собой засушливую равнину. Ее ширина у Мохи — один короткий дневной переход, у Ходейды — два таких же перехода. Другая область — Джаббаль — простирается к востоку от Тихамы и состоит из цепи крутых, очень высоких гор с плодородной почвой. В засушливой Тихаме совсем нет рек, которые бы текли круглый год. И в Джаббале тоже некоторые реки временами совсем высыхают. Они появляются в период дождей и затем частично теряются в гористой местности; если же они настолько полноводны, что преодолевают горный хребет, то орошают и часть Тихамы, возвращая ей плодородие, а затем теряются в ней. Некоторые же реки несут такое количество воды, что не только орошают окружающие их поля Тихамы, но и сбрасывают большие массы воды в море. Все они называются «вади» *. Самые значительные из них — вади Забид и вади Майтам. Оба вади начинаются в округе Йемен Ала и затем текут один — в Забид, другой — в район Адена. Другие же, как вади Кабир, вади Сураджа, вади Эль-Махад, вади Эль-Ханнаш, вади Рима и вади Сихан, также временами стано-

вятся значительными реками и, оросив часть Тихамы, впадают в море.

Правитель этой части Йемена повсеместно именуется имамом. Он исполняет также религиозные функции имама. При этом, совершая молитву в мечети, он становится так, чтобы собравшиеся могли видеть его и следовать ему в традиционных церемониях. Его также называют халифом *. На серебряных монетах... правящий сейчас имам называет себя «эмир эль муменин эль Мэхди эль Аббас ибн эль Мансор ибн эль Метвккель Хасем ибн эль Хёсейн ибн эль Мэхди», то есть «повелитель верующих Мехди Аббас, сын Мансура, сын Метвккеля Хасема, сын Хёсейна, сын Мэхди». Этот имам — халиф, или эмир эль-муменин *, — мусульманин и, как большинство его подданных от Эба до Саны, принадлежит к секте зейдитов. Арабы из Тихамы и южных районов нагорья относят себя к секте суннитов *. Шиитов * я в этих краях Аравии не встречал.

В старые времена в Йемене было много христиан, так что они даже образовывали несколько епископств. Однако теперь я не слыхал ни об одном христианине — уроженце этих мест. Однако вполне вероятно, что в приморских городах Йемена проживают отдельные абиссинские христиане и что они могут открыто отправлять свою религиозную службу. А так, если не считать немногих путешественников, я не встречал здесь каких-либо представителей других христианских сект. Евреи же, которые живут в Йемене больше двух тысяч лет и временами достигали в этих местах большого могущества, твердо держатся своей религии. Их численность, правда, постоянно сокращается, с тех пор как они уже 1100 лет живут под мусульманским игом. Они, впрочем, утверждают — и в этом нет ничего невозможного, — что их народ только в области, подчиненной имаму, насчитывает пять тысяч семей. Они все фарисеи, то есть талмудисты, и так враждебно относятся к караимам *, что, когда я осведомился, встречаются ли в Йемене караимы, они не смогли удержаться от того, чтобы не осыпать их бесчисленными ругательствами. Центром йеменских евреев в старое время был Тенаим, в княжестве Хаулан, где и сейчас живет несколько еврейских семей, имеющих и синагоги. Джон Коллет в письме от 1 августа 1760 года, посланном им надворному советнику Михаэлису по поводу нашей экспедиции, высказал предположение, что в Йемене сохранились древние рукописи Библии. Если это так, то их скорее всего можно будет найти именно в Тенаиме. Евреи из Таиза и Саны заверяли меня, что они не слышали, чтобы в Йемене были рукописи, написанные ранее чем за четыреста или пятьсот лет. Все книги, которые я видел у

этих евреев, были изданы в Амстердаме и в Венеции. Во всех больших городах этой области Аравии можно встретить также баниянов * — язычников из Индии. Их следует рассматривать как чужестранцев, ибо сюда прибывают только мужчины, чтобы торговлей или другим промыслом составить себе состояние и затем вернуться назад в Индию.

Поскольку для путешественника очень трудно получить надежные сведения даже о современном положении страны, то, конечно, еще труднее узнать что-либо достоверное о ее древней истории. Если путешествующему по своей части света европейцу иногда и посчастливится познакомиться с ученым, хорошо разбирающимся в истории своей родины, то у того редко окажется достаточно времени и терпения, чтобы основательно преподать все это чужестранцу. Тем менее можно ожидать этого от араба, ибо ученые среди них встречаются реже, а мы не вполне владеем их языком. К тому же они вряд ли будут тратить на нас столько трудов, как сделали бы это для своих единоверцев. В Европе почти в каждой стране можно найти не только публичные книжные собрания, но и ученых, которые занимаются древней историей, и таким способом путешественник иногда получает возможность собрать сведения, неизвестные в его отечестве. Арабы, напротив, очень мало заботятся о новой истории и уж совсем не проявляют внимания к истории своих предков, живших до Мохаммеда. Общественных библиотек у них не найдешь, и даже их величайшие ученые обычно имеют только самые необходимые для них книги. Люди, увлеченные наукой, должны либо сами переписывать книги, либо ждать случая и покупать их одну за другой; но и то и другое требует немало времени и денег.

По этим причинам мне не удалось собрать никаких сведений об истории и системе летосчисления Йемена при потомках Йоктана. Относительно же имени Тобба * некоторые высказали мнение, что это был почетный титул древних арабских правителей наподобие фараона у египтян. Это отмечалось еще Пококом * и другими европейскими учеными. В Маскате Тобба и Хамйар и сейчас служат для арабов обыденными именами. В области Хайван до настоящего времени сохранилась семья, называющая себя Тобба и, возможно, происходящая от йеменских царей. Один арабский ученый из Мохи придерживается мнения, что титул Тобба в старые времена носили только те йеменские цари, которые происходили из Самарканда и первоначально были огнепоклонниками.

Форскол просмотрел у одного мусульманского ученого в Мохе книгу «Куррад эль-аййун» и сделал из нее выписки,

которые я привожу здесь, ибо они проливают свет на историю этого царства в ту эпоху, о которой я не мог получить никаких сведений, а также потому, что это единственные исторические заметки, которые я нашел среди его бумаг.

«После упомянутого похода Мухаммед уже в 7 году хиджры * отправил посланца по имени Эль мехаджер ибн аби Омейа эль махсуми к царю химьяритов Эль хареду ибн абд калалу, и тот вместе со своими подданными тотчас же принял религию нового законодателя. В 11 году хиджры халиф Абу Бекр отправил в Йемен трех послов: Зияда ибн Лебида эль-Байади в качестве наместника в Хадрамаут, Иббана ибн Саида ибн эль-Аса в Сану и Маада ибн эль Джэббель в Дженнад». Последний построил две мечети: одну — в Дженнаде, а другую — на юго-востоке, неподалеку от города Забид, в местности, которая может быть обильно орошена из вади Забид и тогда становится очень плодородной. Он также насадил возле этой мечети много деревьев, число которых с тех пор сильно увеличилось. Они и сейчас находятся в большом почете у мусульман. «Потом Абу Бекр послал в Сану другого [наместника], по имени Йалеа ибн Али Умейа. Эти три наместника в Йемене — Зияд ибн Лебид, Маад ибн эль Джэббель и Йалеа ибн Али — были утверждены в своей должности не только халифом Омаром в 13 году, но и Османом — в 23 году. После смерти этого халифа йеменское государство подчинилось халифу Али. Он послал в 35 году хиджры неких Обейд аллаха ибн Аббаса — в Сану и Сэида ибн Сэида — в Дженнад.

Затем, с 41 по 132 год, Йемен был под властью халифов из династии Оммиа *, а с 132 по 293 год он подчинялся халифам из дома аббасидов *. В последний из перечисленных годов Сана была завоевана карматами (карматианами) *. Однако предводитель этих новых завоевателей Али ибн эль фадль был убит в 303 году». Господин Форскол далее замечает: «Затем наместником в Сане был Асад ибн Джафар». Таким образом, видимо, все важнейшие города государства, но не все мелкие княжества этой страны были возвращены под власть багдадских халифов.

«В 439 году Йеменом правила семья Солейки. Последний царь этой династии, Дай Саба ибн Ахмед, умер в 460 году. Некий Хатем ибн Хашим эль Хамдани умер в 502 году». Прозвище эль Хамдани как будто указывает на то, что этот господин принадлежал к знаменитому древнему роду Хамдан и, следовательно, йемениты в то время не были под чужестранным игом. «Сын Хатема Абдалла правил потом два года, а его брат Маан — в 510 году.

В 545 году провинции Саада, Наджран, Джоф и Дахер

находились под властью имама Метвккеля аль аллаха Ахмеда ибн Солимана. Кроме него в Йемене правил султан Хатем ибн Ахмед. Он, видимо, был могущественным князем южной части этой страны, так как не только он, но и его сын и наследник Али ибн Хатем вели войну с названным имамом. Али ибн Хатем правил еще в 569 году».

На этом выписка господина Форскола обрывается. Но в § 8 третьей части «Всеобщей истории нового времени» мы читаем, что около этого времени Салах эд дин приказал своему брату Туран шаху * выступить в поход против Алйамана, который тогда изнывал под властью Абдальнаби — эмира, происходившего из коренных жителей этой провинции. Туран шах подчинил себе весь Йемен. Власть над ним перешла теперь к роду Айюбидов *. Но эти иноземные завоеватели вряд ли смогли подчинить себе всю старую арабскую знать. Многие, среди них и имамы, по-видимому, сумели отстоять свою независимость в гористых районах.

В 859 (1454) году к власти пришел род по имени Бени * Тахер. Последним правителем из них был, как утверждают, Салах эд дин. Видимо, он и был тем, кого, по сообщениям Маре *, в 922 году покорил египетский султан эль Гури, отправивший флот против обосновавшихся в Индии португальцев. Генерал султана Хёсейн эль Курди перебил принцев наследственной династии и посадил в Забиде наместника. Однако правление египетских султанов вскоре пришло к концу, и арабы снова сбросили их иго. Вскоре затем, примерно в 1500 году христианского летосчисления, когда Бартема * находился в этих областях, один арабский царь правил в Рида и другой — в Сане. Согласно сообщению Барбосы, первому из них помимо порта Аден принадлежали также Моха и Ходейда. Таким образом, создается впечатление, что при господстве мусульман йеменским государством управлял не один властитель, а целая группа независимых князей.

О том, что турки овладели йеменским государством в XVI веке христианского летосчисления, мы узнаем, в частности, из дневника одного венецианца, находившегося во флоте Солимана паши. Араб из Лохеи рассказывал, что три корабля под командой названного паши на обратном пути из Индии стали на якорь у острова Камаран и потребовали у всех городов Тихамы поставок продовольствия. Но поскольку некоторые города послать требуемое не только не хотели, но и не могли, паша высадил на землю своих людей и несколько пушек и понемногу овладел всеми важнейшими городами Йемена. Правившего тогда имама он принудил искать спасения в горной крепости Каукабан. Между тем турки никогда не могли полностью овладеть положением в

Йемене. Среди завоеванных ими городов помимо Каукабана оставалось еще много мелких независимых княжеств, которые пашам никогда не удавалось покорить. Они так же мало беспокоились о султане, как и арабы Хиджаза. Из сообщений г-на Мидлтона видно, что турки не были полными хозяевами даже в области нынешнего имама. Мидлтон пишет следующее: «Скалистые горы, по которым они проезжали, были населены преимущественно арабами, которые не могли перенести высокомерного и надменного поведения турок. Ни один турок не отваживался проехать через Накиль-Сумара, не получив предварительно пропуска от наместника той провинции, в которую он направлялся. В Эль-Махадире чауши * по приказанию паши ночью похитили ослов. Однако арабы на следующее утро преградили им дорогу, отобрали ослов — и никто из их главарей не осмелился сказать им плохое слово». Иоганн Вильд говорит в истории своего путешествия: «Каирский паша вынужден каждый год посылать войска паше в Йемен, ибо многих из них убивают арабы, в то время как турки в горных областях не могут причинить им никакого вреда».

Арабы почти совсем прогнали турок из Йемена. В своей «Истории правителей Египта» Маре рассказывает следующее. Еще султан Солиман * подчинил себе Счастливую Аравию. В 976 (1568) году султан Селим * установил свою власть в некоторых областях. Он отправил сюда Синана пашу, умного и храброго полководца, известного также многими милосердными деяниями. Ему удалось вырвать страну из-под власти бунтовщиков, но только после долгой борьбы и многих боев.

В этой прекрасной, далекой от Константинополя стране паши получали очень большие доходы. Крупными начинаниями они старались приобрести славу и добиться любви черни. Еще и сейчас в некоторых городах можно видеть возведенные ими роскошные мечети и погребальные сооружения. Для удобства путешественников они строили также большие караван-сараи, мощеные дороги на крутых склонах гор, зданьица, где путники могли укрыться от внезапного дождя, и бассейны с запасами воды. После того как жители Йемена научились пользоваться огнестрельным оружием, они уже не считали турок непобедимыми и начали беспокоить их все больше и больше. Самым удачливым в борьбе с турецкими пашами был один из потомков Мохаммеда — Сейид Хасем ибн Мохаммед. Он был родичем знатной семьи имамов, упорно продолжавшей отстаивать свою независимость в Каукабане. Оба они возводили свое происхождение к имаму Хади, который похоронен в Сааде, где и сейчас правят его потомки.

Хасем ибн Мохаммед жил как частное лицо в горах Шахара и получил в наследство от предков лишь ограниченные доходы. Однако он приобрел дружбу других независимых арабов и с их помощью осмеливался нападать на турецких пашей, постепенно вытесняя их из одного города за другим. (По весьма точным подсчетам, которые я сделал на основе устных сведений, это происходило около 1630 года.) Сейид Хасем правил всего восемь или девять лет и за это время ни разу не переносил своей резиденции из Шахара. Йеменские арабы называют его Хасем эль Кбир, то есть Великий. Он родоначальник семьи имамов, правящих ныне в Сане.

Бо́льшую часть сведений об обстоятельствах правления последующих имамов — от Хасема эль Кбира до ныне царствующего Мёхди аббаса — я получил у одного ренегата в Мохе. Часть из них он сообщил устно, часть же — письменно. Слово «ренегат» вызывает такую ненависть, что некоторые, пожалуй, поспешат объявить ненадежными сведения, исходящие от подобного человека. Поэтому я должен отметить, что осведомлялся о различных сообщенных им фактах и у туземных арабов и каждый раз находил, что сведения, переданные этим вероотступником, были правильны. Когда я подробнее ознакомлю моих читателей с историей этого человека, они должны будут почувствовать к таким людям скорее сострадание, чем отвращение. Он родился в уважаемой семье на острове Цейлон и еще совсем молодым человеком приехал в Голландию, где получил хорошее образование. Его родные снова отправили его в Индию, снабдив хорошими рекомендательными письмами. Здесь голландские купцы определили его в качестве торгового посредника на корабль, направлявшийся в Моху. Главным купцом и капитаном этого корабля был индийский мусульманин. Еще в пути молодой голландец поссорился с ним. Прибыв в Моху, он встретил здесь одного голландского вероотступника, портного по профессии. Однажды он увидел его дочь. Она владела только арабским языком, и он не мог объясняться с ней ни единым словом. Тем не менее он вскоре настолько влюбился в нее, что захотел на ней жениться. Ее отец объяснил ему несуразность его желания и в качестве главного препятствия к своему согласию на брак привел различие в религии. Голландец решил, что это не должно мешать его предполагаемому счастью. Он тотчас отправился к губернатору и потребовал, чтобы его приняли в мусульманскую веру. Губернатор хотел дать ему время подумать, но голландец потребовал, чтобы его тотчас же подвергли обрезанию. Когда эта церемония была выполнена, он отправился к портному и рассказал

 ему, как все произошло. Тот, однако, проявил еще меньше

желания отдать ему свою дочь, чем раньше. Ведь голландец, только что пользовавшийся уважением как европейский купец, теперь находился в самом тяжелом положении и к тому же не понимал местного языка. Он был совершенно не в состоянии заработать себе на хлеб. Новообращенный понял свою ошибку, однако раскаялся в своей глупости слишком поздно.

Чтение и письмо были прежде его главными занятиями, и он подумал, что таким путем сможет найти себе пропитание и в качестве мусульманина. Он со всем усердием взялся за арабский язык и вскоре научился говорить, читать и писать на нем. Власти как будто почувствовали к нему сострадание. Обычный европеец, перешедший в мусульманство, получает лишь от $1\frac{1}{4}$ до 2 талеров, чего едва хватает на жизнь. Его же произвели во всадники, чтобы обеспечить ему больший доход. Но тут его поджидало другое несчастье. Ни в школе, ни во время морских путешествий он не научился верховой езде. Его конь заметил это и настолько осмелел, что сбросил его на землю. У арабов это вызвало смех. Он же так рассердился, что отказался от службы в Мохе, где мог с легкостью заработать себе на жизнь. Теперь этот человек стал искать себе заработка во внутренних районах Йемена, главным образом в области союзных племен Хашид и Бакиль. Здесь он оказался в самых скверных условиях. То ему приходилось зарабатывать несколько штюверов * составлением писем. То он писал амулеты от различных случайностей, которые могли запугать человека. То он читал в мечети проповеди с призывом к раскаянию. У него была отличная память, и он так хорошо изучил историю главных мусульманских святых, как этого могли потребовать только от священнослужителей. Во время своих поездок по Йемену он не раз натыкался на могилы местных святых, а к ним относили и могилы различных имамов. Так он стал интересоваться не только историей святых, но и политической историей Йемена и этим обеспечил себе свободный доступ к ученым и различным независимым шейхам. У него все же не хватило нахальства все время играть роль попрошайки, и в конце концов он вернулся в Моху, где жил в величайшей бедности. Он уже давно получил разрешение от своих соотечественников вернуться на родину, но стыдился снова явиться к своим родственникам, отчасти же совесть не позволяла ему покинуть старую больную женщину...

Теперь я возвращаюсь к истории йеменских правителей. У Хасема Великого, первого имама из правящего ныне рода, было два умных и смелых генерала в лице двух его сыновей — Исмаила и Хасана. Первый получил власть после

смерти отца. Братья вместе боролись за освобождение своей страны. Султан в Константинополе, видимо, не очень заботился об этой отдаленной провинции. Чтобы попасть сюда, турецким войскам приходилось проделывать нелегкий путь через множество областей, населенных независимыми арабами, или пересекать море. Расходы на поддержание страны в покорности были, пожалуй, значительно бо́льшими, чем доходы от нее. Потомки Хасема эль Кбира приняли титул имама. Старая же линия, которая и сейчас сохраняет власть в Каўкабане, была вынуждена удовольствоваться лишь титулом «сиди» (принц, господин). Вступая в должность, йеменские имамы выбирали себе новое имя, как это было некогда у Фатимидов и Аббасидов и как сейчас обычно поступают цари Хабеша. Исмаил взял себе имя Эль имам Метвккель, или, как утверждают другие, эль Метвккель аллах. Для арабов он особо почитаемый святой. Они прославляют его за то, что он изготовлял маленькие шапочки, распространенные у здешних жителей, и продавал их, чтобы не пользоваться общественными доходами для личных нужд, а также за то, что он довольствовался одной женой и держал лишь одну служанку для домашней работы. Короче говоря, этот владетельный господин был так бескорыстен и в то же время ревностен в стремлении служить своему отечеству, что все его земляки добровольно оказывали ему поддержку в борьбе с турками. Он правил тридцать лет, имея своей резиденцией Доран.

Наследником имама Эль Метвккеля Исмаила был его сын Мохаммед, принявший имя Эль меджид биллах. Он спокойно правил в течение семи лет, был так же совестлив в отношении общественных доходов, как и его отец, и не пользовался ими для личных целей. Его резиденцией, как и раньше, был Доран. После смерти имама ему наследовал его племянник Ахмед, перенесший столицу в Харрес и провозгласивший себя имамом Эль махади. Этот властитель расширил границы своего государства и прославился своей богобоязненностью. Но и он правил недолго — всего семь лет.

После Эль махади Ахмеда новым имамом был провозглашен племянник Эль меджида биллаха Мохаммед ибн Хёсейн. Он принял имя Эль махади Хади и установил свою резиденцию в Харресе. Его правление продолжалось не более двух лет, а затем власть захватил Эль махади Мохаммед, один из сыновей имама Эль махади Ахмеда. Этот властитель перенес свою резиденцию в Маваххеб и правил с переменным успехом тридцать лет. При Эль махади Мохаммеде состояло несколько французов, чьи дневники издал впоследствии

 ла Рокк. Несомненно, именно этого имама и имел в виду

капитан Гамильтон, сообщая о йеменском правителе, которому в 1714 году исполнилось восемьдесят лет. Что же касается упоминаемого Гамильтоном восстания 1720 года, то оно должно было быть направлено уже против преемника Эль махади Мохаммеда, если только время его правления не было преувеличено в полученных мною сведениях.

Махади Мохаммеду пришлось вести тяжелые войны с коалицией шейхов Хашида и Бакиля. Сначала он поручил руководство боевыми действиями своему племяннику Хасему ибн Хёсейну, а когда тому удалось усмирить врагов имама, то в качестве «вознаграждения» ему была пожалована камера в замке в Дамаре. В одной из последующих войн имам послал против объединившихся шейхов Хашида и Бакиля своего старшего сына Ибрагима. Однако возглавляемое им войско потерпело полное поражение. Имаму пришлось опять обратиться к своему первому генералу — Хасему. Он выпустил его из тюрьмы и отправил к армии. Хасем снова одержал полную победу, но теперь он счел за лучшее не возвращаться в Мавахxеб и остался в Амране. События завершились появлением некоего человека из Шахара, по имени Мохаммед ибн Хасан, который провозгласил себя имамом под именем Эль наср и действительно сместил Эль махади. Новый имам, однако, не пробыл у власти и двух лет, как был свергнут упоминавшимся ранее Хасемом ибн Хёсейном. Последний захватил пост имама и принял имя Эль метвккель. Имам Эль махади пережил свое падение на три года.

В качестве столицы имам Эль метвккель выбрал Сану. Его десятилетнее правление принесло населению страны относительный мир. Мне показывали его могилу — небольшое сооружение вблизи Баб саббы. После его смерти на трон вступил его сын Хёсейн, правивший под именем Эль мансора. Однако вскоре власть была отнята у него Мохаммедом ибн Исхаком, принявшим имя Эль меджид (по другому сообщению — Хади). Этот новый антиимам был племянником Эль махади Мохаммеда. Властитель Каукабана Мохаммед ибн Хёсейн оказал ему столь сильную поддержку, что Мохаммеду ибн Исхаку удалось овладеть всей страной, за исключением Саны. Однако его правление продолжалось только один год, ибо и сам он, и Мохаммед ибн Хёсейн попали в плен к Эль мансору. В 1728 году начал домогаться трона другой племянник Эль махади Мохаммеда, носивший имя Абдуллах ибн абу талеб. Но имам Эль мансор справился и с этим соперником и упрятал его в тюрьму в Сане, где тот и умер в 1761 году. Через несколько лет поднял мятеж некий накиб * Рёдсе. Он был шейхом Хаулана и пообещал одному из братьев имама, Йусофу, поддержку в борьбе за трон. Последнему

очень хотелось добраться до власти. Имам, однако, узнал обо всем заблаговременно. Он велел заковать Йусофа в цепи, и тот в них так и скончался спустя полтора года. Имам опустошил земли хауланского шейха и принудил его к бегству. Другой брат имама, Ахмед, около 1736 года был послан наместником в Таиз. Он, однако, здесь так надежно обосновался, что его уже больше не удавалось привести к повиновению. В правление этого имама (около 1737 или 1738 года) французы подвергли бомбардировке Моху. Эль мансор правил 21 год, включая, видимо, и тот год, когда властью овладел Эль меджид. Он похоронен в Сане в мечети, называемой Эбхар.

После смерти Эль мансора выступили различные принцы из правящей династии. Один из них, по имени Али, пользовался наибольшими правами на трон, поскольку его мать была первой женой его отца. Она была дочерью правителя Каукабана Сиди Мохаммеда ибн Хёсейна, и, таким образом, Мохаммед был предком Али как с отцовской, так и с материнской стороны. Еще в 1763 году эта принцесса проживала в Сане во дворце под названием Дар синнан. Видеть этого принца регентом было единодушным желанием подданных, и никто не предполагал, что это его право может быть оспорено. Однако в дело вмешалась мать второго принца Аббаса — черная как смоль рабыня скончавшегося имама. Она оказалась хитрее принцессы. Ей удалось сохранить в тайне смерть своего господина, пока кади Йахйа ибн Салех, один из главных министров имама, не привлек на сторону Аббаса войска и главных наместников провинций. Ни в чем не повинный принц Али был посажен в тюрьму и провел в ней весь остаток своих дней (он умер в 1759 году). Второй принц, Аббас, принял в качестве имама имя Эль махади, или Эль мёххди. Кади Йахйа стал его ближайшим министром. Принц Али незадолго до смерти обратился к имаму с письмом, горько жалуясь в нем на несправедливые действия кади. Население также начало проявлять недовольство тираническим правлением имама и выказывать сожаление о судьбе старшего принца. Это побудило имама конфисковать все имущество своего старого министра и отправить его в тюрьму. Судьбу кади разделили его брат и один из его доверенных лиц — кади Мохаммед эль Америе. Эти двое были освобождены уже через два года, а старого кади продержали в тюрьме гораздо дольше: он вышел на свободу незадолго до нашего приезда в Сану и жил теперь на пособие, которое ему установил имам.

В начале правления имама Эль махади Аббаса племянник Эль метвккеля Хасема, носивший имя Сиди Ахмед ибн

Мохаммед и бывший правителем Каукабана, принял титул Эль Имам Наср аллах. Однако у него не хватило сил, чтобы отстоять это звание. Позднее он снова попытал счастья: объявил себя имамом Хади и начал наступление из Шибама. Ему удалось продвинуться в Хамдан и разбить армию имама Эль махади. Но тут случился пожар на складе пороха. У новоявленного имама Хади сгорела одежда и была опалена борода. Ему пришлось отступить и прекратить военные действия. Около 1750 года примерно три тысячи арабов из Нехма и Дейбана вторглись во владения имама и дошли почти до самой Саны, но вскоре были побеждены и рассеяны. В 1757 году союзные племена Хашид и Бакиль численностью от четырех до пяти тысяч подошли через Хаулан к Дамару и разбили армию, посланную против них имамом. На следующий год они попытались вторгнуться в Сураджу, но генерал имама застал их врасплох, когда они этого меньше всего ожидали, и принудил их к поспешному бегству. В 1757 году у имама Эль махади возникли распри с правителем Есаба Ахмедом ибн Мохаммедом ибн Исхаком. Причиной их было право чеканки монеты, на которое претендовали как имам, так и Ахмед. Эта война окончилась быстро. Ахмед был привезен в Сану, где его принудили согласиться поставлять доходы с его маленького княжества в столицу имама.

Одним из опаснейших врагов, с которыми пришлось бороться имаму, был Абд урраб ибн Ахмед, провозгласивший себя шейхом Хаджарии. Этот Абд урраб был сыном накиба, много лет исполнявшего функции наместника маленького округа Юффро. Имам постоянно выражал удовлетворение его службой, что помогло его сыну получить этот пост после смерти отца. Года через два после этого его призвали в Сану для отчета в его деятельности. Имам остался им очень доволен и поручил ему снести несколько мелких замков, которые еще содержались отдельными шейхами. Затем Абд урраба послали наместником в Катаба́ — область значительно более доходную, чем Юффро. При сносе замков Абд урраб проявил расторопность и нажил себе этим немало врагов. Наиболее заметным среди них был накиб Мохаммед ибн Абдуллах, сахеб (владетель) Вадейа. Его замок в Робо-эль-Хава, вблизи Эль-Махадира, был также разрушен во время этих событий. Накиб Мохаммед ибн Абдуллах сам состоял на службе у имама и приложил усилия, чтобы отомстить Абд уррабу. Действуя вместе со своими сторонниками, ему удалось добиться внезапного отзыва Абд урраба в Сану. Друзья известили Абд урраба о причине этого вызова, и он опасался, что его приезд ко двору теперь окажется менее

8 Зак. 186

счастливым, чем в первый раз. Абд урраб отказался явиться в Сану и приготовился защищаться на случай, если имам велит доставить его как бунтовщика в столицу силой. Непослушание Абд урраба позволило его врагам убедить имама немедленно выслать армию в три тысячи человек во главе с накибом Мохаммедом ибн Абдуллахом. Последний уже думал, что наступило время отомстить Абд уррабу. Осада Катаба́, продолжавшаяся два месяца, оказалась безуспешной, но она совершенно истощила все запасы Абд урраба, и ему пришлось ночью покинуть крепость. Вместе со своими людьми, которых насчитывалось от 500 до 600 человек, он пробился сквозь отряды противника и бежал в горные крепости Димлу и Мансору в округе Хаджария. Его друзья открыли ему ворота этих твердынь. Накибу Мохаммеду пришлось с позором возвратиться в Сану. В Димлу был послан другой генерал, но и он был вынужден отступить, ничего не добившись. До сих пор Абд урраб только защищался. Теперь же он увидел, что его силы достаточно велики, начал беспокоить верные имаму области и даже осадил Джиблу. Этот город, однако, не был окружен стенами, и, даже если бы удалось занять его, долго удержаться в городе было бы невозможно. Поэтому Абд урраб удовольствовался денежным выкупом и отошел в Хаджарию.

Имам явно не мог в одиночку тягаться с этим арабским богатырем. В 1757 году он заключил союз с аденским шейхом Абдулькеримом, который также начал побаиваться Абд урраба. Союзники должны были напасть на своего врага с двух сторон. Храбрый Абд урраб, однако, не стал этого дожидаться. Он сам вторгся во владения аденского шейха, подступил к Лахджу и в течение четырех или пяти месяцев держал Абдулькерима осажденным в Адене, так что тому пришлось согласиться на выплату значительной суммы в качестве компенсации за отвод войск Абд урраба. Имам же не проявил ни малейшей заботы о судьбе своего союзника.

В 1760 году войско имама осадило Таиз. Абд урраб счел этот момент благоприятным для новых завоеваний. Он овладел небольшим замком в Мусе и подошел со своими войсками к Мохе. Однако губернатор Мохи сообщил ему, что стоящие на рейде англичане поддерживают законную власть и готовы встретить Абд урраба пушками. Это удержало Абд урраба от дальнейшего продвижения. Тем временем имам тоже оказался в трудном положении. Ранее он потерпел неудачу, пытаясь привести к повиновению шейха Абд урраба, теперь же становилось все очевиднее, что его войскам будет не так просто завоевать Таиз. У него появилась мысль использовать одного врага для борьбы против другого и таким

путем избавиться от обоих. Абд урраб неплохо знал образ мыслей имама и вначале не хотел верить его клятвам и обещаниям. Но в конце концов мир был заключен при посредничестве двух главных военачальников имама. Согласно договору Абд уррабу надлежало со своими войсками или, вернее, сторонниками присоединиться к армии имама под Таизом и помочь ей завоевать этот город. В дальнейшем он никогда не должен был предпринимать враждебных действий против подданных имама. В свою очередь, имам отказывался от каких-либо притязаний на округ Хаджария и давал обещание всегда относиться к Абд уррабу как к другу и союзнику. Имам подтвердил это семикратной клятвой. (Почему семь клятв заслуживают больше доверия, чем одна, так и осталось для меня загадкой.) Для вящей убедительности имам прислал экземпляр Корана, на котором он принес клятву, и венок из роз, носимый им обычно на голове. Свидетелями, точнее, заложниками при заключении этого мира были накиб Эль мас и накиб Ахмед эль хамр. Оба они не только занимали высшие должности, но и были известны как благородные и богобоязненные люди.

Тотчас же по заключении мира Абд урраб присоединился к армии имама, стоявшей под Таизом. Город был взят, чему во многом помогли таланты этого нового союзника. Имам выразил полное удовлетворение действиями Абд урраба. Он также весьма дружественно принял членов семьи Сиди Ахмед, руководивших защитой Таиза, и потребовал, чтобы все они явились в Сану. Абд урраб испытывал некоторое недоверие, но оба генерала — Эль мас и Ахмед эль хамр — так усердно заверяли его в дружбе имама, что он все же решился появиться в Сане. В дороге ему оказывали величайшие почести. Множество жителей Саны выехало из города, чтобы увидеть и встретить прославленного героя. Повсюду только и говорили что о его смелости и находчивости. Вспоминали все сражения и стычки, в которых он одержал победу над врагами, а также способы, которыми он получал сведения о силе и слабости противника. У арабов обычно не принято посылать лазутчиков. Он же, как говорили, проникал в стан врага то под видом крестьянина, то купца и потом возвращался обратно, зачастую еще и зарубив несколько вражеских офицеров. Иногда же он со своими приверженцами внезапно нападал на противника и наносил ему жестокое поражение. Короче говоря, имам видел, что мятежник вызывал общее восхищение, а к нему самому его подданные относились презрительно. Может быть, это-то и разъярило имама и врагов Абд урраба, состоявших при имамском дворе. Возможно также, что они еще раньше решили расквитаться с

ним, обречь его на бесчестье и позор. Наконец, могли опасаться, что Абд урраб создаст в Сане свою партию, враждебную имаму. Трудно определить, какая из этих причин побудила имама к дальнейшим действиям. Абд урраб по прибытии в Сану был лишен одежды, а его руки и лицо вымазаны красной краской. Его заковали в цепи, посадили на верблюда спиной вперед и в таком виде возили по городу под стук барабанов. Абд урраб, вероятно, лишил бы себя жизни, если бы мог предполагать, какой позор ожидает его. Так можно думать потому, что, когда его внезапно захватили, обезоружили и раздели, у него под одеждой на голом теле оказался кинжал. Абд урраб, однако, не имел достаточно времени, чтобы им воспользоваться. Одна из его сестер, бывшая тогда в Сане, нашла другой способ проявить свое мужество. Увидев, как ее брата таким позорным образом возят по городу, она не захотела быть этому свидетельницей, бросилась вниз с крыши дома и умерла на улице у ног своего брата. Пленника подвергли всяческим истязаниям. Потом его бросили на кучу навоза и через три дня обезглавили. Таков был конец этого славного арабского героя и знаменитого мятежника, привлекавшего к себе внимание йеменитов в последние годы. Он был женат на дочери шейха Шафля; после него осталось трое сыновей: Рёдже, Хамамма и Меджехид.

Позорное нарушение имамом данного Абд уррабу слова, конечно, не могло не вызвать ненависти к нему со стороны большинства его подданных. Особенно были недовольны Эль мас и Ахмед эль хамр — генералы, поручившиеся за незыблемость слова имама и заверившие Абд урраба в своей дружбе. Оба они считали, что им нечего бояться. Эль мас командовал почти всей кавалерией и пехотой имама и пользовался большой любовью войска. Ахмеду эль хамру подчинялись все союзные войска Хашида и Бакиля, состоявшие на службе имама. К тому же род Ахмеда был одним из наиболее уважаемых среди хашидитов, а его брат Хасем был военачальником этого племени. Ахмед эль хамр все-таки потребовал у имама объяснений по поводу нарушения им своего слова, но был за это сразу же посажен в тюрьму. Среди народа усилилось брожение, а генерал Эль мас, называвшийся также по своему сыну Абу Ахмед, сделал попытку сместить имама. Получив об этом первые известия, имам под личиной дружбы пригласил генерала к себе. По принятому обычаю, гостю предложили кофе, действие которого, однако, на сей раз оказалось таким, что накиб испустил дух, не успев даже вернуться домой.

 Получив сообщение об аресте брата, военачальник союз-

ных племен Хашида и Бакиля Хасем эль хамр собрал небольшую армию и выступил с ней по направлению к Амрану. В первой же стычке с отрядом, высланным имамом навстречу Хасему (сражения в Аравии вряд ли можно назвать другим словом), погиб сын Хасема эль хамра накиб Муршид. Это внесло немалое расстройство в ряды группировки Хашида. Хасем, подавленный смертью сына, отвел свои войска назад. Имам опасался, что союзники снова попытаются освободить накиба Ахмеда, и велел втайне отрубить ему голову в Рида. Так он избавился от страха перед своим бывшим генералом, но вызвал еще большее озлобление союзников, которые не упускали теперь возможности напасть на имама и заставили его расплачиваться за все. Как рассказывали, имам обязался ежемесячно выплачивать родственникам Ахмеда эль хамра пятьсот талеров. За два с половиной года до нашего прибытия в Йемен союзники сожгли Лохею и несколько деревень в Тихаме. Во время нашего пребывания в Мохе они снова появились вблизи Лохеи. Здесь не считается необычным, если наемные войска поднимают бунт, а объединенная союзная армия Хашида и Бакиля появляется поблизости от столицы имама. Войны у арабов возникают часто, но длятся недолго. Нам повезло, и, в какой бы области этого государства мы ни появлялись, там царил мир. Иначе нам не удалось бы объездить эту страну в такой короткий срок.

В 1763 году имаму Эль мёххди Аббасу было около сорока пяти лет и он правил семнадцатый лунный год. Его внешность была довольно приятной. Предки имама со стороны отца были белолицы; он же унаследовал цвет кожи по материнской линии. Как я сам видел, некоторые его родственники со стороны матери были черными как смоль и имели широкий нос и толстые губы, напоминая африканских кафров. Он и Сиди Мохаммед родились от одной матери. Сиди Ахмед, Сиди Хёсейн и другие были его братьями только наполовину. Мёххди Аббас взял себе в жены дочь Сиди Али, сына Сиди Ахмеда, князя Таиза. Вероятно, у него были еще и другие жены из свободнорожденных женщин. Кроме того, у него было много рабынь, хотя все же гораздо меньше, чем у его отца Эль мансора, который будто бы имел этих рабынь более двухсот. Принцев, сыновей имама, насчитывалось десять или двенадцать; большинство из них были еще такими маленькими, что не покидали стен гарема. Четверо старших, уже показывавшихся публично, носили имена Абд аллах, Али, Хасем и Мохаммед. Из них только второй, принц Али, занимал государственный пост. Он был вали *, то есть наместником, области Санхан и лежащего здесь города Саны. Прочими родственниками имама были два его дяди — Сиди

Абд ульрахман и Сиди Ибрахим; Сиди Исмаил, властитель Эль-Махадира, Сиди Ахмед, князь Ёсаба, со своими братьями Сиди Хасемом, Сиди Аббасом и Сиди Йусофом; Сиди Али, двоюродный брат имама, женатый на его сестре; Сиди Али и Сиди Абд улькерим из Таиза. Все они проживали в Сане.

ОПИСАНИЕ СИНАЯ ЗЕТЦЕНОМ

В 1802 г. в Константинополь прибыл Ульрих Яспер Зетцен. К тому времени ему исполнилось тридцать пять лет. Он изучал в Гёттингене медицину и естественную историю и «опубликовал несколько статей и монографий в области естественной истории, технологии и обществоведения». Он приобрел одно за другим три хозяйственных предприятия и сверх того прекрасно проявил себя, действуя как уполномоченный рейхсграфа Мюнстер-Мейнхёвеля. Короче говоря, это был уважаемый, опытный и обеспеченный человек.

В 1803 г. Зетцен отправился в путешествие по Малой Азии, Сирии и Палестине. Основные остановки у него были в Смирне, Алеппо, Дамаске и Иерусалиме. В 1807 г. он с попутным караваном проехал через пустыню Эт-Тих и Каменистую Аравию до Синайского полуострова. Исследовав Суэцкий перешеек, Зетцен в мае 1807 г. прибыл в Каир, откуда совершил поездки по Египту.

В 1809 г. Зетцен проследовал морским путем в Джидду, официально перешел там в ислам и отправился в паломничество в Мекку. Там он втайне составил план мечети и окружающей местности. «В Аравии он изъездил вдоль и поперек район Медины. Здесь он, также втайне, составил план города и схему святого храма. Затем он побывал в Ходейде, Кусме, Сане, Дамаре, Таизе и других городах и даже добрался до южного побережья полуострова Лахак. Отсюда через Дубаб (в проливе Баб-эль-Мандеб) он вернулся в Моху. Из этого города Зетцен послал свои последние письма от 14 и 17 ноября 1810 г., которые вызвали в Европе всеобщий интерес. С таким же интересом были встречены и посланные отсюда статьи: 1) об арабских лошадях; 2) о Хадрамауте и о надписях из Монката, а также выдержи из дневника, в какой-то степени дающие представление о содержавшихся в нем ценнейших сведениях...

В сентябре 1811 г. Зетцен выехал из Мохи, собираясь попасть в Сану, а оттуда через Маскат — в Басру. Он ехал в одежде дервиша * и под видом истинного мусульманина (хаджжи Муса эль Хакима) надеялся успешно завершить

свое путешествие. С ним было много верблюдов (семнадцать!). Но через два дня после отъезда из Мохи Зетцен нашел смерть вблизи Таиза» (Крузе).

УЛЬРИХ ЯСПЕР ЗЕТЦЕН

14 апреля. На следующий день, уже без четверти пять утра, я начал взбираться на гору Святой Екатерины. Со мной были мой слуга, бедуин и мальчик. Тропинка была менее крутой, чем та, которая вела на Хореб, но она показалась мне более утомительной, ибо на всем пути нигде не было ступенек и дорога оказалась загроможденной мелкими и крупными камнями. Во многих местах приходилось карабкаться по отвесным скалам. Эти горы сложены из яшмы, порфира и мелкозернистого гранита необычайной прочности. На нашей тропинке я заметил много красивого черного дендрита. Я набрал небольшую коллекцию этой породы.

В 5 часов утра мы устроили двадцатиминутный отдых, расположившись на небольшой террасе склона горы. В половине шестого мы продолжили подъем и через десять минут подошли к маленькому роднику, называемому Айн-эш-Шеннар, что значит Источник куропатки. Этот родник бьет у подножия вздымающейся ввысь скалы, на которой я обнаружил мелкие вкрапления белого туфа. Размеры водоема не превышают квадратного фута, и воды он дает очень мало. Возле родника, прямо на скале, растет азаролевое дерево (ṣaarūr) величиной с куст вишни.

После двадцатиминутной остановки мы стали подниматься по труднопроходимой тропе и в половине седьмого достигли сравнительно ровной и свободной от камней площадки, поросшей кустарником. По ней мы легко добрались к подножию самого высокого пика горы Святой Екатерины. Вид на эту вершину открылся нам, как только наш отряд вступил на упомянутую площадку. Мы снова отдыхали здесь в течение получаса. В двадцать пять минут восьмого наша группа была у подножия этой громадной скалы, и здесь мы опять устроили короткий отдых. В три четверти восьмого мы продолжили восхождение и через пять минут достигли вершины пика. Эта скала чрезвычайно тверда и крута. Взобраться на нее стоит немалого труда, ибо на всем пути не встречаешь ни одной ступеньки. Хорошо еще, что ноги на ней не скользят: твердая поверхность скалы впивается в подошвы и удерживает путника. Несмотря на это, оба моих бедуина шли босиком. Их покрытые мозолями ноги как будто совсем не страдали даже от самых острых камней.

Вершина скалы представляет собой площадку величиной с комнату среднего размера. Половину ее занимает маленький ветхий домик, сложенный из грубых камней. Его называют «часовней святой Екатерины», отпечаток тела которой якобы можно видеть внутри этого сооружения. Я обнаружил, что полом часовни служит естественная поверхность скалы. В полу имеется продолговатое возвышение, превышающее уровень земли на несколько дюймов. В этом возвышении можно видеть ряд плоских выемок неправильной формы. Мне, однако, показалось, что они не имеют ничего общего с формой человеческого тела. Мой слуга был более набожным, чем я, и заверил меня, что он видит все именно так, как нам это описали, — прекрасное доказательство того, что твердая вера способна сдвинуть горы и даже больше! Эта скала, так же как и вся гора, сложена из мелкозернистого гранита необычайной прочности. Монастырский переводчик утверждал, что многие путешественники уже в недавнее время пытались отбить кусок скалы оттуда, где находится отпечаток тела святой, но потерпели неудачу. Он, разумеется, выдавал это за чудо. Здравомыслящий человек, однако, с этим не согласится. Просто никто из них, видимо, не имел тяжелого молота, а на полу часовни нет острых углов. Я взял на память из этой часовни несколько мелких камней, которые должны представлять большую ценность для набожных католиков в Европе, ибо это подлинные куски скалы, на которой виден предполагаемый отпечаток. Один из этих камней я переслал папскому генеральному прокуратору Святой земли Клементе Пересу (он просил меня об этом при моем отъезде из Иерусалима). Я с удовольствием оказал ему эту незначительную услугу, ибо его любезность и содействие в важных вопросах сделали меня его неоплатным должником. Возле этой часовни также показывают след ноги святой Екатерины, запечатленный на скале. Это утверждение, по существу, является оскорблением прекрасного пола. Если судить по оттиску, нога этой красавицы должна была быть больше, чем у самого крупного мужчины, и плохо подходила бы к миловидной головке той же святой, которую демонстрируют в монастыре.

Если исключить время, потраченное на отдых, то подъем на гору занял у нас 1 час 15 минут. Поэтому я считаю, что путешественники, утверждавшие, будто восхождение занимало у них три часа, включали в это время и передышки. Однако периоды отдыха устанавливаются произвольно и зависят от случайных обстоятельств. Соответственно, для того чтобы использовать время подъема как масштаб для определения высоты, хотя бы приблизительно, следует различать собственно время восхождения и время передышек. Сообще-

ния других путешественников заставили меня предполагать, что вершина горы лежит почти на уровне снегов и что, находясь на ней, я буду испытывать сильный холод. Мои ожидания, однако, не оправдались. Здесь, наверху, я совсем не чувствовал мороза, напротив: на солнце было довольно тепло. Снег здесь можно найти только в пропастях, куда никогда не проникают солнечные лучи и где он сохраняется, как в погребе. Снег лежал и в нескольких сотнях шагов от часовни; сам я его не видел, но мой проводник скатал небольшой ком и принес его мне. У нас не было воды, и мы держали снег на огне, пока он не растаял. Полученная вода имела неприятный вкус и отдавала дымом, но, несмотря на это, утолила нашу жажду и размягчила наши сухари, которые уже стали тверды как камень и были почти несъедобны.

Увы! Дикие остроконечные скалы и в этот день были окутаны туманом, так что наше поле зрения было весьма ограниченным. Я не мог разглядеть даже слабых признаков восточного рукава Аравийского моря; лишь с юга просматривался небольшой участок западного рукава — Суэцкого залива. На западе вздымалась вершина горы Сербаль, а немного севернее — гора Фиран (Фаран), которую, правда, было нелегко распознать из-за тумана. Обе эти вершины стоят совершенно изолированно. В южном направлении я заметил несколько острых скалистых холмов, которые показались мне не ниже горы Святой Екатерины. Сквозь туман мы разглядели также южные отроги гор Эт-Тих, круто вздымавшиеся по ту сторону равнины. Мой проводник утверждал, что у гавани Эт-Тур он видел «нахль», то есть плантацию финиковых пальм; я их на этот раз не заметил, но думаю, что в ясную погоду их можно увидеть достаточно хорошо. На западе я различил полосу небольших садов, зажатых в глубокой и узкой долине. Некогда они принадлежали монастырю святой Екатерины, но затем, уже давно, попали в собственность к бедуинам. Некоторые путешественники утверждали, что они будто бы видели отсюда Писгу (в районе Иерихона) и Средиземное море. Это, несомненно, ошибка, которую следует объяснить плохим знанием географии: горы Эт-Тих полностью закрывают здесь вид на север.

Гора Екатерины значительно выше Синая (то есть Хореба) и горы Моисея. Гора Синай, если смотреть отсюда, совсем не выделяется среди остальных вершин нагорья. Подъем на эти горы занял у нас почти одинаковое время. Таким образом, становится ясно, что монастырь Эль-Леджа * расположен гораздо выше, чем монастырь святой Екатерины. Это наблюдение подтверждается еще и тем, что после обеда мы обычно немного спускались вниз, обходя Хореб, или Синай,

у самого подножия. В то же время утверждения некоторых путешественников, будто гора Святой Екатерины в два раза выше Синая, явно преувеличены. Она действительно выше Синая, но не более чем на одну треть.

Без четверти девять утра мы начали спускаться назад, в монастырь Эль-Леджа, и подошли к нему без пяти минут одиннадцать. По дороге мы отдыхали в течение двадцати пяти минут. Я очень устал, но все же употребил то недолгое время, что мы оставались в Эль-Леджа, на то, чтобы уложить собранные мною растения.

При спуске я видел несколько больших скал из темно-красного гранита, а у подножия горы Святой Екатерины мы обнаружили глыбу траппа.

Без четверти час мы покинули Эль-Леджа, рассчитывая добраться до монастыря святой Екатерины еще до наступления вечера. Мы следовали по узкой долине, имея с левой стороны гору Святой Екатерины, а с правой — Синай, или, лучше сказать, Хореб. Дорога все время шла немного на спуск. Долина образована скалами и усеяна многочисленными гранитными глыбами, которые, надо думать, скатились по отвесным склонам Хореба, нависающим над низиной. После двадцатипятиминутного перехода мы оказались у одного из этих блоков, называемого Хаджар-Муса, то есть Камень Моисея. Как и другие глыбы, он сложен из красивого и прочного темно-красного гранита и имеет неправильную, но несколько закругленную форму. Такая форма свойственна всем отдельным блокам этой разновидности гранита. Ширина долины на этом участке составляет лишь несколько шагов, а до подножия Хореба от камня ближе, чем до горы Святой Екатерины. По моей оценке, длина камня равна двум с половиной саженям, ширина — полутора саженям, высота почти равна ширине. Одна из его продольных сторон обращена к горе Святой Екатерины. На ней по правую руку (если стоять лицом к камню) можно видеть плоское желобообразное углубление, идущее вертикально и несколько вкось. Ширина его — 1,5 фута, а глубина — 1,5 дюйма. В этом углублении я заметил девять или десять поперечных трещин различной высоты и глубины. Большинство из них занимало всю ширину упомянутого желоба. Самые крупные трещины имели высоту около 2 дюймов (в средней части) и глубину до 5 дюймов. Покок сравнивал их с львиными пастями, которые иногда высекались в Европе на колодцах. Эта мысль не лишена основания, хотя по художественным достоинствам европейские изображения стоят выше. Я обнаружил, что в некоторые отверстия были воткнуты связки растений. Бедуины делают это из суеверия. Они считают, что если скот кор-

мить этими травами, то животные будут спасены от болезней. Ни об одном предмете, который путешественники видели встарь на знаменитом Синайском нагорье, не рассказывается столько фантастических историй, как об этом удивительном камне. Согласно преданию, это и есть та скала, из которой Моисей ударом жезла извлек обильный источник. Только воздействием предрассудков можно объяснить, что путешественники смогли увидеть здесь нечто чудесное, а не результат работы резца. Правда, этот гранит трудно поддается обработке, но разве древние египтяне не высекали из камня такой же породы прекраснейшие образцы своей архитектуры, уже тысячелетия сопротивляющиеся действию времени? И разве несколько лет назад не начали в Гамбурге обрабатывать гранитные блоки из Хольштайна с почти таким же мастерством, как древние египтяне? Я думаю, мне не надо заверять моих мыслящих читателей, что я не видел никакой воды, текущей из Камня Моисея, и что я убежден в том, что этого никогда не было. Я полагаю также, что потеряю у читателей уважение, если буду придерживаться противоположной точки зрения.

Но действительно, всего в нескольких шагах отсюда из-под скалистых блоков вытекают источники, которые могут считаться обильными для этих бедных водой мест. Одна из скал так же велика, как и Камень Моисея. Источники изливаются в крохотный пруд и оттуда через канал отводятся к фруктовым садам, цепочкой раскинутым по долине. Вода этих родников чистая и очень хорошая. В нескольких шагах ниже бассейна, у канала, лежит громадный блок гранита, значительно превышающий своими размерами Камень Моисея. Воды канала обтекают скалу, доходя до середины ее высоты.

Если Моисей действительно разыграл здесь сцену сотворения чуда, то необходимым условием этого было следующее: израильтяне не должны были знать об интересной особенности здешних источников, состоящей в том, что каждые четверть или полчаса источник замирает. События могли разворачиваться таким образом: Моисей держал израильтян в отдалении, сам же направился к источникам (один или со своими приближенными), а затем велел народу подойти, чтобы убедиться в существовании родников, появление которых он и выдал за чудо. Так следует истолковывать этот факт, если вообще стоит тратить силы на объяснение мнимых чудес. Однако мне кажется более вероятным, что, к чести знаменитого израильского законодателя, этого эпизода в действительности не было, как и многих других аналогичных спектаклей, приписываемых Моисею. У меня в этом почти нет

сомнений, ибо в этих горах во многих местах бьют родники, которые не могли бы остаться неизвестными такой большой массе людей.

Мне принесли здесь ящерицу, в которой я узнал Lacerta stellio L.

Мы отдохнули в гроте и в без семи минут три продолжили свой путь, огибая Хореб с правой стороны. Задержавшись еще в одном месте на десять минут, без двадцати минут четыре мы подошли к Рас-эль-Бакара, что значит Бычья голова. У тропы на этом месте находится гранитная глыба, лишь незначительно возвышающаяся над землей. В ней видно углубление, напоминающее по форме голову гигантского быка. Монахи утверждают, что первосвященник Аарон отливал на этом месте голову для своего идола Аписа.

Без десяти минут четыре мы покинули это место. Вскоре затем мне показали две достопримечательности, находящиеся у начала долины, в которой стоит монастырь святой Екатерины. Первой из них был гранитный блок с выемкой на одной из его сторон. Эта впадина будто бы появилась здесь, когда Моисей прислонился спиной к скале! Другой достопримечательностью были два камня, удаленные друг от друга на расстояние семи или восьми подошв (сандалии). Бедуины сообщили мне, что эти камни обозначают длину ступни любимого их героя Бени Хелала *. Первое из этих преданий относят и к одному аналогичному гранитному блоку на горе Моисея, который, впрочем, мои проводники забыли мне показать. Мне все же кажется, что еврейские легенды содержат достаточно рассказов о чудесах Моисея и что не стоило бы тратить усилий на выдумывание новых.

В четверть пятого мы снова подошли к монастырю святой Екатерины. Сегодняшний переход нас сильно утомил. С помощью веревок нам помогли перебраться через высокую садовую ограду.

Вечером мы услышали громкие возгласы бедуинов. Они собрались у отверстия в стене, где кончалась канатная передача, и бурно требовали раздачи пищи.

Насколько мне известно, ни один европеец еще не определил географической широты и долготы этого монастыря и всей горы Синай. Эта вершина показалась мне во многих отношениях чрезвычайно удобной для картографических измерений. Поэтому два последующих дня я занимался астрономическими наблюдениями, причем мой служитель отсчитывал время. Отмечу, кстати, небольшую неточность, которую допустил выдающийся астроном Лаланд. А именно: в своем «Abrégé d'Astronomie» он утверждает, что тропик Рака проходит через гору Синай. Я полагаю, что это описка или же

опечатка, ибо в действительности эта гора удалена от тропика более чем на 6 градусов.

Здешние монахи ведут очень замкнутый и сдержанный образ жизни. Никогда не услышишь тут громкого зова или крика. Они немногословны и разговаривают обычно тихо. Все они, видимо, анахореты; мясной пищи не употребляют, больше одного блюда зараз не едят. Два дня в неделю их пища готовится даже без масла. Они ослаблены постоянным постом, но болеют редко, и многие из них достигают глубокой старости. Вина они не пьют, только кофе и изредка стаканчик водки. Монахи не курят и не нюхают табаку. Только один из них говорит помимо греческого и на арабском языке. Это абуна * Акакий — переводчик и эконом. Он, впрочем, не монах. Он обычно ведет переговоры с арабами, которые приходят требовать хлеба и т. п. Они же доставляют и уносят письма. Абуна Акакий также надзирает за монастырскими садами. Он был единственным, с кем я мог беседовать. Все остальные говорили только по-гречески, а двое также и по-турецки.

Один из монахов, абуна Симеон, выделялся из общей среды своим знанием мира и людей. Он родился в Анатолии, в Трапезунде, и объездил кроме этой части Азии Грецию, остальную Европейскую Турцию, а также Россию, Венгрию и часть Германии (включая Саксонию). Как мне сообщили, он был уважаемым купцом. Вызывает удивление, как этот повидавший мир человек мог решиться на такой уединенный образ жизни. Он еще живо интересовался политическими событиями и с удовольствием вспоминал о диковинках, которые повидал в своих путешествиях. Абуна Симеон не раз посещал меня с переводчиком, чтобы поговорить обо всем этом и покурить у меня табаку, от которого ему было трудно отвыкнуть. Он находился здесь всего пять месяцев, и, как мне показалось, избранный им образ жизни был ему не совсем по вкусу.

Толмач сообщил мне, что монастырь испытывает недостаток в зерне, и открыто выразил пожелание своего начальства получить от меня в подарок пшеницу в количестве двух нош верблюда.

Я обещал ему переслать пшеницу из Суэца. Денежного дара, как он заверил меня, в монастыре не принимали, да и к тому же моя касса была исчерпана.

Монастырь является для здешних мест настоящей крепостью и надежно защищен от нападений бедуинов. Его стены весьма крепки, а вооружение состоит из ружей и нескольких небольших пушек. Во время вторжения в Египет французов одна из стен монастыря обрушилась. Генерал Клебер *

обратил на это особое внимание и оплатил стоимость ее восстановления.

Нынешний греческий епископ на Синае был раньше монахом. Он исполняет свою должность уже два года, но в монастыре еще ни разу не был. Как мне сообщили, это весьма ученый человек, понимающий много языков, в том числе и несколько европейских. Вступив в сан епископа, он еще ни разу не посетил монастыря, так как это связано с большими расходами. В этом случае он должен появиться с максимальной торжественностью, а живущие в окрестностях бедуины потребовали бы тогда от него больших подарков съестными припасами, одеждой и деньгами. Епископ долгое время пребывал в Каире, а оттуда отправился на Кипр. Монастырь святой Екатерины следует по рангу непосредственно за монастырем синаитов в Старом Каире, где обычно останавливается епископ. Доходы на содержание монастыря святой Екатерины поступают из различных источников: от местных садов, из благотворительных фондов, основанных в разных странах, в качестве подарков русского царя, но в основном в виде милостыни, собираемой синаитскими миссионерами во всех странах, где только есть греческие христиане. Эти благотворительные пожертвования передаются прокураторам, пребывающим в определенных городах, а те, в свою очередь, каждые шесть лет пересылают их или привозят лично главному прокуратору, резиденцией которого служит Старый Каир. Число этих бродячих монахов, как утверждают, достигает нескольких сотен. Четверо или пятеро из них странствуют даже в Индии, Сурате, Бенгалии и т. п. Все, конечно, согласятся со мной, что это не так просто — снабдить продуктами для поста ораву из 25 монахов, из которых лишь трое имеют священнический сан.

Толмач Акакий сообщил мне, что, хотя сейчас ежедневно перед монастырем появляется несколько бедуинов, чтобы выпросить немного хлеба, кофе, соли, масла, иголок и т. п., все это не идет ни в какое сравнение с другими временами года. Сейчас в поисках корма для скота бедуины отправились на дальние стоянки. В летние же месяцы они располагаются вблизи монастыря и приходят сюда в таком количестве, что можно подумать, будто здесь ярмарка.

Со времени французской экспедиции в Египет в эти места заходит совсем немного паломников, так как дорога из Суэца и Эт-Тура стала небезопасной из-за нападений бедуинов. Изредка сюда наведываются европейские путешественники, главным образом англичане и французы. Греки прибывают в монастырь со всех концов Османской империи.
 Некоторые греческие купцы, едущие в Джидду, чтобы заку-

пить там кофе и другие товары из Аравии и Индии, на обратном пути иногда высаживаются в Эш-Шарме, приезжают сюда на верблюдах и затем следуют дальше в Суэц, куда их товары доставляются по морю. Иногда этот монастырь посещают и знатные мусульмане. Их хорошо принимают и помещают в комнате при небольшой мечети, которая стоит здесь среди монастырских строений. Эту мечеть еженедельно по пятницам приводит в порядок бедуинский шейх. В ней, впрочем, не совершается богослужения, ибо живущие вблизи монастыря бедуины, как и большинство кочевых племен, не умеют ни читать, ни писать. Они не получают никакого образования и поэтому мало интересуются своей религией, которую исповедуют только формально.

Синайские монахи, как и бедуины всего полуострова и даже жители Эт-Тиха, получают почти все припасы (в первую очередь пшеницу) из Египта, а именно из Каира; Египет служит неисчерпаемой кладовой зерна для всей этой местности, где почти совсем не выращивают злаков. Так было, видимо, и в давние времена, и я считаю весьма вероятным, что жившие здесь израильтяне получали всевозможные припасы из Мемфиса. Крупный рогатый скот на полуострове и в горах Эт-Тих не разводят, ибо для него нет корма и не хватает воды. По тем же причинам здесь не держат коней, а только верблюдов, ослов, овец и коз. По-видимому, израильтянам вскоре по их прибытии в Каменистую Аравию пришлось зарезать весь многочисленный скот, который они привели с собой. Для них было бы невозможно сохранить его, ибо свойства почвы здесь остались неизменными в течение тысячелетий.

17 апреля дул бурный ветер. В этот день несколько вернувшихся из поездки бедуинов принесли весть, что в Суэц пришло около дюжины английских кораблей с индийскими частями. Впоследствии, впрочем, оказалось, что это сообщение было ложным.

Описываемая часть Каменистой Аравии очень слабо населена. Все же здесь есть несколько бедуинских племен, причем некоторые так малочисленны, что члены одного племени едва смогли бы составить население деревни среднего размера. По моей просьбе шейх из монастыря дал мне их названия. Вот племена, которые живут к югу от каирской дороги паломников, то есть на полуострове: эль Жауалха, делящаяся на четыре группы: Вулад Жаеид, эль Геларше, эль Ауарме и эль Редежат; затем Жёэдауийе; эль Рейше; эль Шауамин; эль Хеват; эль Бтейаха; эль Бедара; эль Адсасе; эль Трабиин эль Тур; эль Дбур; эль Ганнамийе; эль Мисене; эль Легат; эль Махасна; эль Тёббана: эль Джиббалийе, или

монастырские арабы; эль Расана; Вулад Джинди; Бени Жлеман; Бени Уажим; эль Джехене эль Тур; эль Ёррук; эль Хаммейде; эль Мауатера и эль Жоббаха.

Наиболее многочисленное из этих племен, пожалуй, Жауалха. Племя Бтейаха, правда, крупнее, но в этих местах обитает лишь небольшая его часть. Жауалха — это те, кого Бюшинг называет Суалли или Шуалли. Эль Легат у него именуются Алекад или Элекат; а те, кого он называет Месендис, — это, конечно, Мисени. Точно так же Ла Саид или Векелкадисаид — это Вулад Жаеид — ветвь Жауалха. Они получили свое название, видимо, не по местности в Верхнем Египте, а скорее по имени одного из своих знатных прародичей-шейхов. О племени Гарас, которое упоминает Бюшинг, я ничего не слышал. Все эти племена носят общее имя Араб эль Тур. Они все совершенно независимы.

К северу от египетского караванного пути, вплоть до Газы и Хеврона, обитают среди прочего населения племена Кес, Адсасме, Бтейаха, Кдерат, Хуесат, Жауарке, Бени Ёкуба, Араб эль Гор, Жейидиин, Бени Атийе, эль Вухедат, Сир. Как утверждал монастырский шейх, Бени Атийе — это общее название нескольких племен. Все эти племена, живущие к северу от караванной дороги, на полуострове называют общим именем Араб эль Шам.

Шейх назвал мне следующие племена, обитающие к востоку от Акабы (древней Айлы): Ёммеран, эль Маасе, эль Диллам, эль Хёхкук, эль Менадже, эль Мюггане, эль Жерваджийе, эль Каабна и эль Алауин. Эль Алауин — это, видимо, те, кого Бюшинг называет Алауни. В прежние времена они пользовались весьма дурной славой. Имя Алауин, надо думать, происходит от Айлы, а если это предположение верно, то их можно считать потомками эланитов, то есть очень древним племенем.

Кроме этого множества племен шейх назвал мне еще и другие, проживающие к западу от Суэца, то есть в Египте: эль Хуэсат, эль Шеррабе, эль Айаиде, эль Неам, эль Диллам, эль Шауамин, эль Инфеат, эль Хеван, Хальбежует, эль Моуже, эль Джехене, эль Ейби, Билли, эль Маасе, эль Жалалме, Миссаеид и Хмерат.

Бедуины полуострова гораздо менее состоятельны, чем их соплеменники, живущие в областях Белька, Карак и других местностях с благодатным климатом. Изобилия средств существования у них не встретишь. Злаков они не разводят, а скота имеют немного. Я уже раньше упоминал, что здесь почти не носят кеффии * — пестрого головного платка, распространенного у восточных бедуинов. Большинство надевает белую или красную головную повязку из шерсти или хлоп-

чатой ткани, грубую белую рубашку и, по крайней мере в холода, черную аббаю* из грубой шерсти. Одежда типа брюк у них, полагаю, чрезвычайно редка. Я, во всяком случае, ничего подобного не видел. Путешествуя или нанося кому-либо визит, они имеют при себе еще узкий платок, разукрашенный голубыми полосами или клетками. Платок набрасывают на плечи, один из его концов пропускают под мышкой, оборачивают вокруг тела и снова забрасывают за плечо. Рубаху они обычно затягивают широким кожаным ремнем, а в нем носят, как и другие бедуины, кошелек, называемый ими «жеф». Как правило, они ходят босыми, изредка же надевают сандалии в виде подошвы на ремнях. Башмаки у них почти не встречаются. Щит, лук и стрелы известны этим бедуинам разве что по названию. Эти виды оружия теперь заменило фитильное ружье. Некоторые также вооружены саблей, которую они вешают на боку. Я почти не помню случаев, чтобы видел у них копья. Для верховой езды они пользуются дромедарами — верблюдами, бегающими рысью. В остальном дромедар, которого здесь называют «хеджим», так же мало отличается от обычного верблюда, как у нас верховая лошадь — от крестьянской.

19 апреля монахи отмечали праздник пальм. Я тоже присутствовал на нем и присоединился к процессии, проследовавшей по двору вокруг церкви. Отец Гардиан нес на золотом блюде череп и руку святой Екатерины, с которых по этому случаю были сняты покрывала. Когда мы вернулись в церковь, Гардиан оказал мне честь, позволив поцеловать эти бесценные святыни, благословив меня своей рукой и освятив мой перстень с печатью. За это я пожертвовал один золотой. Оба останка испускают запах мускуса, что монахи выдают за чудо, хотя объяснить это явление проще простого. Эти реликвии обычно хранятся запертыми в мраморном саркофаге на хорах. Судя по ним, святая должна была быть весьма нежным созданием. А так как прекрасный пол вряд ли может отрицать свойственное ему тщеславие, то и этой его представительнице, вероятно, не очень-то пришлось бы по вкусу, что ей приписывают такую гигантскую ногу, какая отпечаталась на скалистой вершине горы, названной ее именем. На мраморном саркофаге высечены две надписи — по-гречески и по-арабски. Из них следует, что эта церковь — лучшая из всех греческих церквей, которые я видел в Леванте,— построена в 1710 году дамасским архитектором.

В этот день снова дул сильный ветер, небо было затянуто тучами, собирался дождь. Однако с неба упало лишь несколько капель. Оба монастырских бедуина, которые работали в саду, оказались весьма музыкальными и очень любили

9 Зак. 186

свою рбабе *. Они продекламировали несколько касыд *, которые я велел моему служителю записать. Как я обнаружил, это были отрывки из дивана * Бени Хелал.

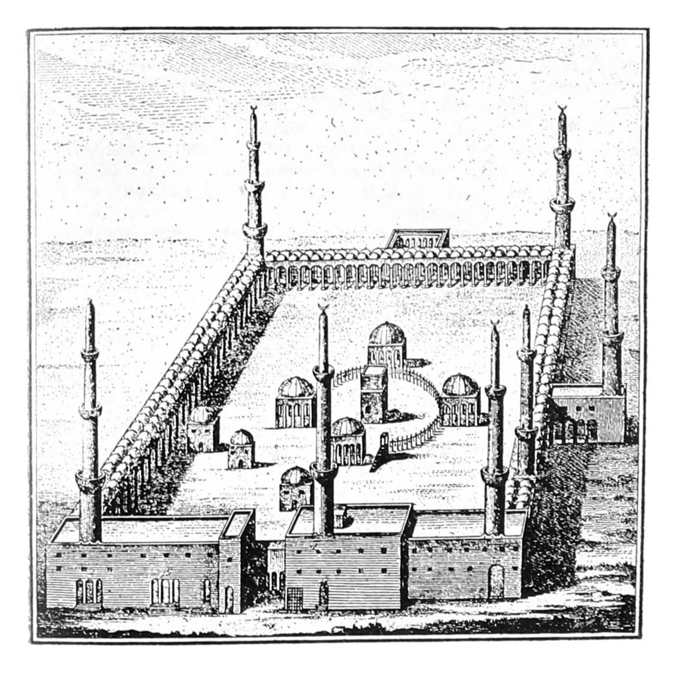
Путешественник получает необычайное удовольствие, если в этой местности наталкивается на следы пребывания своих предшественников. Так было и со мной, когда я обнаружил в одной из гостиных следующую записку (по-французски): «На пятый день недели пятого фримера 9-го года Французской Республики, в 1800 году христианской эры и в третий год завоевания Египта, граждане Розьер и Кутель, члены Комиссии наук и искусств, прибыли для посещения святых мест, портов Эт-Тур, Рас-Мухаммад и Эш-Шарма, Суэцкого и Акабского заливов, крайней точки полуострова, всех горных хребтов и всех арабских племен между двумя заливами».

Отчеты этих двух заслуженных ученых, наверное, уже стали доступны читателям, и следует ожидать, что они прольют новый свет на все, что связано с этим полуостровом. Их пример показался мне достойным подражания, и я присоединил к этой записке еще одну — содержащую краткое сообщение о моих странствиях.

ПУТЕШЕСТВИЕ БУРКХАРДТА В МЕККУ И МЕДИНУ

Иоганн Людвиг Буркхардт происходил из уважаемой базельской семьи. В 1809 г. он отправился в Алеппо в качестве служащего английской «African Association». Здесь он появился под именем Ибрагима ибн Абдаллаха «как индийский купец, по религии мусульманин, занимающийся якобы доставкой депеш от Ост-Индской компании британскому консулу». Из Алеппо он, выдавая себя за бедуина и купца, предпринял исследовательские поездки по Сирии, Палестине и к берегам Евфрата. В 1812 г. Буркхардт переехал в Каир, откуда в 1813 г. проник вверх по Нилу «до границ государства Донгола *», а годом позже пересек Нубийскую пустыню.

«Возвратившись к Нилу, я направился на восток и посетил страны между этой рекой и Красным морем, к северу от Абиссинии. Ранее эти места были совершенно неизвестны географам, и я имел возможность сделать здесь ряд интересных открытий. Я достиг морского побережья в Суакине * и отсюда отплыл в Джидду. Во время этого переезда я посетил знаменитый Смарагдовый остров, о котором как древние, так и новые авторы рассказывали множество волшебных историй. В Аравию я прибыл, когда там шли военные действия.



Большая мечеть в Мекке.
Рисунок из «Описания Аравии» Карстена Нибура (Копенгаген, 1772)

Египетский паша Мохаммед Али * уже четыре года вел войну против приверженцев новой турецкой религиозной секты ваххабитов. Теперь он сам явился в Аравию, чтобы ускорить ход военных действий и довести их до конца. Непрерывные набеги ваххабитов помешали мне проникнуть в глубь страны. Наконец 7 января 1815 года паша одержал большую победу над своими врагами при Бисселе (в четырех днях пути к югу от Мекки). Теперь вся страна, вплоть до границ Южной Аравии, была для него открыта. Я же в это время был прикован к постели в Медине, в 120 часах пути к северу, и не испытывал ни малейшего желания подвергнуться трудностям и опасностям путешествия по аравийским хребтам в

направлении Йемена. Я провел несколько месяцев в Мекке, как раз когда там собралось несметное множество пилигримов, прибывших из дальних областей Востока и Запада. Потом я перебрался в Медину. В апреле я здесь несколько оправился от лихорадки, а затем снова достиг берегов Красного моря и отплыл из Янбо в Египет. Итак, я возвратился в эту страну после отсутствия, длившегося два с половиной года». Так сообщал о своих странствиях Буркхардт в письме к родным в Швейцарию.

В 1816 г. Буркхардт предпринял экспедицию на Синай. Во время ее, в октябре 1817 г., он скончался в Каире. Причиной смерти было отравление рыбой.

ИОГАНН ЛЮДВИГ БУРКХАРДТ

Планировка Мекки

Въезжая в город со стороны Джидды, путешественник огибает оконечность песчано-гравийной долины и замечает при этом две круглые сторожевые башни. Они были построены шерифом Галебом для защиты его столицы. Такие же башни можно видеть и у других въездов в город. Они достаточно велики, чтобы вместить двадцать человек. Холмы подступают вплотную к въездам в город, и башни полностью господствуют над подступами к городу. Раньше здесь, видимо, стояли ворота, но теперь от них остались только камни основания. Тут же приютился маленький домик, в котором чиновники шерифа взимают налог с ввозимых в город товаров. Здесь также настроены сараи и низкие запущенные жилые домишки, известные под названием «харе» (квартал) Эль-Джеруэль. Его правую сторону составляет лагерь, где живут бедуины, обслуживающие торговый путь между Меккой и Джиддой. Эти люди принадлежат к племенам Харб, Метрефи и Лахави.

За кварталом Эль-Джеруэль проезд уже называется Харет-эль-Баб. Это широкая улица, на которой попадаются и хорошие дома. Она ведет к кварталу Эш-Шебейка, тянущемуся главным образом по правую руку. Название квартала [«сеть»] объясняется тем, что последователи Мухаммеда во время войны с корейшитами * подверглись здесь нападению врагов и попали в затруднительное положение. В Эш-Шебейке много хороших домов, это один из самых чистых и сухих кварталов города. Здесь проживает немало джиддийцев. Шериф Галеб имеет в этом квартале хороший дом, в котором и теперь — после его смещения — живет семья этого правителя,

состоящая из нескольких маленьких детей и взрослой дочери. Главная улица с обеих сторон обстроена кофейными лавками. Каждый вечер отсюда на ослах отправляется в Джидду транспорт с письмами. Это единственная почтовая линия, которую я видел на Востоке, если не считать почтовой связи между Каиром и Александрией, организованной европейцами. Однако пересылка писем производится там не так регулярно, как в Мекке. К тому же почтовая оплата составляет здесь совсем незначительную сумму — 2 пара * с небольшой надбавкой для почтальона, распределяющего письма, прибывшие из Джидды.

В упомянутых кофейных лавках живут также караванные маклеры, при посредстве которых бедуины поставляют верблюдов для поездок в Джидду и Медину.

На западной стороне Эш-Шебейки, в направлении гор, находится большое кладбище, среди которого разбросаны хижины и палатки бедуинов, а также убогие жилища публичных девок, обслуживающих низшие слои населения. Это кладбище называется Эль-Хандуризе. Хотя, согласно преданию, на нем похоронено много друзей и сподвижников Мухаммеда, здесь теперь уже не хоронят. Для мекканцев высшего и среднего сословий есть большое кладбище в северной части города. Лавок в Эш-Шебейке немного. В период хаджжа * здесь останавливается лишь небольшая часть приезжих, так как в этом квартале проживают состоятельные люди, считающие ниже своего достоинства сдавать жилища внаем.

Если, следуя по широкой улице, пройти Эш-Шебейку и направиться дальше к северу, то окажешься перед баней. В Мекке три бани, и эта лучшая из них, но из-за недостатка воды она все же значительно уступает аналогичным заведениям в других азиатских городах. Ее построил в 980 году хиджры везир султана Солимана II Мухаммед паша. Это одно из лучших зданий города. Эту баню посещают в основном чужестранцы. Местные арабы не привыкли к бане и предпочитают совершать предписанные религией омовения у себя дома.

Баня и несколько переулков, ведущих к мечети, образуют квартал Харет-Баб-эль-Омра, населенный представителями власти, именуемыми «метовеф» *, а также пилигримами из Турции. Улицы здесь узки и очень грязны, но хаджжи предпочитают останавливаться в Харет-Баб-эль-Омра, ибо это лучший квартал вблизи мечети. Поселившись здесь, они чувствуют себя уверенными, что не пропустят ни одной молитвы. А кроме того (как они сами говорят), близость храма дает им возможность прогнать дурные сны, если их ночной

отдых окажется неспокойным. Здесь можно видеть, как посреди ночи люди в домашних халатах торопливо идут в мечеть и там совершают обход Каабы; затем они целуют черный камень, произносят короткую молитву, пьют воду из источника Земзем * и снова возвращаются в свои постели. Вблизи ворот мечети, называемых Баб-эль-Омра (отсюда и название квартала), находится большое здание. Первоначально это была общественная школа, теперь же здесь живет губернатор Мекки Хасан паша. По всей вероятности, это и есть медресе *, о котором эль Фаси сообщает, что оно было сооружено вблизи Баб-эль Омра в 814 году хиджры по приказу князя Бенгалии Мансура Гият Эддина Асам шаха. В 519 году хиджры губернатор Адена также распорядился построить здесь поблизости школу, называемую Дар-эс-Сельсале.

В этом квартале есть колодец с пресной водой, текущей сюда по каналу, а также несколько колодцев с солоноватой водой.

Из Харет-Баб-эль-Омра можно возвратиться в Эш-Шебейку, свернув к югу и пройдя по нескольким улицам, застроенным добротными, но очень запущенными зданиями. При этом, спустившись по небольшому откосу, попадаешь на улицу, называемую Сук-эс-Сугейр, то есть Маленький рынок. Она оканчивается воротами большой мечети — Баб-Ибрагим. По обеим сторонам этой улицы стоят невысокие дома, населенные простым людом. Здесь есть несколько лавок, в которых продают всевозможную снедь, но преимущественно зерно, масло и финики. В некоторых лавках продаются оптом улитки. Рынок посещается в основном бедуинами из южных районов Аравии, привозящими в Мекку древесный уголь. В этой части города живут и бедные паломники-негры из Африки, занимающие жалкие лачуги и пришедшие в упадок дома. Негры организовали здесь торговлю дровами, которые они доставляют в город с окрестных гор.

Прилегающая к холму часть Сук-эс-Сугейра называется Харет-эль-Хаджеле или Хаджела-биль-Текиет-Садек. Здесь стоят сравнительно неплохие дома, в которых живут евнухи, охраняющие мечеть, со своими женами (они все женаты на негритянских рабынях). Это самая низкая часть города. Всякий раз, когда в период дождей на долину обрушиваются ливни, вода стекает по этой улице. Здесь можно обнаружить остатки водовода. Когда он еще находился в хорошем состоянии, протекавшая по нему вода удовлетворяла потребности жителей города, а остатки ее отводились в южную часть долины и использовались для орошения полей.

 Сук-эс-Сугейр иногда также называют Месфале (Нижняя

площадь). Однако это название чаще относят только к кварталу на восточной и южной сторонах площади. Месфале застроен хорошими зданиями. Как и в Эш-Шебейке, здесь есть и новые дома, но та часть квартала, которая прилегает к замковому холму, почти совсем разрушена. Здесь обосновались арабские купцы — как оседлые, так и бедуинские. В мирное время они ездят в Йемен, чаще всего в Моху, и привозят оттуда зерно, немолотый кофе и сушеный виноград. В Месфале также много бедняков-индийцев, перебравшихся в Мекку. Они обычно сдают дома своим землякам, совершающим хаджж. В разрушенных жилищах временно останавливаются паломники-негры. Некоторые из них впоследствии оседают в Мекке. Их жены готовят из дурро * опьяняющий напиток бузу *, очень популярный у простого люда. Как я уже упоминал, после возвращения из Джидды я снимал жилище в Месфале, вначале у какого-то магрибинца, а затем у жившего поблизости йеменского купца. Человек, у которого я квартировал, происходил из Саны в Йемене. Он был метовефом, то есть главой ремесленников определенной профессии. Ему принадлежал второй этаж здания, и, пока я там находился, он сам перебрался в каморку на первом этаже. В остальной части дома проживали магрибинский домовладелец со своей семьей, египетский шейх, совершавший хаджж в сопровождении нескольких феллахов, некий бедный человек из страны афганцев, или как ее теперь обычно называют, из области Эс-Солеймания, и один хаджжи, то есть паломник, с какого-то греческого острова. В доме йеменского купца я оказался среди группы магрибинских паломников, принадлежавших к народу берберов, или шильх. В Египет они прибыли по морю. В этом районе города найдется не много домов, где бы не встретилось такое же сильное смешение национальностей.

На южной оконечности Месфале находится большой, но пришедший в упадок хан *. В свои лучшие времена он, очевидно, был здесь главным строением. Хан был предназначен для обслуживания караванов паломников, которые раньше следовали по суше вдоль побережья из Йемена. Караваны проходили из Йемена также и через горы.

Если выйти из города с этой стороны, то на равнине видна сторожевая башня. По конструкции она аналогична башне при въезде Эль-Джеруэль. Другая долина идет отсюда в южном направлении. В ней на расстоянии двух или трех часов пути находится маленькое селение Хосейния с несколькими финиковыми садами. У шерифа Галеба здесь был небольшой сад для отдыха и развлечений и поместье. Он держал здесь стадо привезенных из Египта буйволов, которые,

однако, на чужбине захирели. Из Хосейнии идет дорога в Арафат — на юг и юго-восток от Мекки. В двух или трех часах пути от этого места дорога проходит по маленькой плодородной долине, в которой расположено арабское селение Абедия. Долина называется Эт-Тарафейн. На расстоянии мили от нынешних предместий города можно обнаружить руины прежних поселений, в частности несколько больших и глубоких цистерн, сделанных весьма тщательно. Затратив немного труда, их можно было бы восстановить, так что они соответствовали бы своему первоначальному назначению — служить резервуаром для сбора дождевой воды. Примерно в полутора милях от города находится большой каменный бассейн, называемый Биркет-Маджен, служащий для снабжения водой караванов, прибывающих из Йемена. Когда выпадают дожди и земля хорошо орошается, жители Месфале выращивают на полях возле этой цистерны огурцы и другие овощи. В долине разбросано множество бедуинских хижин и палаток племен Фахам и Джехаделе. Эти люди добывают себе пропитание сбором в горах травы и диких растений. Они их высушивают и, связав в пучки, продают на мекканском рынке. Эти травы идут на корм верблюдам, лошадям и ослам. Их так трудно найти и цена на них настолько высока, что дневной корм коня стоит от двух до трех пиастров. Живущие в долине бедуины также разводят овец. Они очень бедны, но при этом решительно отделяют себя от низших слоев мекканцев и с презрением отвергают саму мысль заниматься, как те, попрошайничеством. Некоторые из них, впрочем очень немногие, служат городскими водоносами.

Долина Эт-Тарафейн ограничена с запада цепью холмов. На одном из них, как раз напротив Месфале, до нападения ваххабитов стояло небольшое здание с куполом, посвященное одному из ближайших наследников Мухаммеда — Омару. (Отсюда и название этого сооружения — Мекам Сеидна Омар.) Ваххабиты разрушили его до основания.

Напротив, на вершине холма, стоит большая цитадель — обширное здание массивной постройки, окруженное толстыми стенами и мощными башнями. Это здание господствует над большей частью города, а над ним, в свою очередь, возвышается несколько вершин. Как я слышал, этот замок был построен по приказу шерифа Серура, предшественника Галеба. Но мне все же кажется, что он более раннего происхождения. Замок часто упоминается Асами в его истории и, во всяком случае, известен еще с XIV века. Однако Асами не сообщает, кто его построил. Никто не смеет вступить в замок без разрешения губернатора Мекки. Я, однако, не видел особой для себя пользы просить об этой милости. Галеб

полностью перестроил здание, значительно его укрепил и снабдил тяжелыми орудиями. Как утверждают, он сделал главные склады непробиваемыми для бомб. В цитадели, которая может вместить гарнизон в тысячу человек, есть вместительная цистерна и небольшая мечеть. Для арабов это неприступная крепость, и сами мекканцы считают ее таковой. Она могла бы оказать известное сопротивление и европейским войскам. К входу в цитадель ведет узкая тропинка. У подножия замкового холма, на небольшой равнине между холмом и Джабаль-Кобейсом, стоит выделяющийся своими размерами дворец правящего шерифа. Он называется Бейт-эс-Саде. Его будто бы также построил Серур. Однако, как я обнаружил, Асами упоминает его в рассказе о событии, имевшем место за двести лет до Серура. Стены дворца высоки и прочны, и создается впечатление, что он возведен как внешнее укрепление возвышающегося над ним замка. По рассказам мекканцев, от дворца к замку ведет подземный ход. Здание дворца имеет бессистемную планировку и включает много обширных дворов и темных комнат. Со времени бегства Галеба в Джидду в них никто не живет. Галеб пытался сжечь дворец, но его конструкции оказались слишком прочными. Во время господства Мохаммеда Али турки превратили дворец в склад зерна. Соседняя равнина служила войскам шерифа для экзерциций; сейчас же я обнаружил там стадо верблюдов и лагерь их погонщиков. Последние каждую неделю ездили в Джидду или Эт-Таиф. Здесь же разбили свои палатки многие бедные паломники, у которых не было средств уплатить за наем жилья. Эти палатки состояли из натянутых на несколько шестов лохмотьев. Дощатую обшивку дворца усердно растаскивали солдаты, использовавшие ее на дрова.

Далее к северу от упомянутой выше равнины отходит узкое ущелье. В нем рассыпано множество низеньких хижин, построенных из ветвей кустарника. Когда-то в них жили рабы шерифа Галеба, служившие солдатами в его гвардии. После того как шериф попал в плен, большинство из них бежало из этих мест, а хижины были превращены в бараки для арабских солдат, число которых примерно равно двумстам. Все они состоят на службе у наследника Галеба — шерифа Йахйи.

Если направиться отсюда к мечети, то с правой стороны окажется небольшой квартал, поднимающийся по склону горы и состоящий из полуразрушенных домов. Он называется Харет-эль-Джияд. В нем живут бедняки и часть рабов шерифа, выполняющих черную работу в его хозяйстве. Асами рассказывает, что в этом месте располагались всадники, со-

провождавшие тобу (йеменского царя) в его экспедиции против Мекки. Этот эпизод весьма популярен у мусульманских авторов из-за приписываемого чуду поражения вражеской армии. Квартал Харет-эль-Джияд, безусловно, один из древнейших в городе.

Близ мечети находится дворец шерифа. Он состоит из двух комплексов зданий, расположенных по обе стороны от входа в упоминавшуюся выше равнину. Северный комплекс образован двумя высокими, соединенными друг с другом строениями. В них живет шериф Йахйа. Его жены размещаются в другом здании, находящемся напротив — с южной стороны. Этот дом был построен шерифом Галебом и служил его любимой резиденцией. Галеб проводил здесь бóльшую часть своего времени, привлеченный близостью мечети, занимающей центральное место в городе и имеющей перед собой обширную площадь.

Выйдя с этой площади в северном направлении и следуя вдоль мечети, попадаешь на длинную улицу Месаа. Немного не доходя Месаа, замечаешь с правой стороны маленький переулок, ограничивающий квартал Сафа. Это название дано кварталу по святым местам того же имени. Площадь окружена опрятными домами. Во время хаджжа в них останавливаются самые богатые гости. Здесь же в большом здании проживает ага * евнухов, обслуживающих храм; при нем находятся и кастрированные мальчики. Они получают здесь воспитание, пока не достигнут возраста, позволяющего им иметь собственное жилище.

Обратимся теперь к Месаа. Это самая узкая, но в то же время и самая длинная улица в Мекке. Стоящие на ней дома принадлежат к лучшим в городе. Она получила свое название по обряду «сай», который я уже описал. Поэтому, а также потому, что она полна лавок, это самая шумная и наиболее посещаемая часть города. Лавки здесь того же типа, что и в Джидде, которые я описал в рассказе об этом городе. Здесь также разместились двенадцать мастеров по литью олова. Они изготовляют оловянные бутылки всевозможных размеров, в которых паломники увозят на родину воду из Земзема. Лавки обычно представляют собой складское помещение на первом этаже здания. Снаружи устанавливается каменная скамья, на которой восседают купцы, защищенные тенью примитивного навеса — циновки, укрепленной на длинных шестах. Эту сцену можно наблюдать по всему Хиджазу. Все дома здесь сдаются внаем турецким паломникам. В течение четырех или пяти месяцев в году сюда почти каждый день прибывает новая партия хаджжи из

 Джидды. Явившись в Мекку, они вначале складывают свой

багаж прямо на улице, идут в мечеть и лишь потом начинают искать себе пристанище. Этим объясняется то, что я ежедневно видел эту улицу наполненной новыми пришельцами, их старостами и торговцами разными диковинками.

Во время моего пребывания в Мекке Месаа напоминала константинопольский базар. Многие лавки здесь принадлежат туркам из Европы и Малой Азии. Они торгуют различными предметами турецкой одежды, принадлежавшими людям, умершим во время хаджжа, или тем, кто из нужды в деньгах оказывался вынужденным распродать свой гардероб. Здесь всегда предлагают купить то, что составляет главную ценность в снаряжении турецкого пилигрима: изящную саблю, дорогие английские часы и каллиграфический экземпляр Корана. Пирожники из Константинополя продают здесь по утрам пироги и конфеты, после полудня — баранье жаркое или кебаб, а вечером — разновидность студня, называемую «мехалабия». Здесь также помещается множество кофеен, наполненных людьми с трех часов утра до одиннадцати часов вечера. Читатель, конечно, не без удивления узнает, что в двух лавках здесь по ночам открыто продают опьяняющие напитки. Днем же такая торговля не производится. Один из этих напитков приготовляется из перебродившего изюма. В него добавляют немало воды, но, несмотря на это, он настолько крепок, что несколько стаканов этого снадобья вызывают опьянение. Другой напиток представляет собой разновидность бузы, в которую добавлены пряности. Он называется зубйе *. Этот напиток, уступающий в крепости первому, известен и в Каире.

Месаа служит и местом экзекуций. Здесь приводится в исполнение приговор к смертной казни. Во время моего пребывания в Мекке по приговору кади был обезглавлен некий человек, укравший у турецкого пилигрима двести фунтов стерлингов. Это единственный известный мне случай такого рода, хотя в период хаджжа в Мекке, вероятно, немало воров. Впрочем, в истории Мекки известно много случаев жестокого наказания преступников. В 1624 году на этой улице с двух воров содрали кожу. В 1629 году совершили экзекуцию над одним из йеменских воинов, взятым в плен правившим тогда шерифом. Йемениту продырявили в нескольких местах обе руки и плечи и воткнули в раны пылающие жгуты; затем одну ногу притянули к плечу и скрепили с ним железным крюком. В таком виде он висел два дня на дереве в квартале Эль-Мала, пока не умер. В то же время обезображивание лица — довольно обычное наказание в других странах Востока, — насколько можно судить, никогда не применялось хиджазскими правителями.

На улице Месаа, вблизи мечети, стоит красивое здание, построенное в 882 году хиджры султаном Египта Каид Беем. В нем 72 комнаты. Это здание предназначалось для учрежденной султаном большой общественной школы. Султан также устроил в школе обширную библиотеку. Историк Котобеддин, спустя сто лет бывший здесь библиотекарем, с сожалением писал, что от книжного собрания сохранилось только триста томов; остальные же были похищены его бессовестными предшественниками.

На северной оконечности квартала Месаа находится площадь Мерова. Как уже упоминалось, это граница сая. Свой нынешний вид площадь получила в 801 году хиджры. За ней виднеется дом, в котором когда-то жил эль Аббас, один из многочисленных дядей Мухаммеда. Вблизи от Меровы располагаются цирюльни. Совершив сай, паломники бреют здесь головы. Каждое утро на этом месте устраиваются аукционы. Домашняя утварь и различные другие предметы продаются тому, кто предложит бóльшую цену. Для удобства турецких паломников на этих распродажах пользуются их родным языком. Поэтому в Мекке вряд ли встретишь мальчишку, который бы не был знаком с турецким языком и уж по крайней мере с турецким счетом. Возле упомянутой площади находится также общественный колодец, устроенный по указу турецкого султана Солеймана ибн Селима. Колодец снабжается водой из мекканского водовода. Целыми днями он окружен хаджжи, наполняющими из него свои мехи.

Вблизи Меровы от Месаа в восточном направлении ответвляется улица, именуемая Суэйга, то есть Маленький рынок. Она проходит почти параллельно восточной стороне мечети. Эта улица немного узковата, но все же является самым благоустроенным проездом в городе. Ее регулярно очищают и обрызгивают водой, чего на других улицах не увидишь. Индийские купцы торгуют здесь мануфактурой, тончайшими кашмирскими платками и муслином. В более чем двадцати лавках продают ладан, благоухающие масла, мекканский бальзам (часто поддельный), алоэ, цибет и т. п. Большинство паломников, возвращаясь на родину, привозят подарки своим родным и друзьям. Чаще всего это венки из роз, благовония, алоэ и мекканский бальзам. Алоэ широко употребляется по всему Востоку: его режут на мелкие куски и кладут в трубку на тлеющий табак; при этом оно испускает приятный запах.

В других лавках продают цепочки кораллов, фальшивые жемчужины, венки из роз, цветков алоэ, сандалового дерева, или калембека, блестящие ожерелья из резного сердолика,
 сердоликовые камни для перстней и различные изделия из

фарфора. Все эти лавки принадлежат индийцам, и они торгуют изделиями, выполненными на их родине. В Аравии широко распространено предубеждение по отношению к этим людям, ибо многие думают, что это язычники, внешне прикрывающиеся мусульманскими обрядами. Их также считают членами секты исмаилитов * — теми таинственными святошами, о которых я приводил некоторые сведения в описании путешествия на Ливан (см. «Путешествия в Сирию» и т. д.). Индийцев в Мекке обычно так и называют. Около двенадцати индийцев живут здесь постоянно, а остальные приезжают ежегодно в период хаджжа. Они скупают здесь золото и серебро и отсылают его в Сурат, откуда происходит большинство из них. Некоторые из них живут в Мекке уже десять лет и тщательно исполняют все религиозные церемонии. Они снимают большой дом, где проживают все вместе. Селиться в этом доме чужим они не разрешают, даже если есть свободные комнаты. В противоположность другим мусульманам эти индийцы никогда не берут с собой в паломничество своих жен, хотя они легко могли бы оплатить все расходы. Они никогда не женятся здесь, как долго бы им ни пришлось задержаться в Мекке. Это тем более примечательно, что другие жители Индии, имеющие семью на родине, но остающиеся здесь на продолжительное время, обычно берут себе новых жен.

О них рассказывают то же, что я сообщал о сирийских исмаилитах, к чему и отсылаю моих читателей. Все мои попытки получить достоверные сведения об их таинственном учении остались безрезультатными как здесь, так и в Сирии. В Сирии рассказывали, что руководители исмаилитов находятся в Индии и оттуда поддерживают регулярную связь с Сирией. Как утверждают, в Индии и Месопотамии существует еще секта «огнегасителей». Возможно, к ней и относятся исмаилиты из Сирии и Мекки. Те из них, кого я видел в Мекке, больше похожи на персов, чем на индийцев. Они выше ростом и более плотного сложения, чем большинство индийцев.

В середине Маленького рынка ширина улицы составляет всего четыре шага. По обеим сторонам стоят каменные скамейки, возле которых выставляют на продажу абиссинских рабов — мужчин и женщин. Красота всегда привлекает, и поэтому скамьи постоянно окружены старыми и молодыми паломниками. Часто они только делают вид, что собираются вступить в торговую сделку, и так получают возможность взглянуть на девушек-рабынь в прилегающих комнатах. Бóльшую часть этих рабов их владельцы увозят в северные районы Турции. Самые красивые рабы стоят от 110 до 120 долларов. В конце Суэйги улица перекрыта крышей в виде

высокого каменного свода. Основание свода по всем сторонам опирается на стены массивных зданий, в которых размещаются магазины богатых купцов. Эти сооружения возведены неким Мухаммедом — дамасским пашой, жившим несколько столетий назад. Сейчас они принадлежат мечети. В полдень это самое прохладное место в городе, и оно охотно посещается населением. По утрам и вечерам знатные паломники проводят на Суэйге время, праздно покуривая свои трубки. Я завел знакомство с одним из торговцев благовониями. Каждый день поутру я проводил у него один час. Я сидел на скамейке перед его лавкой, курил наргиле * и угощал моего нового друга чашкой кофе. Здесь я слышал все новости: прошедшей ночью прибыл такой-то знатный паломник; на суд кади представлены такие-то случаи; что произошло в армии Али паши; какие заключены крупные торговые сделки. Иногда обсуждались и европейские новости, например последние события в карьере Бонапарта. Паломники, прибывавшие из Константинополя или из Греции, постоянно приносили сведения о европейских делах. Рано поутру и в поздние вечерние часы я обычно совершал прогулку через город и заходил в кофейни на его окраинах. Здесь я встречался с бедуинами. Угостив их чашкой кофе, я легко мог уговорить их рассказать об их стране и народе. Во время обеда я оставался дома, а начало ночи проводил перед мечетью, где воздух всегда прохладен. Сидя на ковре, который расстилал мне мой раб, я предавался воспоминаниям о далеких странах. А паломники в это время усердно молились и совершали обход вокруг Каабы.

На восточном конце Суэйги улица получает название Шамия. Так же называются и несколько переулков по обе ее стороны: справа — в направлении горы и слева — в сторону мечети. Район Шамия соприкасается с кварталами Эш-Шебейка и Баб-эль-Омар. Эта часть города застроена хорошими домами. Здесь живут главным образом богатые торговцы и состоящие при мечети улемы *. В обычное время на главной улице лавок немного, но они во множестве открываются в период хаджжа. Сирийские купцы выставляют здесь продукты и изделия своей страны. В этих лавках можно купить шелк из Дамаска и Алеппо; кембрик, изготовляемый в районе Наблуса; золотую и серебряную нить из Алеппо; кеффи — бедуинские платки из Багдада и Дамаска; ливанский шелк; тонкие ковры, производимые в Анатолии и у туркменских кочевников; аббас из Хамы; сушеные фрукты и каммереддин из Дамаска; алеппские фисташки и т. д. Среди прибывавших в Медину сирийцев я не нашел ни одного, кого бы я встречал на его родине. Единственным исключением был сын ста-

росты из Пальмиры, но он меня не узнал. Этот пальмирец прибыл сюда с двумя или тремя сотнями верблюдов, чтобы перевезти багаж дамасского паши.

Возвращаясь в Суэйгу через Шамию, обнаруживаешь на северной стороне этой улицы квартал, называемый Гарара. Это самый привилегированный и, пожалуй, лучше всего застроенный район города. Здесь расположены дома богатых торговцев. Два самых состоятельных купца в Хиджазе — Джейлани и Сакхат — живут здесь бо́льшую часть года. Они выезжают только в Джидду (там у них тоже есть дома и склады), когда их присутствие необходимо из-за прибытия индийских кораблей. В квартале Гарара теперь проживают жены Мохаммеда Али паши, при которых состоит свита из евнухов. Дома здесь сплошь трех- и четырехэтажные, иногда с пестрой раскраской. В некоторых зданиях встречаются комнаты значительных размеров. Шериф Галеб построил здесь для себя дворец. Это самый красивый из всех его мекканских домов. Зиму он проводил в Мекке, живя попеременно то в этом дворце, то в своем доме близ мечети. Дворец этот вскоре будет снесен; пока же в нем разместилось несколько военачальников. Дворец выделяется среди мекканских зданий своей величиной и большим количеством окон; он украшен прекрасным порталом и другими архитектурными элементами.

Недалеко от дворца возвышается холм, входящий в черту города. Галеб построил на нем форт, прикрытый мощными башнями. Этот форт, однако, сильно уступает в размерах большому замку. Когда турецкая армия продвинулась в Хиджаз, Галеб установил в форту пушки и, видимо, снабдил его запасом продовольствия. Однако, после того как Галеб попал в плен, гарнизон форта, как и большого замка, тотчас же рассеялся. Холм, на котором стоит форт, известен под именем Джабаль-Лала и часто упоминается в арабской поэзии. К юго-востоку от этого холма, на вершине одной из окружающих Мекку гор, стоит еще один маленький форт. Его также построил Галеб. Он называется Джабаль-Хинди, ибо здесь похоронен не то знатный шейх, не то набожный человек из Кашмира. В башне этого укрепления теперь живет несколько индийских семей, пользующихся и прекрасной цистерной для сбора дождевой воды. Мекканцы называют эту гору также Джабаль-Кейкан (имя более древнее, чем, пожалуй, сама Мекка). Азраки *, однако, относит Джабаль-Кейкан далее к северу и полагает, что гора получила свое название от возгласо́в и шума оружия мекканского войска, которое стояло здесь, когда йеменская армия во главе с тоббой расположилась на холме Джияд. Пространство между двумя

замковыми холмами заполнено жалкими, полуразвалившимися домишками, в которых живут в основном низшие слои индийцев, обосновавшихся в Мекке.

Направившись из Гарары на восток, мы проходим через квартал Рекубе и попадаем на большую улицу Модаа, являющуюся продолжением Месаа. Дома в Рекубе такие же, как в Гараре, но считается, что жить здесь менее удобно. Следуя дальше по Месаа и пройдя вблизи Эс-Сафы, попадаем в восточные районы города.

Параллельно улице Модаа идет еще одна широкая улица. Вблизи Эс-Сафы от нее отходит ряд домов, называемый Гешашия. Среди множества маленьких строений здесь высятся большие здания. Здесь же расположены несколько кофеен, оружейные мастерские и баня. В этом районе находится резиденция хакема, то есть начальника полиции. Это самая высшая должность в Мекке после шерифа. Часть улицы тянется по невысокому склону восточной горы Джабаль-Кобейс, куда ведут на этой стороне узкие, грязные и крутые улочки. Улица Гешашия широка и открыта северным ветрам; в ней много воздуха, и это сделало ее излюбленным местом пребывания пилигримов. Я жил здесь в последние дни рамадана * — в сентябре 1814 года, когда в первый раз прибыл из Эт-Таифа в Мекку.

Продолжение этой улицы называется Харет-Сук-эль-Лейль. На востоке к ней примыкает обширный квартал, где показывают место рождения пророка — Молед е'Небби. Этот квартал соприкасается с Моамеле — районом горшечников. Земля близ Моледа усеяна камнями, и поэтому переулки, проходящие здесь, называются Шаб-эль-Молед, то есть Скала Моледа.

Квартал Моамеле прилегает к Джабаль-Кобейсу. Здесь находится около дюжины печей, в которых изготовляют главным образом кувшины, те, в которых хранят воду из знаменитого источника Земзем. Эти кувшины из Моамеле красиво отделаны, но тяжелы в отличие от прекрасных гончарных изделий из Верхнего Египта и Багдада, которые имеют столь малый вес, что пустой кувшин может быть опрокинут даже порывом ветра. Моамеле снабжает сейчас этими сосудами для воды весь Хиджаз. Большинство хаджжи привозят на родину несколько кувшинов как доказательство мастерства искусных мекканцев.

Еще далее Сук-эль-Лейль называется Эль-Газза. Так же называются обе стороны главной улицы, составляющие продолжение Гешашии. На этом проезде находится несколько глубоких колодцев с солоноватой водой. Здесь же расположены мастерские турецких плотников и мебельщиков и похо-

ронные заведения, изготовляющие ложе, на котором мекканцы спят и на котором их несут к могиле. Ранним утром оптовые торговцы распределяют здесь среди мелких лавочников свои запасы фруктов и овощей, доставляемых из Эт-Таифа и вади Фатма. Улица Эль-Газза значительно расширяется на своем северном конце, где ежедневно открыт рынок верблюдов и коров. На восточной стороне, по направлению к горе и частично на ее склоне, находится квартал Шаб-Али, примыкающий к Шаб-эль-Молед. Здесь можно видеть высокопочитаемое место, где родился Али. Оба эти квартала, носящие название Шаб (то есть Скала), относятся к древнейшей части города. Встарь они были населены корейшитами, да и сейчас здесь живут главным образом члены рода шерифов. Лавок в этом квартале нет, а дома просторны и хорошо проветриваются.

За Эль-Газза находится скотный рынок; жилые дома здесь кончаются, и обе стороны улицы заполнены низкими навесами и хижинами. Этот район называется Сук-эль-Хаддадейн. Он заполнен кузницами и мастерскими турецких слесарей. Немного дальше улица переходит в другую, называемую Мала. Сама же Мала служит продолжением Модаа и отделяет восточную часть города от западной. С северной стороны она проходит вдоль не очень крутого склона долины. Мала переводится как Высокое место в противоположность Месфале, означающей Нижний квартал. Мала и Модаа заполнены по обеим сторонам захудалыми домишками. Здесь обосновались торговцы пряностями, аптекари, продавцы зерна, табака, мелких товаров, сапожники, шьющие сандалии, а также множество продавцов старого платья. В Модаа расположен большой склад зерна, занимающий помещение, где раньше была общественная школа. Другое такое хранилище находится в Мала. Отсюда отправляются в Эт-Таиф караваны с провиантом для турецкой армии. Каждое утро в этом месте проводятся открытые аукционы. На северном конце Малы устроен рынок, куда бедуины приводят со своих стоянок на продажу овец. Здесь расположились под навесами мясники, продающие говядину, баранину и верблюжье мясо. На этой же улице находится часовня, или мечеть, ибо ходить отсюда на ежедневные молитвы в большую мечеть далековато. Но пятничные молитвы все же всегда совершаются в главной мечети. На северной оконечности Малы, где она упирается в рынок Хаддадейн, каменных домов нет, здесь начинается большой квартал ларьков и навесов. В них покупают съестные припасы восточные бедуины, приезжающие в Мекку за зерном. Здесь есть и кофейня, именуемая Кахерет-эль-Хашашейн, в которой продают опьяняющее вещество

10 Зак. 186

хашиш, или бендш. Его смешивают с табаком и употребляют для курения. Это заведение посещает самая низкопробная и грязная публика города. Шериф Галеб обложил продажу хашиша высоким налогом, чтобы таким образом вытравить этот вредный обычай, к тому же противоречащий закону.

Мала известна также под названием Харет-эн-Нага, происходящим от старого наименования Вади-эн-Нага (так ранее называлась эта часть долины Мекки).

В переулках квартала Модаа есть дома, принадлежащие самым состоятельным индийским купцам. Здесь они принимают своих покупателей, считая зазорным держать общедоступные магазины. Один из индийцев этого квартала, по имени эль Шамси, родом из Сурата, считается самым богатым человеком во всем Хиджазе. Но его торговые дела все же не так обширны, как у Джейлани и некоторых других. Этот человек имеет несколько сот тысяч фунтов стерлингов, и все же он лично торговался со мной почти полтора часа по поводу шали из муслина, цена которой не превышала четырех долларов!

В квартале Модаа Омар ибн эль Хаттаб соорудил большую широкую плотину с железными воротами. Плотина пересекала долину и должна была сдерживать потоки воды во время сильных дождей. Остатки этого сооружения сохранялись до четырнадцатого столетия. Когда плотина еще существовала, прибывшие в Мекку пилигримы, стоя на ней, наслаждались созерцанием впервые открывавшейся их взору Каабы. Здесь они произносили молитвы, и это обстоятельство дало повод назвать улицу Модаа, что означает Место молитвы.

Между Модаа и Мала, с одной стороны, и Эль-Газза и Гешашией — с другой, находится несколько кварталов, застроенных сравнительно неплохими домами. Улицы здесь, однако, узки и грязны. Нечистоты с них не удаляются, и сюда не проникает свежий воздух. Здесь находится Зокак-э-Сейни, то есть Китайская улица, где держат свои мастерские золотых и серебряных дел мастера. Их изделия очень грубы, но они всегда имеют много заказов, особенно на изготовление серебряных колец для мужчин и женщин. Такие кольца — любимое украшение у арабов. К югу от этого квартала находится Зокак-эль-Хаджар (другое его название — Зокак-эль-Мерфек), что означает Улица камня. Здесь показывают место, где родилась дочь Мохаммеда, Фатме, и Абу Бекер — наследник пророка в халифате. Эта улица получила свое наименование по камню, который чудесным образом приветствовал Мохаммеда словами «Салам алейк», когда тот, возвращаясь из Каабы, шел по этой дороге. После смерти про-

рока камень умолк, но его можно видеть выступающим из стены дома, который побелен в его честь.

Примерно там, где квартал Мала упирается в Эль-Газза, строения кончаются и начинается широкая песчаная равнина, среди которой стоит лишь несколько кофеен. Это можно считать концом города. Далее к северу уже находятся предместья. Продолжая свой путь по равнине, обнаруживаешь с обеих сторон дороги биркет *, то есть водоемы, устроенные для удобства караванов с паломниками. Эти бассейны можно наполнять из водовода, который проходит по этой дороге в направлении к городу. Один из водоемов предназначен для египетских караванов, другой — для сирийских. Их построили в 821 году хиджры; они полностью выложены камнем и находятся в прекрасном состоянии. Аналогичные памятники великодушия турецких султанов можно встретить на каждой станции по пути хаджжа от Медины до Дамаска и Алеппо. Некоторые из биркет, которые я видел к югу от Дамаска, показались мне сооруженными более надежно, чем биркет в Мекке. Биркет, принадлежащий египетским паломникам, имеет размер 160 квадратных футов при глубине от 30 до 35 футов. Если биркет содержит от 8 до 10 футов воды, то этого запаса для караванов вполне достаточно. Эти водоемы никогда не наполняются целиком. Водовод дает ограниченное количество воды, и поэтому для орошения некоторых полей, засаженных овощами, приходится пользоваться водой колодцев, хотя эти поля и находятся вблизи западного биркет. Недалеко отсюда стоит ветхая мечеть Джама-эс-Солимания. Она больше не используется для религиозных целей, но служит казармой для группы турецких солдат. Мечеть входит в квартал Эс-Солимания, который простирается от Джабаль-Лала у западной горы до кладбища, включая в себя и биркет. В этом квартале совсем нет хороших зданий, и я слышал, что он получил название свое от Солимания — мусульманского названия народов Кандагара, Афганистана, Кашмира и некоторых других областей по эту сторону Инда. Однако из «Истории» Котобеддина следует, что султан Солиман около 980 года хиджры построил в этом квартале мечеть, и надо полагать, что она-то и была названа его именем. Квартал Эс-Солимания населен последователями секты ханифитов *, первого из четырех ортодоксальных толков, а не приверженцами Али, каковыми являются персы. Многие персы ежегодно совершают хаджж в Мекку — как по морю (из Бомбея или Басры), так и по суше. Как дервиши они доходят до Багдада через южные провинции Персии или до Египта через Месопотамию и Сирию. Я видел многих людей, прибывших таким путем. Мне кажется, это люди с более

сильным и благородным характером, чем большинство индийцев.

Напротив этого квартала, на восточной горе, расположен полуразрушенный район, называемый Шаб-Аамер. Он граничит с Эль-Газза и Шаб-Али. Этот район населен нищими бедуинами из племен Текуф и Корейш, а также бедняками из рода шерифов. В этом квартале находится несколько больших мельниц, принадлежащих турецкому губернатору; они приводятся в действие лошадьми. Мне кажется, в городе нет других сколько-нибудь значительных мельниц. В Мекке принято пользоваться ручными мельницами, приводимыми в движение рабами, а среди беднейших слоев населения — женщинами. Здесь же размещаются единственные в Мекке (а может быть, и во всем Хиджазе) мастерские, где полотно и ситец окрашивают индиго и шафраном. Окраску шерсти здесь не производят.

В Шаб-Аамер живут и публичные женщины, поэтому этот квартал не пользуется в Мекке уважением. Шериф Галеб обложил этих женщин специальным налогом и требовал дополнительного взноса от тех из них, которые в период хаджжа следовали за паломниками на Арафат. Аналогичный налог существует также в Каире и во всех больших городах Египта. В Мекке много таких порочных сообществ, и число их особенно возрастает в период хаджжа, когда прибывают искательницы приключений и из других стран. Они, впрочем, не так распущенны, как публичные женщины в Египте, и никогда не появляются на улице без покрывала. Среди них немало абиссинских рабынь, которые передают свой заработок своим прежним господам, и те делят его между собой по заключенному соглашению. Некоторые рабыни принадлежат мекканцам.

Арабские поэты часто упоминают Шаб-Аамер. Так, мы находим у ибн эль Фареда:

> Существует ли Шаб-Аамер, с тех пор
> как мы покинули его?
> Служит ли он еще местом свиданий
> влюбленных?

Если от биркет пройти по равнине далее к северу, то подойдешь к довольно большому и красивому дому. Ранее он был собственностью шерифа и в нем жило несколько фавориток Галеба. Мощеная дорога ведет от этого здания к западным холмам, в которых есть сквозной проход, видимо искусственный. Эль Азраки называет эту часть горы Джабаль-эль-Хазна и утверждает, что дорогу в скалах прорубил Йахйа ибн Хальд ибн Бармак *. По другую сторону этого прохода дорога спускается к равнине Шейх-Махмуд, назван-

ной так по находящейся здесь могиле некоего святого. Вокруг этой могилы обычно разбивают свой лагерь сирийские паломники. Узкая дорога спускается с холмов ступенями, о которых трудно заключить, образовались они естественным путем или были вырублены человеком. На холмах по обеим сторонам дороги шериф Галеб воздвиг две одинаковые сторожевые башни, похожие на уже описанные ранее. В Мекканской долине по обеим сторонам большой дороги тянутся кладбища. Большинство жителей Мекки имеют здесь фамильные склепы.

За домом шерифа, в конце квартала Мала, находится могила Абу Талеба, дяди Мохаммеда и отца Али. Ваххабиты превратили стоявшее над могилой здание в груду камней, а Мохаммед Али паша еще не взялся за его восстановление. Абу Талеб считается великим покровителем города. В Мекке немало людей, которым ничего не стоит нарушить клятву, данную именем бога, однако они не рискнули бы призвать имя Абу Талеба для подтверждения неправды. «Клянусь Мечетью», «Клянусь Каабой» — эти выражения часто употребляются мекканцами для обмана чужестранцев. Клятва же Абу Талебом — дело более серьезное, и в таких случаях ее почти не услышишь. Напротив этой разрушенной могилы есть общественный водоем в виде каменного бассейна длиной в пятьдесят или шестьдесят футов. Его ежедневно наполняют водой из водовода. Вблизи него зеленеет несколько деревьев.

Ближайшее к водоему здание — большой дворец шерифа. Его окружает стена, укрепленная высокими башнями. Внутри дворца — обширный двор. Во времена шерифа здесь было многолюдно. Когда шли войны с ваххабитами, шериф часто останавливался в этом дворце, ибо отсюда можно было предпринять тайный поход, скрыв его на некоторое время от жителей города. Сейчас это здание служит казармой для турецких солдат.

К северу от дворца тянется квартал Моабеде. По существу, это уже предместье. Здесь в основном низкие и плохо построенные каменные домишки и хижины. Живут здесь только бедуины, осевшие в этом месте, чтобы иметь возможность заниматься торговлей между городом и своими племенами. Их главные товары — зерно, финики, скот. Я встречал среди них арабов из племен корейш, секиф, хозейль и атейбе. Как рассказывают, в мирное время здесь можно увидеть представителей всех больших племен из пустыни и Неджда. Описывая жителей других районов Мекки, я уже упоминал, что они живут здесь совершенно так же, как и в пустыне. Утварь в их домах та же, что и в палатке состоятельного бедуина. Их жилье находится далеко от большой мечети, поэтому они

обгородили невысокой стеной участок четырехугольной формы, чтобы те, кто регулярно исполняет религиозные обязанности (что редко среди бедуинов), могли произнести свои молитвы, сидя на песке, как это делают в пустыне.

Турецкому губернатору Мекки не пришло в голову поставить здесь часового, за что жители предместья ему очень признательны. Благодаря своему географическому положению и специфике занятий населения Моабеде совсем отрезано от города. Одна из здешних женщин заверяла меня, что в течение трех лет она не была в городе, хотя бедуинки могут свободно ходить по долине.

Мекканская долина имеет здесь два выхода. Один из них ведет на север. Это узкий, защищенный двумя сторожевыми башнями проход, выводящий в вади Фатма. Другой выход идет на восток. Моабеде кончается здесь садом и дачей шерифа, где Галеб часто бывал в полуденное время. Сад окружен стеной с башнями и служит укрепленным пунктом на подступах к городу. В саду растут финиковые пальмы, набк * и другие фруктовые деревья, листва которых создает благодатную тень. Во времена Галеба мекканцы могли свободно входить сюда. Здание выполнено плохо и не относится к числу построек Галеба. Во время последней войны ваххабиты захватили это здание и несколько недель отбивались в нем от мекканских солдат, засевших в соседнем дворце, стоящем несколько южнее. Мекканцы заложили мину и взорвали часть стены, что вынудило ваххабитов отступить. Впоследствии Галеб велел исправить повреждения. Несколько турецких солдат живут теперь в этом доме, и они его уже наполовину разрушили. На одной из окраин сада находится колодец с пресной водой, которым уже совсем не пользуются. Колодец перекрыт роскошным куполом. На другой стороне сада есть еще один колодец, но уже с солоноватой водой. Множество таких водоемов рассеяно по всему Моабеде.

Дорога из Мекки, ведущая к горе Арафат и в Эт-Таиф, проходит мимо этого дома. Неподалеку от него долина расширяется. Здесь разбивают свой лагерь египетские хаджжи. Часть лагеря обычно простирается до самых биркет. Раньше на этом месте часто останавливались и сирийские караваны. Между дачей шерифа и упомянутым дворцом мекканский водовод на протяжении примерно ста шагов идет над землей. Он представляет собой каменный канал, облицованный изнутри плитами и поднятый над поверхностью земли на высоту 4 футов. Это единственное место в Мекканской долине, где водовод доступен наблюдению.

Когда пройдешь пригороды Мекки, взору открывается пустыня. На въездах в город нет ни садов, ни деревьев, ни дач.

Со всех сторон простираются бесплодные песчаные долины и такие же голые холмы. Караванные тропы вьются среди возвышенностей, и чужестранец, попавший на большую дорогу, ведущую в Эт-Таиф, и быстро теряющий из виду дачу шерифа, почувствует себя так же отрезанным от человеческого общества, как если бы он находился в центре Нубийской пустыни. Причину этого следует видеть в бездеятельности местного населения и в его равнодушии к возделыванию земли. Многочисленные колодцы, рассеянные по всему городу, показывают, что на глубине 30 футов от поверхности земли можно легко найти воду.

Повсюду в Аравии, где достаточно воды для орошения, песок вскоре начинает давать растительность. Несколько лет упорного труда сделали бы Мекку знаменитой садами и плантациями, тогда как сейчас она славится бесплодием своих почв. Эль Азраки рассказывает о садах, которые цвели когда-то в этой долине, и описывает ныне уже не существующие колодцы и источники. Эти водоемы, вероятно, были смыты сильными ливнями. Эль Фаси также уверяет, что в его время в городе было не менее пятидесяти восьми колодцев. Однако в ранний период арабской истории это место, несомненно, было бесплодно, и Коран описывает его как «Долину без семени». Азраки пишет также, что до того, как Коссай * построил здесь дома, в долине росли в изобилии акация и различные терновые растения.

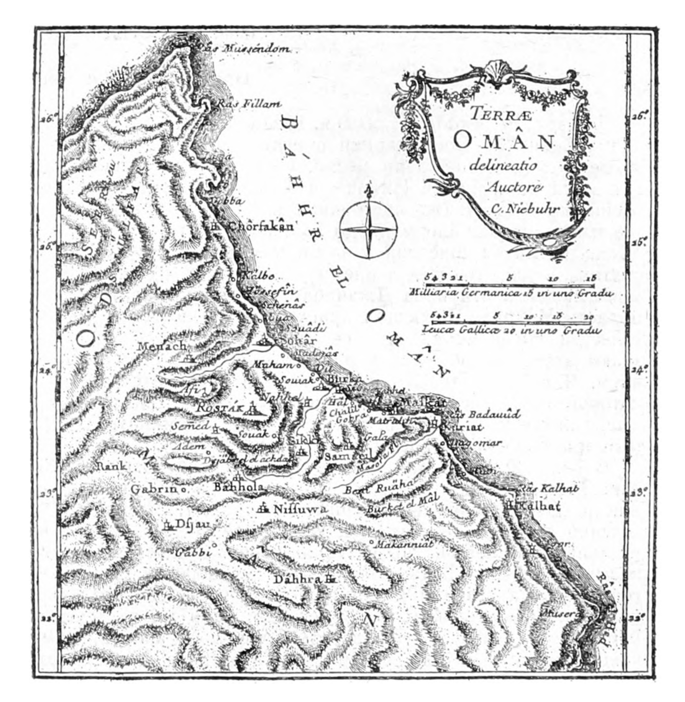
Вряд ли найдется задача труднее, чем установить численность населения восточного города. Переписи здесь никогда не проводятся, и даже неизвестно точное число домов. Делать же заключение по внешнему виду города или исходя из сравнения с европейскими городами, число жителей которых хорошо известно, было бы очень обманчивым. Жилые дома на Востоке, за исключением Хиджаза, как правило, имеют один этаж, и потому в них живет меньше людей, чем в европейских зданиях. С другой стороны, улицы восточных городов очень узки, и здесь нет больших площадей или рынков, а кварталы бедноты обычно заселены гуще, чем главные и красивые улицы. Путешественник, посетивший город проездом, может легко обмануться в своих выводах, ибо он видит лишь базар и несколько улиц, на которых обычно днем собирается бóльшая часть мужского населения. Этим и объясняется, что заслуживающие уважения авторитеты оценивают в новое время население Алеппо в 200 тысяч душ, Дамаска — в 400 тысяч и Каира — в 300 тысяч душ. Моя же оценка населения трех крупнейших городов Сирии такова: Дамаск — 250 тысяч, Хама (о которой я, впрочем, могу говорить уже с меньшей уверенностью) — от 60 до 100 тысяч и

Алеппо — от 80 до 90 тысяч. Алеппо, однако, с каждым днем приходит в упадок. Каиру я могу отвести не более 200 тысяч жителей. Мекку я видел как до, так и после хаджжа и знаю ее, пожалуй, лучше, чем какой-либо другой восточный город. По моим подсчетам, ее население составляет от 25 до 30 тысяч постоянных жителей (в городе и в предместьях), не считая абиссинских и чернокожих рабов, число которых находится в пределах от трех до четырех тысяч. Жилые дома Мекки могут вместить в три раза больше людей. Во времена султана Селима I (по Котобеддину, в 623 году хиджры) был произведен подсчет жителей Мекки. Число их определили исходя из количества зерна, бесплатно розданного населению. Общее количество мужчин, женщин и детей составило 12 тысяч душ. Тот же автор сообщает, что в более ранние времена население Мекки было значительно бо́льшим, ибо, когда предводитель мусульманской еретической секты карматов Абу Дахер занял город в 314 году хиджры, его необузданные воины перебили 30 тысяч мекканцев.

ПУТЕШЕСТВИЕ УЭЛЛСТЕДА ПО ВНУТРЕННЕМУ ОМАНУ

Лейтенант И. Р. Уэллстед был направлен в октябре 1830 г. на английский корабль «Палинур», с которого в течение многих лет производились обмеры западных и южных берегов Аравии. Командовал кораблем капитан Морсби. Уэллстед имел при этом возможность совершить и сухопутные поездки, во время которых он сделал множество интересных наблюдений и собрал важные сведения. Так, он в несколько приемов обследовал Синайский полуостров (в 1830—1831, 1833, 1836 гг.), в 1831 г. изучил некоторые пункты на западном побережье Аравии и на противоположном африканском берегу Красного моря. В апреле—мае 1835 г. Уэллстед предпринял совместно с Круттенденом экспедицию в Накаб-эль-Хаджар (на южном берегу Аравии) с целью ознакомления с местными доисламскими памятниками и надписями.

Еще большее значение для исследования Аравии имело путешествие, совершенное Уэллстедом с конца 1835 до начала 1836 г., когда он проник во внутренние районы Омана. Уэллстед оказался первым европейцем, отважившимся на это. «Политические связи, существовавшие между свободомыслящим и просвещенным властителем этой провинции (имамом Сеййидом Са'идом *) и нашим правительством, позволяли надеяться, что мое предприятие окончится удачно» — так сам



Оман. Карта составлена Карстеном Нибуром

Уэллстед определил необходимую предпосылку, которая сделала возможным его путешествие и позволила его успешно завершить.

Отправившись из Маската, Уэллстед проехал вдоль побережья до Шинаса. На этом пути он из портовых городов проникал во внутренние районы полуострова, пересекая горные хребты и приближаясь к великой южноаравийской пустыне Руб-эль-Хали. Из Шинаса он проследовал через знаменитый оазис Бурайми к Пиратскому берегу. Первоначально Уэллстед намеревался проникнуть еще дальше в глубь полуострова, но этому помешали военные действия ваххабитов.

И. Р. УЭЛЛСТЕД

Оазисы Бедиа и Ибра

Четверг, 10 декабря. Сегодня, незадолго до полудня, я покинул Бени-Абу-Али. Старики пригласили меня вернуться и провести у них еще один месяц. Они собирались построить для меня дом, «как в Индии», и задержать меня и далее. Женщины были также настойчивы в своих приглашениях, и все племя провожало меня до границы деревни Бени-Абу-Хасан. «Если ты приедешь к нам в следующем году, — сказал султан, — мой отец уже вернется из Мекки, и я с отрядом из моих людей и бедуинов Джанаба буду сопровождать тебя в область Махра». Я обещал приехать, если позволят обстоятельства. На прощание мы все подали друг другу руки (они знают этот наш обычай) и расстались с обоюдным сожалением. Я не могу забыть искреннюю доброжелательность, с которой относились ко мне эти простые люди. Дни, проведенные у них и у их соседей, я всегда буду вспоминать как самые приятные за все время путешествий.

В 1 час 30 минут дня мы въехали в селение Бени-Абу-Хасан. Здесь, как и в Бени-Абу-Али, домов мало, это небольшие и весьма грубо выполненные строения. Большинство населения живет в хижинах разнообразной формы, сделанных из пальмовых ветвей. Мы вступили теперь в плоскую долину, называемую вади Бата. Оба склона ее поросли деревьями гофф (Acacia arabica) и семур (Acacia vera). Из последних получают гуммиарабик. В русле этого вади много деревьев набк (Lotus Nebk). Среди деревьев время от времени замечаешь хижину бедуина, возле которой в траве пасется скот.

В 4 часа 30 минут мы прошли мимо Камиля, а в 7 часов остановились на ночевку на песчаном холме высотой около 50 футов. Ночь была светлой, а воздух так чист, что даже в Египте звезды не могли бы сверкать ярче, чем здесь. По моим наблюдениям, это явление характерно для больших песчаных районов. Но какая обильная роса, какие холодные ночи в пустыне! Росы иногда выпадает так много, что создается впечатление, будто на землю пролился сильный ливень. Какой бы обжигающей ни была дневная жара, за ней следуют свежие, даже холодные ночи.

Пятница, 11 декабря. В это утро я встал рано и взобрался на вершину одного из самых высоких песчаных холмов, чтобы обозреть окрестности. Среди бледной пустынной равнины, простиравшейся передо мной, мои глаза могли различить только песчаные дюны, которые, казалось, накатывались из пустыни наподобие морских волн и натыкались на пре-

граду как раз там, где я стоял. Я не мог установить, сохранялись ли эти свойства земли и дальше к горизонту. Полагаю, что это не так, ибо, как я обнаружил, ближайшие холмы покрывают рак (Cissus arborea) и другие растущие в пустыне кустарники, корни которых проникают глубоко в песок и переплетаются там, как bent star в Англии. Уже один такой куст мешает песку передвигаться дальше и заставляет его собраться в кучу. На ее поверхности затем вырастают другие кусты, которые, в свою очередь, создают песчаные насыпи с густой растительностью. Все эти песчаные кучи, громоздясь друг на друга, достигают значительной высоты. Если бы не это, песчаный океан уже давно, наверное, засыпал бы всю страну до подножия прибрежных гор. За этим барьером, ограничивающим пустыню, воды очень мало, а источники отстоят друг от друга на много дней пути. Поэтому бедуины редко решаются переступить эту преграду, тем более что песчаные дюны при сильном ветре всякий раз меняют свою форму и даже местоположение, в результате найти дорогу почти невозможно и ничего не стоит заблудиться. Прошлой ночью Хамед рассказал мне, как в юности он вместе с отцом и двадцатью другими членами его племени наткнулся вблизи этого места на отряд ваххабитов. Ваххабиты одолели соплеменников Хамеда, и тем пришлось обратиться в бегство вместе с женщинами, которые были при них. Некоторые из членов его племени бежали через пустыню к колодцам, отстоявшим на три дня пути, где имеются вода и хорошие пастбища. Они хотели остаться там до тех пор, пока враги уйдут и откроют им дорогу назад. Однако на второй день подул сильный западный ветер, который развеял все следы дороги и поднял такое количество пыли, что они с трудом могли различать предметы на расстоянии двух шагов. Попав в такое трудное положение, они сбились вокруг дерева и стали ждать, когда дело изменится к лучшему. Однако буря не утихала в течение трех суток. Их маленький запас воды был исчерпан уже в первый день их бегства; на третий день они закололи двух верблюдов; жидкость, которую они получили таким способом, томимые жаждой люди скоро выпили. На пятое утро умерли две женщины и один юноша — брат Хамеда. На шестой день несчастные добрались до колодца, но каков же был их ужас, когда они обнаружили, что колодец до краев засыпан песком. «Мы не знали, — продолжал Хамед, — других колодцев, до которых было бы меньше трех дней пути. К тому же мы были слишком слабы, чтобы идти дальше. Мы легли на землю и стали ждать смерти. Что произошло с нами дальше, я не помню. Когда сознание вернулось ко мне, я увидел, что привязан к верблюду, которого

погонял сидящий рядом со мной отец. Он рассказал мне, что наутро после этой ужасной ночи нас случайно обнаружила группа людей из нашего племени, которая неподалеку наполняла мехи из колодца. Теперь мы вместе с ними направлялись к нашей деревне».

В 7 часов мы покинули наш лагерь и двинулись дальше по вади Бата. Долина по-прежнему была плоской. Кое-где попадались хилые кустарники. В 10 часов мы проехали мимо стоянки, называемой Руксат. Здесь можно запастись водой. Далее наш путь лежал через ровную и пустынную местность, изрезанную множеством плоских рвов. Когда в горах выпадает дождь, эти рвы превращаются в каналы. Вода поступает по ним в основной поток, который с бешеной силой проносится по руслу вади и изливается в море у Рас-Масура. Однако с геологической точки зрения условия в этих горах, откуда начинаются рвы, весьма неблагоприятны, а перерезаемая ими местность засушлива и покрыта песком. Поэтому вода, протекающая по рвам, не делает почву плодородной. Часть этой воды собирается в водоемах, и таким образом создается запас влаги, который можно использовать и в другое время года.

В 4 часа пополудни мы остановились на отдых в одной деревне у самой границы округа Бедиа. По моему подсчету, от Бени-Абу-Али до этой точки 16 часов спокойной езды, или 42 английские мили. Надо думать, это соответствует истинному расстоянию, так как дорога на этом участке имеет очень мало изгибов. К тому же этот подсчет совпадает и с моими астрономическими наблюдениями. Местность между Бени-Абу-Али и этим районом арабы называют Джаалан.

Бедиа состоит из семи маленьких селений. Каждое из них расположено в отдельном оазисе и насчитывает от 2 до 300 домов. Сук (рынок) устраивается в селениях, которые ближе к центру. Расположение селений указано на карте, к которой я и отсылаю читателя. Первоначально эта карта была составлена в таком крупном масштабе, что я мог отобразить на ней даже характер ландшафта. Относительно общего уровня местности эти селения расположены несколько ниже: они построены в искусственных котлованах глубиной 6 или 8 футов. Откопанный грунт громоздится кругом, образуя холмики. Это были первые оазисы, которые я видел, и потому присматривался ко всему с величайшим вниманием. Я пришел к выводу, что эти оазисы, как и почти вся местность в глубине Омана, обязаны своим плодородием сноровке, с которой их жители умеют подвести воду. Здесь это делают весьма своеобразно и с таким усердием и искусством, что это
 больше напоминает китайское трудолюбие, чем арабское.

Бо́льшая часть страны не имеет постоянных рек, и жители вынуждены искать родники на более высоких местах. Как это делается, я не могу сказать. По-видимому, есть особая группа людей, владеющих необходимыми секретами и разъезжающих в поисках воды по всей стране. Грунтовые воды иногда открывают на глубине до 40 футов. Затем от колодца отводится подземный канал с необходимым уклоном. На всем протяжении канала через определенные расстояния устраивают выходы наверх, чтобы обеспечить доступ света и воздуха при очистных работах. Таким способом вода отводится на расстояние, достигающее зачастую 6 или 8 английских миль, и обеспечивается ее непрерывный приток. Как правило, ширина этих каналов равна 4 футам, а глубина — 2 футам; вода в них чистая и с быстрым течением. Несколько больших городов или оазисов имеют не более четырех или пяти подобных речушек, называемых здесь феледж *. Отдельные островки земли, орошаемые таким способом, становятся настолько плодородными, что здесь в почти диком состоянии растет большинство зерновых культур, плодовых деревьев и овощей из Индии, Персии и самой Аравии. Поэтому не следует считать преувеличением рассказы о том, как путешественник после долгих странствий по безжизненной пустыне внезапно попадает на тучные луга, орошаемые множеством ручейков и покрытые буйно растущими травами, над которыми возвышаются кроны могучих деревьев. Через тенистую листву не могут пробиться даже обжигающие лучи знойного полуденного солнца. Миндальные, фиговые и ореховые деревья достигают огромной высоты, а апельсины и лимоны растут так густо, что удается собрать не больше одной десятой доли урожая. Выше остальных деревьев возвышаются финиковые пальмы, защищающие своей листвой и без того затененную землю. О густоте этой тени можно составить себе представление по тому, что наш термометр, который в помещении показывал 55° по Фаренгейту, будучи вынесенным наружу, опустился до 45° (на высоте 6 дюймов от земли). Из-за густой тени и обилия воды здесь всегда много испарений, и даже во время полуденной жары тут царит влажная прохлада. Эти места действительно очень своеобразны, и вряд ли где-либо можно найти нечто подобное. Пожалуй, наилучшее представление об этих оазисах могло бы дать перечисление тех продуктов, которые произрастают здесь на клочке земли, размер которого часто не превышает 300 локтей в диаметре. Я совершенно уверен, что нигде на земле на такой маленькой площади не может расти столько видов флоры, к тому же в таком количестве и прекрасном состоянии.

Суббота, 12 декабря. Люди проявляют здесь гораздо

меньше любопытства, чем можно было бы ожидать, если вспомнить, что они вряд ли до этого видели хоть одного европейца. Они окидывают меня взором праздных зевак и предоставляют мне спокойно заниматься моими делами. Сегодня я сделал пренеприятное открытие: из-за неровной походки верблюдов мой хронометр пришел в негодность, хотя он и был тщательно упакован. Теперь для определения долготы я вынужден наблюдать соотношение звезд и месяца. Это, конечно, очень удобный метод для того, кто подолгу задерживается в пункте остановки. Если же непрерывно переезжать с места на место, то зачастую возникают обстоятельства, которые делают применение этого способа невозможным. Наблюдая за положением и склонением звезд, я определил географическую долготу этого места как 22°27′. Утреннее и вечернее отклонения составили 2°7 к западу.

Воскресенье, 13 декабря. Сегодня вечером мне пришлось прибегнуть к помощи медицины. Меня особенно беспокоили лихорадка и нарывы на ногах. Обе болезни, видимо, были вызваны холодом и влажностью в наших жилищах, которые стоят вблизи места, непрерывно насыщаемого водой. В 8 часов утра мы выступили в направлении северо-западо-$^1/_4$ запада, продвигаясь по вади Бата. Мы миновали несколько деревень, расположенных по обе стороны дороги. В 9 часов 45 минут наш отряд подошел к упоминавшемуся ранее суку. Здесь произошли две битвы, в которых ваххабиты потерпели поражения. Одна из них — в 1811 году (ваххабитами тогда командовал Абд-эль-Азиз), а другая — через два месяца после того, как я побывал в этих местах. В первом сражении, в частности, пал один из военачальников — шейх Мутлок. Его сын, сейийд ибн Мутлок, тогда еще мальчик, находился с ним в войске. Жажда мести всегда была основной чертой арабского характера, и проникнутый ею молодой шейх испытывал с этого дня смертельную ненависть к живущему здесь племени. В этом году ибн Мутлок был назначен командиром ваххабитских пограничных отрядов у Биремы. Несмотря на заключенный мир, он тотчас выступил против Бедии во главе отряда в 3000 человек. Однако племя, которое шейх уже обрек на уничтожение, получило известие о приближающемся вражеском войске за два часа до его появления. 800 человек — все, кто был в этот момент дома, — сразу же собрались, чтобы оказать сопротивление. Они были хорошо вооружены, а угроза шейха никому не давать пощады заставила их не жалеть своих сил. Несмотря на малочисленность, они внезапно обрушились на ваххабитов и дрались с такой яростью, что совершенно разгромили их. Множество ваххабитов было убито, а остальные обратились в бегство. Шейх,

пришедший в бешенство от своего поражения, первый бросался в опасные места и, вероятно, разделил бы судьбу своего отца, если бы верные друзья не увели его с поля битвы.

Мы задержались ненадолго в деревне, ожидая наших верблюдов, а затем выступили в направлении северо-северо-запад. В 12 часов мы подошли к Кабилю — селению, окруженному стеной и несколькими фортами. У городских ворот (их в стене несколько) меня встретил шейх. Он затем пешком сопровождал меня, когда я следовал через город. Шейх казался очень озабоченным, как бы я не захотел здесь остановиться, но я выразил желание продолжать путь до Ибры. На крышах и в окнах домов было полно людей, которые хотели на нас посмотреть. В час дня мы миновали Дерису, а еще через тридцать минут — Модерак. Это два небольших оазиса с селениями. До 2 часов дня перед нами расстилались равнины, затем характер местности изменился. Появились низкие холмы, сложенные из известняка. Их высота не превышала 150 метров. В пещерах здесь встречались норы шакалов и гиен. Следуя по вади Бата, мы свернули с северо-северо-запада на западо-северо-запад и в 5 часов 30 минут подошли к городу Ибра. Я разбил палатку в высохшем русле дождевого потока, углубившись на несколько шагов в финиковую рощу. По опушке рощи протекал ручеек, сверкавший на солнце своей прозрачной водой. На его берегу сидели после купания несколько женщин. Другие стирали одежду или чистили блестящую медную посуду. Все смеялись и оживленно болтали. Как только я разбил палатку, мне, по обычаю, преподнесли овцу и несколько крынок с молоком. Вечером у меня было много гостей.

Понедельник, 14 декабря. В сопровождении старого Саафа я посетил город. Раньше он играл немаловажную роль, а теперь совсем пришел в упадок. Когда попадаешь из пустыни в финиковую плантацию, сразу чувствуешь резкое изменение атмосферы. Воздух становится холодным и сырым. Земля со всех сторон пропитана влагой. Все окутано густой тенью и кажется темным и мрачным. В Ибре еще попадаются красивые здания, однако архитектура в этой части Аравии весьма своеобразна. Чтобы меньше страдать от высокой влажности и поймать побольше солнечных лучей, дома здесь строят, как правило, высокими — выше крон деревьев. Конструкции, образующие верхнюю часть дома, напоминают башню, а на некоторых высоких домах устанавливаются пушки. Форма окон и дверей сходна с сарацинской подпорной аркой. Все элементы здания богато украшены рельефным орнаментом, выполненным в штукатурке, частично — в

хорошем вкусе. Двери обиваются латунными листами и украшаются массивным орнаментом в виде колец и других фигур, также выполняемых из латуни. Здесь ежедневно устраивается рынок, на котором продают зерно, фрукты и овощи. Бедуины и жители окрестных деревень массами стекаются на него. Торговцы бывают в своих лавках только в часы купли-продажи. Эти лавки — маленькие четырехугольные строения, окруженные низкой стеной. Сверху они защищены крышей, лицевая сторона открыта, а пол выше уровня земли примерно на 2 фута.

Совсем близко — не далее чем в 200 локтях — от Ибры находится другой маленький город. Жители этих двух селений враждуют друг с другом, и люди, которые сопровождали нас в Ибре, не захотели вступить на смежную территорию. В этой местности поблизости от населенных пунктов можно встретить круглые башни, стоящие на крутых вершинах, заканчивающихся острым пиком. Их возводили как укрепления на случай гражданской войны или нападения чужеземцев. В некоторых башнях есть колодцы, и в них обычно собирали большие запасы продовольствия, позволявшие выдержать длительную осаду, тем более что артиллерия в этой стране почти не употребляется. Женщины Ибры славятся своей красотой. Я встречал их на улицах, и они не проявляли особой стеснительности. Когда же я вернулся в палатку, она была вся полна женщин. Их приводило в восторг все, что они видели. Любой ящичек, который они находили у меня, переворачивался и осматривался со всех сторон. Когда же я пытался протестовать, они закрывали мне рот руками. Имея дело с такими дамами, оставалось только смеяться и спокойно наблюдать за их поступками. Сааф, степенный и серьезный человек, уселся молча в углу и с явным ужасом наблюдал за всем, что происходило. В конце концов эти женские трюки вывели его из себя. Он схватил кнут и, конечно, выгнал бы их всех, если бы я не удержал его. К вечеру милые дамы нас покинули, и на их место явились другие гости, с которыми было гораздо труднее поддерживать светский разговор. Это были несколько невежественных и проникнутых ханжеством мулл и двое неотесанных докучливых молодых людей. Муллы пришли с намерением подискутировать со мной, и я избавился от них, согласившись со всеми их утверждениями. Влияние, которым пользовался Сааф, спасло меня и от двух других гостей.

С помощью астрономических наблюдений я определил широту этого места (она оказалась 22°41′), и мы снялись с лагеря. Когда мы проходили через город, собралась толпа бродяг, которые стали кричать нам вслед, в чем их поддержало

множество детей. В нас полетело несколько камней; один из них задел мою руку. Тогда я обратился к группе стариков и спросил их, действительно ли это город из владений сеййида Саида? Они попытались успокоить толпу, но было ясно, что в душе они относились к действиям смутьянов достаточно благосклонно. Я почувствовал серьезное беспокойство за моих людей, которые следовали за мной в некотором отдалении, и повернул в их сторону. Тут жители города испугались, что мы применим огнестрельное оружие, и разбежались в разные стороны. Мы воспользовались этим и благополучно достигли ворот. Они за нами больше не гнались. В восточных странах путешественник всегда должен опасаться неприятностей такого рода, ибо вышедшее из-под контроля простонародье здесь быстро переходит к насилию. Но я должен заметить, что это было единственное место на подвластных имаму территориях, где мне не оказали должного уважения. Да и здесь вряд ли дело дошло бы до таких эксцессов, если бы возле нас был шейх.

Семмед, Мина и Назва

В 1 час 30 минут мне удалось с одной из вершин разглядеть горы у Сура (в направлении востоко-$^1/_2$ юга). До этого мы шли на юго-запад, теперь же наш путь пролегал уже в северо-западном направлении. По обе стороны дороги тянулись пирамидальные известковые холмы. Их поверхность была черноватой и лишена каких-либо признаков степного кустарника. Между холмами пролегали долины и равнинные участки, там и тут усеянные поросшими дерном возвышениями. К заходу солнца мы снова вступили в зону с более богатой растительностью. Незадолго до наступления темноты мы сбились с дороги. Верблюды благодаря какому-то инстинкту обычно тотчас же замечают это и становятся как одержимые. Они высоко поднимают хвосты, начинают бегать взад и вперед, и наконец происходит то, что случилось с нами в этот вечер: двое или трое из них сбросили поклажу и убежали в степь. Я счел за лучшее сделать остановку. Наши бедуины отыскали ущелье (они любят в них останавливаться, ибо находят здесь защиту от ветра и могут скрыть свой костер), мы собрали наших верблюдов и разгрузили их. В этот вечер термометр показывал 56° по Фаренгейту, и мы нашли, что костер был бы не только приятен, но и необходим. Когда бедуины ложатся спать, они снимают всю одежду, выкапывают в песке углубление и укладывают ее туда — одну вещь на другую. Саблю, щит и ружье они кладут сбоку, так, чтобы всегда иметь их под рукой.

11 Зак. 186

Воздух здесь был таким же прохладным, как и в местности, которую мы только что покинули, но менее чист и прозрачен.

Обычно считают, что воздух в собственно Омане в холодное время года нездоровый, особенно в оазисах. Бедуины, задерживающиеся в оазисах на три-четыре дня, часто схватывают сильную лихорадку. Справедливость приведенного выше мнения мне, к сожалению, пришлось испытать на себе. В Батне и Бедиа климат, как утверждают, здоровый, однако в Неджде в этом отношении условия лучше, чем в какой-либо другой части Аравии.

Ржание моего коня предупредило нас в эту ночь о приближении нескольких бедуинов. В одно мгновение наш отряд был на ногах и при оружии. Их было пять или шесть человек. Они поспешили скрыться, как только заметили, что мы их обнаружили. Мне стоило некоторых усилий уговорить наших людей не стрелять по пришельцам. Затем мы выставили охрану и спокойно проспали до утра. Ночные гости, видимо, собирались похитить что-нибудь из нашего багажа, но утром все оказалось на месте.

Вторник, 15 декабря. В 7 часов 45 минут мы снова тронулись в путь по той же лесистой местности. Деревья семур здесь очень высоки, и из них в большом количестве сочится гумми. Я болтал с ехавшим рядом Хамедом о его верблюдах, и он рассказал мне много интересного о привязанности, которую бедуины питают к этим полезным животным. Чтобы побудить его сообщить новые сведения, я выказал недоверие к некоторым из его рассказов. Между тем к нам приближалась группа чужих бедуинов. Хамед, несколько рассерженный моим недоверием, захотел доказать мне правду своих слов на деле. Один из подъехавших бедуинов выдался немного вперед и оторвался от своих спутников. Хамед крикнул ему: «Пусть всесильный бог сломает ногу твоему верблюду». Не размышляя ни секунды, бедуин соскочил со своего животного и с саблей в руке бросился к Хамеду. Вероятно, Хамеду пришлось бы пожалеть о своем эксперименте, если бы несколько наших бедуинов не вступились за него и не разъяснили незнакомцу, в чем дело. Тот, однако, все же чувствовал себя глубоко оскорбленным и все время повторял: «Почему он так обругал моего верблюда и что тот ему сделал?»

В конце концов дело удалось уладить с помощью нескольких подарков. Я же взял себе за правило в дальнейшем быть в таких случаях осторожнее.

В 9 часов 45 минут мы подъехали к вади Эль-Итли, в котором бьет много родников с хорошей водой. Здесь водятся

антилопы, куропатки и другая дичь. Старый Сааф и я стреляли очень удачно, к тому же собакам удалось загнать антилопу — они настигли ее за десять минут. В час дня мы были у юго-восточных окраин финиковых плантаций Семмеда, а еще через тридцать минут мы разбили палатки под сенью деревьев, в нескольких шагах от струившегося потока.

Среда, 16 декабря. По площади Семмед больше многих других оазисов, но сейчас в нем живет всего около 400 человек. Здесь родился мой старый спутник и проводник Сааф. Я с сожалением воспринял известие, что он должен теперь расстаться со мной. Вечером я совершенно неожиданно встретил лейтенанта Уайтлока. Он взял отпуск и отправился в путешествие, чтобы приобрести знание арабского языка. Мы решили ехать дальше вместе. Уайтлок носит туземный наряд, я же, напротив, путешествую в английской одежде.

Четверг, 17 декабря. Мы посетили шейха в его жилище. Он пригласил нас на завтрак. Это оказался большой форт, весьма прочно построенный из того же материала, что и городские здания. Комнаты просторны, с высокими потолками, но совершенно лишены мебели. На кольях, выступающих из стены на 2 фута, развешаны седла, попоны и предметы украшения, применяемые в сбруе для верховой езды на лошадях и верблюдах. Потолки украшала пестрая роспись, но пол был из глины и лишь в некоторых местах покрыт настилом. На окнах вместо обычного деревянного орнамента оказались перекрещенные железные прутья. Ночью для защиты от сильных ветров окна закрывались ставнями. С потолка свисали на шнурах лампы, сделанные из раковин пурпурной улитки (murex). Все убранство здания резко отличалось от того, что я видел в других местах Аравии. Угощение, по принятому обычаю, было обильным и изысканным. Арабы строго соблюдают традиционные законы гостеприимства, и наш хозяин, человек высокого происхождения, сел с нами за стол лишь после наших многочисленных просьб. Считается, что хозяин не может должным образом заботиться о гостях, если он сам участвует в трапезе. Вернувшись в палатку, я обнаружил, что она, как всегда, полна людей. На этот раз, однако, в ней сохранялся относительный порядок, чем мы были обязаны двенадцатилетнему мальчику, сыну влиятельного человека, погибшего несколько лет назад от рук бедуинов. Он полностью завладел нашей палаткой, и никто из его земляков не смел войти в нее без его разрешения. При нем была сабля, длина которой превышала его рост, а в руке он держал хлыст и время от времени похлопывал им себя. Меня очень забавляло наблюдать за серьезностью и чувством собственного достоинства этого маленького мужчины. Он, впрочем,

непринужденно и весьма красноречиво сообщил мне нужные сведения о различных вещах, в частности и о численности местных племен, их источниках существования и занимаемой территории. Вообще, следует заметить, что у арабов, и особенно у бедуинов, юноши уже в раннем возрасте начинают участвовать в мужских советах и доверительных беседах. Мне случилось также видеть, как молодые люди давали почувствовать свое влияние таким способом, что у нас это вызвало бы прямо противоположную реакцию. У них же это является существенным элементом воспитания. Этим вечером я доставил обществу удовольствие, демонстрируя опыт Брюса — простреливание свечи через доску. Они дружно утверждали, что это действо невозможно и особенно укрепились в своем неверии, когда их поддержал и молодой герой. Можно представить себе их удивление, когда фокус все же удался. Ведь несколько лет назад он считался невозможным даже в Англии.

Суббота, 19 декабря. Утром я определил широту этого места, и затем — в 1 час пополудни — мы сняли палатки и двинулись в путь. Нас сопровождали шейх и эскорт из 20 человек, ехавших на ослах. Продвигаясь по долине, мы через 40 минут достигли Омасира, оказавшегося укрепленным фортом с несколькими зданиями. В 3 часа мы были у прохода Уриф. Далее дорога шла по склону узкого ущелья на высоте 200 футов от его дна. Скалы здесь испещрены огромным количеством железного колчедана, который заметен уже издали благодаря характерному поблескиванию. Следуя в направлении юго-юго-запад, мы миновали в 4 часа город Газу и в 5 часов 45 минут подошли к Котре. Здесь мы остановились на привал. В двух английских милях отсюда по направлению на юго-юго-восток находятся медные рудники. Наши спутники, однако, отказались провести нас туда. Рудники еще эксплуатируются, но добыча меди невелика и едва покрывает расходы по ее разработке. Котра — маленькая деревушка, стоящая в хорошо обводненной местности.

Ночью небо затянули тучи и пошел мелкий дождь. Мы, впрочем, неплохо провели вечер, сидя в нашей палатке и беседуя с шейхом Насером и его бедуинами.

Воскресенье, 20 декабря. Утром мы распрощались с шейхом Насером, которого я считаю рассудительнейшим из когда-либо встреченных мною арабов. В 11 часов 30 минут мы продолжили путь. Дорога на Назву была неспокойной из-за разбойников, грабивших караваны средь бела дня. Поэтому нам дали конвой численностью около 70 человек. Мы продвигались в направлении западо-½ севера и прошли через много деревень, обозначенных на карте. В 2 часа 20 минут мы

остановились на три четверти часа в Окахиле для смены конвоя. Отряд, собравшийся для этой цели, состоял, как казалось, из добровольцев, настроенных довольно весело, хотя в некоторых местах приходилось идти готовыми к бою и с зажженными фитилями. Разбойники, действующие в Джаалане, являются сюда из западной пустыни группами от 50 до 100 человек, преимущественно на быстроходных верблюдах. Они нападают неожиданно и после стычки так же быстро исчезают. Часто они берут в плен африканских рабов, которых держат здесь городские жители. Бандиты дают им такую же одежду, которую носят сами, и охотно выдают за них своих дочерей. Они обычно сохраняют жизнь своим жертвам, но зато я часто встречал людей с ранами, нанесенными холодным и огнестрельным оружием. Эти увечья, правда, нередко объяснялись чистой случайностью: здесь каждый берет с собой в поездку горящий фитиль, а с заряженными ружьями обходятся не с большей осторожностью, чем с незаряженными. Поэтому, когда мой конвой в опасных местах выстраивался вокруг нас, я боялся их больше, чем врага. В 4 часа 35 минут мы достигли Кильхата. Город стоит у подножия холма, на вершине которого воздвигнуты два форта. Само селение окружено стеной. Окрестности заняты обширными финиковыми плантациями, орошаемыми полноводным потоком. До этого я всегда избегал останавливаться на ночь среди таких пальмовых лесов. На этот раз мы были вынуждены это сделать, и последствия оказались такими, как я и предвидел: на следующий день двое из наших слуг были поражены жестокой лихорадкой.

Понедельник, 21 декабря. Наш отряд двинулся в путь в 10 часов утра. Проезжая по пустынной местности, мы увидели на расстоянии 8 английских миль к северу город Биркат-эль-Мауз, стоящий у подножия зеленой горы. В 12 часов 30 минут мы подошли к Маджулю, с южной стороны которого расположены два круглых форта. В 1 час 30 минут мы вступили на окраины города Мина.

Мина отличается от остальных городов тем, что земля здесь обрабатывается открытыми полями. Пересекая их, мы ехали среди высоких благоухающих деревьев, с которых свисали миндаль, лимоны и апельсины. Мы были поражены: «Неужели это Аравия?! Та самая пустынная страна, которую мы только что видели?» Угодья, зеленевшие житом и сахарным тростником, тянулись на много миль. То тут, то там поля прорезали потоки, которые нам не раз пришлось преодолевать. Веселый пейзаж дополняли счастливые и довольные лица крестьян. Все кругом было удивительно светлым и чистым. Мы бодро скакали вперед, обмениваясь со встречными

приветственными поклонами, и я уже начал думать, что нашел наконец «Счастливую Аравию», которую считал до этого плодом фантазии.

Когда я въехал в город, меня встретили несколько родственников сейийда Саида. Они провели нас к открытой площадке, где мы и разбили нашу палатку. Эти местные главари враждуют с соседним племенем Гафари, которое владеет большим фортом недалеко от Мины и не признает власти имама. Гафари относятся к числу благороднейших племен Омана. Из их среды, как и из Йараби, время от времени выдвигались имамы. Но теперь их владения свелись к нескольким замкам, из которых они при случае совершают вылазки, чтобы пограбить окружающие селения. Минаский шейх рассказал мне, что непрерывные мятежи этих беспокойных соседей вывели его из терпения, и он велел заминировать их форт, лежащий у самых городских стен. Если они снова начнут волноваться, он полностью разрушит их гнездо. Я был склонен расценить это как пустое бахвальство, ибо такие военные приемы арабам несвойственны. Однако шейх спросил, не соглашусь ли я помочь советом по укладке и введению в действие взрывного шнура, в чем его люди недостаточно разбирались, и предложил прямо пройти к минной установке. Я, естественно, уклонился от какого-либо вмешательства.

Мина — старый город; по преданию, он был построен еще во времена Анушнрвана *. Однако памятников древности в нем не больше, чем в других городах. Дома здесь многоэтажные, но они ничем не отличаются от построек Семмеда и Ибры. Примерно в центре города стоят две четырехугольные башни высотой около 170 футов. Толщина их стен у фундамента не превышает и 2 футов, а длина стен — 8 локтей. Башни построены из неотесанных камней на грубом, хотя и долговечном цементе, и приходится удивляться, как удалось возвести сооружения со столь тонкими стенами на такую значительную высоту. На вершине башни постоянно стоят сторожа. Они поднимаются наверх по лестнице оригинальной конструкции: ее основу образуют деревянные брусья, пересекающие башню внутри по диагонали и закрепленные на стенах. Вокруг города простирается равнина, и поэтому башни создают возможность неограниченного обзора местности. Врага можно заметить еще издалека. Я подарил шейху подзорную трубу. Он принял ее с благодарностью, и я полагаю, что этот предмет сослужит ему хорошую службу.

Женщины здесь так же многочисленны и смелы, как и в Ибре. Они все время толпились в моей палатке. У меня, впрочем, не пропало ни одной вещи, хотя возможность

украсть что-либо представлялась им не раз. Надо надеяться, что их прочие достоинства так же велики, как и их честность. Я нигде не встречал более веселых девиц; они не могли ни минуты спокойно усидеть на месте. Что же касается их склонности к болтовне, то мне кажется, надо обладать исключительными свойствами характера, чтобы полностью воспользоваться разрешением Мухаммеда на полигамию и не раскаяться в этом.

Вторник, 22 декабря. В 9 часов 40 минут мы покинули город и направились к северу, следуя через хорошо возделанные земли. Спустя некоторое время мы подошли к подножию гряды низких холмов. Это была главная часть горной цепи Джабаль-эль-Ахдар. В 10 часов 30 минут мы обогнули отрог одного из холмов и через полтора часа оказались у деревень Родда и Фурк, возле которых находился небольшой форт. Здесь мы попали на болотистую почву, поросшую высоким тростником, из которого изготовляется арабский калам *.

В 3 часа 30 минут мы прибыли в Назву. Я сразу же направился к резиденции местного шейха, пользующегося большим влиянием в этих местах. Мы нашли его сидящим у ворот замка в окружении вооруженной охраны численностью 50 человек. Нас сюда сопровождал весь город, однако едва я представил письмо сейиида Саида и стало известно, кто мы такие, как толпа рассеялась. Шейх выразил сожаление, что я не сообщил ему заранее о своем прибытии, тогда он выступил бы мне навстречу с военным эскортом. Шейх провел нас в свой зал для аудиенций, расположенный во внутренних покоях замка. Зал оказался высоким и хорошо обставленным помещением. Вскоре нам предоставили отдельный дом. Здесь впервые со времени отъезда из Маската я испытал удовольствие оставаться в полном одиночестве и не ощущать направленных на себя взглядов. В других же городах, которые мы проезжали, шейхи и знать считали, что оказывают нам тем бо́льшую честь, чем дольше они остаются в нашем обществе. Вечером шейх нанес нам визит в сопровождении нескольких своих друзей. К моему величайшему удивлению, последние попросили у нас водки. Они без какого-либо стеснения выпили столько, сколько могли выдержать, и шейх не выразил им ни малейшего неодобрения. Мне рассказывали также, что они и ранее выписывали себе спиртные напитки из Маската. Там это считается контрабандой, но индийцы ухитряются доставлять их в больших количествах. Вместе с ними явился и мулла, но, как только появились клубы табачного дыма, он поспешил распрощаться.

Мы провели день, осматривая город и окружающие его

сады, под вечер посетили и форт, который в этих местах считается неприступным. После множества церемоний нас впустили через мощные железные ворота, за которыми оказалось еще шесть других, не уступающих по крепости первым. Наконец мы попали в сводчатую галерею, по которой поднялись на верхнюю точку форта. Возле каждых ворот привратник для пущей торжественности спрашивал нас о цели нашего визита. Услышав в ответ, что мы слуги султана, он снимал бесчисленные засовы и цепи и пропускал нас дальше. Форт представляет собой замкнутый круг с диаметром почти в 100 локтей. На высоту около 90 футов он наполнен камнями в смеси с землей, что образует густую, плотную массу. В этом грунте пробуравлено семь или восемь колодцев. В некоторые из них обильно поступает вода, другие же сухи и используются как склады для хранения пуль и прочего снаряжения. Мы видели здесь две пушки. Одна из них названа по имени имама Сейфа, другая — по имени Теки Хана — персидского полководца, занявшего в свое время Маскат. Верхняя часть форта окружена стеной высотой 40 футов, и, таким образом, общая высота замка достигает 130 футов. Это сооружение, несомненно, выполнено с исключительным искусством и, надо думать, простояло уже немало веков. Мне, впрочем, не удалось получить на этот счет какие-либо достоверные сведения. Местные жители вполне реально оценивают неприступность форта. Артиллерия и бомбы не причинили бы ему особого вреда. По моей оценке, форт можно было бы взять, только доведя гарнизон до голода или подорвав стены минами. Последняя операция, однако, была бы трудноосуществимой.

У подножия форта тянется широкое русло пересохшего потока. В нем было построено немало домов, однако три года назад, когда в горах выпали обильные дожди, мощный поток воды снес эти строения, а также и значительную часть самого города. Такого наводнения здесь не было в течение тридцати лет.

Назва не уступает Мине по площади, однако возделанных земель здесь гораздо меньше. В этой местности выращивают сахарный тростник. Технология получения сахара здесь та же, что и в Индии, и надо думать, что ее позаимствовали в этой стране сравнительно недавно (когда Нибур в 1760 году посетил Маскат, сахар тут еще не производили). Здесь же делают лучшую в Аравии халву. Один из главных продуктов местного ремесла — медные сосуды. В Назве также работают золотых и серебряных дел мастера. Однако не все назвийские ремесленники достаточно искусны, и большинство товаров жители города предпочитают получать из Маската. Нельзя

не отметить также, что здесь выделываются разнообразные платки и прекрасные покрывала. Сырьем для последних служит тростник, растущий в этих местах по берегам рек.

Назвийские женщины заняты в основном изготовлением хлопчатобумажной пряжи. По утрам в прохладное время года можно наблюдать, как они со своими веретенами выходят из плантаций, чтобы погреться на солнце. Ткачество, напротив, прерогатива мужчин. Помимо покрывал назвийки искусно выделывают из тростника и корзинки. Первыми укрываются во время сна, вторые же берут на рынок и складывают туда покупки. Здесь можно часто увидеть кемли *. Часть из них изготовляется здесь же, другие доставляются из Неджда. Лучшие из них — как правило, их носят шейхи — светло-коричневого цвета или желтоватые, как сливки. Их цена доходит до 40—50 долларов. Черные же, а также имеющие коричневые и белые полосы (в длину) стоят 8—10 долларов. Кемли — важнейшая часть одежды. Ее качество указывает на положение и титул того, кто ее носит.

ПУТЕШЕСТВИЕ БОТТА В ЙЕМЕН

Поль Эмиль Ботта известен сегодня прежде всего как археолог. В 1842—1845 гг. ему первому удалось открыть дворец ассирийских царей при раскопках в Хорсабаде, близ Мосула. Менее известно, что в 1830—1833 гг. по поручению Мехмета Али Ботта участвовал в египетской экспедиции в Сеннар *, страну между Белым и Голубым Нилом, а затем был дипломатическим представителем Франции в Александрии, Мосуле, Иерусалиме и Триполи.

В 1844 г. Ботта представил «Сообщение о путешествии в Йемен» («Relation d'un voyage dans l'Yemen») — отчет о поездке в Йемен, которую он предпринял в сентябре—ноябре 1836 г. Но первое известие об этом предприятии журнал «Das Ausland» смог опубликовать уже в январе 1840 г.

ПОЛЬ ЭМИЛЬ БОТТА

Ботта, сын итальянского историка и сам выдающийся натуралист, был послан парижским Ботаническим садом сначала в естественнонаучную экспедицию в Египет и Сеннар, а оттуда направился к Красному морю, где пробыл три года.

Совершенное владение арабским языком, открытый характер и медицинские познания позволили ему установить с ара-

бами гораздо лучшие отношения, чем большинству европейских путешественников, и посетить некоторые области, в которые до него не проникал ни один европеец. Неисследованность этих областей и большое значение, которое они приобрели в новейшее время, побудили нас привести здесь некоторые из составленных Ботта очерков о путешествиях в горы Сабира. Краткие выдержки из этих очерков были прочитаны в Географическом обществе в Париже, но никогда не были опубликованы.

Путешественник писал: «Я прибыл в Ходейду в конце сентября 1836 года и пробыл там несколько дней, чтобы увидеть Ибрагима пашу * (младшего), племянника Мохаммеда Али и генерал-губернатора Йемена. Его рекомендательные письма были мне необходимы, чтобы проникнуть в горы. Я выехал в один из первых дней октября, вечером, и провел следующую ночь в Байт-эль-Факихе, откуда на следующий день выехал в Хайс, маленький городок, который славится во всем Йемене производством глиняной посуды. Он лежит у подножия гор, там, где равнина клином врезается в горную цепь. Я был благосклонно принят шейхом Хассаном, сыном Йахйи, тогдашним губернатором Таиза и одним из самых могущественных людей в этой части Йемена. Политические события и соперничество с имамом Саны вынудили его стать на сторону египтян, и я обязан его желанию показать себя любезным по отношению к Ибрагиму паше покровительством, которое единственно смогло позволить мне посетить часть горного района и достичь вершин Сабира, куда Форскол не смог проникнуть.

В середине октября шейх Хассан позволил мне в сопровождении своего доверенного слуги и нескольких солдат совершить экскурсию к Джабаль-Рас, высокой горе, подножие которой начинается примерно в двух милях северо-восточнее Хайса. После очень утомительного дня пути по дороге, по которой двигаться можно было только пешком, мы оказались примерно на середине пути к вершине и провели ночь у весьма уважаемого шейха Йасина, ему было тогда больше ста лет. Его дом — своеобразный приют, потому что богатые люди Йемена присылают этому библейскому патриарху всякого рода подарки, а он использует их для оказания гостеприимства всем путникам.

Я употребил следующий день, чтобы собрать гербарий вокруг жилища шейха, ожидая возвращения с гор посла, которого отправил шейх, чтобы выяснить у тамошних жителей, хотят ли они позволить посетить их страну европейцу, собирающему медицинские травы. Именно под таким предлогом я предпринял свое путешествие и именно так отвечал на

вопросы о цели моей поездки. Впрочем, я узнал благодаря этому, что я не был первым, кто прибыл сюда в поисках целебных трав. Напротив, время от времени в Йемен приезжают марокканцы и ищут растения, о существовании и действии которых они узнают из своих медицинских книг. Я узнал, что они увозят с собой значительное количество трав, но так и не смог выяснить, какие растения ищут эти арабы так далеко от своей родины. Однако о самом факте мне рассказывало такое число людей, что у меня нет оснований в нем сомневаться.

На следующий день вернулся посланец, и мне объявили после долгих перешептываний и многих пустых фраз, что жители гор, несмотря на опасение вызвать неудовольствие шейха Хассана, отказываются дать мне требуемое разрешение под предлогом, что я, несомненно, приехал лишь затем, чтобы наслать проклятие на растительность страны. Правда, они могли бы разрешить мне прибыть к ним, но только с условием, что я не прикоснусь ни к каким растениям. Я никак не мог принять это условие, но спорить с ними было бы напрасно. Поэтому я удовлетворился тем, что остаток дня собирал гербарий в окрестностях, а на следующий день возвратился в Хайс. (Опасение жителей гор навлечь на себя немилость шейха Хассана не было необоснованным, и позднее он сурово наказал их за непокорность.)

В конце октября шейх Хассан выехал в свой замок Маамара, который находится на вершине высокой горы южнее Хайса. Это место прежде было недоступным; потом шейх, чтобы обеспечить себе надежное убежище во время стычек с эмиром Саны, с большими затратами прорубил в скале спиралевидную дорогу и приказал построить на вершине крепость, которую в этой местности считают неприступной. Он разрешил мне сопровождать его туда. Но так как он должен был отвезти в замок значительную сумму денег, то попросил меня, к моему большому огорчению, позволить ему положить в каждый из моих ящиков с растениями по мешку с тысячью испанских пиастров. Разумеется, я должен был согласиться; хотя это происходило в большой тайне, все же распространился слух, что в моих ящиках находятся сокровища шейха, и позднее это имело для меня опасные последствия.

Однажды утром мы выехали из Хайса, пересекли равнину, на которой построен город, и переправились через небольшую речку Суэра, в которой круглый год есть вода. Но она теряется на равнине Хайса около горы Мбараха в галечных россыпях, которые, кажется, составляют почву всей Тихамы. По ту сторону речушки мы ехали по сносной дороге до Хамары, где отдохнули, а затем направились дальше. К заходу

солнца мы прибыли в болотистую долину Хайдан, где вышли на самую удобную дорогу к Таизу. Мы двигались по ней некоторое время, затем оставили ее слева и до полуночи поднимались на западный горный склон. Там мы отдохнули три часа и продолжили свой путь по глубокому и узкому ущелью, пока не оказались на восходе солнца у подножия скалы Маамара, на вершине которой мы увидели замок, освещенный первыми лучами солнца. Дорога была повреждена дождевыми потоками, так что в некоторых местах стала едва проходимой. Но, добравшись до вершины, мы обнаружили, что вьючные верблюды с моими ящиками пришли раньше нас.

Шейх Хассан принял меня с таким гостеприимством, которое напоминало о прекрасных древних арабских обычаях. Он мгновенно выполнял любое мое желание и даже предвосхищал их, кроме того, он не позволял никому ничего с меня брать. Чтобы ничто не мешало мне заниматься моими исследованиями, он приказал Эйзе эль-Хадрами, тому самому, который сопровождал меня на Джабаль-Рас, повсюду следовать за мной и заботиться о том, чтобы никто не причинил мне вреда. Очень удобно было также то, что я мог беспрепятственно бродить по всей окружающей местности и собрать богатую коллекцию растений. Я мог бы также собрать множество змей, но Касим, сын шейха Хассана, к сожалению, услышал, что у меня есть с собой порядочный запас спирта, и захотел выяснить, опьянит ли его этот напиток. Успех превзошел его ожидания, и он нашел в этом так много приятного, что мой запас спирта был исчерпан в две недели, к моему и еще больше к его сожалению.

У подножия горы Маамара я увидел первую плантацию кофе. Она была расположена, как и все остальные, которые я потом встречал, в глубокой и узкой долине, освещаемой солнцем только несколько часов в день. Самые большие и наиболее плодоносящие плантации кофе в Аравии находятся в этой области. Плантация в Маамаре, правда, только попытка, которую предпринял шейх, но на территории Эль-Удайна и Саны широко возделывается кофейное дерево.

Через несколько дней шейха призвали жители Таиза, восставшие против имама Саны. Он выехал туда, а меня оставил с Касимом в замке. Касим через некоторое время перевез меня в другую маленькую крепость своего отца, Кахим, расположенную восточнее долины Хайдан. Расстояние между ними по прямой линии очень незначительное, но долины, которые разделяют крепости, настолько глубоки, а горы настолько круты, что потребовался длинный и утомительный
 день пути по тропам, едва доступным для мулов, чтобы до-

ехать туда. Верблюдам, которые несли мой багаж, понадобилось два дня, чтобы преодолеть то же расстояние. По дороге часто приходилось разгружать животных и переносить ящики на спинах людей, потому что дорога не всегда достаточно широка, чтобы по ней мог пройти навьюченный верблюд. В Йемене, как и в горах Синая, я заметил, насколько ложно то представление, которое создалось у нас о верблюде, когда мы предполагаем, что он приспособлен якобы только для равнины из-за формы своих ног. Ни одно животное, в том числе и мул, не ступает так уверенно в самых опасных местах. Его ноги никогда не скользят даже на самых гладких местах, где лошадь наверняка упала бы, и он с удивительной уверенностью умеет находить место, куда можно поставить ногу. Только в самых топких и скользких местах он теряет свои преимущества. За время моих долгих путешествий с верблюдами я никогда не видел, чтобы они падали, кроме как в топких и скользких местах.

Я провел несколько дней в Кахиме, но не с такими удобствами, как в Маамаре, потому что Касим внушал меньший страх, чем его отец, необузданной солдатне, наполнявшей страну, и потому что он слишком часто будил меня по ночам, чтобы получить спирт. Тем не менее я исходил окрестности во всех направлениях, и мой гербарий значительно увеличился. Однако я с нетерпением ждал поездки в Таиз к шейху Хассану, который обещал мне дать возможность поехать в горы Сабира, где, как утверждают арабы, и теперь, как во времена Форскола, можно встретить все растения земли. Период дождей подходил к концу, и я боялся прибыть слишком поздно и не увидеть растительность, которую он должен был вызвать к жизни.

Наконец шейх прислал сказать мне, что я должен ехать к нему, и я выехал из Кахима, с радостью покидая место, где не знал покоя ни днем ни ночью. Первая ночевка была в деревне, название которой я забыл, после целого дня пути через богатую область с полями зерновых, кофейными плантациями и многочисленными ручьями. Лишь в некоторых из них вода была немного солоновата; эти ручьи текут по болотистой равнине, где я, к своему большому удивлению, нашел солончаковые растения, которые уже встречал на берегу моря. Рано утром я выехал из этой деревни по долине Сина, полюбовавшись в Бир-эль-Баша роскошной смоковницей; в тени ее широких ветвей могло укрыться от двухсот до трехсот человек.

Вади Сина — узкая долина, по которой проникают во внутренние районы гор Сабира. Здесь я нашел шейха Хассана, расположившегося лагерем в развалинах какого-то замка;

его окружало от двух до пяти тысяч человек войска, которые опустошали кофейные плантации своих союзников, жителей Таиза, в ожидании случая обратить против врагов свою страсть к разрушению. Жители Йемена не служат в солдатах, хотя они все вооружены. Шейхи нанимают крестьян из Джофа и Хадрамаута и с их помощью причиняют друг другу столько вреда, сколько могут. Этот сорт ландскнехтов составляет проклятие страны, и жители настолько измучены их бесчинствами, что мечтают только о том, чтобы сильное правительство навело в стране порядок. На этом и основаны надежды египетского паши овладеть страной.

Шейх Хассан предоставил мне жилище в маленькой деревушке Джаннат, примерно в получасе езды от того места в долине Сина, где жил он сам. Здесь я нашел абсолютный покой, так как шейх запретил своим солдатам беспокоить меня в месте моего жительства, и я мог в полной безопасности бродить по окрестностям. Здесь я каждую минуту находил растения, каких нигде не встречал раньше. Горы Сабира, где я теперь находился, представляют собой массив, почти изолированный от окружающих гор и значительно более высокий. Он прорезан глубокими долинами и ущельями; почти в каждом из них течет ручей, сохраняющий воду на протяжении всего года. Севернее, у подножия гор, на равнине, простирающейся далеко на северо-восток и служащей дорогой в Сану, лежит город Таиз. Раньше это был цветущий город, но теперь он совершенно разрушен опустошениями, которые производят солдаты шейхов, оспаривающих власть над городом. Старые дома, из которых уцелело едва ли больше двадцати, были построены очень хорошо; теперь же их заменили убогие хижины, потому что жители не решаются строить жилища получше, опасаясь налетов банд, которые часто захватывают город. Бандиты ломают дома только для того, чтобы использовать дерево на дрова. Еще стоят две прекрасные мечети, которые по величине и красоте могут сравниться с лучшими мечетями Каира, но весьма вероятно, что и эти остатки былого величия исчезнут под разрушительным воздействием времени, если к власти не придет правительство, которое сможет и захочет позаботиться о здоровье и благосостоянии жителей.

Равнина Таиза была раньше заботливо возделана и орошалась многочисленными каналами, которые подводили туда воду с гор Сабира, но теперь она заброшена, так как жители не решаются ее обрабатывать, не зная, пожнут ли они плоды своих трудов. В настоящее время равнина покрыта растительностью из эвфорбий с толстыми ветвями без листьев.
 Вообще, эти растения любят высоту, на которой лежит Таиз,

то есть примерно на середине от подножия гор до их вершины. Они встречаются всюду в большем или меньшем количестве, как только достигнешь этого уровня. Только в самих горах растительность очень разнообразна. Жители гор объединяются между собой, когда идет речь о том, чтобы дать отпор внешнему врагу, и поэтому им всегда удается защитить себя от нападений и от опустошений, производимых бандами солдат. Поэтому многочисленные деревни, которые встречаются в горах, оставляют впечатление зажиточности и богатства, а их поля, поднимающиеся террасами, показывают результаты постоянного усердия повсюду, где только можно возделывать землю.

Возделывают, особенно высоко в горах, пшеницу и ячмень в количестве, достаточном, чтобы удовлетворить потребности населения. Но главное богатство деревень составляет культура целаструс эдулис (Celastrus edulis), по-арабски „кат“ *, и это дерево является главным предметом забот крестьян. Его сажают отводками и оставляют на три года, не тревожа, причем заботятся только о том, чтобы пропалывать, удобрять и орошать, когда это необходимо, землю вокруг растений. Через три года обрывают все листья, оставляя только несколько почек, которые на следующий год дают молодые побеги. Их обрезают и продают пучками под названием „кат мубарра“; это — самый низший сорт. На следующий год ветви дают новые побеги, которые продают под названием „кат месани“, то есть двухлетний, и это — первый сорт. После этого дерево оставляют на три года в покое, а затем все начинается сначала. Побеги и молодые листья съедают, что вызывает известную степень возбуждения, которое жители очень любят и которое я тоже нашел весьма приятным. Дикий кат называют „кат беледи“, и его опьяняющая сила так велика, что только развратники этой страны употребляют его.

Это растение составляет в Йемене предмет значительной внутренней торговли, которая гораздо обширнее и прибыльнее, чем торговля кофе, так как употребление ката сделалось всеобщей потребностью, и довольно дорогой, если человек не желает ограничиваться низшими сортами. Там на кат уходит не менее пяти франков в день, а так как обычаи в Йемене требуют, чтобы человек угощал окружающих и тех, кто его навещает, то расход становится значительным. Шейх Хассан, например, был вынужден во время своего пребывания в окрестностях Таиза, где он принимал у себя благороднейших жителей окружающих районов, ежедневно покупать кат больше чем на сто франков. Кат гор Сабира — самый высоко ценимый во всем Йемене и каждый день вывозится оттуда в значительном количестве; его упаковывают в тща-

тельно связанные пучки, чтобы сохранить свежесть листьев до прибытия в Моху или Ходейду.

В горах Сабира кроме этого дерева культивируют также кофе, особенно на южной стороне, более теплой. Единственная забота, которой требуют кофейные деревья, состоит в том, чтобы защищать их от солнечных лучей, поэтому их высаживают либо в глубоких долинах, либо под тенью больших деревьев. Кофейное дерево никогда не обрезают, так же как не очищают землю вокруг него от покрывающей ее травы. Стоит заметить, что в Йемене кофе варят не из размолотых жареных зерен, как во всем остальном мире, а берут скорлупу, окружающую зерна, сушат ее и варят. Жители пьют этот напиток постоянно; он сладок, имеет легкий привкус кофе и вызывает такое же возбуждение, как напиток из зерен.

В горах рядом с некоторыми тропическими фруктами, например превосходными бананами, встречается большое число европейских, например великолепный виноград, персиковое дерево, абрикосы, яблоки и какой-то сорт айвы, более сладкий, чем наша, так что она даже сырая приятна на вкус. Она отличается от нашей айвы и по форме, напоминая белое яблоко-кальвиль.

Исчерпав возможности изучения окрестностей деревни Джаннат, я получил от шейха эскорт, чтобы добраться до горной вершины, на которой находятся развалины Хусн-эль-Арус — Замка невесты. Утром я выехал из Джанната, проехал по долине Сина и после полудня, преодолев очень крутой подъем, достиг большой деревни Хагеф, главного населенного пункта горного района. Вокруг деревни на расположенных террасами полях растет кат. По пути я миновал две или три деревни, в том числе Биркет-эш-Шебу и Раббу. Я использовал послеполуденное время и следующий день, чтобы собрать гербарий в окрестностях Хагефа. Здесь я нашел несколько растений, напоминающих европейскую растительность. Стенки террас были покрыты каким-то видом рубуса (Rubus) со съедобными плодами, похожего на нашу специю (Species).

Через день после этого я утром снова отправился дальше в горы. Мой багаж и гербарий несли на головах женщины, потому что после Джанната дорога недоступна ни для каких вьючных животных. За Хагефом мы все время поднимались по крутой тропе от двух до пяти часов до Баби-Шоайб, деревни, вблизи которой находится лес из деревьев можжевельника, достигающих большой высоты. Запах их смолы напомнил мне другое время и иные места. Вся растительность становилась все больше и больше европейской.

 В этом лесу находится маленькая мечеть, в которой, по

арабскому преданию, похоронен Йетро, тесть Моисея (которого они называют Шоайб). Мне не только не позволили войти внутрь, но я еще должен был, чтобы не оскорблять арабов, которые меня сопровождали, по их примеру разуться, когда мы проходили мимо святого места. Затем мы продолжили подъем, но дорога уже не была такой крутой, как прежде. В конце концов, после того как мы миновали величественные руины какого-то старого замка, усталость заставила нас попроситься на ночлег. Мы были в маленькой деревушке, жители которой воюют со своими соседями, и нас впустили только после долгих переговоров и лишь после того, как они рассмотрели нас через бойницы, проделанные в стенах домов. Жители Йемена, правда, цивилизованнее и более оседлы, чем остальные арабы, но они тем не менее не отказались от гибельного обычая родовых войн, и это столь частое явление, что они всегда должны опасаться нападения врагов, которые хотят отомстить за смерть своего родича, убитого, может быть, сто лет назад. Поэтому они всегда так строят свои дома, что в первый этаж, единственный обитаемый, можно проникнуть только через подвалы или подземные проходы, совершенно темные, где приходится ощупью искать путь, если человек не знает хорошо этого помещения. В случае неожиданного нападения обитатели дома успевают приготовиться к защите и могут уничтожить нападающих, пока те ищут вход в темноте.

Так как жители деревни не должны были бояться кровной мести с нашей стороны, они наконец впустили нас, и я провел очень холодную ночь прямо под облаками на крыше дома, куда меня вынудили бежать блохи. Эти насекомые не встречаются на равнине, но в горных селениях их так много, что люди вынуждены спать в мешках, которые они затягивают, после того как залезут в них. Я не мог решиться спать таким способом и поэтому, несмотря на холод, выбрал себе место на крыше.

Рано утром мы покинули деревню и после двухчасового перехода по местности с вполне европейской растительностью и полями пришли в деревню, которая называется Ахль-Каф. Поблизости от нее находится мечеть, построенная в том месте, где, по арабским преданиям, «семеро спящих» со своей собакой вышли из пещеры, в которой они так долго спали. Рядом с деревней расположен пруд. Я сидел на его берегу, пока арабы, сопровождавшие меня, зашли в мечеть, чтобы прочитать утреннюю молитву. За это время жители деревни собрались вокруг меня, очень удивленные моим видом, потому что я сохранил свою европейскую одежду. Они спрашивали меня, кто я, откуда пришел и чего хочу. Я ответил, как

12 Зак. 186

всегда, что иду к вершинам гор, чтобы искать целебные травы. Они объявили, что не допустят этого, потому что Замок невесты якобы полон сокровищ и я, без сомнения, пришел, чтобы их похитить.

У меня не было надежды убедить их в противном, поэтому я не счел нужным им отвечать и занялся тем, что укладывал в бумагу растения, собранные по дороге, а они с любопытством наблюдали за моими движениями.

Один из них хотел завладеть моим ружьем; я вырвал его у него из рук. Пока он осматривал замок (это было пистонное ружье, вещь, непонятная арабам, потому что они никогда не видели ничего, кроме фитильных ружей), я спустил курок у него под носом. Это вызвало такой всеобщий ужас, что меня оставили в покое до тех пор, пока не вернулись мой слуга и охрана.

Тут началась оживленная дискуссия о разрешении подняться к замку, в которую я, однако, не вмешивался. Мне было тем легче оставаться равнодушным к этому, что я был уже так близок к цели моего путешествия, что больше не мог надеяться найти на совсем близкой вершине иную растительность, чем та, которую я уже видел. Поэтому у меня не было других интересов, кроме удовлетворения своего любопытства и, может быть, также тщеславия посетить Замок невесты, куда еще никогда не проникал ни один европеец и о котором арабы рассказывают такие чудесные сказки.

Страх перед шейхом Хассаном склонил наконец арабов к тому, чтобы дать мне разрешение при условии, что двое из них будут сопровождать меня и наблюдать за моими действиями. Я охотно согласился на это. Я покинул Ахль-Каф, сопровождаемый беспокойными и дикими взглядами арабов, один из которых чистосердечно признался мне, что если бы шейх Хассан — Бибас эль-джебель (то есть Перец Гор, как его называют по всей стране) — не стоял лагерем у подножия гор, то он показал бы мне, что из его ружья тоже можно убить любого.

Я поднимался примерно полтора часа по крутой тропе через рощи можжевельника и поля зерновых, которые, однако, попадались все реже, пока не дошел до широкой лестницы, состоявшей из больших, хорошо отесанных камней, сложенных без раствора. Она вела к воротам Замка невесты и проходила между огромными водоемами, еще и сейчас находившимися в очень хорошем состоянии. Вскоре я достиг обвалившихся стен, откуда имел удовольствие видеть одновременно Красное море в направлении на Ходейду и Индийский океан по ту сторону Адена. С того места, где я находился,
 все горы Йемена казались низкими, за исключением Джа-

баль-Райма и гор Сумары, которые были хорошо видны, несмотря на большое расстояние.

Я не хочу даже пытаться описать изумительный вид, которым я наслаждался несколько мгновений. Жители Ахль-Кафа были слишком мало расположены ко мне, чтобы ждать меня так долго, как мне бы хотелось. Поэтому я поспешил собрать гербарий в окрестностях замка, после чего пустился в обратный путь, к большой радости арабов, которые меня сопровождали, и особенно моих египетских слуг, неохотно поднимавшихся так высоко.

Так как мне едва хватило времени осмотреть развалины замка, я не могу высказывать предположений о его происхождении. Но и так ясно, что он был построен до Мохаммеда, да и местная традиция приписывает постройку арабам-язычникам. Протяженность стен весьма значительна; они сложены из больших квадров без раствора, хотя употребление раствора было тогда уже известно, так как водоемы облицованы им. Я не видел ни одной надписи, но я недостаточно искал, чтобы с уверенностью заявить, что надписей нет.

Лестница, ведущая к воротам, когда-то спускалась до самой равнины вблизи Таиза, и по дороге вниз я видел много ее кусков, еще и сейчас в хорошем состоянии. Что касается происхождения памятника, то его размеры и положение делают этот вопрос очень важным, и я очень сожалею, что обстоятельства не позволили мне исследовать его подробно.

Мы быстро спустились от Замка невесты, не остановившись в Ахль-Кафе, хотя его жители, вполне убежденные, что мы не прихватили с собой никаких сокровищ, приглашали нас задержаться. Ночь мы провели в том же месте, где спали накануне. На следующий день между жителями и моими людьми разгорелся спор из-за дороги, по которой мы должны двигаться. Когда дело дошло до угроз и в ход вот-вот могли быть пущены кинжалы, я понял, что мне необходимо отказаться от намерения снова посетить Баби-Шоайб, где я заметил много растений, которые хотел собрать на обратном пути. Я не нашел их потом на более короткой, но и более опасной дороге, по которой меня вынудили двигаться. После обеда мы достигли Хагефа, где я остался еще на несколько часов и использовал их, чтобы еще раз пособирать растения. Отсюда я вернулся в мой дом в Джаннате, очень довольный тем, что все обошлось благополучно, и собранными растениями.

В конце ноября шейх Хассан, очень недовольный жителями Таиза, с которыми он никак не мог установить взаимопонимание, прислал сказать мне, что я должен быть готов отправиться в путь при первом же известии, потому что он,

вероятно, неожиданно выедет в Кахим. Однажды утром, перед рассветом, мне сообщили, что он якобы выступил со всеми своими войсками; остались только несколько отставших, которые были убеждены, что в моих ящиках лежит золото. Они прибыли в деревню и сказали мне, что вьючные верблюды, предназначенные для перевозки моего багажа, якобы остались внизу и что багаж нужно отнести вниз. При первом же слухе об отъезде шейха жители деревни, которые хорошо знали, чего они могут ожидать от этих банд всякого сброда, взялись за оружие и ответили, что они им не доверяют и что я — их гость, за безопасность которого они несут ответственность. Поэтому они разрешат мне уехать только по приказу шейха.

Я счел за лучшее последовать их совету, и, несмотря на увещевания и угрозы солдат, остался с ними. Меня совсем не беспокоила моя личная безопасность, потому что я был знаком с жителями гор и знал, что мне, конечно, не грозила никакая опасность с их стороны, но я был неспокоен за судьбу моих коллекций, стоивших мне стольких трудов. Весь день я провел в большом волнении, потому что каждое мгновение опасался, что враги шейха могут напасть на деревню. Это вынудило бы меня бежать в Хагеф, бросив мои вещи и коллекции, которые нельзя было бы унести высоко в горы.

К счастью, шейх вспомнил обо мне еще до своего прибытия в Кахим, и после обеда мы увидели нескольких приближающихся солдат. Жители собирались встретить их ружейными выстрелами, но мы узнали среди них двух офицеров шейха. Он послал их, чтобы они оставались со мной и заботились о моей безопасности, пока он не сможет прислать верблюдов для перевозки моего имущества. Верблюдов пришлось посылать издалека, поэтому только через три дня я смог покинуть Джаннат и выехать в Кахим, куда ехал по той же дороге, по которой прибыл сюда. Мы пересекли равнину Таиза, где банды солдат поджидали моего прибытия, и только моя охрана и страх навлечь на себя месть шейха позволили мне продолжать путь, не встретив бо́льших препятствий, чем потоки ругательств. На следующий день я прибыл в Кахим, где меня защищало присутствие шейха, но меня очень мучили любопытство и тягостная навязчивость его людей. После того как я собрал практически все, что можно найти в это время года, я решил отправиться в Моху.

Шейх Хассан не разрешил мне ехать прямой дорогой, так как на ней он не мог обеспечить мою безопасность, и я был вынужден двигаться по долине Хайдан до Хайса, куда прибыл в середине декабря. После нескольких дней отдыха я покинул Хайс и провел день на берегу моря на огромной

плантации финиковых пальм, принадлежавшей моему верному спутнику в опасных путешествиях Эйзе эль-Хадрами. У него была редкая среди арабов страсть — выращивать здесь все чужеземные растения, которые он только мог добыть. В его саду, устроенном со вкусом и содержавшемся с почти английской чистотой, я видел кокосовые пальмы, единственные, насколько я знаю, существующие в Йемене, хотя равнины морского побережья, кажется, благоприятны для этой культуры. Оттуда я поехал по берегу моря в Муши (Мушид у Нибура), где почувствовал первые симптомы болезни, которая надолго задержала меня в Мохе и помешала мне воспользоваться очень удобным случаем съездить в Сану и при этом совершить путешествие через горы в другое время года.

Я не могу окончить это краткое описание моей экскурсии в Йемен, не выразив своей благодарности за великодушное гостеприимство, с которым меня принял шейх Хассан, и за благосклонное покровительство, которое он мне оказал. С того момента, как я прибыл в Хайс, и до моего приезда в Моху он настаивал на том, чтобы оплачивать все мои расходы и покрывать значительную стоимость транспортировки моего тяжелого багажа. Когда обстоятельства вынудили его внезапно покинуть горы Сабира и оставить меня, он не упустил из виду заботу о моей безопасности, и, когда его офицеры привезли меня, он разделил между ними триста испанских пиастров за труды. Я всегда буду сожалеть, что мой совет — опасаться вероломства египтян — не оказал на него достаточного влияния. Его союз с египтянами стал потом губительным для него, и я слышал после моего отъезда из Йемена, что Ибрагим паша, воспользовавшись влиянием шейха, чтобы овладеть городом Таиз, обратился против него самого. Зная, как велико в стране влияние шейха Хассана, паша пригласил его к себе, и Хассан был вероломно убит.

Мне осталось лишь сделать несколько мелких замечаний о географии и природе этой страны. В Йемене, как и на всем аравийском побережье Красного моря, между морем и горными цепями находится равнинная полоса, обычно очень низменная. Ее ширина различна и иногда достигает четырех-пяти миль, как, например, в Йемене, а иногда горы подходят к самому берегу, но это редкий случай, и я припоминаю такое только в нескольких местах на Синайском полуострове и кое-где на побережье между Кунфудой и Лохеей. Почвы этой равнины, которую арабы называют Тихамой, различны. В основном это песчаные почвы, реже — известняк, образовавшийся совсем недавно и содержащий следы органических остатков тех же видов, какие еще и сейчас обитают в Крас-

ном море. Этот известняк образует иногда довольно высокие холмы, главным образом на Синайском полуострове, где особенно выделяется своей высотой холм вблизи Тора, у подножия которого находится горячий серный источник, известный под именем Хаммам-Муса — Купальня Моисея.

В Йемене Тихама частью песчаная, частью пригодна для обработки и даже очень плодородна, если только возможно ее оросить. Жители осуществляют орошение, направляя ручьи, текущие с гор, на свои поля. Поля обнесены валами, чтобы вода дольше задерживалась на них. Возделывают главным образом маис, дурру и индиго, реже пшеницу; в садах произрастают некоторые тропические плоды, но нет никаких европейских. В Тихаме имеются многочислённые плантации финиковых пальм, особенно на морском берегу и там, где горные ручьи, затерявшиеся в гальке, образующей почву равнины, снова пробиваются к поверхности, когда она опускается до уровня моря. В таких местах воду получают, копая колодцы в несколько футов глубиной; хотя она и непригодна для питья из-за содержащихся в ней солей, но, кажется, не вредна для пальм. Между Муши и Мохой находятся пальмовые плантации, которые дают высокие урожаи, хотя растут на равнине, покрытой коркой соли, достаточно толстой, чтобы ее собирали как соль для приготовления пищи. Уже Форскол заметил, и я должен это подтвердить, что на финиковую пальму в Йемене нападает вид муравьев, которые уничтожили бы деревья, если бы жители не доставляли каждый год с гор куски дерева, содержащие другой вид муравьев, уничтожающих первых. Такой кусок дерева укрепляют на верхушке каждой пальмы, и этого достаточно, чтобы избавить ее от муравьев, которые ей вредят.

Дикая растительность Тихамы в Йемене, мне кажется, имеет совершенно африканский характер. Леса состоят только из разных видов мимозы, и я нашел много растений, которые наблюдал раньше в Сеннаре. На низменных участках морского берега растут солончаковые растения, которые жители используют для приготовления соды.

Горы Йемена образованы хребтами разной высоты, идущими параллельно берегу. Самая высокая гора, видимая даже с моря, — Райма, около Байт-эль-Факиха. На ней не выпадает снег, но зимой здесь очень холодно. Так же бывает и в горах Сабира, которые, кажется, выше, чем Райма, но невидимы с берега, потому что их закрывает гора Хабаши, хотя она и ниже. У меня не было инструмента, чтобы измерить высоту этих гор, но они должны быть выше, чем горы Синая, которые, по словам Рюппеля, достигают 8000 футов.

 Долины йеменских гор неправильной формы и не соответст-

вуют направлению хребтов. Они большей частью глубоко врезаются в склоны и очень круты. Долины не идут в одном общем направлении, как следовало бы ожидать по вулканическому характеру местности. Я нигде не встречал действующих кратеров; только остров у входа в Красное море, который называется Джебель-Тар, есть не что иное, как вулкан, который действовал еще несколько лет назад, а теперь служит паше в качестве серного рудника.

Точно так же остров Перим в проливе имеет вулканическое происхождение, в чем я убедился по минералам, которые привезли оттуда англичане. И, наконец, несомненно, что вблизи Медины после смерти Мохаммеда произошло извержение вулкана, которое угрожало разрушить город; теперь этот вулкан потух.

Долины большей частью орошаются небольшими потоками, которые теряются в земле при выходе на равнину, только в сезон дождей большие запасы воды иногда позволяют им достигнуть берега моря. Недостаток проточных вод — общее явление для всей Тихамы, и единственные ручьи, которые вливаются в море, находятся на Синайском полуострове: тот, что образует Купальню Моисея, и другой, полноводнее и с более горячей водой, который течет с вершины Рас-эль-Хаммам и называется Купальней фараона.

Восточнее гор лежит большая равнина, которая, должно быть, расположена значительно выше, чем прибрежные низменности, так как люди из области Джоф уверяли меня, что у них возделывают только пшеницу и ячмень, потому что климат якобы слишком холоден для дурры.

Климат гор так же отличается от климата равнины, как и их природа. Здесь значительно прохладнее, и сезон дождей наступает в другое время. В той части гор, которая лежит под тропиками, то есть южнее Джидды, дожди идут с мая или июля до октября, как во всех тропических странах. Но эти дожди далеко не так обильны, как в Америке и Африке на тех же широтах, и даже часто их вообще не бывает. На побережье, напротив, эти летние месяцы совершенно сухие и дожди выпадают только в декабре, в то время, когда над горами совсем безоблачное небо. Может быть, это и служит причиной того, что на них никогда не выпадает снег. Но Нибур утверждал, что иногда в начале года в горах идут дожди. Впрочем, дожди в Йемене обильнее и выпадают регулярнее, чем в северной части Красного моря, где в течение целого года может не выпасть ни капли дождя, чему я сам был свидетелем во время путешествий по Синаю.

Зной очень силен на побережье, особенно в Мохе, где во время жарких месяцев господствует безветрие; напротив, на

побережье Хиджаза жара не так угнетающа, как можно бы ожидать по климату местности; это происходит из-за сильных северных ветров, которые дуют на протяжении всего лета. Только во время кратких затиший зной усиливается, но даже тогда температура в тени не поднимается выше 30 градусов. Господствующие ветры следуют направлению Красного моря, то есть или северо-западные, или юго-восточные, реже они дуют прямо из Аравии или из Африки. С мая до октября дует сильный северо-западный ветер, особенно в той части побережья, которая лежит между Суэцем и Рас-Мухаммадом. От предгорий Суэца и на всем берегу Акабского залива господствует сильный северо-восточный ветер, который арабы называют „айли". Он особенно силен с полуночи до 10—11 часов утра, потом обычно немного стихает. Встреча с ним опасна не только для лодок арабов, но и для европейских судов, когда они находятся в Эламитском заливе. Англичанам, уполномоченным составить карту Красного моря, удалось достичь северной оконечности залива только после того, как этот ветер прекратился.

В начале октября наступает безветрие, а затем на всем Красном море поднимается сильный юго-восточный ветер, который, особенно в южной части, дует с большой силой и регулярностью и продолжается до мая или апреля. В северной части моря он иногда прерывается затишьем, а иногда — сильными порывами северо-западного ветра.

Я мог бы присоединить к этим замечаниям еще многие другие, но при этом я бы только повторил то, что уже сообщал Нибур, точность которого я могу засвидетельствовать. Я хочу добавить лишь одно сообщение о расовом составе населения побережья Аравии, которое Нибур, насколько я знаю, не высказывал. Все население Тихамы, кажется, в высшей степени смешано с африканцами — абиссинцами, сомалийцами или берберами. Это смешение проявляется не только в чертах лица, но и в языке, так что арабский язык побережья настолько насыщен заимствованными словами, что непонятен остальным арабам. Этого нет в горах, где население совершенно белое и очень красивое. Женщины поразительно красивы, и в этом легко убедиться, так как они, в противоположность обычаю мусульманских стран, ходят с незакрытым лицом. Их черты лица и цвет кожи почти итальянские, волосы длинные, глаза большие и круглые, нос совершенно римский. Черты лица представителей горных племен Йемена резко отличаются от черт остальных арабов и могут служить доказательством справедливости библейской традиции и народных преданий о разных арабских расах.
 Согласно этой традиции, йемениты происходят от Йоктана,

остальные арабы — от Измаила *, сына Авраама и его рабыни (вероятно, черной) Агари *. Превосходство физических форм йеменитов совпадает с более высоким уровнем цивилизации, которого они достигли, потому что они искони живут в организованном городском обществе, занимаются земледелием, имеют укрепленные жилища и основали империю, уступающую по продолжительности существования только китайской, в то время как остальные арабы сохранили обычаи кочевой жизни и испытывают отвращение ко всему, что могло бы нанести ущерб их неограниченной свободе».

ПУТЕШЕСТВИЕ ФОН ВРЕДЕ В ХАДРАМАУТ

Адольф фон Вреде — первый европеец, проникший в глубь Хадрамаута в 1843 г. из Эль-Мукаллы, маленького портового города на южном берегу Аравии. Он достиг Эль-Хурайбы, откуда двинулся на юго-запад до побережья и дальше до Джауль-эш-Шайха. Следующая его поездка из Эль-Хурайбы драматически закончилась в Сифе.

О личности фон Вреде Генрих фон Мальцан, издавший в 1870 г. его путевые записки, смог узнать очень немного: «Известный миссионер доктор Крапф, который встретился с фон Вреде осенью 1843 г. в Адене, не смог сообщить мне достоверных сведений о происхождении фон Вреде. Я узнал от него только, что наш путешественник в тридцатых годах этого века был офицером греческой службы, затем жил в Малой Азии и позднее отправился в Египет. Отсюда он предпринял в начале 1843 г. свое достопамятное путешествие. Кажется, лишь много позже он вернулся в Европу, чтобы опубликовать свою рукопись, однако это ему не удалось сделать».

Приблизительно в 1856 г. фон Вреде переселился в Техас и там умер. Полное признание исследования фон Вреде получили только в последние десятилетия, когда результаты новых изысканий в основном подтвердили его сообщения. Но некоторые выдающиеся ученые и знатоки Аравии оценили труд фон Вреде еще в XIX в. Другие же, например Александр фон Гумбольдт * и Леопольд фон Бух *, считали его хвастуном и лжецом.

В то время, когда фон Вреде предпринял свое путешествие в Хадрамаут, европейцу и христианину было вдвойне опасно появляться в этой стране. К общей фанатической ненависти жителей к иноверцам присоединилось в этот момент

возмущение против англичан, которые несколькими годами раньше, в январе 1839 г., захватили полуостров Аден и закрепились там. Какие странные ассоциации возникали при этом в умах населения Южной Аравии, фон Вреде узнал от одного из шейхов в Джауль-эш-Шайхе: «Во время этой беседы он рассказал мне, что несколько лет назад двое кафиров * (он имел в виду Уэллстеда и Круттендена) посетили развалины Накб-эль-Хаджара. Осыпая проклятиями злодеяния этих людей, он воскликнул: „Да будут прокляты их имена! Эти ференджи * сглазили нашу страну, и целый год после их посещения ни в вади Майфаа, ни в долинах, которые в него впадают, не выпало ни одной капли дождя! Без сомнения, они похитили также сокровища, зарытые в развалинах, чтобы передать их малику (царю) ференджи! Потом один из них был сделан давла Адена (губернатором Адена; упомянутый Круттенден был адъютантом губернатора). Пока я жив, ни одна из этих собак не попадет снова в Накб-эль-Хаджар!". А старый шейх Омар также связывал захват Адена с поездкой Уэллстеда и Круттендена, утверждая, что в развалинах они нашли надписи, которые им якобы объяснили, каким образом можно захватить Аден».

Фон Вреде учел эти обстоятельства: он был принят султаном Эль-Мукаллы. «На его вопросы, кто я, откуда пришел, куда иду, я дал ему заранее приготовленные на этот случай ответы, а именно, что я египтянин и меня зовут 'Абд эль-Худ, что три года назад, заболев чумой, я дал обет совершить паломничество к могиле моего святого защитника, пророка Аллаха Худа *, да будет прославлено имя его вовеки. Выздоровев, я, к сожалению, откладывал выполнение обета со дня на день и наконец чуть не забыл о нем совсем. Но тогда ко мне во сне трижды явился ангел и приказал мне отправиться в паломничество не откладывая. Этот приказ я и собираюсь сейчас исполнить».

Несмотря на такое поведение фон Вреде, его интерес к стране и ее жителям все время вызывал подозрения. Дважды ему угрожали возмущенные толпы, и наконец в Сифе он был захвачен в плен, ограблен тамошним султаном и выслан обратно в Эль-Мукаллу.

АДОЛЬФ ФОН ВРЕДЕ

В половине девятого мы прибыли на место назначения, в город Эль-Хурайбу. Проводник взял мой багаж и повел меня по узким, кривым и крутым улочкам в дом шейха 'Абдаллаха Ба Судана. Любопытные городские мальчишки сбежались

со всех сторон, чтобы поглазеть на чужака, но не оскорбляли меня и даже не докучали мне; напротив, они вели себя очень прилично и протискивались ко мне, чтобы поцеловать мне руку.

После повторного стука дверь открыл высокий юноша, который представился как «шейх ʿАбд эль-Кадир», сын хозяина дома, поэтому я, в соответствии с местным обычаем, поцеловал ему руку. Он приветствовал меня и повел по узкой темной лестнице наверх, в комнату в верхней части дома, откуда я смог насладиться прекрасным видом долины.

Здесь я передал привет от шейха Мохаммеда эль-Ба Харра и вручил рекомендательное письмо к его отцу. Одновременно я просил, чтобы меня представили ему, но мне сказали, что шейх отдыхает, и обещали отвести к нему после полудня. Вскоре появились еще три сына хозяина, шейхи Мохаммед, Ахмед и Абу Бекр, которые приветствовали меня и усиленно расспрашивали о моем здоровье и о событиях моего путешествия. Затем вошел раб, который вымыл мне ноги и умастил их маслом. Этот обычай существует в стране повсеместно, и путник имел бы право жаловаться на невнимательность хозяина, если бы он не был соблюден. То же можно сказать и об окуривании комнаты ладаном, которое проводится пять-шесть раз в день.

Через некоторое время уже взрослая девушка принесла кофе и финики. Это была сестра младшего шейха Софья — имя, которое я не думал здесь встретить. Но еще больше я удивился, увидев ее с незакрытым лицом перед чужим человеком. Как я узнал позднее, это дозволяется всем незамужним девушкам. После того как мы напились кофе, шейхи удалились, чтобы я мог беспрепятственно предаться отдыху.

Предоставленный себе, я обдумывал свое положение, трудности которого было невозможно утаить от себя самого. Я находился на земле, которая считалась священной и на которую могли ступать только мусульмане, и сверх того в доме человека, которого в высшей степени фанатичный народ почитал святым.

У бедуинов, которые плохо знают свою собственную религию (и почти никто не следует ее предписаниям), легко прослыть мусульманином. Но здесь я должен был иметь дело с людьми, которые как отличные теологи замечали малейшие ошибки и при несколько более строгом экзамене легко могли выяснить, что я не мусульманин. Но если бы это произошло, я без долгих рассуждений был бы отдан на растерзание фанатичной толпе. В такой религии, как мусульманская, которая почти целиком состоит в том, чтобы декламировать с бессмысленной жестикуляцией некоторые места

из Корана и соблюдать предписанный ритуал молитвы, на первый взгляд кажется совсем не трудно сыграть роль ее последователя. Но в ней есть несметное число мелочей, которые необходимо учитывать.

Так, секты ханифитов и шафи'итов * различаются помимо прочего тем, что последователи первой при омовении омывают руки и ноги «только до локтей и лодыжек», а второй, напротив, «на ширину четырех пальцев выше», и еще другими бессмыслицами. Например, истинный мусульманин должен подносить еду и питье ко рту обязательно правой рукой, не должен ничего предпринимать, не сказав предварительно «бисм иллах аррахман аррахим», то есть «во имя всемилостивого господа!». Он должен, бросив любой предмет на землю или увидев, как бросает другой, обязательно произнести «тесдур», то есть «разрешение», и тому подобное.

Как уже сказано, существует бесчисленное множество таких деталей, которые истинный мусульманин должен неукоснительно соблюдать и выполнять, и нужно действительно быть прирожденным мусульманином, чтобы точно знать все эти нелепости.

После этого можно понять, какую я должен был соблюдать осторожность, чтобы не выйти из моей роли, и поэтому после полудня я с бьющимся сердцем последовал за слугой, который проводил меня к старому шейху.

В комнате верхнего этажа, устланной полосами черной, грубо сотканной шерстяной материи шириной в локоть, не было никакой другой мебели, кроме стенного шкафа, наполненного книгами. В углу на персидском ковре сидел шейх 'Абдаллах Ба Судан, семидесятилетний худой совершенно слепой старец. Вокруг него с раскрытыми Коранами в руках сидели его сыновья и около полудюжины молодых шерифов и саййидов *.

Когда я вошел, все, кроме старого шейха, встали и ответили на мое приветствие «эс-салам 'алайком», то есть «да будет мир с вами», обычным ответом «'алайком эс-салам», то есть «да будет с вами мир». Затем я подошел к почтенному старцу и поцеловал ему обе стороны руки, чему он из вежливости пытался воспрепятствовать. После этого я повернулся к остальным и сказал, в соответствии с обычаем, «хакк еш-шераф», то есть «право шерифов», после чего все шерифы и саййиды, среди которых был и двенадцатилетний мальчик, сразу же протянули мне руки, которые я должным образом обнюхал. Манера, с которой они принимали эту почесть, была такой надменной и высокомерной, что только давление обстоятельств заставило меня преодолеть отвращение.

Сыновья моего хозяина, которым я должен был целовать руки как шейхам, после долгого сопротивления позволяли моему рту коснуться пальцев и хотели ответить мне тем же.

После того как эта церемония была окончена, я занял место в круге и должен был дать шейху отчет о моей родине, о ходе и о целях моего путешествия.

Затем шейх спросил меня, к какому толку я принадлежу, на что я назвал ему ханифитский, которому следуют почти все египтяне. К моему бесконечному удовлетворению, это был единственный вопрос, касавшийся религии.

После этого я должен был много и подробно рассказывать о Египте и о Мохаммеде 'Али, которого старый шейх когда-то, во время своего паломничества в Мена, встречал в Джидде и беседовал с ним. Так как старец, вероятно, хотел пройти со своими питомцами еще несколько глав Корана, я распрощался и вернулся в свою комнату.

Вечером несколько шерифов нанесли мне визит, во время которого разговор вращался вокруг Египта, его владетеля и положения в их стране. Шейх 'Абд эль-Кадир обратил мое внимание на одного шейха, который, как он мне сказал, знал все области Хадрамаута. Я завязал с этим человеком разговор, который снова и снова направлял к таинственным могилам, которые, по утверждению Френеля *, существовали в вади Давъан. Он рассказал мне, что около города Мешхед-Али, при впадении вади Гайбун в вади Хаджарин, находится около «сорока гробниц». Но он описывал эти гробницы не как высеченные в скалах камеры, а как небольшие дома, построенные из обтесанных каменных блоков. Эти здания, по его словам, имеют только одно помещение, и у входа в каждое здание есть надпись, которую никто не может прочесть.

Он рассказал мне также, что подобные же надписи находят в Белед-эль-Хаджар, а именно в вади Обна.

Наряду с другими интересными сообщениями, о которых я буду говорить в свое время, я узнал от него, что область, которую я пересек на пути из Эль-Мукаллы, а также вади Давъан и другие долины, которые он мне назвал, принадлежат к провинции, называемой Белед-Бени-Иса (Страна сыновей 'Исы), а не к Хадрамауту в узком смысле. Последний начинается в нескольких днях пути на северо-восток.

Каждый город и почти каждая деревня в вади Давъан имеет своего правителя, называемого разными титулами: «султан», «давлет», «накиб» или «дула».

Все эти князьки, или, вернее, «феодальные властители», хотя и независимы друг от друга, но все же находятся под защитой или, скорее, под властью живущих здесь племен эль-Хамийе и Морашиде, которым они должны платить еже-

годную подать. Если случаются раздоры между султанами, они обычно призывают племена в качестве третейского судьи. Некоторое число бедуинов из племен-покровителей живет с султанами в их башнях, построенных вне городов так, чтобы господствовать над ними. Благодаря такой организации бедуины держат в своей власти не только город, но и султана.

Оба господствующих здесь племени являются ветвями племени бени Сайбан. Шейха племени Хамийе зовут Хосайн ба Сохра бен ʻАмуди, шейха племени Морашиде — ʻАбд эр-Рахман ба Корра бен ʻАмуди, оба они живут в Эль-Хурайбе. Султана, который правил там во время моего пребывания в городе, звали Менасих ибн ʻАбдаллах ибн бен ʻИса эль-ʻАмуди. Ему принадлежала также близлежащая деревня Эш-Шарк. Он, как и все его коллеги, происходит по прямой линии от святого Саʻида ибн ʻИсы эль-ʻАмуда ибн Ходуна ибн Худа *. Резиденция султана — несколько хорошо укрепленных башен к югу от города — отделена от него лишь глубоким ущельем или ложбиной. Она расположена так, что господствует над большей частью города. Эти группы башен называются «Эль-Арр».

Эль-Хурайба лежит на западном берегу вади и насчитывает примерно 6000 жителей, которые принадлежат к родам ʻАмуди и Корайши и занимаются земледелием и торговлей. Улицы города узкие и крутые, вымощены булыжником и всюду покрыты нечистотами, которые только иногда собирают в кучи, чтобы использовать их как удобрение. Рядом почти с каждым домом имеется небольшая лужа, в которой собираются вода и нечистоты, образуя смесь, неприятно действующую на человеческие чувства больше чем в одном отношении.

Это делает хождение по улицам очень неприятным, особенно если нужно еще все время заботиться о том, чтобы тебя не облили сверху помоями. Форма домов, в большинстве случаев четырех-, а иногда и пятиэтажных, напоминала мне храмы древних египтян, которые, как и здесь, наверху у́же, чем внизу. Окна относительно малы и закрыты крепкими ставнями из твердого дерева, так как оконные стекла здесь неизвестны. Фундамент из необработанного камня поднимается примерно на 6 футов над поверхностью земли. Верхняя часть зданий сделана из сырцовых кирпичей, очень прочных, хотя они просто высушены на солнце.

Террасы выступают примерно на 2 фута и окружены стеной около 4 футов высотой. Комнаты каждого этажа связаны коридором, в который ведет узкая лестница. Стены комнат, лестниц, коридоров, полы и ступени лестниц обмазаны

глиной, а в ней для украшения выдавлены широкие волнообразные полосы. Входная дверь очень низкая и богато украшена резьбой; как правило, на ней вырезано также какое-нибудь изречение из Корана.

Обстановка комнат очень проста: в них нет никакой мебели, кроме стенного шкафа, дверца которого украшена резными узорами и головками больших латунных гвоздей. Пол весь или только вдоль стен покрыт описанными выше черными шерстяными дорожками, а на стенах висят фитильные ружья, сабли, короткие пики и щиты. На стене, обращенной к Ка'бе (Мекке), висит несколько ковриков, на которые опускаются во время молитвы. Во всех наружных стенах и в выступающей части террасы проделаны круглые бойницы. Жилища султана и крупных шейхов можно узнать по «рогам горных козлов», которые укреплены над террасой и над всеми или одним из углов.

В городе три мечети и небольшой «базар», на котором находится, самое большее, двадцать скудных лавчонок. Наружные дома города построены так тесно, что заменяют городскую стену. Грубо сколоченные мощные деревянные решетки запирают выходы улиц. Колодцы находятся и внутри, и (большей частью) вне города; они дают достаточное количество превосходной воды.

На закате при ясном небе и безветрии термометр показывал 20°.

5 июля. На следующее утро я совершил прогулку в окрестностях города в сопровождении шейха Абу Бекра, младшего сына моего хозяина. Когда мы проходили по базару, я заметил шейху: «Мне кажется, что базар слишком беден для такого города». Он возразил на это: «Города Рибат, Рашид, Авра и Каррайн вообще не имеют базаров, и купцы держат запасы товаров в своих домах.

Оба бедуинских племени вади постоянно враждуют с соседями. Поэтому в любой момент можно ожидать нападения, и купцы не решаются выставлять товары в лавках. Даже между этими двумя племенами, вообще-то дружественными, происходят стычки внутри города. При этом жители становятся на сторону того или другого племени, и лавки, принадлежащие побежденным, обычно подвергаются разграблению. Поэтому никто не выходит из дома, не вооружившись ружьем и кинжалом, и перед каждым купцом в лавке стоит заряженное ружье».

Что за положение! Никакая очищающая душу мораль не наложила здесь оков на грубую силу, и кулачное право господствует во всей своей первоначальной жестокости. Религия не смогла оказать своего смягчающего влияния, пото-

му что та вера, которая здесь господствует, — религия меча, а не любви и умиротворения.

Оба бедуинских шейха, племянник султана и кади сидели на возвышении рядом с торговыми рядами и были, как сказал мне мой провожатый, заняты улаживанием споров. Их окружало множество бедуинов. Однако мне показалось, что они не очень боялись своих господ, так как производили такой шум, что невозможно было расслышать ни одного слова. Шейх Абу Бекр познакомил меня с шейхом, и после принятых в этой стране приветствий мы сели на коврик.

Удовлетворив любопытство «властей», мы продолжили нашу прогулку. По тесному переулочку мы выбрались на простор и спустились в ущелье, которое отделяло Эль-Арр от города и было густо засажено финиковыми пальмами. Напротив, на склоне холма, мне бросились в глаза хорошо различимые основания каких-то сооружений (я уже говорил о них). Они были сложены из грубо обработанных плит, связанных твердой как камень известью, и поднимались тут и там на 3—4 фута над поверхностью.

Эль-Арр состоит из двенадцати башен, которые расположены так, что подходы к каждой из них простреливаются со всех сторон. От Эль-Арра мы спустились в долину, где я осмотрел водовод, который действительно поражает в такой стране целесообразностью своего устройства.

В русле шириной 20 футов, которое, как и большинство вади, несет воду только после дождя, на обоих берегах устроены плотины высотой 10 футов и шириной в основании 8 футов, а в верхней части — только 4 фута. Они сооружены из крепкой мергелеподобной глины вади и облицованы большими камнями как с внешней, так и с внутренней стороны. Там и сям в этих плотинах проделаны маленькие круглые отверстия, через которые вода поступает в небольшие каналы. Каждый из каналов расположен выше или ниже в зависимости от высоты террасы, которую он должен орошать.

Гребень плотины вымощен мелкими камнями и служит дорогой для пешеходов. Каменных мостов не существует, и только кое-где можно увидеть три-четыре ствола финиковых пальм, переброшенных с одной плотины на другую. Так как долина имеет довольно сильный уклон, в русле в различных местах устроены поперечные плотины или запруды в 4—5 футов высотой, за которыми задерживается вода, благодаря чему она попадает в боковые каналы в 4 фута шириной, также обвалованные. Эти каналы орошают участки, лежащие на склонах ниже по течению и, следовательно, выше, чем участки рядом с руслом.

 Все эти сооружения, как я обнаружил, содержатся наи-

лучшим образом. Почва долины состоит из тучной мергелеподобной глины, немного смешанной с песком, которая должна быть очень плодородной. По берегам каналов — пышная растительность, состоящая из Aréa, тамарисков, мимоз, рициний, платанов и сикомор. Поля разделены точно таким же образом, как поля в Харр-Шиват.

Против Эль-Хурайбы впадает вади Колла, покрытое садами, принадлежащими частью султану, частью нескольким шерифам. Здесь выращивают бананы, абрикосы, лимоны, виноград и разного рода овощи, среди которых я заметил баклажаны (Solanum melongera), лук, чечевицу, белую редьку, петрушку, фасоль, люпин, огурцы, тыкву, латук и многое другое.

На южной стороне вади Колла лежит деревня Эш-Шарк, являющаяся собственностью султана Эль-Хурайбы. Шейх Абу Бекр предложил мне тут же навестить знакомого ему шерифа, на что я охотно согласился, так как не хотел пропускать ни одного случая, обещавшего мне какие-нибудь новые сведения.

Мы нашли у шерифа много других гостей. Все они были очень рады меня видеть. После того как мы приветствовали присутствующих и приняли ответные приветствия, мы сели и вытащили наши кофейные мешочки. Из мешочка я вынул пять-шесть сырых кофейных зерен и небольшой кусочек имбиря и положил на поднос, сплетенный из пальмовых листьев, который подносил раб-негр. Этот особый обычай господствует по всему Хадрамауту, из-за чего каждый носит с собой маленький кошелек с кофейными зернами. Здесь считается за оскорбление, если кто-нибудь захочет угостить гостя кофе, прежде чем тот выразит это пожелание, открыв свой кофейный кошелек. Исключение из этого правила делается только тогда, когда чужой человек живет в доме. Разговор был мне малоинтересен, потому что я должен был удовлетворять любопытство собравшихся, тогда как они отвечали на мои вопросы только поверхностно. Поэтому я распрощался, едва был выпит кофе, и вернулся в Эль-Хурайбу.

После полудня меня навестил брат султана, красивый мужчина лет пятидесяти, с темным, почти черным цветом лица, одетый в простую одежду бедуина. Он сказал мне, что его брат, султан, хочет меня видеть и прислал его, чтобы пригласить меня на ужин. Шейху ʽАбд эль-Кадиру было прислано такое же приглашение. Разумеется, я был очень рад познакомиться с повелителем Эль-Хурайбы и последовал за «высоким» проводником в резиденцию в сопровождении ʽАбд эль-Кадира.

Когда мы подошли к дому султана, один из караульных-

бедуинов вышел вперед и проводил нас на верхний этаж. Там он открыл дверь комнаты, в которой находился султан. У оконца скорее широкого, чем длинного, помещения на персидском ковре, сильно потрепанном зубами времени, сидел Менасих, сухощавый семидесятилетний старик.

Как и его брат, он был до половины обнажен и имел темную кожу, на которой серебряная рукоятка джамбии* и украшенный серебряными бляшками пояс его маленькой пороховницы выделялись не меньше, чем белоснежные волосы головы и бороды. Его лицо имело дружелюбное и благородное выражение и никак не указывало на глубокую старость.

После окончания приветственной церемонии я должен был сесть рядом с ним на ковер. Кофейные кошельки были вынуты, и зерна собраны рабом, который вскоре принес кофе и блюдо с финиками.

Комната, в которой мы находились, должно быть, была парадным покоем, потому что хотя она, как обычно, была устлана описанными выше черными шерстяными тканями, но в ней по стенам было развешано около тридцати длинных ружей и большое количество сабель, пик, джамбий, щитов и патронташей.

Султан, который ни на миг не оставлял меня без внимания, заметил, что мои взгляды прикованы к оружию, и поэтому призвал раба, который стал приносить и показывать одну вещь за другой. Все ружья были снабжены персидскими стволами, остальное же оружие стоило немногим больше потраченного на его украшение серебра. Пока я занимался осмотром оружия, пришли оба бедуинских шейха, Ба Корра и Ба Сохра, которые тоже были в числе приглашенных.

Разговор шел только об оружии и войне, поэтому часто упоминали Мохаммеда 'Али, турецкого султана Фадла 'Али и англичан. Они немало удивлялись тому, что я поведал им о власти и богатстве Мохаммеда 'Али, которого они, кстати, называли не иначе как «султан Египта», и тому, что я рассказывал о могуществе англичан и других европейских государств.

И здесь я нашел укоренившееся мнение, что султан бану оттоман* — царь царей и его мощь якобы неодолима. Когда я сообщил истинное положение вещей, султан спросил: «Почему же пала мощь турецких императоров?»

Я не мог упустить возможность показать себя ревностным мусульманином и ответил: «Как же ты хочешь, чтобы бог и пророк, которого бог прославил превыше всего, наградили бы его силой, если он не исполняет законов, обязательных для мусульманина? Глава ислама опивается вином, как неверный, и портит своим дурным примером древние нравы и обычаи

своих подданных! Разве возможно, чтобы господь не предал его в руки его врагов!» Я хотел бы в этот момент быть художником, чтобы запечатлеть выражение удивления и отвращения, которое выразилось на лицах моих слушателей. После краткой паузы они выразили свои чувства энергичным «ешхед Аллах» * и с благочестивым рвением прокляли грешников, пожелав им отправиться в бездну ада. Султан затем с гордостью заметил, что «истинный ислам живет только в наших долинах и, надо надеяться, с божьей помощью останется в них до дня Страшного суда». Все присутствующие добавили к этому набожному пожеланию свое «Аминь!» и провели обеими руками по лицу и бороде.

На мой вопрос, живут ли в их стране где-нибудь иудеи, султан с негодованием возразил мне: как я мог подумать такое о их родине, их страна — белед * ед-дин («страна веры»), в которой похоронено больше святых, чем во всех остальных странах ислама, и в ней не смеет появляться ни христианин, ни иудей, ни баниянин (брахманист).

За такими разговорами подошел час ужина, и, после того как мы совершили вечернюю молитву, перед нами была расстелена большая круглая циновка, сплетенная из пальмовых листьев, на которой лежали пшеничные хлебы в форме больших плоских лепешек. Потом принесли большую деревянную миску с рисом, приготовленным без соли и без масла, на котором лежала половина вареной овцы. По обычаю, мясной бульон подали в особом сосуде, но по этому случаю он был налит в сосуд, который в Европе предназначается для совсем других целей, а именно во внушительном, украшенном голубыми цветочками... ночном горшке! При виде этого сосуда на столе арабского князя я не смог удержаться от смеха. Султан, который тоже смеялся вместе с другими, не зная над чем, спросил меня потом о причине смеха. Я извинился как мог лучше под предлогом, что я задумался о других вещах, никак не связанных ни с каким предметом разговора.

В конце обеда эта суповая миска нового типа переходила от одного рта к другому, пока не опустела. Я полюбопытствовал, какими судьбами этот сосуд попал сюда, и мне сказали, что купец из Эль-Мукаллы получил его от капитана английского судна и подарил султану. Когда стемнело, шейх ʻАбд эль-Кадир напомнил об уходе, на что султан приказал одному бедуину проводить нас до нашего дома.

Утром, на восходе солнца, при безоблачном небе термометр показывал 15°, в полдень — 25°, вечером — 20° по Реомюру.

6 июля. Я посетил под охраной бедуина, которого по моей

просьбе прислал Ба Корра, город Рибат, в четверти часа ходьбы от Эль-Хурайбы. Он такого же размера, как Эль-Хурайба, и расположен между вади Минуа и вади Эн-Наби (Пророческое) в месте их слияния, откуда начинается вади Давъан. Направление вади Давъан от Эль-Хурайбы к Рибату — юг — 20° к западу. Вади Минуа протянулось в направлении на юг — 16° запада.

Напротив Рибата на правом берегу вади Минуа лежит деревня Хорба, а на левом берегу вади Эн-Наби — деревня Карн-эль-Манасиль. В четверти часа ходьбы выше этого места, на правом берегу вади Эн-Наби, там, где оно сливается с вади Хамуда, находится деревня Хасуса. Почти напротив этой деревни, лишь чуть-чуть вверх по руслу, впадает вади Танн-Сийба. Все эти места — собственность султана Рибата.

На обратном пути я увидел в ущелье или в ложбине Эль-Хурайбы недалеко от города несколько молодых девушек, которые, в противоположность общему обычаю мусульманских народов, шли с незакрытыми лицами, однако ничуть не смутились и при нашем приближении основательно замучили нас вопросами. Их одежды и средства, которые они применяли, чтобы казаться действительно красивыми, были в высшей степени оригинальны. Однако вряд ли они пришлись бы по вкусу нашим дамам.

Покрой их одежды был совершенно таким же, как у бедуинок, которых я описывал выше. Единственное отличие состояло в том, что она была изготовлена из более тонких материй. Верхние рубахи у всех были светло-голубые, кайма на рукавах, вороте и вырезах на плечах зеленая и украшенная вышивкой, у тех, что побогаче, — серебряной, у бедных же — просто из белых хлопчатобумажных ниток. Такая же вышивка в форме сердца спускается с шеи до середины груди. Пояс сделан из темной материи, тоже вышит и снабжен серебряной или латунной пряжкой.

Штаны большей частью делаются из хлопчатобумажной ткани в красную и белую полосу. Соответственно большему или меньшему состоянию семьи женщины носят серебряные или латунные браслеты в палец толщиной на руках и ногах. Кроме того, в каждом ухе было до двенадцати довольно толстых колец, которые располагались по краю всего уха, так что сильно оттягивали его вниз, что также не придавало женщинам изящности. У некоторых из этих юных красоток было еще и по кольцу в каждой ноздре. Волосы они собирают в шары, которые соединяются с обеих сторон головы в форме грозди винограда. Чтобы сделать как можно больше

 таких шаров размером в половину мужского кулака, они ис-

пользуют куски старых тряпок, на которые накручивают волосы. Затем прическа покрывается каучуковым соком, чтобы придать ей необходимую прочность.

От одного виска до другого женщины завязывают пеструю ленту, на которой крепятся небольшие металлические коробочки в форме табакерок, в которых спрятаны «написанные амулеты». Волосы по краям и в середине окрашены красными полосами шириной в палец, идущими сверху вниз.

Лицо, шея, руки и ноги окрашены в желтый цвет экстрактом корня куркумы, а лицо сверх того еще разрисовано цветами — красными и цвета индиго. Веки сильно намазаны описанным выше кохлем *...

Дети-«доани», за исключением самых богатых семей, ходят до четырех лет совершенно голые. Волосы на голове они стригут особым образом. У одних это круглый пучок волос надо лбом. У других было оставлено по пучку волос над висками, а на темени — сверху вниз — гребень в два пальца шириной. Наконец, были еще и такие, у которых два подобных гребня делили голову на три части. Но все эти способы стричь волосы распространены только у детей.

Женщины не носят детей, как египтянки, на плечах, а сажают их верхом на бедро. Дети и подростки из богатых семей носят очень немного одежды: фартук вокруг бедер и короткую, открытую сверху рубашку с длинными узкими рукавами. Головные уборы я видел только у мальчиков постарше и у замужних женщин.

От несчастных случаев и дурного глаза на детей навешивают множество амулетов, у богатых — в серебряных коробочках, а у бедных — в кожаных мешочках. На некоторых детях я видел до пятидесяти таких талисманов.

Удовлетворив любопытство этих красавиц, по крайней мере отчасти, я отправился так быстро, как мог, в свое жилище, потому что некоторые из этих девушек собирались еще дальше испытывать мое терпение.

После возвращения я посетил моего старого хозяина, сообщил ему о своем решении до сйара (паломничества) в Гадун осмотреть еще «развалины в вади Обна и в вади Майфаа» и попросил его снабдить меня рекомендательными письмами. Он удивленно спросил меня, «почему я хочу подвергнуть себя опасностям и трудностям такого путешествия, хотя я мог бы спокойно ожидать праздника в его доме, где я не испытываю недостатка ни в чем». Я поблагодарил его за доброту, которую он проявлял ко мне до сих пор, и объяснил, что я наряду с основной, религиозной целью моего путешествия должен еще узнать как можно больше и поучаться созерцанием, и что мое внимание особенно привле-

кают древние надписи времени химьяритских царей, и я самым страстным образом хочу удовлетворить мою возбужденную путешествием жажду знаний. Это объяснение совершенно удовлетворило почтенного старца, и он обещал мне дать письма в Хисн-Бен-Дигаль и Джауль-эш-Шайх, а его сын должен был достать мне проводника.

Но он убеждал меня не оставаться долго в развалинах, потому что бедуины могут подумать, что я прибыл туда в поисках сокровищ. Десять лет назад также приехал человек из Эль-Хурайбы, который носил «рыжую бороду», из-за чего бедуины сочли его кафиром. Этот чужак тоже посещал развалины и копировал там надписи, но по пути в Мариб был убит бедуинами из племени Хавалий, главным образом из-за того, что они думали, будто он нашел там сокровища.

Отвращение, которое питают бедуины Хадрамаута ко всякому, у кого «рыжие волосы», возникло на основе следующей легенды о временах пророка Салиха *: «Когда Бог послал пророка Салиха обратить на праведный путь племя Самуд *, погрязшее в ужасных пороках, они стали отрицать божественность миссии пророка и потребовали от него доказательства. Тогда пророк привел их к скале, раскрыл ее и вывел оттуда верблюдицу с верблюжонком. Он сразу же предостерег их, чтобы они не причиняли никакого вреда этим животным, иначе все племя будет обречено на гибель.

Несмотря на чудо, они не поверили пророку, и один из них, по имени Кодар эль-Ахмар (Кодар Рыжий), стрелой из лука убил верблюдицу. Верблюжонок исчез в скале. А Бог уничтожил племя Самуд». Вот почему и сейчас арабы говорят «рыжий, как Кодар», или еще «злополучный, как Кодар Рыжий», и считают всякого рыжеволосого человеком, который злоумышляет против них.

Затем мы обратились к доисламской истории арабов, однако старый шейх мало что мог сказать. «Зато мой сын Ахмед, — уверил он меня, — знает об этих вещах больше, чем я, потому что у него есть древняя рукопись, которая содержит историю химьяритских царей от Кахтана * до Мухаммеда».

После обеда я посетил шейха Ахмеда и попросил его показать мне рукопись. Она была написана очень старательно, четырьмя разными почерками. Бумага желтоватая и гладкая, листы квадратные. Имена царей, названия провинций и племен выписаны красными чернилами. Заголовок отсутствовал.

Я с большой охотой приобрел бы ее, но сумма, которую потребовал шейх Ахмед, опустошила бы мою походную кассу, так что я должен был, к моему глубокому сожалению,

отказаться от такого приобретения. Шейх был настолько предупредителен, что обещал мне приготовить к моему возвращению перечень названных в рукописи царей. Я с благодарностью принял это предложение. Впоследствии он сдержал слово, благодаря чему я и могу заполнить значительные пробелы, имеющиеся в трудах Абу-ль-Фиды * и других арабских писателей.

Едва я вернулся в свою комнату, разразилась страшная гроза. Молнии одна за другой пронзали черные тучи, которые ползли низко над долиной. С ужасными завываниями доносились из всех ущелий долины грохочущие удары грома. Дождь, какой бывает только в тропиках, обрушивался на землю с шумом водопада. Сотни потоков хлынули с плоскогорья вниз, и в русле вади, еще совсем недавно совершенно сухом, теперь бушевал быстрый горный поток. К тому же подул свирепый норд-вест, сгибавший стройные стволы пальм.

Крик «ес-Сал!» («Наводнение!») раздавался из всех домов, и женщины визжали «сугарит», который употребляется и здесь.

Наконец через два часа разбушевавшиеся стихии успокоились, и последние лучи заходящего солнца снова осветили долину, которая во время бури погрузилась в ночную тьму.

Термометр показывал утром при ясном небе и безветрии 15°, в полдень при северном ветре — 25°, вечером после бури при северо-восточном ветре — 20°.

7 июля. Сегодня шейх Абд эль-Кадир передал меня под защиту бедуина из племени Ба Омм Садус, который обещал доставить меня в безопасности до деревни Хисн-Бен-Дигаль, расположенной в пяти днях пути от Эль-Хурайбы, в вади Эль-Хаджар.

Так как я не был обеспечен необходимым провиантом, а караван (кафила), который сопровождал мой бедуин, должен был отправиться немедленно, я решил ехать в обществе нескольких бедуинов и жителей города, отправлявшихся в Хисн-Бен-Дигаль на следующий день, и передал свои вещи бедуину, который обещал ждать меня в деревне Эль-Эбна.

Вечером повторилась буря, которая ничем не отличалась от бурь предыдущих дней. Позже я беседовал с уже упомянутым выше «шерифом, знающим страну», который сообщил мне несколько интересных фактов. Он рассказал мне, что «во всей стране нет города или деревни, которая называлась бы Доан; также не существует места под названием Хадрамаут». Наши современные географы неоправданно обозначают этими именами «два города», которых нет нигде и которые они совершенно произвольно помещают в Хадрамаут. В наши кар-

ты вкралось и много других ошибок, возникших из-за неправильных или неверно понятых известий, которые придется отбросить при более тщательном исследовании.

Термометр показывал утром при безветрии и ясном небе 15°, в полдень при северо-западном ветре в тени — 25°, вечером после грозы при северо-восточном ветре — 20°.

•

ПАЛОМНИЧЕСТВО ФОН МАЛЬЦАНА К МОГИЛЕ ПРАМАТЕРИ ЕВЫ

Генрих фон Мальцан, имперский барон цу-Вартенбург-унд-Пенцлин, объездил в 1850—1851 гг., в возрасте 24 лет, Италию, Бельгию, Англию и Францию. Затем он занялся изучением мусульманских стран и опубликовал между 1863 и 1872 гг. одно за другим подробные и точные описания своих путешествий по Северо-Западной Африке (Триполи, Тунис, Алжир), в Мекку и Южную Аравию, а также в Сардинию. Именно ему мы обязаны изданием описания путешествия Адольфа фон Вреде в Хадрамаут (см. выше, с. 185). Кроме того, фон Мальцан написал также несколько томиков стихов и роман, опубликованный посмертно.

Путешествие в Мекку в 1860 г. он предпринял, вдохновленный примером Р. Ф. Бертона, которого он встретил в Каире в 1853 г. По его примеру Мальцан путешествовал в одежде алжирца-магреби. Он отыскал в Алжире араба — курильщика гашиша, который за соответствующую плату согласился взять во французской префектуре паспорт для паломничества в Мекку и передать этот документ фон Мальцану. Несмотря на это, Мальцан был вынужден, после того как он тщательно выполнил все обязанности хаджжи, бежать из Мекки и отказаться от плана совершить также паломничество в Медину: какие-то настоящие алжирцы-магреби, внимание которых на фон Мальцана обратил его хвастливый метауф (вид духовного чичероне, религиозный наемный слуга, функции которого состоят в том, чтобы водить паломников за плату по святым местам и объяснять, а иногда и показывать, как они должны выполнять предписанные обряды), заподозрили в нем христианина.

ГЕНРИХ ФОН МАЛЬЦАН

Мы, конечно, не нашли бы места, где находится святая могила, так как оно очень мало заметно, если бы не толпа паломников, которые пришли сюда с той же целью, что и мы,

и показали нам дорогу. Около сотни набожных хаджжи стояли перед дверью в каменной ограде, кое-где отремонтированной хворостом, как гурба, и ждали, когда им откроют эту дверь.

Там было и несколько магребинцев, которых я узнал по их речи. Это обстоятельство в других случаях внушило бы мне большой страх, потому что я сам выдавал себя за магребинца. Так как я был одет в магребинский костюм, я, без сомнения, должен был бы вступить в разговор с моими предполагаемыми соотечественниками и был бы, конечно, признан ими за того, кем я и был в действительности, то есть за самозваного магребинца.

Но, по счастью, теперь я был в ихраме (одежде паломника), который носили и другие магребинцы, а в ихраме человек выглядит так же, как всякий другой. Однако, несмотря на ихрам, которому я обязан своим спасением, присутствие этих магребинцев едва не стало для меня роковым, потому что ших Мустафа, заслышав магребинский диалект, воскликнул: «О магреби, здесь ваши братья!» Но я быстро ответил на эти слова, приглашавшие меня приблизиться к моим предполагаемым соотечественникам: «О ших, я не туниси (тунисец), а эти магребинцы не из Хакум ента Дсаир (Алжир), который является моей родиной, а из Туниса. И я подозреваю, что они плохие мусульмане. Разве ты не видишь, что у одного из них лицо курильщика кифа? Я убежден, что это курильщики кифа, или гашиша».

Этот намек на курение кифа, или гашиша, африканской конопли, которая дурманит, подобно опиуму, не замедлил подействовать. К счастью, ших Мустафа питал глубокое отвращение к кифу и опиуму и ко всем, кто предавался курению постыдных трав. Поэтому он больше не призывал меня подойти к ним и согласился с тем, что их следует избегать. «О магреби, если это так, то эти люди только подвергнут опасности твое благочестие. Ты прав, что избегаешь их, о брат мой!» Мнимые тунисцы были, впрочем, из Алжира, и я ясно понял это по их разговору. Но египтяне плохо различают диалекты Магриба * (Северо-Западная Африка), и поэтому я легко мог внушить шиху, что это люди из Туниса. Так как в этом городе особенно много курильщиков кифа, мое обвинение имело под собой определенные основания.

Так мы простояли перед воротами могилы праматери Евы добрых полчаса, стуча кулаками в стену, чтобы сторож открыл нам, привлеченный этим шумом. Только так мы могли обратить на себя его внимание, потому что обуви на нас не было и мы не могли поднять настоящий грохот своим топотом. Мы едва не заработали солнечного удара под палящими

лучами солнца, когда шиху пришло на ум испытать замечательное средство привлечь внимание тугоухого сторожа, которое и принесло успех. Он затянул пронзительной фистулой знаменитый клич паломников «Лабик» *, и скоро этот клич, подхваченный двумястами хаджжи, зазвучал так громко и единодушно, что даже тугоухий укиль * могилы не мог больше уклониться.

Но плохой слух этого добропорядочного малого был, на мой взгляд, лишь притворством, рассчитанным на то, чтобы побудить хаджжи к уплате чаевых.

Наконец укиль появился, и истинное комическое значение его мнимой глухоты выяснилось вполне. Он открыл дверь только после того, как каждый из паломников, которых было более двухсот, дал ему чаевые, колебавшиеся от 5 до 25 пиастров. Если паломник только сулил чаевые, сторож делал вид, что ничего не слышит, потому что он питал к набожным хаджжи очень мало доверия и не предоставлял им никакого кредита. Напротив, чаевые сразу возвращали ему слух, и он понимал все, что у него спрашивали. Но ни за какую цену он не открыл бы дверь раньше, чем заплатили все, так как боялся, что, как только дверь будет открыта, все паломники ворвутся в нее и он не сможет отличить своих должников от тех, кто уже заплатил.

Этот страх не был необоснованным, ибо уже не раз он терял половину чаевых, слишком рано отворяя дверь. Но теперь он был научен горьким опытом и оставался за закрытой дверью, разговаривая с паломниками через отверстие в ней и собирая мзду. Паломники проходили один за другим мимо окошечка, давали ему чаевые и останавливались с правой стороны, а те, кто еще не заплатил, оставались слева. Слуга укиля, который вышел к нам, заботился о том, чтобы ни один паломник не пробрался на правую сторону, не заплатив.

Так как церемония прохождения перед окошечком сторожа и уплаты чаевых длилась добрых полчаса, у меня было достаточно времени наблюдать за личностью укиля, хотя и не приятной, но интересной.

Сторож могилы праматери Евы, родоначальницы человеческого рода, был старичок лет семидесяти. Его лицо состояло из одного носа; этот орган так сильно доминировал над другими чертами лица, что они оставались на ролях простых статистов. Нос же был главным действующим лицом в драме, которую разыгрывало это лицо.

Странным образом этот нос был чрезвычайно выразителен; мне никогда до этого не приходилось видеть ничего подобного. Нос был большой, длинный, с двумя горбинками вместо одной и с двумя крыльями, которые были бы достой-

ны составить воздуходувный мех. В них содержалось выражение; они были зеркалом души укиля, они, а не глаза, которые, правда, часто у простых смертных считаются зеркалом души, здесь же едва заметно подкарауливали в самой глубине двух черных пещер. Напротив, крылья носа были весьма красноречивы. Они вдруг стягивались, и тогда нос выглядел как стена, одиноко стоящая в развалинах; это должно было означать, что укиль с напряжением ожидает того, что должно последовать, то есть чаевых. Вот они немного поднялись, правда едва заметно, но внимательный наблюдатель может по этому движению сделать вывод, что их владелец испытывает удовлетворение, однако неполное, то есть получил небольшие чаевые. Вот они вздуваются, свежий зефир оживляет их эластичные стенки и раздвигает их; теперь нос выглядит как небольшой воздушный шар, гордо и победоносно парящий в небе. Это должно означать, что гость доставил укилю большое удовольствие, то есть дал ему достаточно много. Время от времени крылья носа колеблются вверх и вниз, как челн на бурных волнах, то вздуваясь, то сжимаясь, закрываясь и открываясь сто раз в минуту; это движение означало непогоду, то есть гнев из-за плохих чаевых. Но кому удалось бы описать все полные выразительности фазы этого интереснейшего органа? Мне это не дано. Я хотел бы упомянуть еще только одно: одна горбинка этого двугорбого носа была красная и волосатая, а вторая, напротив, белая и лысая.

Остальное лицо по сравнению с носом было совсем незначительно. Рот был большой, но в сравнении с тем органом, который над ним возвышался, выглядел настоящим карликом. Зубов в нем не было, не считая одного-единственного, который, казалось, гордо и отважно взирал на картину опустошения, царившего вокруг него. Борода укиля также была своеобразной: она росла на таких местах, где у других людей обычно ничего не растет, в то время как другие места, где простые смертные обычно имеют волосы, блистали их отсутствием. В общем, этот укиль был одним из самых интересных явлений, которые я встретил в своем путешествии, и я очень жалею, что не имел с собой фотоаппарата, чтобы передать восхищенной Европе его портрет.

Слуга укиля, которого он выслал к нам, чтобы навести порядок, то есть не дать кому-нибудь уйти от уплаты чаевых, также заслуживает описания. Он был по восточным понятиям очень красив, хотя и не мужской красотой, так как в его чертах отсутствовали какие-либо признаки характера, а в его фигуре — физическая сила. Но я не хотел бы нанести оскорбление прекрасному полу, сказав, что этот юноша был

похож на женщину. Нет! Скорее он походил на рослого, хорошо откормленного молочного поросенка, на молодую откормленную свинью, которая снабжена всеми прелестями утра жизни, какие только имеются у свиной породы.

Этот по восточным понятиям исключительно красивый юноша был соединением мешков и мешочков сала, которые, казалось, лишь снаружи скреплены между собой, потому что суставы, которые соединяли мешки жира, изображавшие члены, были так слабы и жалки, что, конечно, ничего не стоило с легкостью отделить одну массу жира от другой. Этот цветущий юноша, несомненный тер эр-расуль, то есть мужской, юношеский сотоварищ гурии в раю Мохаммеда, был совершенно круглым. Напрасно было бы пытаться найти в его теле хотя бы одну прямую линию. Даже нос, который обычно у смертных большей частью бывает прямым, у него был лишь маленьким круглым комком жира и вполне заслужил бы название «нос картошкой», если бы это название было в ходу у мусульман. Рот походил на гранат, но не на молодой свежий гранат, а на перезревший, лопающийся от излишней тучности. Щеки представляли собой карминово-красные подушки, на которых, конечно, было бы очень легко и удобно сидеть, если бы их владелец захотел отдать их для этого единственно полезного употребления. Глаза также существовали. Правда, они были не видны, но в двух заплывших жиром углублениях подо лбом, в жирной сырости, которая из них выступала, угадывалось, что на дне этих углублений могли бы находиться два глаза и даже два слезящихся глаза, которые на востоке считаются особенно красивыми. Тело этого восточного Аполлона было настолько округлым, что о нем, как об аббате святого Галлена, можно было сказать: «Трое мужчин едва обхватили бы толстяка».

Этот чудовищный юноша был, как я, к своему удивлению, услышал позже, не только слугой, но и сыном тощего, состоявшего из одного носа старого укиля; экстравагантная выходка природы, подобные которой мне встречались очень редко.

Пока я занимался своими наблюдениями над укилем и его красавцем сыном, прохождение перед окошечком в дверях мечети шло своим чередом. Наконец очередь дошла и до меня. Если бы я был в своей одежде, которая выглядела лучше и чище одежд моих спутников, укиль, без сомнения, потребовал бы с меня не меньше сотни пиастров. Но я был в ихраме и выглядел точно так же, как мои спутники, только мой мохарем * был новым, а мой цвет кожи — чуть светлее. Поэтому укиль взял с меня всего 25 пиастров, что составляло самую высокую плату, какая была назначена кому-либо

из нашей компании. Ших и его племянник заплатили всего по 10 пиастров, но с меня укиль не захотел взять меньше двадцати пяти. Хитрый лис сразу заметил, что я — не обычный паломник. Он было решил, что я перс, вероятно из-за крашеной бороды, а так как персы — еретики и потому всегда должны платить вдвое, он вздумал взять с меня особую плату. Его неприятно поразило известие, что я — магребинец. Тогда он потребовал 25 пиастров, которые и получил.

Кстати говоря, укиль должен с большим неудовольствием смотреть на то, что люди приходят к нему в ихраме, потому что в этом костюме трудно отличить богатого от бедного, а так как на Востоке с каждого вымогают соответственно его действительному или мнимому положению бо́льшие или меньшие, часто весьма значительные чаевые, то, конечно, вымогатель сильно заинтересован в том, чтобы быть в состоянии отличить жирную дойную корову от тощей. Многие паломники посещают могилу Евы лишь тогда, когда возвращаются из Мекки и уже сняли ихрам. Они наиболее приятны укилю, так как их легко распознать по костюму. Но и их состояние оценивается обычно неверно, то есть слишком высоко, и, разумеется, из-за чаевых. Если кто-нибудь красиво или богато одет, его объявляют турецким пашой, индийским набобом, персидским мирзой * или по меньшей мере Крезом из купцов, и он должен расплачиваться за свое мнимое положение.

Наконец церемония уплаты чаевых окончилась, двери открылись, и мы втиснулись в святилище.

Могила праматери Евы обнесена стеной, но без крыши. Только под сводами очень большой мечети поместилась бы эта гигантская покойница, у которой, по мусульманской традиции, верхняя часть туловища достигала 300 футов, а нижняя — 200. До сих пор никто не позаботился о сооружении такой мечети. Только над сара (пупком) праматери находится часовня, построенная из необработанных коралловых глыб и выкрашенная в ярко-белый цвет, примерно в 5 футов высотой и 4 фута шириной, перекрытая куполом, едва достигающим 10 футов в высоту.

Через единственную дверь часовни, с западной стороны, мы медленно, один за другим втиснулись внутрь. Стены святилища были абсолютно голыми. В часовне было совершенно нечего рассматривать, кроме четырехугольного камня в середине примерно в 1,5 фута высотой и 0,5 фута шириной. Этот камень должен точно изображать размер пупка праматери и установлен точно на том месте, под которым находится настоящий пупок Евы.

Праматерь, которая превосходила своих сегодняшних потомков всего на 495 футов, отличалась от них также совер-

шенно особенной глубиной пупка. В самом деле, камень должен точно заполнять его впадину. По некоторым источникам, Ева сама измерила свой рост.

Сара, или пупочный камень, был, как мне показалось, гранитным и покрыт многочисленными выцарапанными украшениями и надписями, среди которых я, хотя и с большим трудом, мог заметить несколько куфических. Но и этот камень, как и священный камень Ка'бы в Мекке, так испачкан от многочисленных поцелуев жирных губ паломников в течение веков, что и вырезанные в нем украшения, и даже саму породу камня сара можно различить лишь с очень большим трудом.

Нужно много набожной фантазии, чтобы поверить в четырехугольную форму и столь большую глубину пупочной впадины Евы. Впрочем, физиологи в состоянии решить, может ли персона ростом в 500 футов обладать пупочной впадиной в 1,5 фута. Этот священный камень мы должны были по инструкции длинноносого укиля покрыть пылкими поцелуями и произнести над ним краткую молитву.

После того как я принес дань моего уважения пупку матери Евы, следовало вознести молитвы остальным ее членам. Сначала я направился к голове, которая отстояла от пупка примерно на 240 футов. Ее место было обозначено вкопанной в землю каменной плитой; однако она не занимала всего размера головы. Контур головы был отмечен кругом, выложенным маленькими камешками, уложенными на некотором расстоянии друг от друга. Согласно этому изображению голова праматери Евы была совершенно круглой и обладала диаметром в 30 футов. После того как я помолился и здесь, я перешел к телу Евы.

Его ширина по сравнению с длиной казалась очень малой, потому что две параллельные стены, отмечавшие ширину, были разделены расстоянием всего в 12 футов. Из этого можно было понять, что праматерь была сравнительно тощей, так как при росте в 500 футов имела ширину только 12 футов.

По пути от головы к ногам я сначала дошел до плеч, на которые были поставлены два могильных памятника, посвященные строителю часовни, воздвигнутой над пупком. Одна могила должна была принадлежать халифу Оцману, или Осману, который был третьим преемником пророка и одним из четырех сахаб эн-неби *, которые высоко почитаются всеми мусульманами-суннитами, тогда как шииты почитают только Али, четвертого халифа, и отвергают трех первых — Абу Бекра, Омара и Оцмана. У этой могилы я должен был остановиться и прочитать следующую молитву: «О Оцман, да

будет с тобой мое приветствие! О Оцман, доверенный Господа! Да будет с тобой приветствие, ты — наместник Аллаха, которого он поставил над своим народом! Да будет с тобой мое приветствие, о друг пророка, который скрывался с ним в пещере и совершил с ним бегство (хиджру). Да будет с тобой мое приветствие, о Оцман, о благочестивый и праведный!»

После этой молитвы я прошел 450 футов, которые отделяли плечи матери Евы от ее ступней. По дороге туда мы прошли мимо места, обозначавшего шишку, которая, по преданию, была у матери Евы. Я спросил шиха Мустафу, что это могла быть за шишка, и он со всей серьезностью уверил меня, что она произошла от побоев, которые Ева получала от сидна Адама, ее господина и супруга. Эта поистине мусульманская история показывает, как священны в исламе побои супруга. И в самом деле, Коран (IV, 34) ясно говорит, что муж должен бить своих жен.

По пути мы нанесли также визит святой суэйс (груди) матери Евы. Святые соски были около фута длиной, что по сравнению с глубиной пупка является даже умеренным размером. Суэйс была отмечена камнями. Затем мы пришли к месту, на котором ших Мустафа сказал следующее: «Здесь находится колыбель человеческого рода, место, откуда вышли все люди. Молись, о магреби, молись, но не смотри туда. Стыд запрещает это».

Наконец мы дошли до святых ступней. Из их изображения я заключил, что праматерь должна была иметь совершенно грандиозные ноги. Счастье, что в ее время не было сапожников, иначе она совершенно разорилась бы на обувь и довела бы сидна Адама до нищенского посоха. Мы поцеловали святые ноги, помолились над ними, и вот вся благочестивая церемония окончена.

Могильный памятник праматери и родоначальницы человеческого рода якобы был реставрирован похороненным здесь халифом Оцманом приблизительно в 660 году нашего летосчисления. Некоторые мусульмане-скептики даже утверждали, что упомянутый Оцман впервые построил его. Но каждый набожный мусульманин признает тем не менее, что кубба (часовня) Евы была построена шесть тысяч лет назад ее собственными детьми и только немного отремонтирована Ноем после всемирного потопа, который причинил ей некоторые повреждения.

В каждом религиозном обычае я различаю две стороны: благочестивое мнение правоверного верующего, которое принимает все, даже самые неправдоподобные чудеса, за неоспоримую истину (и этому есть оправдания), и другое — истори-

ческое, допускающее известную критику, которое, не вырождаясь в безбожие и свободомыслие, пытается выяснить историческое происхождение той или иной догмы или традиции. Поэтому пусть будет позволено мне на мгновение отклониться от благочестивой традиции, согласно которой могила Евы была будто бы построена шесть тысяч лет назад ее сыном Сетом, и исследовать, как и когда мог возникнуть миф о могиле Евы.

Для такого исследования мы, однако, не располагаем какими-либо вспомогательными источниками. Покок, который в своем «Specimena historiae Arabum» (Оксфорд, 1716) касается всех вопросов, связанных с мифологией Хиджаза, упоминает об этой традиции так же мало, как Ассеманус * («Dissertatio de Syris Nestorianis», Рим, 1728), который, однако, собрал почти все, что писали византийско-арабские авторы о суевериях арабов. Во всем Коране нет и речи о могиле Евы, и традиция, связанная с ней, значительно более позднего происхождения, чем ислам. Поэтому мы не можем найти ничего достоверного об истоках предания о могиле Евы, так как традиция сунны * на эту тему — только запутанные басни, которые не могут служить для того, чтобы объяснить другую басню. Но в общем мы можем примерно установить время, когда библейские сюжеты проникли в Аравию и там, многократно искаженные устной традицией, наконец составили арабо-мусульманскую версию священной истории. Это произошло в III или IV веке нашей эры. С Моисеевой историей сотворения мира и патриархов арабов познакомили частично сами иудеи, изгнанные из Палестины и создавшие государство в Аравии, частично христиане, религия которых получила распространение в отдельных арабских пограничных государствах (не считая чисто христианской Каменистой Аравии).

Сказочный характер рассказов о раннем проникновении библейского влияния в Аравию, абсурдность истории происхождения арабов от Измаила и о пребывании Авраама в Мекке и тому подобное я подробно рассмотрю в дальнейшем при описании священного города. Здесь же я хочу только высказать мнение, которое, правда, можно доказать лишь негативно, что арабы, вероятно, только за несколько столетий до Мохаммеда услышали что-то о праматери Еве, что они именно через ислам получили о ней общие сведения и что мнимая могила праматери, пожалуй, не старше VIII или IX века нашей эры. Поэтому вопрос о ее постройке или реставрации так же проблематичен, как и история предполагаемой могилы халифа Оцмана.

 В первом и втором столетиях ислама набожные души на-

верняка слишком много занимались основателем веры и тем, что с ним непосредственно связано, чтобы обращать большое внимание на других святых. В результате мы не имеем никаких свидетельств о мнимой могиле Евы. Впервые об этом надгробном памятнике упоминает Истахри * около 800 или 900 года нашего летосчисления. Но и эти сведения весьма незначительны: у Истахри мы находим имя Джедда, которое в своем значении «праматерь» содержит намек на Еву, и можем сделать вывод, что этот географ знал о существовании ее могилы. Известно, что патриарх Евтихий* упоминает имя Джедда несколько ранее. Таким образом, благоразумный человек, относящийся к источникам хоть немного критически, заключит, что могила не может быть старше этой эпохи, так как ни один известный нам более ранний источник о ней не упоминает.

Могила Евы лежит в пустынной и совершенно плоской местности, и только на северо-западе возвышается несколько коралловых холмов. Уже Нибур заметил, что эти холмы, целиком состоящие из окаменевших раковин и кораллов, имеют точно такой же вид, как и столь частые на этом берегу коралловые рифы и подводные камни. По его мнению, эти холмы возникли в море, которое в районе Джидды в течение столетий постепенно отступало (это происходит и сейчас, хотя и в едва заметных размерах).

Во всяком случае, было бы неправильно думать, что эти коралловые холмы за истекшее время выросли, так как коралловый холм или утес может быть поднят только вулканической силой, потому что обычный органический рост кораллового рифа прекращается, когда он приближается к уровню моря на 8 футов ниже уровня отлива. Эти коралловые холмы, будучи еще коралловыми рифами, должны были иметь точно такую же высоту, как сейчас, когда они находятся на суше. Так как морю понадобились целые тысячелетия, чтобы отступить от этих бывших утесов, то вулканическое поднятие, которое превратило эти коралловые рифы в коралловые скалы, следует отнести к седой древности — вероятно, к тому времени, когда многочисленные погасшие вулканы Внутренней Аравии еще действовали. История больше ничего не сообщает о вулканических поднятиях в Аравии.

Вывод, который делает Нибур из факта отступления моря на этом берегу, будто античный предшественник Джидды, был ли это Badeo Regia, Centus Vicus или Макораба, должен быть расположен не здесь, а дальше в глубь материка, мне кажется не совсем правильным. Отступление моря происходит медленно, даже очень медленно и образование коралловых холмов нужно относить к доисторическому времени, тог-

14 Зак. 186

да как Badeo Regia существовал уже в историческое. А даже эти холмы теперь находятся недалеко от моря.

Что же касается моего мнения по поводу подлинности или неподлинности могилы матери Евы, как бы я ни смеялся внутренне над сверхгигантскими пропорциями ее тела или над трогательным анахронизмом утверждения, что она, как истая мусульманка, лежит в направлении на Мекку, то я должен был внешне выказывать только величайшее благоговение и почтение. Я также строго воздерживался от насмешливой критики в отличие от Бертона, который сказал сопровождавшему его молодому мекканцу: «Если бы наша праматерь, как мы здесь видим, была от головы до нижней части туловища в триста, а оттуда до подошв ног двести футов, то она должна была бы выглядеть как настоящая утка». Кстати сказать, я нахожу это сравнение с уткой весьма оригинальным, хотя и неуважительным, но совершенно неверным. Потому что утка (прости мне это сравнение, о мать Ева!) обычно столь же широка, как и высока, а праматерь Ева была так убийственно тонка (а именно при 500 футах высоты лишь 12 футов толщины), что ее скорее можно было бы сравнить с обелиском, если бы существовал обелиск, достигающий такой высоты. Ева была на 100 футов выше самой высокой пирамиды. Нужно поставить один на другой четыре обелиска из Луксора, чтобы получить представление о ее росте. Она не могла быть красивой, и даже самая стройная из ее стройных дочерей не была бы обрадована такой худобой, как у ее праматери.

Наконец мы полностью ознакомились с могилой праматери и пустились в обратный путь в Джидду, куда и прибыли после пятичасового отсутствия, чтобы заняться необходимыми приготовлениями к предстоявшему наутро отправлению в Мекку. Я нанял для этого трех верблюдов, из которых один должен был нести меня, другой — Али и третий — мой багаж. Почти все египтяне пожелали совершить паломничество пешком. Только некоторые из них наняли маленьких осликов. Вечером я пошел с Али на базар, чтобы основательно запастись провизией и при случае поделиться со своими спутниками и таким образом приобрести друзей.

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ДОТИ ПО ВНУТРЕННЕЙ АРАВИИ — БУРАЙДА

На протяжении двадцати месяцев — с 1876 по 1878 г. — Чарлз М. Доти путешествовал по Внутренней Аравии. Без всякой помощи, как «бедняк», Доти проехал с караваном па-

ломников от Дамаска до Мадаин-Салих, пробыл там несколько месяцев и отправился дальше в Тайму и затем в Хаиль. Изгнанный эмиром Мохаммедом ибн Рашидом * из Хаиля, Доти отправился в Хайбар, в «страну пророков», но там находился практически на положении пленника и затем был выслан назад к Ибн Рашиду.

Еще хуже пришлось ему во время второго посещения Хаиля: он был сразу же изгнан из города. Ничуть не дружественнее приняли «насрани» * в Бурайде, следующей цели путешествия Доти. Но он смог отдохнуть несколько месяцев от невзгод своего путешествия в расположенной поблизости Унайзе, прежде чем направиться к Мекке с «масляным караваном». На последней остановке перед Меккой, в Айн-эз-Займа, Доти отделился от каравана, после чего был схвачен фанатичным бедуинским шерифом, но еще раз избежал гибели благодаря решительному вмешательству черного начальника рабов мекканского эмира. Как пленник шерифа Доти был ограблен и доставлен к мекканскому эмиру в Эт-Таиф, где, как надеялись охранявшие его арабы, проклятого «неверного» должны были повесить. Но эмир и турецкий офицер чрезвычайно благосклонно и дружественно приняли иностранца, и, дав ему отдохнуть несколько дней, эмир предоставил ему охрану и приказал проводить его в безопасности в Джидду, гавань на Красном море.

Сам Доти однажды назвал свою книгу «видением голодного, сообщением человека, истощенного до смерти». Несмотря на это, сам Т. Э. Лоуренс признает: «В этой работе живет вся пустыня, ее горы и равнины, ее лавовые поля, деревни, пашни, люди и звери. Все рассказывается так непосредственно и живо, с такой предельной наглядностью в каждом слове и фразе, что ее невозможно забыть. Это настоящая Аравия со всей ее грязью и запахами, но одновременно и со всем своим благородством и свободой. Она не содержит ничего фальшивого, ничего неправдоподобно живописного, что составляет главный недостаток почти всех описаний путешествий по Востоку.

Цельность описаний Доти невозможно превзойти. В них нет ничего, что мы могли бы отбросить, и очень мало того, о чем можно было бы что-то добавить. Его описания охватывают всю Аравию, и его последователям остается лишь вносить мелкие уточнения. Мы еще можем пытаться писать книги о какой-нибудь части пустыни или о ее истории, но никогда не сотрется так законченно нарисованная им картина целого, потому что в ней коротко и ясно сказано обо всем, и при этом пером большего писателя».

Неожиданно передо мной выросли большие барханы Нефуда. Бедуины называют их «таус» или «нефд»; в Эль-Касиме для этого употребляют слова «аданат» и «кесиб». «Недалеко за барханами, по правую руку от нас (к Унайзе), лежит вади Эр-Румма», — сказал Хамед. Мы ехали еще полтора часа и, когда заходило солнце, поднялись на один из холмов Нефуда.

Здесь нам открылся сказочный вид. Большой город поднимался среди пустыни, с глинобитными зданиями, стенами, башнями, улицами и домами! А рядом — черно-синий лес тамарисков на высоких барханах. Это была Бурайда! И четырехугольный минарет в городе принадлежал большой мечети. Я как будто увидел там Иерусалим (если смотреть с Масличной горы) в пустыне! Последние лучи заходящего солнца освещали темный глиняный город, создавая ореол, и блестели в мрачном великолепии тамарисков. Я спросил своего спутника: «Где находятся ваши пальмы?» Он ответил: «Не на этой стороне, они растут за этим большим барханом по направлению к вади (Эр-Румма)».

Хамед вдруг сказал: «Если ты хоть раз был недоволен мной во время нашего путешествия, прости меня. Скажи, я был тебе хорошим спутником? Халил, вот Бурайда, и сегодня я должен тебя покинуть. Если ты когда-нибудь попадешь в одну из их деревень, не говори: „Я насрани", потому что тебя тогда будут ненавидеть, но молись, как они, пока ты находишься в их стране. Не дай им заметить, что ты не мусульманин. Сделай так, тогда они будут благосклонны к тебе и помогут тебе. Не ожидай найти горожан такими же добродушными, как бедуины! Будь терпелив и следуй их обычаям, иначе они не станут долго терпеть тебя среди них. Я советую тебе для твоего же блага, иначе я не стал бы тебя принуждать! Скажи им, что ты — муддоввий (врач), и расскажи им, какие у тебя есть лекарства и от каких болезней. Это должно стать твоей профессией, которая даст тебе средства к существованию. Ты можешь пострадать из-за имени „насрани", а что ты за это получишь? Теперь же скажи, если можешь: „Я мусульманин"».

Мы встретили нескольких горожан, которые гуляли за стенами. Когда мы подъехали к ним, они обратились с вопросами к моему спутнику, бедуину. Среди них я заметил угрюмого солдата эмира — галласа. Хамед заявил: «Мы направляемся на постоялый двор эмира». Они ответили: «Это далеко, а солнце уже низко. Не лучше ли вам будет остановиться в каком-нибудь доме сразу за воротами и сегодня пе-

реночевать там? Тогда вы сможете завтра утром пойти к эмиру».

Мы покинули их и проехали через городские ворота. Глинобитная стена новая, почти в 2 фута толщиной. Мы никого не встретили на темных улицах. Люди вернулись в дома к ужину, а торговля на базаре уже закрылась на ночь. Дома города, построенные из глины, смешанной с песком, были низкими и ветхими. Верблюд под нами шел шаркающими шагами по молчаливым, пустынным улицам. Мы выехали на немощеную главную площадь, меджлис, вытоптанную ногами горожан. Там стояли большая глинобитная мечеть и высокий минарет. Хамед остановился перед входом постоялого двора эмира -- мунох эш-шеух.

Привратник открыл примитивные ворота, мы въехали и спешились. Дорога от Эр-Раута составила почти 25 миль. Через короткое время мальчик-поваренок пригласил нас: «Вставайте и скажите: „Во имя бога!“» Он провел нас через мрачный двор с крытыми галереями, откуда мы поднялись по большой глинобитной лестнице в обеденную комнату. В середине ступеней была канавка, и в темноте мы то и дело спотыкались. Наверху мы шли по коридору и террасам, которые напомнили мне наши монастыри.

Так, без огня, юноша довел нас до конца колоннады, где мы почувствовали под ногами утоптанную землю. Туда он принес нам ужин — блюдо грубых, сваренных в воде пшеничных зерен (сорт арабского burghrol) без масла: мы были гостями крестьянского эмира Бурайды. Таков же ужин в Эль-Касиме, но его следует готовить с небольшим количеством масла и молока. В хороших домах этот бургрол варят в мясном бульоне и обычно, смешав с рисом, подают с вареной бараниной.

Поужинав и ополоснув руки, мы пустились в обратный путь в темноте, рискуя каждую минуту проломить затылок, чего этот ужин не стоил. И тут Хамед коротко, по-бедуински, попрощался со мной и вскочил на своего верблюда. Я почувствовал облегчение, когда увидел наконец своего спутника за воротами (тирана). Взошла луна. Хамед хотел выехать из города и заночевать в одной из деревень.

Я просил только разрешения посетить «эмира», брата Хасана, которого тот оставил в Бурайде своим представителем. Мне ответили: «Поздно, и эмир живет в другой части города: эль-бакир! — завтра утром». Привратник, слуга, подающий кофе, солдат и другие слуги с постоялого двора собрались вокруг меня. Ворота были заперты, и они не хотели допустить, чтобы я вышел. В то время, когда я при слабом свете луны сидел на глинобитной скамье, меня пробудил от

моей усталости проклятый призыв их чужой веры. Муэдзин призывал с минарета к последней молитве.

«О, — подумал я, — что у меня за беззаботная память! Какое несчастье! Зачем я так долго сидел с ними? И поблизости нет ни эмира, ни кого-нибудь другого, кто бы освободил меня до утра!» Я быстро спросил про спальню. Но эти гиены ответили со скрытой насмешкой: разве я не хочу помолиться вместе с ними, прежде чем отправиться отдыхать?! Затем они втолкнули меня в одно из помещений темного здания постоялого двора, которое использовалось как комната для кофе. Внутри было мертвенно-тихо, и каждый шаг отдавался, как в часовне. Я ощупал стены вокруг себя, наткнулся на глинобитную колонну и наступил в кучу золы. Затем я опустился на твердый глиняный пол. Мой пистолет находился на дне дорожного мешка, который привратник закрыл в другой комнате. Я нашел только карманный нож и подумал про себя, что они не должны выбраться отсюда невредимыми, если против меня что-то замышляется. Но я надеялся, что ночь пройдет спокойно. Однако не прошло и часа, как я услышал чьи-то крадущиеся шаги. «Вставай, — произнес голос, — следуй за мной, тебя зовут к шейхам в кофейный зал». Он вышел; я последовал за шумом его шагов и увидел людей, которые пили кофе. Мне показалось, что они из охраны эмира. Они предложили мне сесть, и один из них протянул мне чашку. Затем они спросили меня: «Ты не тот ли насрани, который недавно был в Хаиле? Ты был там с людьми из Унайзы, и Анейбар отослал тебя прочь на своем джураба (шелудивом верблюде). Они должны были отвезти тебя в Хайбар».— «Да, это я».— «Почему ты не отправился в Хайбар?» — «Вы сами это сказали: потому что верблюд был „джураба". Эти бедуины не могли доставить меня туда, и Анейбар хорошо это знал, но раб ничего не хотел об этом слышать. Скажи, откуда ты все это знаешь?» — «Я был в Хаиле и видел тебя там. Разве Анейбар не запретил тебе возвращаться в Эль-Касим?» — «С меня хватит его лживых речей о том, что вы будто бы враги, но о запрете не было сказано ни слова. Да и как мог бы этот раб запретить мне путешествовать за границами владений Ибн Рашида?»

Тут они начали смеяться, тряся своими пустыми головами и показывая мне свои зубы, — хороший признак! Но передышка была слишком краткой. В той же надменной, деспотической манере они продолжали: «Какие у тебя есть бумаги? Эй, ты! Пойди и принеси их! Мы должны сейчас же получить их и отнести эмиру. А ты, — обращаясь к какому-то юноше, — проводи насрани!»

 Привратник отпер кладовую, где лежал мой багаж.

Я стал искать свой ящик с медицинскими принадлежностями, но движения моих усталых рук казались слишком медлительными парням с птичьими мозгами, которые последовали за мной. Самый неприятный из них, кахтани*, ударил меня. Вырвав у меня из рук бумаги, они вышли. Двери за ними закрылись, и я остался во дворе один на один с тем негодяем, который меня ударил. Он сразу же стал приставать ко мне, хватаясь за свой меч, и бормотал: «Ты, кафир! Признай „ла илах илл'уллах" (нет бога, кроме Аллаха)». Затем подошли еще трое. Я сидел на глинобитной скамье, освещенной луной, и отвечал им: «Утром я вас выслушаю, но не сейчас, потому что я слишком устал».

Тогда они схватили меня за грудки (я прятал за пазухой деньги). Я вскочил, и они окружили меня. Привратник тайно нашептывал мне: «Если у тебя есть деньги, передай их мне, потому что здешние люди ограбят тебя». Но я видел теперь, что он сам принадлежит к их числу. Когда негодяи стали наступать на меня, я попытался позвать на помощь: «Харамие, воры! Эй, честные люди!» Но было уже поздно, к тому же эта часть города была весьма малолюдна.

Никто не отозвался на мои крики, и если кто-нибудь меня и слышал, то его сердце, несомненно, сжалось от страха, потому что арабы (которые живут в стране со слабым правительством и постоянными разбойничьими налетами) обычно трусливы. Когда я закричал, мои мучители на мгновение смутились. «Не кричи, — сказали они грубо, — или — помоги тебе бог!» Из этих слов я понял, что они поступили самовольно, когда так жестоко и подло напали на меня. Поэтому я продолжал кричать еще сильнее. Когда я начал наносить удары руками вокруг себя, они отпрянули так трусливо, что я подумал, что смог бы, несмотря на всю свою слабость, при некотором усилии освободиться от них. Но это привело бы к еще худшему, потому что они схватились бы за сабли, а я был окружен стенами и не мог убежать из города.

Гнусная компания, которая угрожала мне, состояла из шести человек. Я счел наилучшим продолжать кричать «Разбойники!» и демонстрировать небольшое сопротивление, чтобы выиграть время. Я надеялся, что в любую минуту от эмира может вернуться офицер. Мой легкий кошелек уже попал в руки этих бестий и, что меня опечалило еще больше, барометр-анероид, который они при свете звезд приняли за часы! Кахтани схватил и разорвал шнурок, на котором я вешал на шею необходимый инструмент, и сбежал, как собака, которой досталась хорошая кость. С меня сорвали плащ и головной платок, и наконец негодяи оставили меня стоящим в одних широких штанах.

Затем они все вместе бросились в помещение, где лежал мой багаж. Но я надеялся, что в темноте они не скоро найдут мой пистолет. Так оно и случилось.

Тут вернулся офицер эмира и громко постучал в дверь, требуя, чтобы его впустили. Привратник поплелся открывать ему, как попавшийся школьник. «Что здесь случилось?» — спросил офицер, входя. «Они ограбили насрани». — «Кто это сделал?» — «Первым начал кахтани». — «И этот парень, — сказал я, — был одним из самых скорых!» Остальные убежали внутрь дома, как только пришел офицер. «Фу, какой стыд! — воскликнул он. — В доме эмира ограбили гостя! И к тому же человека, у которого есть бумага от султана! Что вы наделали? Да проклянет вас господь, всех и каждого!» — «Прикажите им принести мою одежду, — сказал я, — хотя они ее и изорвали». — «Ты получишь от эмира новую». По приказу офицера разбойники вышли из своих темных углов, и он приказал им: «Принесите чужестранцу его одежду». Затем он сказал мне: «Все, что у тебя отобрали, будет тебе возвращено, или это будет стоить им руки. Клянусь Аллахом, рука каждого, у кого что-нибудь найдут, будет положена в твой мешок как искупление за украденную вещь. Я вернулся, чтобы отвести тебя в назначенное тебе жилище, но теперь я должен возвратиться к эмиру. А ты и ты, — тут он назвал некоторых по именам, — не делайте этого снова, чтобы на вас не пала немилость эмира».

Они стали оправдываться: «Мы не сделали бы этого, но он отказался произнести „ла илах илл'уллах“». — «Это наглая ложь! В угоду им я произнес это четыре, пять раз. И если ты хочешь это слышать, я скажу еще раз: ла илах илл'уллах». Офицер сказал: «Сейчас я должен идти, но я сразу же вернусь». — «Не оставляй меня опять одного среди разбойников!» — «Не бойся, с этого момента никто больше не осмелится обидеть тебя». И с этими словами он приказал привратнику закрыть за ним дверь.

Он скоро вернулся и приказал негодяям именем эмира «под страхом отсечения руки» вернуть все, что они отобрали у насрани. Он приказал также привратнику зажечь очаг в прихожей, чтобы нам было светло. Солдат-кахтани, который был их главарем (он принадлежал к войску эмира), поклялся мне дать честный отчет о деньгах, находившихся в моем кошельке, так как мой протест мог стоить ему руки. И если я стану говорить только правду, то господь опять окажется милостив ко мне. «Ты думаешь, подлый, что христианин будет вести себя так же, как ты сам?!» — «Вот твой кошелек, — сказал офицер. — Сколько денег должно быть в нем? Возьми его и сосчитай свои дерахим * (драхмы)». Я обнаружил,

что там похозяйничали чужие руки, потому что в нем осталось только несколько пенсов! «Столько-то не хватает», — сказал я. Офицер: «Слушайте, вы, которые украли деньги этого человека! Идите сейчас же и принесите их. Или — прокляни вас бог!» Солдат ушел и вернулся с деньгами — двумя французскими 20-франковыми золотыми. Это было все, что осталось у меня на этой горькой земле. Офицер спросил: «Скажи, это все твои деньги?» — «Да, это все». — «Не хватает еще сколько-нибудь?» — «Нет». Кахтани поблагодарил меня удивленным, непонимающим взглядом. Офицер: «А еще чего не хватает?» — «Того-то и того-то». Мошенники пришли и принесли мелкие вещи и с ними все, что они, ограбив меня, в спешке ухватили из моего багажа, для чего им, по счастью, осталась лишь одна минута времени. Офицер продолжал: «Теперь посмотри, все ли вещи здесь, или еще что-нибудь осталось?» — «Да, мои часы» (барометр, который был для меня в Аравии дороже всего, кроме пистолета). Тут они подняли крик: «Какие часы! Нет, мы ему уже все отдали!» Офицер закричал: «О лживые, проклятые разбойники, принесите человеку его часы! Или виновная рука будет передана эмиру!»

После некоторых колебаний они принесли барометр, но вернули его мне с явным неудовольствием. Может быть, они приняли желтый металл за чистое золото. К моей радости, на следующий день я установил, что инструмент остался неповрежденным, и я мог и дальше измерять им высоту местности в саженях.

Затем офицер сказал, что уже слишком поздно и я должен остаться здесь на ночь. «Тогда оставь мне саблю, если уж я должен ночевать в этом проклятом доме. И если на меня снова кто-нибудь нападет, должен ли я его щадить?» — «Больше нет никакой опасности, а что касается этих, то они до утра будут заперты в кофейном зале». И он увел преступников. Офицер принес назад и мои бумаги; только охранного письма Анейбара среди них больше не было!

Утром вернулся офицер эмира, которого звали Джейбер. Я снова попросил разрешения посетить эмира. Джейбер ответил, что он должен сначала пойти и поговорить с ним. Вернувшись, он водрузил мой багаж на свои слабые плечи и сказал, что сам проводит меня в мое жилище. Он повел меня по заброшенной улице и вошел в широкий запущенный двор большого, но теперь старого и ветхого дома, бывшего дворца эмира. Стены, которые делаются здесь из глины, вряд ли могут простоять больше ста лет.

Мы поднялись по стоптанной глиняной лестнице в большой зал, где сидели два существа женского пола, его жены.

Джейбер, житель этого заброшенного дворца, был членом племени Кахтан. В конце зала находилась еще одна комната, которую он предназначил мне для жилья. «Я устал, а ты — еще больше, — сказал он, — чашка кофе будет кстати нам обоим». И Джейбер сел к очагу, чтобы приготовить утренний кофе.

В это время пришли несколько знатных людей города, которые были одеты в (тяжелые) месопотамские одежды. Бо́льшую часть зажиточных жителей составляли джеммамиль, погонщики верблюдов, которые занимались караванной торговлей. В Месопотамии они торговали пшеницей, в Неджд привозили одежды и рис, из Эль-Касима они вывозили финики и зерно в Медину (когда устанавливались благоприятные цены). Осенью они доставляли масло, которое скупали в кочевых областях, в Мекку, а оттуда вывозили кофе. Эти неотесанные арабские горожане были похожи на крестьян. Это были люди, много путешествовавшие, но я заметил в них непримиримый фанатизм.

Когда они ушли, Джейбер сказал: «Не хотите ли вы теперь пойти к эмиру?» Мы вышли, и он привел меня по улице на площадь перед домом князя. Грязный парень сидел там в уличной пыли, как Иов *; двое-трое мужчин сидели рядом с ним. Ему было около тридцати пяти лет. Я спросил, где эмир Абдуллах; мне ответили: «Это эмир!» — «Джейбер, — сказал я шепотом, — это эмир?» — «Да, это он». Тогда я спросил этого человека: «Вы — Велед Маханна?» Он ответил: «Да». Я сказал: «Неужели здесь существует обычай грабить иностранцев в стенах города? Я ел твои „хлеб и соль“, но твои слуги напали на меня в твоем доме». — «Те, кто ограбил тебя, были бедуины». — «Но я жил среди бедуинов и никогда не был ограблен в лагере. Никогда я ничего не потерял в палатке моего хозяина. Ты говоришь, что это будто бы были бедуины, но это были люди эмира!» Абдуллах ответил: «Я говорю тебе, что все они — кахтанцы». Затем он захотел увидеть мои «часы». «У меня нет их с собой, но есть подзорная труба!» Он посмотрел в нее и вернул мне. Я сказал: «Я дарю ее тебе, а ты должен дать мне другую одежду вместо моей, которую изорвали слуги эмира». Он, однако, не захотел принять мой подарок.

Этот мужик не хотел дать насрани никакой компенсации, а у меня самого не было денег, чтобы купить другую одежду. Эмир продолжал: «Еще сегодня ты уедешь». — «Куда?» — «В Унайзу. Здесь находятся погонщики верблюдов — они покинут нас завтра, — которые отправляются в Сиддус. Они отвезут тебя до этого места». В Сиддусе (как считают арабы, он еще в древности стал местом паломничества языческих

народов, или «христиан» домусульманских времен) стоит древняя «игла», или колонна, с надписью или эпитафией. Но это была лишь уловка Абдуллаха; он просто выдумал погонщиков верблюдов, отправляющихся в Сиддус. Потом он спросил: «Мин йешил, кто хочет доставить насрани в Эль-Вади на своем верблюде?» Так назывались, как я узнал позже, пальмовые рощи в вади Эр-Румма. Я сказал ему, что хотел бы остаться еще на день, так как слишком устал, и Абдуллах позволил это, хотя и неохотно. Все арабы, как жители суровой страны, снисходительны к человеческим слабостям. «Хорошо, пусть будет, как ты хочешь, и хватит с тебя этого».

Тут пришел юноша, чтобы пригласить меня на кофе. «Тебя зовут, — сказал Абдуллах, — так иди с ним». Вместе с Джейбером я последовал за посланцем. Мы пришли в знатный дом города и там вошли в приветливый кофейный зал. Стены были украшены резьбой по штукатурке, а вокруг очага были расстелены персидские ковры. Благовонное дерево гротта (сорт тамариска из Нефуда) горело в очаге, и рядом с человеком, готовившим кофе, лежало еще много дров, сложенных в нише.

Этот чисто городской обычай господствует во всех лучших семьях у горожан Эль-Касима. Здесь собралось холодное, фанатичное общество из хорошо одетых личностей. Молодой человек писал письмо, которое ему диктовал другой, постарше. Но это не мешало юноше во время каждой паузы бросать оскорбительные фразы в адрес чужака-христианина, издеваясь над моей нечистой (как он ее называл) религией. Как зло блестели его молодые глаза, которые выражали неприязненный дух всего его существа!

Я счел плохим предзнаменованием, что никто не поставил его на место. И мне казалось презрительным торжественное молчание этих юных старцев, костюмы которых были единственным, что внушало уважение. Я не услышал от них ни единого дружеского слова и удивлялся, для чего они меня пригласили! После второй чашки я оставил их сидеть и возвратился в дом Джейбера, который назывался дворец Хаджеллан. Там мне встретился юноша с постоялого двора с двумя сухими хлебцами. Этот кислый городской хлеб, невыпеченный и вязкий, я никогда не мог проглотить, даже в дни голода.

Каср-Хаджеллан был построен Абдуллахом, сыном Абд эль-Азиза, князем Бурайды. Абдуллах был убит Маханной, когда последний захватил власть при поддержке ваххабитов. Маханна властвовал многие годы как шейх этого города; его дети — Хасан (теперешний эмир) и Абдуллах.

Молодые сыновья убитого князя бежали в соседний город Унайзу. Через несколько лет, весной, когда военные отряды во главе с Хасаном разбили лагерь в Нефуде, они ночью прокрались в Бурайду и спрятались в домах своих друзей. На другой день, когда тиран по пути на полуденную молитву подошел к большой мечети, сыновья Абдуллаха внезапно бросились на него с кинжалом! И они убили его там же, посреди улицы. Всадник из войска, который оставался в городе, вскочил на коня, сумел вырваться из города и ускакал сломя голову в пустыню, где нашел лагерь Хасана. Когда Хасан услышал о несчастье, он дал приказ садиться на коней, и войско спешно поскакало назад, чтобы той же ночью быть в Бурайде.

Абдуллах, который, несмотря на свои короткие ноги, был скор в своем ремесле мясника, тем временем прочно удерживал город. Во всем этом ужасе и смятении он был сильнейшей стороной. И население города, так запуганное тиранией Маханны, не проявило охоты поддержать молодых убийц. Абдуллах же так хорошо знал свое ремесло, что сумел осадить молодых принцев в каком-то доме раньше, чем возникло возмущение.

С наступлением ночи Абдуллах и его воины подошли к двери этого дома. Чтобы не вершить свои злодейства в темноте, они разожгли на улице костер.

Сыновья Абдуллаха и несколько их сторонников, которые вместе с ними оказались в окружении, отстреливались с крыши дома, отчаянно защищаясь. Несколько смельчаков из отряда Абдуллаха подошли к воротам, прикрываясь щитом из сырых пальмовых досок, покрытых слоем утрамбованных фиников. Защищенные таким образом от слабого ружейного огня, они быстро пробили дыру в стене, насыпали пороху и провели фитиль. Тут же принесли факел, и ужасный взрыв уничтожил все живое в стенах дома. Только один юноша, совершенно израненный, пытался спастись бегством. С мечом в руке он метался взад и вперед, ругая и проклиная их, пока не свалился подстреленный.

Когда ночью прибыл Хасан, он нашел убийц своего отца уже мертвыми, а город — спокойным. Теперь он стал эмиром Бурайды. Других членов княжеской семьи этого города я впоследствии встретил в Унайзе в изгнании. Один из двух старших братьев, моих пациентов, теперь бедный и слепой, по праву наследства должен был быть эмиром Бурайды!

Я обошел пустой замок, который можно было сравнить как княжескую резиденцию с замком в Хаиле, хотя он был меньше соответственно меньшему размеру княжества Бурайды. Но если сравнить города, то Хаиль — полубедуинский

город-деревня с ярмаркой чужеземных товаров, а Бурайда — большой торговый город, центр общения всего Центрального Неджда. Двор дворца величиной с рыночную площадь снова покрылся песком пустыни! Внутри заброшенного замка я обнаружил кофейный зал во всю высоту одноэтажного здания. В верхней части зала имелась идущая вокруг галерея, чем он напоминал старые английские залы. Впрочем, зал был хороших пропорций. Стены, сложенные из глины с большой примесью песка, были украшены резьбой по штукатурке. Молчаливый и, казалось, обессиленный временем, этот замок среди аравийской пустыни был построен во времена наших отцов!

Я изумился резной штукатурке его глиняных стен. Это искусство Дедала расцвело пышным цветом в руках семитских художников и стало отражением их духовных представлений о природе. Они видели ее не в нескольких прямых линиях, как пифагорейцы, а вновь и вновь украшенной и безграничной. Может быть, родина их резьбы по штукатурке — Индия? Высоко мастерство гончаров Сирии. Глиняные кувшины для припасов, черепицу, очаги и закрома можно увидеть там во всех хижинах. На Ливане глинобитные стены и колонны в домах богатых крестьян искусно инкрустированы резными решетками из глины, примитивным образом раскрашенными.

Кажется заслуживающей восхищения архитектура этого глиняного дворца. Каких скудных средств достаточно искусному арабу, чтобы добиться совершенного эффекта! Орнамент карнизов — это так называемый орнамент зубов акулы, как в Мосифе в Хаиле. В наружных стенах сделан ряд слепых полуциркульных арок; чтобы вызвать ощущение легкости, они выкрашены зеленой и красной охрой. Может быть, строителем Каср-Хаджеллана был мастер из Багдада, муаллам *. Ему же, очевидно, принадлежит несколько значительных построек, которые стоят вдали от всякой культуры во многих пограничных областях пустыни. Несколько лет назад я видел крепость в развалинах Утеры, в горах Саира, где находится большой колодец с бассейном, место водопоя племени Ховейтат. Это было старое, но не обветшалое сооружение, и Махмуд из Маана рассказал мне, что крепость была якобы построена в свое время бедуинами! В полном изумлении я спросил: «Неужели бедуины умеют класть стены?» Махмуд ответил: «Нет, но они захватили муаллама из Дамаска, который приказал им выбрать лучшие камни из развалин. И как он им показывал, так они и клали ряды камней один на другой». В этой бедуинской крепости было немало бойниц и арок, и все здание было построено неопытными учениками

без раствора! Вообще, бедуины отличаются превосходной понятливостью ко всему, что не выходит слишком далеко за рамки их кругозора. И есть племена, которые за один солнечный день становятся земледельцами.

Джейбер жил в разрушающихся стенах старого мосифа. Новые «лендлорды» Бурайды не поддерживали официального гостеприимства, из-за чего население пустыни относилось к ним без уважения.

Я вышел с Джейбером, чтобы купить кое-что на базаре и посмотреть город. Мы прошли через ряды с кормом для скота, в основном с кормовой викой; на другой стороне находились продовольственные лавки. В некоторых из них висели толстые колбасы из баранины, вероятно привезенные из Месопотамии. Во многих лавках стояли корзины с сушеной саранчой. Здесь есть даже харчевни, еще неизвестные в бедуинском Хаиле, в которых можно за свои деньги получить горячее блюдо из риса с вареной бараниной или верблюжьим мясом. Чужой человек может жить в Бурайде, в центре кочевой Аравии, почти так же, как в Месопотамии; здесь нет только кофеен. В некоторых лавочках сидели и продавали свежие овощи даже женщины! В Дамаске не заходят так далеко, и даже в Унайзе есть только пара бедных торговок. Бурайда, один из главных городов области оазисов Аравии, связана с северными оседлыми странами торговыми караванами, и бану Темим имеют сходство с арабами-полукровками из пограничных провинций.

Злые мальчишки и уличные бездельники глазели на чужака-христианина и собрались вокруг нас, пока мы шли. Близ меджлиса, или базарной площади, на глиняной скамье сидел эмирский солдат — галлас, лицо которого я видел вчера за воротами. Темнокожий солдат упрекнул Джейбера за то, что тот так открыто гуляет со мной на глазах у людей. Затем он встал и задал своей палкой трепку некоторым из бездельников в пыльных одеждах во имя эмира. Джейбер, свободный от предрассудков как бедуин, но боязливый как горожанин, услышав слова солдата, спешно повел меня назад переулками. Я охотно пошел бы дальше, чтобы увидеть и другие части города, но он привел меня безлюдным путем в свое жилище.

Джейбер обещал мне на другой день поехать со мной в Унайзу. «Унайза недалеко», — сказал он. Эти города обозначены на картах на расстоянии в день пути, но как мало можно до сих пор полагаться на географические карты Аравии! Джейбер, чье поведение и рост выдавали бедуинскую кровь, принадлежал к племени Кахтан из Эль-Касима. Как бедный член племени, который, однако, происходит из семьи

шейхов, он оставил жизнь в пустыне, чтобы вступить в войско эмира Бурайды. Его прежняя переменчивая судьба оставила отпечаток на худощавом лице. Он едва перевалил за средний возраст, но его жизненные силы были наполовину исчерпаны. Врожденное добросердечие бедуина смягчало в нем фанатизм кахтани. А я был сегодня сайф-уллах (гость, посланный богом) в его доме. Поэтому он защищал мое дело в городе и был также моим защитником перед свиньей Абдуллахом. Но предрасположение к фанатизму все же не погасло в нем. Когда кто-то сказал: «Не ездить бы этому человеку в Эр-Рияд, его там убьют!» — Джейбер ответил с усмешкой: «Да, они там очень строги, вряд ли они будут терпеть его у себя». Он говорил с ненавистью о еретическом мусульманстве Наджрана (жители которого, как и население Маската, принадлежат к религиозной секте «Байадийа»). Джейбер провел свои прежние годы жизни в этих южных краях. Он рассказывал, что в вади Эд-Давасир и вади Биша много богатых деревень.

С наступлением полуденного зноя он ушел спать в отдаленную часть пустого здания. Я остался один и решил немного отдохнуть, но скрип старой двери, раскрашенной ярко-красными полосами, насторожил меня. Вошла неряшливо одетая молодая женщина. Я спросил, зачем она нарушила мой покой. Ее ответ прозвучал, как старинный текст из Библии: «Техаллини анем фи хоснак» («Разреши мне спать на твоей груди»). Кто мог послать эту печальную женщину? Арабы — коварные враги; не думали ли они таким образом заполучить повод, чтобы обвинить христианина? Но любезная женщина не дала себя запугать; когда я стал браниться, она принялась грубым голосом ругать чужеземца: «О, этот проклятый христианин! Но набожные люди скоро придут сюда, чтобы тебя убить. Посланные эмиром, они уже в пути, чтобы совершить это! Тебе не удастся избежать кары!» Я вскочил, вытолкал незваную гостью и запер двери.

Ее слова поразили меня, и я задумался над тем, как это стало возможным, что я только из-за названия религии (о, химеры человеческого эгоизма, злобы и страха!) ежедневно подвергаюсь в Аравии такой опасности! Тут вернулся Джейбер после краткого полуденного сна. Его жены рассказали ему, что произошло, и Джейбер покинул нас, сказав, что должен пойти к эмиру.

Вскоре после этого мы услышали, что горожане собираются вокруг нашего дома, шумят под окнами, выходящими на улицу, и швыряют вверх камни! Несколько самых отчаянных крикунов проникли в большой передний двор! В одно мгновение лестница заполнилась народом, и они дико барабанили

в дверь, которую женщины заперли на засов. «Увы, что нам делать? — кричали женщины, заламывая руки. — Разъяренные люди убьют тебя, а Джейбер ушел».

Одна из жен была горожанка, вторая — бедуинка; обе были приветливы с гостем. Я обратился к ним и сказал: «Сестры, вы должны защищать дом вашими языками». Они согласились, и горожанка выглянула из окна и стала бранить тех, которые бесновались на улице. «Эй вы, невежи, кто вы такие, что бросаете камни в жилище женщин? Фу! Чего вы хотите? Что вы здесь ищете? Да поразит вас Аллах! Вы ищете Халила-насрани? Но здесь нет Халила! Дураки, его нет здесь. Идите прочь, прочь. Фу, не срамите себя, да проклянет вас Аллах».

А та, которая защищала дверь, кричала стоявшим снаружи: «Эй, что вам надо? Фу, кто вы такие, что стучите в дверь, будто хотите разломать ее? Вы, проклятые бесстыжие молокососы! Здесь нет Халила. Он ушел; идите и ищите насрани, идите! Мы вам говорим, Халил ушел, и мы не знаем куда. Фу! — В дверь теперь стучали камнями. — О бесстыжие негодяи! Вы хотите ворваться к женщинам через дверь соседа? Да поразит вас чума! Вот эмир скоро покарает вас!»

Пока она кричала, слышался сбивчивый шум толкающихся и топчущихся людей за дверью; удары их палок и камней о дерево производили ужасный грохот. Но языки добрых женщин еще останавливали их! И я вверил себя моей доброй звезде, надежде, что Джейбер скоро вернется. Но если осаждающие действительно ворвутся, чтобы разорвать меня на куски, должен ли я щадить их? Женщины продолжали кричать: «Почему вы ломитесь в нашу дверь, проклятый сброд? Фу, вы хотите пробить ее?»

Наконец вернулся Джейбер. Именем эмира он прогнал всех прочь со своего двора. Подойдя ко мне, он пожал плечами и сказал: «Они требовали у эмира твоей смерти! Ни один насрани не ступал на землю Бурайды, говорят они. Этот крик идет по всему городу, и Абдуллах склоняется к тому, чтобы уступить народу! Я только что беседовал с ним. Если пожелает Аллах, мы проведем сегодняшнюю ночь в безопасности, а утром, когда мой дромадер будет здесь — я послал за ним, — я выведу тебя из города уединенными переулками и доставлю в Унайзу».

Мы еще разговаривали, когда услышали, что горожане снова толпятся во дворе. По лестнице уже кто-то поднимался, а дверь была открыта. Но Джейбер еще раз прогнал их вниз и выгнал со двора, угрожая суровым наказанием со стороны эмира. Вернувшись, он спросил своих жен с недовери-

ем в голосе, кто открыл изнутри дверь, которую он сам запер на засов. Затем он сказал, что должен еще раз выйти, чтобы поговорить с Абдуллахом, но не останется там надолго. Я не хотел отпускать его, пока он не пообещал мне запереть дверь и взять с собой (деревянный) ключ. Между мной, одиноким иностранцем, и фанатической дикостью городского населения были только эта бедная душа и доски старой двери. Вернувшись, он сказал, что город успокоился. Абдуллах по его ходатайству запретил устраивать шум, мятежники разошлись по домам, и он оставил дверь отпертой.

После этого несколько уважаемых горожан пришли навестить меня. Они сидели вокруг очага в своих багдадских одеждах и распущенных головных платках и в красных шапках, пока Джейбер готовил кофе. Среди них вдруг вынырнул большой белый мединский тюрбан, незапятнанный, хотя в нем и спали. Он принадлежал старому бродячему потомку пророка, который месяц назад был свидетелем моего несчастья в Хаиле. «Кто ты?» — спросил я. «О, разве ты не помнишь времени, когда мы вместе были в Хаиле?» — «Ты так быстро вернулся из Индии?» — «Я посетил эмира и закончил мои дела. Но до паломничества я не еду в Индию». Вслед за ним пришел молодой шейх, прибывший из лагеря Хасана, который находился в пустыне, на расстоянии половины дня пути. Он уселся среди посетителей и начал высокомерно расспрашивать меня. Я справился у него об отсутствовавшем эмире и заметил в его лице врожденную злобу и лживость, которые так гармонировали с оскорбительной наглостью этого юноши.

Свои строгие речи он завершил вопросом: «Ты мусульманин или христианин?» — «Христианин, это знает каждый в городе. А теперь оставь меня в покое». — «Если пожелает Аллах, мусульмане убьют тебя. Да, ты слышишь? Мусульмане тебя убьют». При этих словах этот грязный тип разинул свою лошадиную пасть в широкой ухмылке, которая дошла до его оттопыренных, отвислых ушей, и показал два длинных красных ряда ослиных зубов.

Склонность к религиозному фанатизму, хотя и наследственная, несомненно, тесно связана с врожденной злобностью характера. Без сомнения, и этот негодяй был потомком многих поколений жалких, развращенных арабов. Джейбер издал — хотя я сегодня еще находился под его крышей — короткий циничный смешок, который выдал в нем фанатизм кахтани, когда он услышал эти слова, звучавшие для него как мед: неверный будет убит мусульманами! Так как этот юноша был шейх и к тому же посланец Хасана, его ядовитые речи встревожили меня. Когда они убрались, я высказал

15 Зак. 186

Джейберу свое мнение об этом подлом молодом фанатике. Тот пожал плечами и ответил, что я не ошибся.

Судьбе было угодно, чтобы я путешествовал по Аравии как раз во время большой, по их представлениям, религиозной войны с насара (врагами Аллаха и его пророка). И теперь праздная фанатичная толпа добивалась у эмира ответа: раз уж Аллах дал им в руки насрани, то почему его нельзя убить?

Наконец этот бурный день кончился. Я вышел наружу, чтобы подышать свежим воздухом на террасе, и забрался по сломанной приставной лестнице, которую там нашел, на самую высокую часть нашей крыши, чтобы посмотреть на этот большой арабский город. Но несколько горожан на улице сразу же заметили меня и громко закричали: «Давай вниз, вниз! Неверный не смеет разглядывать город мусульман». Джейбер принес мне порцию вареной баранины с рисом, которую он купил на рынке. Когда я поел, он сказал: «Теперь мы братья». Затем он снова пошел к эмиру.

Джейбер вернулся, полный тяжких раздумий и сомнений. Население снова подняло крик у Абдуллаха, сказал он, и тот ответил, что они могут делать со мной, что хотят. Он им уже сказал, что в пустыне они могут убить христианина, но в городе это не должно случиться. Джейбер спросил меня, не хочу ли я бросить мой багаж на произвол судьбы и тайно бежать из Бурайды пешком? Я ответил: «Нет! Но скажи мне правду, Джейбер! Ты не собираешься предать меня?» — «Я человек слова и никогда не пойду на измену». — «Хорошо, чего я должен сейчас опасаться больше всего?» — «Я надеюсь, ты в безопасности, по крайней мере на сегодняшнюю ночь и в моем доме». — «Как я смогу утром пройти по улицам?» — «Наверное, мы пройдем спокойно, опасность грозит тебе не столько в городе, сколько за его пределами — от их преследований». — «Сколько всадников в Бурайде, двадцать?» — «Да, и даже больше». — «Иди немедленно и передай Абдуллаху: Халил прислал меня сказать, что он раджол давла — человек, находящийся под защитой султанского правительства (как было сказано в моих бумагах). Если мне как гостю причинят зло, это обернется для них неприятностями. Уж не думает ли он, что ему спустят, если человек, путешествующий под царской защитой, который только проезжал через его город, будет убит из-за религии, которую терпит сам султан? И вы здесь, в пустыне, не должны чувствовать себя в безопасности, потому что „рука давла достает далеко!". Вспомни о Джидде и Дамаске! И о виновных, наказанных по приказу султана!» Джейбер ответил, что он пойдет и передаст мои слова Абдуллаху.

Джейбер вернулся с выражением облегчения на лице и сказал, что Абдуллах одобрил мои слова и приказал, чтобы никто больше не смел угрожать насрани, а также обещал ему, что сегодня ночью не произойдет ничего плохого. Джейбер: «Мы можем быть совсем спокойны, слава богу! Иди внутрь и отдыхай, Халил, чтобы рано утром уже быть готовым».

Я был готов еще до рассвета. Мне казалось, что пройдет сто лет, пока я выберусь из Бурайды. С восходом солнца Джейбер стал готовить кофе. Но он не торопился! Обещанный верблюд не пришел. «Так когда твое животное будет здесь?» — «Ну, незадолго до полудня». — «Как же мы сможем сегодня попасть в Унайзу?» — «Я же сказал тебе: Унайза недалеко». Мой хозяин попросил еще лекарства от своих старых недугов. «В Унайзе!» — ответил я. «Нет, лучше сейчас, потому что я хотел бы оставить лекарства здесь». Получив лекарство, он, казалось, забыл о поездке в Унайзу. Я думал, что мой хозяин не нарушит своего слова, но они проводят всю жизнь во лжи и обмане.

Тем временем пришел кахтани, который был зачинщиком возмущения вчерашней ночи, и уселся у очага своего соплеменника, где он обычно пил свой утренний кофе.

Джейбер пытался убедить меня, что парень был вчера выпорот Абдуллахом, но я не заметил на нем следов наказания. Этот негодяй, виновник всех бед прошлой ночи, утверждал теперь, что он тогда защищал меня! Я сказал бедуинке, жене Джейбера, которая сидела около нас: «Скажи, разве он не одержим злым духом?» Парень ответил вместо нее: «Да, Халил, я действительно иногда бываю не в своем уме». Он пришел, чтобы попросить у насрани лекарство; в этом отношении он, несомненно, не доверял ни одному человеку своей религии.

На лестнице дворца послышались прихрамывающие шаги. Это был хромой эмир Абдуллах, который вошел, опираясь на палку. Рубаха и головной платок этого мужицкого принца были грязны. Он сел у очага, и Джейбер приготовил свежий кофе. Абдуллах сказал, указывая на убогого человека, который пришел с ним и стоял у дверей: «Это человек, который доставит тебя в Унайзу на своем верблюде. Вставай! И бери свои вещи». — «Джейбер обещал отвезти меня в Унайзу на своем дромадере». Но тут мой хозяин извинился (все его прежние заверения были лживы) и сказал что он догонит нас, когда приведут его верблюда.

Абдуллах отсчитал погонщику верблюда его плату — четверть меджиди. Человек взял мой багаж на плечи и повел меня пустынной улицей к верблюду, который лежал перед его

глинобитной хижиной. Мы сели верхом и по маленьким переулкам выехали из города.

Пальмы и поля Бурайды расположены все в этом направлении — к вади Эр-Румма, между большим песчаным барханом и дорогой на Унайзу, и тянутся почти на три мили (до Эль-Хутара). Шахты колодцев, которые я здесь видел, были пробиты в песчаниковом грунте сквозь неглубокий слой песка и расположенный под ним слой голубовато-белой глины. Эти колодцы здесь выкладывают камнями без раствора (в Западной Аравии их приняли бы за древние сооружения). В Эль-Касиме все время идет строительство. Менее дорогостоящие подсобные колодцы выкапывают, как большие ямы в песке, до глинистого слоя, и оползающие песчаные стены укрепляют хворостом. В четырехугольную шахту колодца, пробитую через слой глины в середине ямы, устанавливается простая опора из стволов тамариска для подъемного колеса. Обычно сооружают колодцы с двумя подъемными колесами. Выложенные камнем четырехугольные колодцы обычно оборудованы для использования четырех верблюдов. Имеются также двойные колодцы с шестью или восьмью подъемными колесами для орошения больших полей, разбитых на длинные прямоугольные участки. Верблюды ходят в двух направлениях. До грунтовых вод здесь, как полагают, семь саженей, в конце лета — восемь.

Как попала сюда глина? Это, конечно, наносы реки, которая текла когда-то по вади Эр-Румма и была притоком Евфрата. Здесь также имеются древние колодцы, особенно в конце посадок, в окрестностях Мензиль-Бени-Хедаль.

Бурайда основана три-четыре столетия назад; население города принадлежит к бану Темим. Я думаю, что оно едва ли насчитывает пять тысяч душ. С окрестными деревнями и деревеньками, являющимися предместьями Бурайды, население, может быть, достигает шести тысяч человек.

Проехав две мили по пальмовым плантациям, мы встретили юношу, который вышел из плодового сада (судя по чистой одежде, это был зажиточный горожанин). Он спросил погонщика верблюда, которого звали Хасан, не может ли тот взять у него письмо в Унайзу. Начав разговаривать с юношей, я понял, что имею дело с человеком образованным. «А, ты насрани, — сказал он. — В городе, куда ты сейчас едешь, тебя сделают мусульманином, если пожелает Аллах».

Он рассказал также о месте, называемом Сиддус, и считал, что нашел в своих старых книгах его древнее название — Кердус. Там люди почитали идола — санам, рассказывал он, глядя на меня так, как будто я и сам принадлежал к вере этих древних идолопоклонников!

Мое изумление вызвали свежие посадки тамарисков на больших барханах Бурайды — в этих краях без росы и почти без дождей, где даже самые глубокие корни лежат высоко над грунтовыми водами. Молодые растения сажают в рыхлый песок и поливают их на протяжении года, пока у них не вырастут длинные корни и они не начнут расти сами по себе. Тамариск — дерево, которое редко имеет гладкий и прямой ствол, но за двенадцать лет дает хрупкое и твердое бревно, которое служит для изготовления осей подъемных колес колодцев. Зеленые побеги и сучья хорошо горят. Засаженный тамарисками, песок Аравии мог бы стать зеленым лесом!

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ГЛАЗЕРА В МАРИБ

Эдуард Глазер до сих пор является самым выдающимся путешественником по Аравии для сабеистики — исследования доисламской Юго-Западной Аравии, потому что масса надписей и археологических материалов, привезенная им из Йемена, все еще составляет важнейший источник этой науки. Отправившись из Туниса через Триполи и Александрию, он достиг в 1882 г. Саны, столицы Йемена, и предпринял до 1884 г. целый ряд экспедиций в северную часть страны. В 1885—1886 гг. Глазер вторично посетил Йемен. Теперь он исследовал прежде всего Южный Йемен с развалинами Зафара. В 1887—1888 гг. он смог предпринять ставшее впоследствии знаменитым путешествие в город развалин Мариб — Regia omnium Marjaba Плиния, столицу древнего Сабейского государства. До него этой цели достигли только Т. Ж. Арно и Ж. Халеви. Во время последнего посещения Юго-Западной Аравии, в 1892—1894 гг., он собирал в основном надписи из Саны.

Политическая ситуация в Аравии играла и продолжает играть большую роль в успехе или провале путешествий-исследований. О собственных наблюдениях такого рода Глазер писал: «В Аравии отношения точно такие же. Там, где введено турецкое управление и стоят гарнизоны, будь то в Йемене, Асире, Эль-Хасе или в священной области, путешественник (мусульманин, разумеется) подвергается в общем не большей опасности, чем в любом другом вилайете турецкой империи. Напротив, в непокоренных областях положение совершенно иное. Но даже и там мы можем в Аравии обнаружить известные различия. Во внутренних областях Северной Аравии... в обширных владениях Мохаммада ибн Рашида,

константинопольские фирманы * и рекомендательные письма к эмиру гарантируют каждому европейскому путешественнику полную безопасность. Во всех остальных областях Внутренней Аравии, особенно севернее и восточнее собственно Йемена, путешественник зависит от настроений отдельных арабских правителей и даже племен. Если бы там, как в Северной Аравии, был один сильный правитель, дело обстояло бы очень просто. Но, к сожалению, в этих областях царит ужасающая раздробленность, так что путешественнику даже для небольшой поездки нужно договариваться с десятью или пятнадцатью правителями, к тому же зачастую фактически бессильными и недостаточно авторитетными даже среди собственных соплеменников. Если не удается прийти к соглашению хотя бы с одним из этих вождей или даже с каким-нибудь простым бедуином, то возникают бесконечные трудности и опасности, о которых в Европе нельзя составить ни малейшего представления».

ЭДУАРД ГЛАЗЕР

На церемонии нашего представления кади присутствовало несколько других шерифов и много простых арабов, пришедших послушать интересные разговоры, которые, конечно же, будут происходить между тремя «учеными». Они явно ожидали, что на их глазах будут раскрыты глубочайшие тайны ислама и его учения. У меня, однако, были совсем иные намерения. Когда сейийд принялся за разбор первого вопроса — чтобы сбить с толку кади и всех присутствующих — о праве наследования в толковании бог знает какого знаменитого автора, я подал эмиру знак, чтобы он под каким-нибудь предлогом хотя бы удалил слушателей. Тот, кто никогда не принимал участия в подобных дискуссиях, не знает, что значит быть разоблаченным как невежда, к тому же в таких местах. Еще сегодня, когда я это пишу, я вздыхаю с облегчением, вспоминая, как эмир, поняв мой знак, сумел отослать все общество в другую комнату под каким-то ловким предлогом. Бедные люди были лишены большого наслаждения, на которое они напрасно надеялись; но в этой жизни часто приходится быть жестоким.

Плебеи никогда не понимают и им даже нельзя объяснить, какие душевные муки испытывают иногда «великие» ученые из-за своей слишком большой учености. Когда министру в парламенте подают запрос, он отвечает только через много дней или недель. Но в Марибе это невозможно. Здесь в случае необычной интерпелляции нет никакого другого средства,

кроме как распустить парламент — аудиторию. Поэтому, милостивый боже, я и сегодня благодарю тебя за то, что члены моего марибского парламента тогда добровольно и без перешептываний разошлись и оставили нас одних с кади и эмиром. С кади мы справились довольно быстро: мы постепенно навели разговор на археологию, и судья наконец пришел к убеждению, что хотя в религиозных делах он, вероятно, более сведущ, чем я, но сейиид годится ему в учителя, так что с его стороны вряд ли будет благоразумно распространяться о моем невежестве. Поэтому он почтил меня подобающим мне титулом феких *, а иногда даже удостаивал титула кади (между коллегами это в порядке вещей). Но так как кади, как мне казалось, получил обо мне кое-какие сведения из Саны, я не спускал с него глаз и всегда был исключительно осторожен в своих высказываниях.

После полудня мы совершили первый обход деревни, чтобы скопировать надписи. Мы так устроили дело, что или эмир, или сейиид, как только замечали камень с надписью, требовали у меня, чтобы я скопировал эту надпись для них. На мое замечание, что я чего-то не могу понять, сейиид должен был силой подвести меня к камню и прикрикнуть: «Копируй же, феких, мы же не зря взяли тебя в Мариб! Смысл надписи я тебе растолкую потом, если сочту это нужным!»

И действительно, эти меры предосторожности в первые дни были совершенно необходимы, потому что вся деревня и множество бедуинов из окрестностей, до которых уже дошли новости, собрались сюда посмотреть собственными глазами на суетную деятельность сейиида и фекиха. Отцы поднимали на руках детей, чтобы те могли удовлетворить свое любопытство. Даже женщины сбегались в удобно расположенные дома, чтобы подивиться из окон и с террас на поразительное зрелище. Само собой разумеется, что на улице вокруг меня собралась густая, голова к голове, толпа и буквально дышала мне в затылок. Это было нечто небывалое для Мариба, о чем, вероятно, будут рассказывать будущим поколениям на протяжении столетий.

Я копировал одну из надписей, когда кто-то в толпе счел за благо предложить своим землякам пригласить меня на следующий день (в пятницу) произнести проповедь в мечети. В ответ раздался оглушительный крик радости. Так как теперь ответа ждали от меня — и этот парламент нельзя было распустить! — я громко поблагодарил за доверие, которое делает честь как жителям Мариба, так и мне, но объявил, что у них есть собственный превосходный проповедник. После него эта честь должна принадлежать потомку рода пророка, который намного превосходит меня в учености и доброде-

телях. Если же затем очередь дойдет до меня, то я с большим удовольствием стану разъяснять благочестивому обществу слова Аллаха и его посланника. Как бы мне это удалось, я, правда, не знаю и до сих пор. Однако я своим ответом разрядил обстановку, не вызвав у толпы никаких подозрений.

После этого, разумеется, сейийд должен был объявить, что и он отказывается от права произнести проповедь из уважения к превосходному местному проповеднику, а эмир, в свою очередь, приказал кади никого на проповедь не приглашать. Все это произошло вечером, когда кади пришел к нам с визитом и провел в нашей комнате больше трех часов, прошедших в бесконечных религиозных словопрениях. Я нашел в своем дневнике такое замечание об этом вечере: «Правда, я и раньше виделся и разговаривал со многими и несравненно более значительными арабскими учеными, но никогда не испытывал такого стесняющего и устрашающего чувства, как во время этого трехчасового разговора. Чистилище не может быть хуже этого. Только в конце зашел разговор о старинных вещах и о древних временах, и тогда я оживился. Я даже нашел случай показать свое знание Корана, прочтя отрывки из суры * Саба (XXXIV), которую я порядочно знаю наизусть, и из других мест Корана, в которых говорится о Сабе. Опираясь на эти цитаты, я попытался доказать, что всемогущий господь в одном случае говорит о Билькис *, а в другом — о плотине Саба и последующем времени. Эти рассказы относятся к двум разным эпохам, что можно установить по самим постройкам».

Ночь на пятницу (23 марта) я провел почти без сна, потому что предстояла пятничная молитва, на которой каждый порядочный мусульманин — а феких тем паче! — должен присутствовать в мечети вместе со всей общиной. И было легко предвидеть, что мечеть будет переполнена именно из-за моей скромной особы — настоящая премьера! Но я решил про себя, что буду ходить в мечеть как можно реже, так как могу быть разоблачен в любой момент доносом из Саны. Я решил поэтому непосредственно перед салат эль-джумъа (пятничной молитвой) внезапно заболеть, как это делают дипломаты.

Чтобы окружающие ничего не заметили, в пятницу утром я отправился с кади и сейийдом на медженнат гарра (кладбище) в северной части древнего города, чтобы, согласно благочестивому обычаю, совершить молитву по покойникам; в действительности я копировал там надписи. Когда мы на обратном пути подошли к деревне, я заявил, что очень плохо себя чувствую, вероятно из-за жары. Я шел на трясущихся ногах, поддерживаемый кади и сейийдом и сопровожда-

мый искренним сочувствием всех встречных. Оказавшись в своей комнате, я заперся и решил отдохнуть. Пока община возносила молитвы, я успел написать несколько писем. Когда же меня робко спросили через дверь, как я себя чувствую, я ответил, что, слава богу, лучше, и это было истинной правдой после счастливо пережитой пятничной молитвы. Тут пришли с визитом кади и несколько шерифов, и мы провели время за чтением и комментированием поучительных сочинений, как это и подобает делать в пятницу. Все благодарили Аллаха, что моя болезнь прошла. Вечером я снова копировал надписи в деревне и пошел с эмиром и несколькими шерифами на берег реки, где мы до полной темноты отдыхали на песке. Вечер прошел очень оживленно.

Субботу, 24 марта, я отвел для посещения так называемых Амаид на юго-юго-восток (больше к югу) от Мариба, после того как в развалинах древнего города и юго-западнее их скопировал много интересных надписей, среди них одну, великолепно высеченную. Она была расположена на частично сохранившемся замечательном здании юго-восточнее, вне стен древнего города. Здание ориентировано точно с востока на запад и состоит из двух частей, разделенных небольшим проходом. Оба угла у северного конца этого прохода имеют острые края, а южная его сторона в обеих частях закруглена. Надпись красуется на северной стороне западной половины здания и сообщают, что мукарриб Саба' Замар'али Ватар, сын Караба'ила, построил fyš напротив (?fnwt) святилища бога 'Астара *. И действительно, я заметил примерно в трехстах шагах к западо-северо-западу от этого сооружения, также вне стен города, совершенно засыпанные развалины, которые по своим очертаниям вполне могли бы быть святилищем, так как на северо-восточной стороне отчетливо видны два следа ног (отпечатки) статуи божества.

Хотя общество кади Сабита было мне менее чем приятно, да и эмир был явно недоволен тем, что видел его рядом со мной, я все же не возражал против того, чтобы он сопровождал нас к Амаид (Колонны) в качестве чичероне, чтобы не вызвать в нем подозрения, будто я ему не доверяю. Кроме Сабита меня сопровождали сейййд Мохаммад и мой слуга Салих эль-Джауфи. Мы перешли вброд илистое вади Дана, которое в этот день несло мало воды, совершили в какой-то луже предписанное омовение, произнесли молитву 'аср * и примерно через полчаса достигли Амаид.

Там мы увидели пять вертикально стоящих призматических четырехгранных колонн, прямоугольных в сечении, высотой около 8—9 метров, шириной — 82 сантиметра и толщиной — 61 сантиметр, которые были расположены по азимуту

160 (т. е. приблизительно с юго-юго-востока на северо-северо-запад), почти точно перпендикулярно направлению течения вади Данна. Рядом лежали две обрушившиеся колонны, от которых, к сожалению, сохранились лишь обломки. Колонны были без капителей и абсолютно сходны со всеми другими большими колоннами (в Харам-Билькис и в других развалинах) вне древнего города и с теми семью колоссальными колоннами, которые образуют северную сторону месджид * Сулейман-Ибн-Дауд, современной мечети Мариба. На обломках обеих обрушившихся колонн я обнаружил надпись, из которой следовало, что здесь находился посвященный Альмакаху михрам * Баръан, т. е. храм Баръан, или древнее святилище. И действительно, рядом с колоннами (западнее) находилась груда развалин.

На юго-запад от Амаид (точнее, под азимутом в 240 градусов) видны четыре другие колонны, примерно в 800 метрах от развалин Эль-Мерват, которые видны из Мариба под азимутом в 218 градусов (то есть юго-юго-западнее). Там также находился, как в Амаид и у колонн месджид Сулейман, храм, похожий на Харам. Арабские писатели в большинстве случаев превращают эти храмы в царские дворцы. Так, они поселяют царей, правивших в Марибе, в их летнюю резиденцию в Эль-Мерват, «у колонн Мариба»...

Следует также упомянуть, что я обнаружил около Амаид, в направлении современной деревни Мариб, но близко к моему местонахождению, большой холм из обломков — вероятно, развалины древнего поселения. Такие же развалины находятся и на юго-юго-запад от деревни, но на довольно большом расстоянии от русла Данна. Харам-Билькис лежит почти точно на запад (азимут 85) от посещенных мной пяти колонн, на расстоянии примерно в четверть часа пути. Солнце зашло, и мой план посещения прямо из Амаид Харам-Билькис пришлось отложить до утра.

Дома нас ожидало дерзкое письмо фекиха Мухсина бен 'Али эль-Йусуфи из Хизмат-эль-Хади. В нем говорилось, что мое прибытие в Мариб вызвало среди бедуинов разные толки. Феких Мухсин бен 'Али жил в небольшом селении Эль-Хизма, расположенном примерно в двух — двух с половиной часах пути вниз по течению вади, в области племени 'Абида, и состоял там в должности кади 'Абида, как его родственник Сабит в области шерифов. Мухсин бен 'Али хотя и был много старше Сабита, но значительно уступал ему в учености и положении: этот славный малый явно был не в ладах с орфографией. Однако у него было благородное намерение вступить со мной в такую же войну, какую он вел с орфографией своего родного языка.

После пространных елейных восхвалений бога и пророка, после того, как он разъяснил нам все предписания, которые относятся к стрижке усов, удалению остальных волос с тела, стрижке ногтей, обрезанию и т. д., — как бы для того, чтобы дать понять мне, оставлявшему усы неподстриженными и только чуть подправленными, что у арабов это не принято, что он, феких, знает, что я наверняка немусульманин или плохой мусульманин, — он спрашивал в довольно резкой форме, с какой целью мы, я и сейийд, прибыли в эту страну. Затем он позволил себе в поэтических оборотах обратиться ко мне так: феких Хусейн, эль-катиб биль-исмейн, то есть «доктор Хусейн, чиновник с двойным именем», намекая, что он знает мое настоящее имя — эль-Коласи, как называли меня в Сане, смешивая из-за созвучия мое имя с военным чином офицера первого класса (колагасси, произносится как коласи). Без особого труда я сообразил, что автором этого письма является кади Сабит. Его положение в Марибе не позволяло ему самому начать военные действия, поэтому он послал в бой своего родственника, находившегося вне досягаемости ответного огня. Я пришел к такому заключению потому, что Сабит был связан с самым хитрым моим врагом в Сане, который, конечно, известил его о моем путешествии; кроме того, мой собрат по профессии во время посещения медженнат гарра уже случайно спросил меня, не знал ли я в Сане коласи. На мой ответ, что в каждом турецком батальоне есть два коласи и что я не имею чести быть не только коласи, но даже и простым солдатом, он заметил, что ему кажется, что этот коласи сейчас находится именно в Марибе.

Сразу же после этого я принял решение посоветовать эмиру быть особенно бдительным по отношению к его кади и через эмира потребовать его к ответу за письмо. По отношению к фекиху Мухсину бен 'Али я сохранил абсолютное молчание и запретил сейииду писать что-нибудь, кроме короткого, вежливого ответа, и только от своего имени. Соответственно этому ответ содержал кроме выражений благословения богу и пророку только лаконичную фразу, обычную в Машрике *: «Что же касается нашего пребывания в Марибе, то ты знаешь: мен лаху хатва машаха» («кому судьба определила какой-нибудь шаг, тот его сделает», то есть кому предназначено богом предпринять то или другое, предпримет это, и человеческая воля не в силах этому помешать). Эта фраза соответствует известной пословице «Мен лаху фил кауни шейан ла йемуту хатта йеналуху» — «Кому в мире что-то предопределено, тот умрет не раньше, чем сделает это». Похожий смысл выражают слова «хута мактуба», которые часто можно услышать в обществе мусульман. Они означают,

что каждый шаг (каждый поступок) предписан провидением. Если что-нибудь не удается, это значит хута мактуба, этому не время, потому что каждая вещь определена (предписана) богом. Сам я счел достаточным просто сказать передатчику письма, 25-летнему сыну кади: «Сердечно приветствуй своего отца. Насколько я знаю, сейийд уже ответил ему. Я сам сейчас очень занят, но, как только у меня появится свободное время, я не упущу случая и со своей стороны ответить кади Мухсину бен 'Али». С этим посол был отпущен восвояси.

В тот же день в Мариб примчались три бедуинских вождя из Ал * Зувайй якобы затем, чтобы приветствовать иностранного гостя, но в действительности чтобы посмотреть, не грозит ли с нашей стороны какая-нибудь опасность племени Зувайй. Принимая во внимание фекиха Мухсина бен 'Али, я имел все основания быть настороже по отношению к бедуинам племени 'Абида. Поэтому приезд шейхов Зувайй был весьма кстати: в случае необходимости они могли сослужить мне хорошую службу против натравленных на меня 'Абида. Поэтому я попросил эмира Хусейна впустить трех бедуинов в мою комнату, где я приветствовал их необычайно вежливо, отвел им самые почетные места и оказал им почести, которые редко выпадают на долю сыновей пустыни со стороны кади и сейийдов.

Это были три в высшей степени интересные фигуры. Изможденные, как скелеты, эти достойные старцы с темно-коричневыми лицами производили неописуемо своеобразное впечатление. Ничто в комнате не избежало проворного взгляда их блестящих глаз, а ослепительно белые зубы, которые эффектно блестели в темном обрамлении лица, в Европе оценили бы дороже золота. За черным кофе и кальяном после обычных бесконечных приветствий завязался разговор. Вначале я заставил этих людей рассказывать об их стране, набегах и кочевьях, которые простирались от Басры до Махры, а затем сам подробно рассказал им о своих путешествиях и об их целях. Эти объяснения полностью произвели желаемое впечатление. Когда эмир пригласил их к ужину в нижний диван, они уже были явно убеждены, что феких Хусейн и сейийд Мохаммад не имеют никаких дурных намерений.

Воскресенье (25 марта) было посвящено исследованию так называемого Харам-Билькис, большого эллипсоидного храмового здания в 50 минутах ходьбы на юго-восток, больше к югу (азимут 144 градуса) от современной деревни, а именно между вади Данна и вади Эль-Феледж (вади Эль-Месиль), напротив мединат * Эн-Нахас, совершенно разрушенные развалины которого лежат на другом берегу вади Эль-Месиль.

 Арно посетил этот памятник сабейской древности 20 июля

1843 года в сопровождении Хусейна, старшего сына эмира ʿАбдеррахмана. Почти ровно через 45 лет мне удалось посетить и исследовать это замечательное сооружение, также в сопровождении Хусейна, сына того же самого эмира ʿАбдеррахмана, но уже третьего сына.

Арно неправильно указывает положение как Харам-Билькис, так и Амаид, называемого им «pilastres» — «колонны». Арно скопировал не все надписи на этих двух памятниках, а те, что скопировал, — не полностью. То, что известный французский путешественник рассказывает при этом, как и во многих других случаях, об ужасном (по его описанию) отношении жителей Мариба, является, как мне кажется, плодом его фантазии и подозрительности, которые заставляли его видеть призраки вместо верных и беспрекословно преданных эмиру подданных. Может быть, он к тому же не вполне понимал их язык. Верными подданными своего эмира жители Мариба остаются и сейчас, хотя эмир Хусейн вряд ли может сравниться по силе власти и влиянию со своим отцом, которого высоко чтили и боялись во всем Машрике и даже во всей Южной Аравии. В самом Марибе тот, кто, как Арно или я, находится под защитой эмира, и сегодня может не бояться ничего. Насколько я могу доверять воспоминаниям стариков в Сане и особенно в Марибе, путешествие Арно было предпринято с согласия тогдашних правителей Саны и Мариба, но это обстоятельство, во всяком случае, не отмечено прямо в сообщениях Арно. Я не хочу обвинять Арно, но это — нередкое явление у путешественников, когда они обходят молчанием людей или обстоятельства, сделавшие возможным или облегчившие их путешествие, либо для того, чтобы, как купцы в отношении своих источников дохода, не предоставить другим возможности тут же сделать то же самое, либо для того, чтобы представить опасное и отважное предприятие еще более опасным и более достойным. Так, однажды некий путешественник прибыл в Йемен с рекомендательными письмами турецкого посла в Париже и совершил там несколько научных поездок — конечно, не всегда в полном согласии с турецкими властями. Но однажды он сказал одному моему другу, арабу, что никогда не приехал бы в Йемен, если бы знал, что здесь есть турки!

Вернемся теперь к Харам-Билькис. Я отправился в путь рано утром в сопровождении обоих братьев — князей Хусейна и Мохаммада, кади Сабита, которому я дал начальные сведения о сабейских буквах, так что он теперь единственный житель сабейской столицы, который снова может читать по-сабейски, сеййида Мохаммада, нескольких других шерифов и моего слуги Салиха эль-Джауфи, второго сабейца или ми-

нейца, посвященного мной в тайны алфавита его предков. Я вообще всюду в Йемене по отношению к туркам, арабам и евреям был весьма щедр в обучении сабейскому алфавиту, гораздо щедрее, чем все мои предшественники, из которых только Халеви имел ученика. К сожалению, этот ученик злоупотребил своими знаниями на практике — для изготовления «древних» бронзовых табличек и камней с надписями. С нами были также два раба его высочества.

Перейдя вади Данна, мы через три четверти часа достигли Харама, большого здания эллипсоидной формы, длинная ось которого в отличие от того, что сообщает Арно, простирается не с востока на запад, а точно с северо-запада на юго-восток, то есть почти перпендикулярно направлению русла вади Данна. Большая ось внутри здания составляет 110 моих шагов, или приблизительно 80 метров. Так как толщина стен равна 3,3 метра, то для большей оси внешнего эллипса мы имеем длину в 80+6,6=86,6 метра. Меньшая ось, направленная с северо-востока на юго-запад, имеет оба размера (внутренний эллипс и внешний эллипс) в 93 шага=70 и 76,6 метра. И в этом отношении неверны данные Арно, который утверждал, что меньшая ось составляет меньше трети большей. В то же время приводимые им данные о периметре здания (300 шагов) почти точны.

Арно не прав, утверждая, что на концах меньшей оси (даже ошибочной оси Арно) находятся два входа. В действительности существуют два входа, но один находится на северо-восточном конце малой оси, а именно главный вход, в то время как второй (меньший) образует конец большей оси на северо-западной стороне здания. У меня создалось впечатление, что эта маленькая дверь была направлена точно на древний город Мариб, то есть немного в сторону северо-северо-запада. От центра здания точно на северо-восток стоят четыре колонны (монолиты), в самом эллипсе стены. Здесь есть еще много колонн, так что главный вход образовывал своего рода колоннаду.

Строго северо-восточнее главного входа на расстоянии 32 шагов видны другие восемь колонн, которые также поставлены в ряд в направлении с юго-востока на северо-запад. Эти колоны призматические, четырехгранные, гладкие, высотой 4,5 метра и без капителей. Однако сверху они не имеют ровного среза, а в середине верхней поверхности каждой колонны оставлено небольшое призматическое продолжение монолита длиной около 10 сантиметров. Это свидетельствует о том, что на колоннах были укреплены или свободные капители, или какие-то другие конструкции — может быть, просто каменные перекрытия, как на триумфальных арках.

Строго на северо-восток от Харама, примерно в трех километрах (или немного больше), также на продолжении меньшей оси Харама, находится так называемый микраб, сегодня это всего лишь холм с развалинами. «Микраб» еще и сейчас значит «храм» в Джауфе, особенно в Маине, где главные развалины называются «Эль-Микраб». Такое расположение обоих зданий точно в направлении на северо-восток — все измерения я проделал большой буссолью с точной градуировкой — заставляет нас сделать вывод о какой-то связи между ними. Бросается в глаза также направление меньшей оси, которая проходит параллельно приносящему плодородие потоку Данна. Может быть, обе постройки, Харам и микраб, поставлены в зависимость от направления русла Данна? Особенно Харам, кажется, был ориентирован с одной стороны по какому-то храму внутри древнего города (малый вход) и с другой — по микрабу или вместе с последним по направлению потока. Так, на южной стороне древней городской стены еще и сейчас заметны остатки моста, который был построен почти точно в направлении на Харам и, по преданию, доходил до Харама. Последнее, конечно, преувеличение, но предположение, что в древности существовал мост через реку Данна, отнюдь не кажется неестественным.

Во время сильных дождей в горах плотина, конечно, была не в состоянии задержать стремительный поток, и поэтому часть его вливалась в русло. Продолжение моста до самого Харама, который древние сабейцы часто посещали с государственно-богослужебными целями, могло представлять собой с учетом засеянных полей, часто искусственно залитых водой, земляную дамбу, от которой, однако, не осталось никаких следов.

Микраб, который находится уже недалеко от Эль-Хизмы, места жительства моего интриганствующего собрата Мухсина бен ʻАли, я по понятным причинам посетить не мог, но я и не имел такого желания, так как, по единодушным сообщениям, там можно ожидать результатов только от раскопок, а я принципиально не занимался раскопками из-за моих чахнувших денежных ресурсов.

На юго-юго-восточной стороне Харама, сразу же за стеной, снаружи, стоят четыре небольшие монолитные колонны. Они образуют в плане небольшой квадрат, стороны которого направлены с запада на восток и с юга на север. Около этой группы колонн в стене Харама нет никакого отверстия. Тем не менее кажется, что эта группа поставлена здесь не без связи с малым входом Харама, которому она почти точно противостоит. К сожалению, колонны сильно повреждены и ни одна надпись не дает сведений об их назначении.

ПУТЕШЕСТВИЕ ХИРША В ХАДРАМАУТ

Берлинский профессор Лео Хирш предпринял в 1893 г. научную экспедицию в Хадрамаут, где он был вторым европейцем после Адольфа фон Вреде (см. выше). Из Адена он проехал морем в маленькие гавани на южном берегу Аравии — Эш-Шихр, Сайхут, Гишин (Кишн) и Эль-Мукалла — в надежде получить возможность проникнуть в глубь страны из одного из этих городов. Эта надежда вновь и вновь не оправдывалась, так как правители городов побережья не осмеливались поддержать такое намерение ненавистного «насрани» против воли настоящих властителей страны — фанатических бедуинских племен. И только когда резидент британского протектората Аден недвусмысленно высказал правителю Эль-Мукаллы свое желание, чтобы тот сделал все возможное для безопасности путешествия Хирша в глубь страны, тот смог начать свое путешествие из Эль-Мукаллы в Хадрамаут.

Важнейшими пунктами его научного путешествия были Хаджарайн в вади Давъан, а также Шибам, Сайвун и Тарим — три важнейших города во Внутреннем Хадрамауте, которые Хирш посетил первым из европейцев. Обратный путь его лежал из Шибама через горы снова в Эль-Мукаллу.

ЛЕО ХИРШ

19 июля. Прошлой ночью шел дождь, так что я должен был перебраться с крыши в комнату. Стояла ужасающая жара, и при восходе солнца и облачном небе было уже больше 33° Цельсия, а около двух часов пополудни температура в тени достигла 39°. Сильный знойный ветер делал горячий воздух еще более удушливым.

Джем'адар * и в Шибаме заботливо распорядился о содержании меня и моих людей и даже послал одного своего служащего, который, видимо, имел при себе запасы и выдавал их по мере надобности. Предлагаемая мне еда была и здесь обильна, хотя и не так хороша. Ее готовила одна из домашних рабынь, которая очень огорчалась, что я мало ел, потому что думала, что я недоволен ее стряпней. Введенные в Эль-Хауте европейские удобства здесь отсутствовали, и обслуживание также было в общем небрежнее, так как недоставало хозяйского глаза. Но все это для меня не имело значения, и я легко обошелся бы без всего этого, если бы мог сам позаботиться о себе и приказать сделать все необходимое

моему слуге 'Али. Он тем временем превратился в большого человека и осознал свою цену, потому что все, кто хотел чего-нибудь от меня, — а их было немало — имели обыкновение прибегать к его посредничеству.

Моих аскери * я отпустил с приличным бакшишем *, но они продолжали постоянно навещать меня, а один из них, раб, настоятельно просил разрешения сопровождать меня назад в Эль-Мукаллу под тем предлогом, что хочет навестить там родных, в действительности же, вероятно, чтобы продолжить хорошую жизнь и заработать немного денег. Так как он был мне симпатичен, я при прощании передал его просьбу джем'адару, и тот без проволочек исполнил ее. Предположение, что я найду в нем услужливого, заботящегося о моей безопасности спутника, не обмануло меня. Вообще, рабы казались мне более достойными доверия и более приятными, чем свободные арабы, потому что они не так дерзки и фанатичны.

Мои верблюды и бедуины-сейййры * достигли в Шибаме своей цели и возвратились в Хаджарайн. Поэтому вновь встал вопрос о вьючных животных и охране. Я сомневался, смогу ли вернуться в Тарим, и поэтому должен был позаботиться об обратном пути. Я объявил джем'адару, что ни в коем случае не стану возвращаться тем же путем и что я скорее намерен отправиться по вади Бин-Али и так далее, причем «и так далее» я дополнил названиями по карте Ван ден Берга, чтобы выманить у слушателей сведения о возможности этого пути. Это мне удалось благодаря надежности моих европейских сведений. И хотя они мне возражали, ссылаясь на опасности и трудности предложенного мной маршрута, но все же готовили все необходимое для осуществления замысла, от которого я не хотел отказаться. Муаллим искал для меня людей и верблюдов, что было совсем не легко, ибо одному вовсе не нравилось путешествовать вместе с френги, а другой выставлял чрезмерные требования.

Днем я послал со специальным нарочным свое рекомендательное письмо к шеху Абу Бакру Зубеди в Тарибу, в котором, кстати, выразил желание лично познакомиться с ним и сожаление, что это вряд ли будет возможно из-за господствующего враждебного отношения ко мне. Начали появляться пациенты, а также и праздные любопытствующие посетители, которые в общем вели себя прилично и дружелюбно. Одному сейййду, вошедшему в комнату без приглашения и приветствия, а на вопрос, чего он хочет, гордо ответившему: «Я сейййд и шериф», я сказал, что мне был бы приятнее благовоспитанный раб, чем шериф с плохими манерами, после чего он, оскорбленный, пошел своей дорогой. В присутст-

16 Зак. 186

вии большого числа людей ему было, конечно, крайне неприятно, что я проявил такое неуважение к его званию; но именно это и заставило меня утвердить свое достоинство за его счет. Ведь я не думал, что здесь смотрят на меня в основном дружелюбными глазами.

Во время прогулки по городу, которую я предпринял с эскортом аскери, сбежалось столько народу, что я едва мог идти, и моя охрана беспрестанно должна была разгонять людей, которые тогда бежали боковыми улицами к следующему углу, где снова поджидали меня. Из-за этих докучных обстоятельств я быстро возвратился домой, получив только одно впечатление: высокие глинобитные дома, часто соединенные один с другим галереями, оставляющими проходы, и узкие улицы в ухабах, изрытые сточными канавами, идущими от домов. Население Шибама довольно велико и, вероятно, превышает шесть тысяч человек, которые теснятся внутри стен, так как из-за соседства касири вне города небезопасно.

Вернувшись с прогулки, я забрался, чтобы сориентироваться, на крышу дворца, хотя в нем и не было гулба (наблюдательной башни), как на соседнем дворце джем'адара Абдаллаха или на дворце Ауд. Построенный из глины много лет назад, он все же производил очень приятное впечатление: межэтажные полосы были аккуратно оштукатурены известью, которая образует остроконечные узоры; штукатурка верхнего этажа доведена доверху, а стоящие на крыше маленькие гулбы, как и один побольше, целиком выбелены; башни, как и крыша, завершаются украшениями, похожими на наконечники копий, и придают тяжелому зданию изящный вид, который дополняет решетчатая ограда террасы.

Дворец, в котором мы жили, принадлежал старшему брату Хесена джем'адару Мунассару, чья резиденция была в Эш-Шихре. На той же площади стояла обветшалая мечеть шеха Мааруфа со столь же ветхим четырехгранным минаретом и массивной куббой святого. В направлении западо-юго-запад от Шибама находилась Джабаль-Хибба; она была отделена от города равниной, называемой Схель (Сухель)-эль-Билад. Шириной примерно в полчаса ходьбы, она в южной половине до самого подножия гор густо покрыта пальмами. Между ними видны мечеть и несколько ветхих домиков. Остальное покрыто глубокими желтыми песками, из которых лишь кое-где торчат отдельные пальмы. Уже упомянутый форт Саидия лежит на северо-запад от нашего наблюдательного пункта на правом склоне Джабаль-Хибба. Слева у ее подножия, в направлении примерно на юго-восток, видны белые дома и пальмы Хазима, местности, принадлежащей сеййдам рода 'Айдерус.

Дворцы джем'адара занимают восточную часть Шибама, и от них отходит глинобитная стена высотой около 20 футов, окружающая весь город. На стороне, обращенной к схелю, построена нуба * с пятью пушками. В нашем дворце я также заметил две маленькие мортиры. Восточнее города далеко протянулись пальмовые рощи. Вне стен находится довольно большой завод для приготовления индиго. Это вещество получают из растения хавир (Indigofera argentea) следующим образом: высушенные листья толкут, заливают водой и выставляют на солнце в больших глиняных сосудах.

Мне указали направление на Тарим — на востоко-северо-восток. В северо-восточном направлении я увидел Джабаль-Кабусу, которая кажется расположенной ближе горного массива. У ее подножия, в 60° к северо-востоку, видны дома и пальмы Бехары, прямо на северо-восток, на склоне горы, — Белед-Джаайма и немного назад, в 30° к северо-востоку, — другой небольшой белед, — Мехтерга. Оба последних должны лежать у подножия гор с теми же названиями. Все три населенных пункта подчиняются касири, область которых начинается прямо у Шибама.

Уже в Хаджарайне мне рассказали, будто бы в Джабаль-Кабусе и Джаайме имеются древние надписи. Особенно замечательна Джабаль-Кабуса, так как там находится пещера с могилой Шеддада *, сына 'Ада *, останки которого лежат в драгоценном саркофаге, покрытом многочисленными надписями. Хотя сообщение было совершенно недостоверно и даже носило печать полной неправдоподобности, я ожидал от экскурсии туда определенных результатов, хотя, может быть, совсем в другом отношении. Уже в Катне я переговорил об этой экскурсии с джем'адаром Селахом и получил благоприятный ответ.

В Шибаме я снова сразу же поднял этот вопрос. Но названные местности, как я уже говорил, находились под властью касири, враждебных ка'айти. Поэтому была нужна охрана от жившего там племени, к которому я и обратился при посредничестве сейийда Хусейна 'Айдеруса. Сейийд приехал, чтобы договориться о деталях, и сидел в меджлисе *, а мой адъютант Салим пришел ко мне, чтобы выжать из меня побольше. Он спросил, сколько я хочу дать сейийду, потому что тот должен заплатить сийара; я ответил, что сумма в 20 рупий * кажется мне достаточной. Но Салим считал, что людей, число которых достигнет по меньшей мере двадцати, должен возглавить сейийд, поэтому я добавил еще 20 рупий. Но когда он и это нашел слишком малым, я выразил недовольство и попытался остановить дальнейшие попытки вымогательства, сказав, что больше не дам; более того, я дол-

жен буду сообщить джем'адару о его поведении. Салим принял надменный вид и заявил, что он позаботится о том, чтобы из всего этого дела ничего не вышло. Я заметил, что даже и на это совершенно согласен, теперь же он может идти своей дорогой. Он ушел и на следующее утро отправился назад в Эль-Хауту, прихватив лошадь, которую джем'адар предназначил для моего пользования в Шибаме.

После того как Салим покинул меня, пришел муаллим и снова пытался меня успокоить. Он заявил, что сейийд вполне удовлетворен обещанными мной 40 рупиями, и свел меня с ним. Мы договорились об экскурсии на следующий день, ни разу не коснувшись вопроса о деньгах.

20 июля. Так как у меня отняли лошадь, муаллим позаботился о верблюде, на этот раз с верховым седлом. Сейийд ехал на своем откормленном черном осле с белой мордой и блестящими светлыми кругами вокруг глаз, на настоящем поповском осле. Его хозяин, с большой головой, черной заостренной бородой, мигающими глазами и бычьим затылком, тоже имел какой-то поповский вид, хотя сейийды только святые, а не священнослужители. Мы отправились в половине восьмого утра в сопровождении некоторого числа аскери и сначала двигались между восточной стеной и пальмовой рощей, а затем, оставив позади город, направились по высокой тропе среди пышных насаждений на северо-восток. Миновав сакию *, мы въехали на глинистый холм, на склоне которого возделывается те'ам *. К 8 часам мы подъехали к широкой волнистой равнине с небольшими барханообразными холмиками движущегося песка, почти без всяких следов растительности. Слева, у подножия горы, за своими пальмами чуть виднелся Гара, большой белед, над которым возвышался Хусн-эль-Катири. Дальше, в устье вади Эн-Наам, было видно селение того же названия с насаждениями к востоку от него. Почва стала более ровной и была покрыта довольно скудной растительностью. Из-за соседнего горного склона спускалось вади Асхеба.

Солдат нашего эскорта выстрелил из ружья, чтобы вызвать эскорт касири. Мы приблизились с востока к Джабаль-Кабусе, которая выглядела как романтическая скала, крутая со стороны долины и довольно обвалившаяся по сторонам. Прямо перед ней мы проехали мимо остатков старой, но, конечно, не 'адитской стены; около нее недавно якобы нашли золотые изделия. В 9 часов мы достигли подножия горы, и наши люди устроили привал у какой-то сигаи *; мне пришлось одному взбираться по каменистому склону, потому что суеверная робость помешала моим спутникам сопровождать меня. Но позднее меня догнал мой слуга.

Ша'б *, круто обрывающийся с Кабусы, спускался с небольшими изгибами до самой долины. Упорно карабкаясь по скалам без дороги, я достиг высоты, с которой открывался хороший обзор. Северо-западнее в долине были видны уже упомянутая Джаайма и отдельные хусны * и дома с небольшими, тянущимися на север насаждениями. Более значительные посадки находились на северном, левом склоне Кабусы. Шибам лежал юго-восточнее, а точно на юге — вади Бин-Али, в котором виднелись большие насаждения пальм и белые дома многочисленных биладов. На юго-западе было видно вади Шибам; его можно было проследить немного на юго-восток. Мне не до конца ясно, что понимают здесь под названием «вади Шибам», которое часто употребляется вместо «вади Сарр», — всю долину или имеется, как предполагают, особое вади Шибам, которое должно протекать левее и является самостоятельным, пока не иссякает или не вливается в главное вади. Сам поток почти незаметен в этой широкой, окаймленной горными отрогами долине, почва которой большей частью представляет собой глубокий рыхлый песок со скудной растительностью, а имеющиеся насаждения большей или меньшей ширины и густоты тянутся по сторонам, где стекающие с гор ручьи приносят им большее количество воды.

Я не смог найти пещеру; то, что мне показывали как пещеру, оказалось мощной скалой, в которой вода проделала небольшой проем, сквозь который мы прошли. Снизу видна еще одна впадина, до которой мы тоже добрались, карабкаясь по крутому склону. Верхняя часть горы сложена из толстых, отчетливо видных слоев каменной массы, состоящей из смеси фиолетового туфа и базальтовой яшмы. Но предполагаемая пещера оказалась широкой трещиной между двумя колоссальными глыбами, упавшими сверху. Она сужается внутри, так что проникнуть в нее невозможно. По другую сторону скалы это отверстие расширяется в большую пещеру, которая, очевидно, сообщается с отверстием, видным спереди.

Так окончательно рухнули мои надежды отыскать знаменитую пещеру, потому что дальнейший подъем из-за большой крутизны и изрезанности склона потребовал бы чрезмерной затраты сил и времени. Я решил двинуться в обратный путь, который был почти столь же опасен, потому что свободно лежащие обломки скал уходили из-под ног и грозили сбросить нас в пропасть.

Отказавшись от бесплодных усилий и вернувшись к нашим людям, мы нашли присоединившихся к ним аскеров-касири, предназначенных для нашей охраны, и приветствовали их. Затем мы направились в хоту сеййида, лежавшую в чет-

верти часа пути, напротив горы Джаайма. Построенный на небольшом возвышении мензиль * был окружен несколькими ветхими домишками; большой, обнесенный стеной двор служил для содержания верблюдов и ослов. Моя свита была теперь весьма внушительна: аскери и рабы джем'адара, аскери-касири, среди них один, которого они называли даула (он выделялся любезным отношением ко мне), погонщики верблюдов, носильщики — короче, собралось 22 человека, чтобы констатировать мое блестящее фиаско.

В обширном меджлисе, к которому нужно было подняться на две ступени, всем нашлось место. На покрытом циновками полу были постелены грубые ковры, сотканные из черной овечьей шерсти; сеййиду и мне положили подушки, сшитые из пестро раскрашенной восточной материи. Нас угостили хорошим кофе и затем обедом, кажется специально приготовленным для меня: три сорта мяса, из них два под соусом, хлеб, рис — все очень хорошее. Меня отличили жестяной тарелкой и очень гибкой жестяной ложкой, тогда как остальные, собравшись группами у больших блюд с рисом, брали пищу обычным способом, то есть руками. За едой последовала очень оживленная беседа, которая для меня была неинтересной. Сеййид представил мне своего маленького сына, который унаследовал отцовское мигание и тем неоспоримо доказывал свое благородное происхождение.

Около половины пятого мы отправились домой, чрезвычайно довольные приемом, причем никто даже не упомянул о надеждах, первоначально связанных с этой экскурсией. Шибам лежит отсюда прямо на юго-юго-запад; через четверть часа нас покинули касириты, и примерно без четверти шесть мы снова вернулись в Шибам. Уже во время пути сильный ветер начал так кружить песок, что близкие горы исчезли в белом мареве. После нашего возвращения вдали разразилась гроза, которая к вечеру приблизилась и принесла обильный, несколько освеживший природу дождь. Ночью в мечети на площади отмечали молид * — шумный радостный праздник в честь пророка, да благословит его Аллах.

21 июля. По-прежнему остается неизвестным, отправлюсь ли я на Эль-Мукаллу или поеду через Тарим. В любом случае необходима какая-то провизия, и перед полуднем я сам пошел на базар, чтобы запастись ею, потому что сегодня я занят меньше, чем обычно. Прогулка по этим улицам малоприятна: помои стекают из домов прямо на улицу или по оштукатуренным стокам в небольшие углубления, соединенные с узкими канавами, пересекающими улицу, в которых застаивается грязная вода. Базар небольшой. Необыкновенно маленькие лавчонки не имеют прилавков. Товары, кото-

рые я видел, плохого качества. Однако имеется все необходимое для местного покупателя, так что Шибам считается торговым городом первого ранга и действительно далеко превосходит Тарим и Сайвун по богатству жизни и торговли. Я заметил даже европейские изделия: итальянское мыло, французские свечи, голландский цветной фарфор. Продукты питания и товары повседневного обихода, например дрова, корзины из пальмовых листьев и т. п., большей частью выставляют на продажу прямо на улицах. Даже ремесленники часто занимаются своим скромным ремеслом под открытым небом. Муку не продают, только пшеницу, которую затем отдают женщинам для размола. Этот вид зерновых превосходно растет в окрестностях Шибама. Соль привозят на продажу из Шабвы, расположенной в шести днях пути западнее Шибама, в области Берек, куда течет вади Ирма. В этой же области соль добывают также в местностях Абида и Ияд, близ Шабвы. Как мне рассказывали, за мешок соли платят на месте один беса (два пфеннига), к чему, конечно, еще добавляются расходы на перевозку. Соль, образец которой я привез домой для анализа, оказалась чистым хлористым натрием, то есть каменной солью, которая образовалась, без сомнения, естественным путем.

Платежной монетой в Шибаме является гирш * (талер Марии-Терезии), части которого выплачиваются англо-индийскими монетами. Но медные деньги старой чеканки принимаются только на вес. Платить рупиями убыточно, потому что гирш, который в Эль-Мукалле стоил две рупии два анна, а затем даже две рупии и ниже, в Шибаме приравнивался к двум рупиям четырем анна, то есть на монету в два анна, равную восьми беса, один беса убытка (беса составляет $^1/_{16}$ гирша). Торговцы были со мной весьма любезны, и я кое-что купил, но в конце концов должен был ретироваться, так как густая толпа обступила меня со всех сторон.

Муаллим представил мне днем сейийра по имени Са'ид Берайих из Эль-Ауна, принадлежащего к касиритским племенам. Этот человек, проживающий в вади Бин-Али, должен был быть моим проводником в Эль-Мукаллу через это вади. Он обещал назавтра привести верблюдов, но мы не условились обо всех остальных деталях. Тем временем явился посланец шеха Абу Бакра Зубеди из Тарибы с письмом, в котором шех обещал удовлетворить мою просьбу и прислать сийаров из Сайвуна, Тарима и Мешаих, то есть от независимых шехов местностей, по которым пролегал мой путь, а также прислать в Шибам своего сына, который проводил бы меня и обеспечил бы безопасность путешествия. Это сообщение было очень радостным в одном отношении: в безопаснос-

ти путешествия теперь можно было не сомневаться. Но все же я счел необходимым предварительно добиться договоренности с шибамцами, в благожелательности которых я нуждался для осуществления моих дальнейших планов, над чем уже трудились мои люди. Поэтому я дал посланцу уклончивый ответ, чтобы выиграть время.

Около пяти часов в горах снова начал греметь гром; гроза скоро приблизилась и принесла сильный ливень. Мощно гремел гром, и штормовой ветер рвал воздух, как толстый мокрый платок. Освежающий ливень быстро прекратился; все же температура, поднявшаяся перед этим до 38° Цельсия, опустилась на несколько градусов. Здесь я опять заметил, что во время дождя выкрикивают «Йа керим!» *.

22 июля. Опять нашлось множество пациентов, даже женщины, которые пришли с мужьями. Около 50 человек побывало у меня в этот день. Я немногим смог им помочь, потому что у меня кончились как раз те медикаменты, которые я особенно часто применял. Большинство жаловалось на сильную головную боль или ужасные мигрени, а также на глазные болезни и кашель; искали помощи также от слабости по различным причинам. В противоположность портовым городам было мало ранений. Под предлогом болезни проникло также несколько нищих.

После обеда посланец из Катна принес мне письмо от джем'адара Селаха следующего содержания: «От Селаха бин Мухаммеда бин 'Амра бин Ауза эль-Ка'айти. Да будет прославлен Аллах, первоисточник восхвалений тех, кого он избрал своим выбором, пославший своего прославленного апостола с вестью своих законов и праведного пути. И молитва и благополучие нашему господину Мухаммеду, и его дому, и его сподвижникам. Здесь мы приносим приветствия, которые едва можно выразить, и хвалу, нежную и ласковую, как прохладный ветерок, тому, чьи следы воистину прославлены и чьи дела на пути дружбы прекрасны, благородному превосходительству и высокопоставленному другу, сахибу ховадже Лео Хиршу, да благословит, и защитит, и сохранит его господь.

Это письмо отправлено из Белед-Райда, и нет ничего, что следует сообщить, кроме хорошего. Моя цель — справиться о состоянии твоего здоровья, и я надеюсь, что ничто не изменилось к худшему. Твое уважаемое письмо пришло ко мне из Шибама с сообщением о твоем прибытии, чему мы очень обрадовались. А ты обратись к шеху Абдаллаху бин Са'иду и поблагодари их превосходительство за то, что он принял тебя, как мы предписали. Все это лишь необходимое для тебя, и мы считаем твои справедливые претензии к нам неудовлет-

воренными. Но от друзей мы ожидаем извинения наших недостатков.

Кроме того, ты непременно должен поехать, самое меньшее, в Тарим, и мы предписали шеху Абдаллаху бин Са'иду найти тебе подобающую свиту, с которой ты отправишься в Тарим и вернешься к нам, когда достигнешь этой местности на своем пути. Ты сможешь доехать до Тарима без затруднений. Что же касается Бир-Бархут, то у нас нет доверия к племенам этой местности. После твоего возвращения из Тарима я, безусловно, встречусь с тобой, если пожелает Аллах. Молодой Салим Абдаллах прибыл к нам и привел лошадь. Мы, однако, не возьмем ее назад, пока ты не разрешишь этого, и пошлем ее тебе сейчас, если ты этого пожелаешь.

Это служит для сообщения о прибытии твоего письма и для изложения предстоящего. И наш привет тебе.

Написано в субботу 8-го святого месяца мохаррама в 1311 году».

По-моему, джем'адар мог бы дать охрану если не до Бир-Бархут, о чем я его просил раньше, то хотя бы до Айната, расположенного едва в одном дне пути от Тарима, где находится резиденция высокочтимого мунсиба * йафе'итов, сеййида ибн шеха Бу Бакра Бу Салима. Может быть, он боялся дать маху перед этим святым, допустив туда «неверного». Но в конце концов я был доволен достигнутым. О войне в области, куда я хотел проникнуть, больше не было и речи; за это время был заключен мир.

Муаллим приказал идти со мной сеййиру Са'иду Берайнху, первоначально нанятому для путешествия в Эль-Мукаллу. Вечером пришли два верблюда, которых вели рабы Джабири. Условия оплаты сеййиру и цена верблюдов были весьма умеренными, и проводник показал себя скромным, заботливым и надежным. Он только знал об этом пути не так много, как мне бы хотелось, и иногда своими неуверенными ответами вводил меня в страшный гнев, взрывы которого он, однако, спокойно переносил.

23 июля. Утром, в 6 часов, только 28° Цельсия, барометр показывает 669 миллиметров. Ночью была большая процессия с фонарями, рукоплесканиями и пением из-за селя *, который ожидается или уже прошел после недавних дождей. Урожай фиников во многом зависит от числа этих потоков, которые поступают к насаждениям по специально отведенным многочисленным каналам.

В четверть четвертого пополудни мы отправились в Тарим. Кроме сеййира меня сопровождает только слуга, и я ограничился лишь самым необходимым багажом. Все остальное осталось в моей комнате, ключи от которой я взял с со-

бой. Опасность не могла быть велика, так как нас отпустили без охраны. Вначале мы проехали пальмовые рощи, как по дороге на Кабусу, затем увидели на юго-востоке местечко Хазим, принадлежащее племени ʻАйдерус, с его белым четырехгранным минаретом. Через четверть часа появилось в виду селение Бехара, у подножия Кабусы. Мы ехали в северо-северо-восточном направлении по однообразной песчаной равнине со скудной растительностью. На правой стороне вади можно было заметить незначительные насаждения. Без четверти четыре мы оставили на юго-востоке Билад-Хотат-Ахмед-Бин-Зен, принадлежащий касири. В том же направлении было видно слияние вади Бин-Али и вади Шибам, куда вел наш путь. На северо-северо-восток отсюда, слева от нас, впадало вади Джаайма, у подножия одноименной горы.

Горизонт от северо-запада до северо-востока покрывали черные тучи, а мы в это время поджаривались на пылающем солнце. На почве были видны небольшие возвышения, поросшие негавой (солончаковым растением). На них вообще растительность была погуще и можно было встретить особенно тонкую траву с желтыми цветками, буйно растущую большими кустами, и немного ошера.

После того как мы проехали дальше примерно в восточном направлении, в четверть пятого, стал виден в востоко-юго-восточном направлении город Гурфа, лежащий на правом горном склоне, у подножия Джабаль-Йиргид. Гору перед ним мне сперва назвали Ба-Бакр, но потом сказали, что это — название принадлежащих касири домов и хуснов, которые лежат у ее подножия. Сама гора в действительности называется Джабаль-Бускер. Еще до этого появилось прислонившееся к той же горе поселение Ди-Себах, принадлежащее роду сеййидов эль-Бахр.

Около четверти пятого мы увидели справа, примерно на той же высоте, на которой находились мы сами, устье вади Еб, идущего с юго-запада и, вероятно, ответвляющегося от вади Бин-Али. Позади нас, на западе, шел дождь, и окружающие долину горы кое-где окутал туман. За Джабаль-Йиргид, на правом берегу вади, показалась Джабаль-Шхох, затем на востоке — Джабаль-Джезма, которая кажется расположенной поперек долины. При приближении же оказывается, что эта горная цепь состоит из многих возвышенностей, с которыми мы вот-вот должны были познакомиться поближе.

Мы достигли уже высоты Бехары, маленького беледа с хусном и обширными пальмовыми угодьями. В ее окрестностях расположена кубба Шеха бин Саʻида бин Шеха. Дорога идет по обширным, но бедным, часто молодым пальмовым

плантациям, на которых растет также некоторое количество ката. Часто встречались работающие люди: они поднимали воду из колодцев описанным выше способом и наполняли ею немногочисленные оросительные канавы, пересекающие плантации. Бедуин с женой, нагружавшие своих верблюдов сухими ветками пальм, чтобы отвезти их в Гурфу, дали нам напиться.

С утомительной настойчивостью нас сопровождал сильный северный ветер, наполнявший горы и долину густой пылью. В четверть пятого мы прошли мимо далеко выдающихся отрогов Джабаль-Мехтерги, расположенной на левой стороне вади, за Джабаль-Кабусой. Одна из них увенчана ветхим кутом *, вершину другой занимает хусн, а склон — дома, лежащие в развалинах. Пальмы встречались все реже и вскоре совсем исчезли; только свежая зелень рака еще попадалась на каменистой почве.

Мы удалились от левого берега и ехали посередине долины, где нам еще встречались расположенные на небольшом расстоянии друг от друга холмы желтого движущегося песка с несколькими жалкими пальмами, вскоре уступившие место почти полному отсутствию растительности. Без четверти шесть на северо-востоке, по левой стороне долины, показалось поселение Мадуда с хусном и пальмами, а справа, прямо на восток отсюда, мне показывали Сайвун, но из-за сильной дымки я не смог его разглядеть. После этого на отроге Джабаль-Ш-хох, на юго-востоке, появился Тарис, но скоро исчез из поля нашего зрения, заслоненный цепью высоких песчаных холмов, расположенных перед ним. Такие же гряды холмов, покрытых скудной растительностью, покрывают и левый горный склон. Между ними на востоко-северо-восток тянется совершенно ровная дорога.

Сайвун (собственно Сеун) был теперь виден на отроге горы, называемой Джабаль-Сайвун, увенчанной расположенным наверху замком султана, с обширными плантациями, которые спускаются глубоко в долину. В 6 часов мы находились на высоте Мадуды; сразу после этого мы перешли на правый берег долины по влажному глинистому руслу вади, усеянному многочисленными большими лужами. В этом месте проводник объявил, что теперь мы находимся в вади Масила, и добавил, что это вади ведет к Кабр-Худ, а дальше впадает в море. Как было сказано выше, я видел его устье у Сайхута.

От Джабаль-Ш-хох спускается одноименное вади, очень широкое и покрытое пальмами, насколько видит глаз. В его истоке на ближайшей к нам стороне находится Тарис, на другой — Сайвун; поэтому его называют также вади Сайвун,

и не исключено, что с Джабаль-Сайвун стекает к этому же устью другое вади. В половине седьмого мы въехали в угодья Сайвуна, и дорога пошла среди высоких и низкорослых пальм, буйных зарослей те'ама, полей пшеницы и распаханных полей. Всюду колодцы; узкие и широкие оросительные каналы пронизывают землю. Шел небольшой дождь; во всех направлениях сверкали молнии, вдали гремел гром. Быстро спускались сумерки, и женщины с детьми возвращались с полей в город. В пяти минутах ходьбы от Сайвуна, у подножия выдающегося вперед холма, находится маленькая многокупольная мечеть. Дорога шла по ровной, лишенной растительности почве, но справа и слева от нас были пальмы. Рядом с Сайвуном, вне его стен, расположена вторая мечеть с куполом и красивым ажурным минаретом.

В семь часов мы прошли низкие городские ворота. Бедуин долго вел нас по городу; казалось, он сам не знал куда. Мечети, пальмовые рощи, высокие и низкие дома (большей частью низкие) мелькали нескончаемой чередой. Мы явно кружили; наступила ночь, и только луна освещала наш таинственный путь. Наконец мы остановились в доме деллала Абдаллаха бин Салиха Багтийана. Нас любезно приняла его дочь, уже пожилая женщина, с двумя очень милыми детьми. Деллал значит «маклер»; почему его так называют, я не знаю. Бедуины обычно останавливаются здесь у деллала, если у них нет никакого другого приюта. Так поступили и мы, потому что у нас не было никаких рекомендательных писем в Сайвун.

Прием был беднее, но уютнее, чем гостеприимство вельмож, тем более что за наши деньги нам предоставляли все, чего мы желали. Сначала мы расположились на крыше, но бурная гроза с сильным дождем, которая длилась полночи, загнала нас в маленький низкий меджлис, где мы и провели ночь.

24 июля. В 6 часов утра термометр показывал 29° Цельсия, барометр — 674 миллиметра. Сегодня, десятого мухаррама, в Эль-Мукалле празднуют 'ид 'ашур *, во время которого одаряют детей сладостями. Но в Сайвуне не было видно ничего праздничного. Я послал своего бедуина к султану, поручив ему просить разрешения осмотреть город. Основательно расспросив обо мне и моих намерениях, султан ответил согласием на мою просьбу. Султана Сайвуна зовут Мансур бин Галиб бин Мухсин эль-Касири, а его брат Мухсин бин Галиб правит в Тариме. Моя хозяйка выражала большое недовольство своим наследственным господином, который, по ее словам, выжимал деньги из своих подданных. Вероятно, он отечески заботился о том, чтобы его верный народ не стал

заносчивым, для чего и отправлял в свой карман в виде налогов нарастающие излишки сверх самого необходимого. Но к такому поведению он, кажется, был почти вынужден, потому что султаны-касири не имеют такой финансовой опоры как султаны-ка'айти. Не нужно также слишком высоко оценивать размеры предписанной контрибуции, потому что султан не мог рискнуть покуситься на сейийдов, здесь особенно влиятельных и составляющих почти все зажиточное население.

В Сайвуне якобы 300 мечетей: дома, как уверяла меня хозяйка, все обитаемы, следовательно, население города довольно велико. Однако, оставаясь в рамках правдоподобия, его следует определить не более чем в четыре с половиной тысячи душ.

Улицы Сайвуна шире и чище, чем в Шибаме, и очищаются от помоев, которые стекают в облицованные ямы. В пределах глинобитной стены, окружающей город, имеются возделанные поля и обширные пальмовые рощи, принадлежащие в основном мечетям. Мечетей в городе действительно много, и они в хорошем состоянии. Самые значительные мне показали, когда я бродил по городу, мои добровольные спутники, которые вели себя немного надоедливо, но нисколько не враждебно и заметно радовались тому интересу, который я проявлял к их святилищам.

Наиболее значительные мечети были воздвигнуты родами сейийдов и носят имена этих родов. Прежде всего мы осмотрели мечеть Хабиба Али бин Абдаллаха Секкафа с замечательным большим куполом и красивым минаретом, заботливо выбеленную, как все лучшие здешние мечети. Рядом расположены кладбище с хорошо содержащимися каменными гробницами, снабженными надгробными плитами с именами покойников, и обнесенный глинобитной стеной сад с пальмами и деревьями дом. В таком же стиле построена мечеть Таха; ей также принадлежит большой сад.

Широкая улица с довольно большими домами принадлежит Хабибу Абдаллаху бин Мухсину ес-Секкафу, мунсибу Сайвуна. Здесь находятся и его дом, похожий на крепость, но в остальном ничем не примечательный, и названная его именем мечеть, ничем не выдающаяся. Еще две значительные мечети: мечеть Мешхур с красивым ажурным минаретом и мечеть Эр-Рияд Хабиба Али Хабши — также великого вели и мунсиба. Он каждый год устраивает пир, на котором угощает рисом и мясом шесть тысяч человек, хотя сам совсем не богат. Во всяком случае, он покрывает весьма значительную часть расходов на этот пир, который необычайно способствует его популярности и святости, за счет пожертвований знатных верующих. В свою очередь, он каким-то образом

служит их интересам, когда бросает свое влияние на чашу весов правосудия в их пользу. Так и здесь одна рука моет другую. Тот, кто кормит народ, тот и владеет им (и особенно это касается бедуинов, которым в основном вера мало трогает душу).

Бок о бок с мечетью Абдульмелика с интересным четырехгранным минаретом расположена кубба Хабши бин Гедуда с высоким куполом; большое кладбище с многочисленными мавзолеями вели примыкает к святым местам. Здесь находится кубба Секкафа. Перед ней — две могилы, надгробия которых снабжены большими надписями. Я с удовольствием скопировал бы их, но, почувствовав у моих спутников известную неприязнь к тому, чтобы я вошел на кладбище, я отказался от этого, чтобы не вызвать возмущения. Это кладбище очень старое, так как на нем можно увидеть ветхий памятник первому касири, пришедшему в Хадрамаут, — султану Бедру бин Туверику. Отец нынешнего султана Галиб бин Мухсин также покоится в этом знаменитом месте.

Дворец султана находится на возвышенности. Он обнесен стеной с выступающими кутами, фланкированной круглыми башнями. Крыша увенчана тремя наблюдательными вышками; обе крайние выше средней. Как и дворец в Шибаме, он оштукатурен лишь полосами по ширине рядов окон. Его ближайшая соседка — главная мечеть Джами-Кебир, в которой происходит пятничная молитва. Это низкое, но просторное здание с обычным минаретом и неизбежной пальмовой рощей. Находящийся поблизости базар очень невелик; я увидел только несколько крошечных лавчонок, расположенных двумя короткими рядами друг против друга. Торговли я в этот день не заметил.

Чтобы получить хороший обзор, я забрался на крайний холм бокового хребта. Далеко на север протянулся просторный город с обширными угодьями, выдвинутыми в широкое вади Масила. Перед нами возвышалась горная цепь, у подножия которой, на северо-запад отсюда, была видна Мадуда. Восточнее мы увидели вади Джезма, идущее с юга на север к вади Масила, а вади Ш-хох, обойдя гору, за которой скрывался Тарис, впадало в него на западе от нас.

Вернувшись домой, я в 11 часов принял молодого сына или, скорее, племянника султана, который послал просить меня посетить его. По дороге к нему мой бедуин затеял ссору с потомком султана, с которым он обращался несколько презрительно, так что тот в конце концов выхватил кинжал. Но наши спутники успокоили возбужденного юношу, и я вежливо попросил его занять почетное место рядом со мной, после чего перевел разговор на красоты города и его плодород-

ных окрестностей. Придя в хусн, я увидел во дворе два валяющихся старых пушечных ствола. Мы поднялись в высокий вместительный меджлис, пол которого был покрыт прекрасными восточными коврами. Нас ненадолго оставили одних, потом появился султан с небольшой свитой из аскери и рабов и с несколькими детьми, двое из которых, самые маленькие, были его собственными. Он сам был еще молод, едва за двадцать, маленького роста, светлокожий, с черными волосами и бородой, с сильно развитыми губами и живыми глазами — в общем, редкий здесь тип молодого еврейского патриция и гуляки нашей родины. Он, как и его свита, был пышно одет.

Султан приветствовал меня вежливо, но сдержанно. Я сел рядом с ним, и сразу же раб принес превосходный кофе. Беседа шла очень вяло. Султан расспрашивал о моей родине; он показал себя мало осведомленным в европейских делах и интересовался прежде всего господствующей у нас религией. Причины моего путешествия, разумеется, остались неясными для него, но он не выразил недоверия. Мой сейийр надоумил меня попросить его дать нам с собой одного из своих рабов до Тарима для большей безопасности. Эту просьбу султан выполнил быстро, хотя и не очень любезно. Беседа кончилась через полчаса довольно дружеским прощанием, после чего мы вернулись на свою квартиру.

Вскоре после часа дня мы отправились в дальнейший путь под благословения и пожелания нашей хозяйки в сопровождении раба-аскери, которого дал нам султан. Дорога вела на восток через город, который в этом месте не имеет стены, но защищен многочисленными большими хуснами. Мы двигались вдоль правой цепи гор, поперек впадающего здесь очень широкого вади Джезма; над восточной частью устья господствовал Хусн-Фелес, воздвигнутый на горном отроге. В верхнем течении вади Джезма поля и сады довольно малочисленны; они сосредоточены в устье и в вади Масила.

Через полчаса езды мы достигли Герена, который принадлежит сейийдам, живущим там только во время сбора урожая фиников. Мы проехали маленькое поселение, лежащее среди пальм; отдельные дома окружены огороженными пальмовыми рощами, в которых буйно растут также гадуб *, те'ам и мусебели * с длинными колосьями, которое называется также черным те'амом. Заботливо орошаемые сады пересечены каналами, и работающие повсюду люди еще больше увеличивают приятное впечатление от этого оазиса, и без того образующего сильнейший контраст с соседней пустынной горной цепью.

Отдельные вершины, выступающие в долину, часто отде-

лены одна от другой довольно широкими участками плато. Между вершинами впадают вади, текущие на большую низменность. Ближайший такой приток — вади Джида, которого мы достигли через четверть часа. Здесь справа от нас поднимался Хусн-эль-Ховари с многочисленными домами. Поля лежали главным образом слева от нас, в вади Масила, тогда как в верхнем течении вади Джида были заметны только незначительные возделанные участки. Пройдя вслед за тем небольшой участок пути по бесплодной земле, мы продолжали двигаться между молодыми пальмовыми плантациями; эта местность называется Хаввир.

В четверть третьего мы оказались в вади Марьяма; перед нами, на восточном склоне вади, на возвышенности, находился заметный хусн, справа внизу — Билад-Марьяма с многочисленными пальмами, спускающимися в вади Масила. Вскоре мы миновали Хусн-Ба-Галаб, лежащий среди пальм и хорошо орошенных полей, который принадлежит Ал Ба Йири (Баири?). Перед Марьяма мы увидели ветхое кладбище с несколькими могилами, облицованными камнем. Город расположен на западном склоне отдельно стоящей горы, которую мы обошли слева, причем заметили на ее северном склоне обветшалые дома и развалины прежнего Марьяма, разрушенного, наверное, незадолго перед этим мощными дождевыми потоками. Об их силе можно было судить по грудам рыхлой гальки, нагроможденным почти до самой вершины и готовым обрушиться в любой момент. Развалины города были гораздо обширнее и значительнее, чем новые постройки, хотя и среди них виднелось несколько довольно больших домов.

На правой стороне долины показалось вади Самнун. В глубине его, у подножия горы Хота Султана, был виден Зубедийе, маленький белед с хусном и оштукатуренной мечетью, принадлежащий мешаих * Зебде (что равнозначно Зубеди). Посреди изгиба, отмечающего устье этого вади, видны крупные пальмовые рощи, но, кроме них, равнина по обеим сторонам дороги почти лишена растительности. Справа перед нами был расположен Гарет-эль-Орр, крутой скальный конус, выступающий из горного склона. У его подножия и на склонах были видны остатки стен, но издалека нельзя было установить, действительно ли они ʻадитские, как утверждали мои спутники.

Мы задержались на четверть часа у одной сигаи, так как груз пришел в беспорядок и нужно было перевьючить верблюдов. В половине четвертого мы увидели на левой стороне долины место впадения большого вади Матар. Наш путь лежал среди низких, слабо поросших растительностью холмов

движущегося песка; сильный горячий ветер поднимал тучи пыли, и дальняя, левая сторона долины почти исчезала во мгле. Справа поднимались пустынные скалистые склоны, изрезанные расселинами. Около четырех часов мы миновали устье Шааб-Хабши с несколькими пальмами, росшими вдоль склона. В верхнем течении ша'ба были видны одинокий домик, маленькая мечеть с куполом и кубба святого, настоящая могила которого находилась выше, на склоне горы. Поток прорыл себе ровное русло между низкими глинистыми берегами, которые мы пересекли. А дальше почва вся изборождена глубокими трещинами. По левой стороне долины открылось вади Меджер, и в его устье был виден Белед-Бор, принадлежащий племени 'Айдерус, с обширными угодьями; вскоре затем показался и Ард-Абдаллах, тоже со значительными пальмовыми рощами, к которым примыкало большое число разбросанных домов, принадлежащих Ал Ба Йири.

Мы двигались в основном в восточном направлении, лишь временами отклоняясь к северо-востоку, по волнистой песчаной и глинистой почве с очень скудной растительностью, покрытой многочисленными кузнечиками всех размеров и расцветок, особенно зелеными и желтыми. Около пяти часов мы пересекли каменистый ша'б, который в своем диком беге через горы захватил мощные каменные глыбы и разбросал их в устье и по долине. Слева в ша'бе почва возделана и засажена деревьями дома. Дальше дорога идет вдоль подножия горы, которая здесь так сильно выветрена и изборождена трещинами, что ее полное разрушение кажется вопросом ближайшего будущего.

Десятью минутами позже, когда мы обошли подножие далеко выступающей вершины, на востоко-юго-востоке наши взгляды привлекла Тариба; всю низину ее занимали дома, и пальмы, и многочисленные хусны кабаил *, которые все принадлежат разным ветвям племени 'Амири. Мы повернули направо, в вади Тариба, держа путь среди домов и необычайно пышной культурной растительности. Срезанный те'ам гигантских размеров был сложен в снопы; под пальмами выращивается еще духн (Holcus Dochna Forsk.). Женщины, дети и всевозможные домашние животные оживляют поля, часто устроенные в форме террас и разделенные глиняными стеночками на участки и гряды.

Никто из моих людей не знал, как найти шеха Абу Бакра Зубеди, который живет в собственно Тарибе; но скоро нам сообщили нужные сведения, и в 6 часов мы достигли его большого дома с садом, обнесенным глинобитной стеной. Ко мне вышел юноша и приветствовал меня как старого знакомого по Сайхуту, где он меня видел. Это был сын или,

точнее, племянник шеха и одновременно его зять, еще очень молодой и еще более простодушный, чем молодой. Я не узнал его, но, конечно, обрадовался, что вижу его снова, потому что он был не в состоянии понять, что я мог забыть его. Он провел меня внутрь, в меджлис, большое высокое помещение с полом, покрытым дорогими восточными коврами. Шех принял меня очень тепло и любезно и подробно расспросил о здоровье его и моего старого друга, шеха Абдуль Кадира из Адена, где он сам жил раньше. Бу Бакр был средних лет, худощав при довольно высоком росте, умен и очень разговорчив. Его гостеприимство было сердечным, а его дом — уютным во всех отношениях. Он не допускал ко мне докучных посетителей, но представил меня многим уважаемым сейидам из числа своих знакомых. Шех не позволил мне отправиться дальше на следующее утро, как предполагалось: он должен был сначала показать мне местность и снабдить меня рекомендательными письмами в Тарим.

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ БУРХАРДТА В ЙЕМЕН

Описание путешествия составил, строго говоря, Ахмед ибн Мухаммад эль-Джаради, арабский секретарь Бурхардта, описавший его последнее путешествие по Йемену. Бурхардт дважды путешествовал по стране еще в 1906—1907 гг. В последний раз он отправился из Саны через Каатабу и Таиз в Моху и оттуда — во внутренние области. 19 декабря 1909 г. он и его спутник подверглись нападению арабов между Эль-Удайном и Иббом и были убиты.

Эуген Миттвох, который перевел арабское сочинение Ахмеда ибн Мухаммада, составил также краткое жизнеописание Бурхардта. «Когда Бурхардт пал от руки убийцы в Южной Аравии в 1909 г., ему было 52 года. Из них он, родившийся и выросший в Германии, половину провел в далеких странах. Воспитанный для купеческой деятельности в коммерческой школе, он посвятил этому занятию несколько лет, не находя в нем внутреннего удовлетворения. Поэтому он отказался от торговой деятельности, как только смог это сделать, и предался дальним путешествиям. Они привели его в Италию и Испанию, Марокко, Тунис, Египет, Палестину и Индию, в Исландию и Лапландию, в Америку и Австралию. Он пространствовал, таким образом, почти десять лет по всем пяти материкам. За это время из страсти к путешестви-

ям и зрелищам выросли серьезные научные устремления. Бурхардт обрел цель в жизни.

Он захотел сделать предметом своего изучения мусульманские страны. Чтобы подготовиться к этому, Бурхардт в 1890—1892 гг. посещал семинар по восточным языкам в Берлине и познакомился с арабским языком. С этого времени и до самой смерти он проводил все время на мусульманском Востоке, исключая краткие визиты, которые он совершал в Германию каждые два-три года. Дамаск стал его второй родиной. Отсюда он предпринимал свои большие экспедиции и посетил все районы Сирии, Месопотамию, Персию, Восточную Африку, Восточную Аравию и Йемен».

АХМЕД ИБН МУХАММАД ЭЛЬ-ДЖАРАДИ

Путешествие многоуважаемого ныне покойного господина Германа Бурхардта, немца

У него было твердое намерение совершить путешествие и экспедицию по Йемену, чтобы изучить его и сделать (фотографические) снимки.

Он выступил из Саны в час дня в четверг, 26-го числа месяца шавваля * 1327 года (9 ноября 1909 года), в сопровождении секретаря, жителя Саны, «фегиха» Ахмеда ибн Мухаммада эль-Джаради, и Хусена ибн Мухаммада эн-Набхани, а также конного жандарма по имени Салих Хамуд эль-ʻУзри, из жителей Архаба, и запти (полицейского) по имени Ахмед Саʻид эль-Джамали, из жителей Эль-Джирафа, — эти двое [должны были] постоянно [сопровождать] господина до самого его возвращения — и трех человек охраны из жандармов, Мухаммада ʻА'ида эль-Джадари, Насира эль-ʻАмрани и ʻАли Ахмеда, из жителей Бир-эль-Азаба, все — как охрана. Многоуважаемый господин выехал в указанный день в добром здоровье и невредимый.

Мы направились левее Да-эль-Хер и двигались некоторое время, пока не достигли Эль-Джарда и Дари-эль-Га. Затем мы продвинулись немного [дальше], пока не достигли холма, называемого Савад-Хизьяз. Оттуда мы ехали около получаса до деревни Хизьяз. Это — местопребывание мудира * и деревня среднего размера. Мы остановились в доме хозяина кофейни, и нам приготовили за один талер Марии-Терезии мясо, которое мы купили в Сане. Мы остановились в кофейне; солдаты и слуга расположились в нижней комнате, а господин поселился в комнате верхнего этажа дома. Господин пребывал в хорошем настроении и пожелал пойти к

господам, которые работали по изысканию трассы железной дороги. Он пошел туда и пробыл с ними примерно два часа. Он ходил туда с двумя солдатами охраны. Затем господин вернулся и провел эту ночь спокойно и пребывал в хорошем настроении.

На следующий день (10 ноября) мы все выступили из Хизьяза. [Мы вышли в путь], положась на волю Аллаха, в среду, в 8 часов, и миновали деревню Верхний Рехем, проехали немного дальше и миновали деревню Нижний Рехем, и деревню Эль-Альджам, и Амд, и Дабр-Хере, затем деревню Самек, и деревню Гахага, и Эль-Гасир, пока не достигли в 12 часов Ваалана. Мы остановились в доме хозяина кофейни Мухаммада эль-Варша. Там был большой диван, в котором мы поселились, а многоуважаемый господин поселился в комнате рядом с диваном. Все жители поселка содержат кофейни. Мы нашли в этом месте в каждом доме и в каждом самсаре * (хане) солдат, [многочисленных], как песок. Напротив мы видели деревню, которая называется Эль-Гасир, а все жители Эль-Гасира — габили *. В этот день мы остановились там и отдыхали.

На следующий день (11 ноября) [мы выступили в путь], положась на волю Аллаха, из Ваалана в 8 часов, и первая деревня, которую мы увидели и миновали, была деревня Хидар, а [затем] деревня Эль-Мсалла. Мы поднялись на (перевал) Накиль-Ясла и спустились с него. В этот день дул сильный ветер. С перевала мы двигались все время вниз. У его подножия находится михайя для путешественников. Мы миновали (долину) Ка-Джахран, а это большая долина, и дошли до горного хребта Эль-Миншия. Мы перешли небольшой перевал и спустились с Накиль-эль-Миншия. Там мы остановились в большом самсаре у хозяина кофейни эль-Хурра Хамда. Мы провели эту ночь у него в этом самсаре. Это была для нас плохая ночь из-за множества блох и лая собак, которые не давали нам покоя всю ночь.

На следующий день (12 ноября) мы встали и собрались ехать до Дорана. Мы вышли из Эль-Миншии в 8 часов, и еще не было десяти, когда мы въехали в город Доран, так как дорога очень хорошая. Мы остановились в доме эль-Хадима, одном из самых красивых домов города. В Доране мы провели первый [спокойный] день.

На следующий день (13 ноября) господин с солдатами и со своим секретарем отправился на вершину Джабаль-Доран, и господин сделал фотоснимки всех деревень, которые лежат под горой. Мы спустились с горы, и господин и его секретарь пошли к коменданту, чтобы нанести ему визит. Они застали его больным, лежащим в постели, и ушли прочь.

Город поразил господина. Он сделал фотоснимки мечетей и красивых домов. Город лежит на вершине горы, и его северная сторона совсем открыта. Крепость Дорана прикрывает город с аденской (южной) стороны. Мы оставались там три дня.

На четвертый день (13 ноября) [мы выступили в путь], положась на волю Аллаха, спустились вниз и миновали Ка-Бакиль; мы видели многочисленные деревни, все принадлежащие Дорану. Так мы прошли Ка-Бакиль до конца, поднялись на Накиль-эль-Миншия, спустились в Ка-Джахран и оставили в стороне Хиджрат-Маабар, Байт-эль-Мабуди и деревню Эль-Васита. Мы въехали в Маабар — одно из прекраснейших мест — и остановились в доме Зубеди, чистом, оштукатуренном известью, и провели там эту ночь.

На следующий день (14 ноября) мы встали и, положась на волю Аллаха, вышли из Маабара, миновали деревню Тильхама и Хед-Ахмад, прошли дег (ущелье) и достигли горного прохода [у] Дамара. Там многоуважаемый господин увидел габили, которые молотили зерно на гумне быками. Он приказал Набхани достать машину (фотоаппарат), чтобы сделать снимки людей и волов, которые молотили пшеницу. Господин сделал снимки, и мы снова пустились в путь; мы ускорили движение, чтобы достичь Дамара, долгожданного города. Мы вошли в него в 12 часов. Это город, обнесенный стеной, но он не является местопребыванием мудира. Его верхняя часть называется Эль-Джараджаш, средняя — Эль-Махалль, нижняя — Эль-Махмуль. Он понравился господину, и тот сделал снимки всех мечетей и минаретов. Мы остановились у Ахмеда Ходжера в его доме и отдыхали три дня. В Дамаре господин купил у торговца мула, который оказался хорошим.

Отдохнув здесь три дня, мы выступили (17 ноября) в сопровождении пяти человек охраны из людей Дамара. Мы [тронулись в путь], положась на волю Аллаха, намереваясь исследовать Рида. Мы двигались, здоровые и благополучные, и миновали долину, в которой целый день видели обезьян и шакалов, [многочисленных], как пыль. Мы повернули к деревне Сенебан, вошли в нее и провели ночь у еврея по имени Шим'ун, потому что в Сенебане нет кофейни. Этот еврей поместил нас в комнату, где было около двухсот шкур, которые он дубил и которые были полны блох. Из-за этих блох мы совершенно лишились сна.

На следующий день, в четверг, 5-го (числа) месяца эль-ка'да (18 ноября), мы выступили из Сенебана, миновали Байт-эль-Мисри и вошли в долину, полную обезьян. Мы миновали деревню Малах и деревню Эль-Мсалла. У ворот де-

ревни мы встретили ремесленника, который ткал ридаитскую ткань ферид со своими тремя дочерьми. Господин сделал снимки ремесленника и его дочерей и передал им четыре пиастра. Мы отправились дальше и встретили по дороге 50 верблюдов, нагруженных солью. Господин сделал снимки верблюдов по соглашению с погонщиками и передал им (за это) деньги. Мы отправились дальше, достигли города Рида и вошли в него, здоровые и благополучные. Мы направились в большой самсара на базарной площади, но он не понравился господину. Тогда мы разгрузили всех животных в правительственном здании и оставили их там. Шех Салих ибн Салих эт-Тери был в городе. Господин со своим секретарем отправился приветствовать его, потому что он был каиммакамом *. Тот угостил нас и солдат из охраны бараниной. Господин со своим секретарем поднялись в цитадель, которая выше всех домов Рида.

На следующий день (19 ноября) господин с секретарем и с эн-Небхани вышел и сделал снимки Амирии * со [всех] четырех сторон. Это — величайшее чудо из-за красоты ее построек; ее построил султан 'Абд эль-Ваххаб. Господин сфотографировал [также] все мечети. Затем господин с солдатами отправился в деревню Эль-Джираф, неподалеку от Рида, и сделал там снимки. Ее жители — евреи, которые изготовляют всяческие гончарные изделия.

Деревня расположена у подножия горы, и господин сделал ее снимки. Там он увидел пять печей, в которых они обжигают известь, и около печей — десять женщин, которые толкли известь деревянными пестами. Господин сделал их снимки и дал им денег. Многоуважаемый господин заметил [также] старую еврейку, которая мотала пряжу на веретено. Он сделал с нее снимок и дал ей целый пиастр. [После этого] господин и все его спутники вернулись в упомянутый город, и пребывание в нем длилось три дня.

На четвертый день, в воскресенье, 8-го (числа) месяца эль-ка'да (21 ноября), мы вышли из города Рида, после того как паша шех Салих ибн Салих эт-Тери позаботился о нас и дал нам пятерых солдат для охраны. Он дал нам также главного погонщика верблюдов по имени 'Абд Раббух Силан, которому строго-настрого приказал быть внимательным к нам и повелел сопровождать нас до Каатабы. Уповая на Аллаха, мы выступили из Рида, миновали деревню Малах и деревню Эль-Мсалла, вступили в Саилат-эль-Фарш и достигли крепости Аззан. Это неприступная крепость. Наверху в ней есть здание, которое изумляет взгляд и поражает душу. Паша шех Салих ибн Салих эт-Тери построил его для себя, потому что большинство земель, находящихся возле крепости, со-

ставляют его владения. У стен крепости мы увидели большую деревню под названием Карьят-Аззан.

[Затем] мы продолжили путь, пока не достигли деревни на вершине горы, а было уже время обеда, 12 с половиной часов. Деревня называется Эль-Мавира. Оказалось, что здесь находится дом 'Абд Раббуха Силана, который был нашим проводником и указывал нам путь. Он поклялся торжественной клятвой, что мы должны войти в деревню и посетить его дом, чтобы там позавтракать. Тогда мы зашли и позавтракали. Господин увидел красиво одетых женщин и захотел сделать их фотографии. Он спросил 'Абд Раббуха Силана: «Можно ли сфотографировать этих женщин и заплатить им [за это]?» 'Абд Раббух согласился и приказал своим женам и женам своих братьев и сыновей собраться у колодца, и они собрались. Господин приказал Набхани принести к колодцу аппарат. Тот принес его, и господин сделал снимки женщин. После этого он дал 'Абд Раббуху как ответный дар за завтрак, которым тот нас угостил, и за снимки три талера Марии-Терезии. Мы возложили упования на Аллаха и выехали из Эль-Мавиры, поднялись на большую гору и ехали без остановок, пока не достигли деревни Байт-эс-Среми. Это одна из прекраснейших деревень. В ней мы провели ночь. Господин провел ночь очень приятно, потому что ему понравился воздух в этой местности.

На следующий день (22 ноября), положась на волю Аллаха, мы [покинули] Байт-эс-Среми и спустились с (горного перевала) Акабат-эль-Масраб, мимо деревень Толаб и Горада, миновали Байт-эль-Джахми и ехали без остановок до четырех часов, пока не поднялись на перевал, больше которого не найти. Больше двух часов мы спускались с него до деревни Дамт. Мы вошли в нее, зашли в дом владельца кофейни и остановились там для отдыха. На следующий день (23 ноября) мы обошли кругом вершину, [на которой расположена] крепость Дамт, потому что это большая крепость. С нее господин сделал снимки деревни Дамт. Мы долго бродили вокруг деревни, так как господин слышал, что около нее есть купание, и хотел пойти туда.

Мы все отправились к купанию, пришли туда и увидели, что там было два места: одно — для мужчин, а другое — для женщин. Их вид таков: они сделаны из камней, и в них текут горячие источники из земли. Мы видели габили, которые там купались. Господин выкупался, и мы вернулись в деревню Дамт; примечательно, что в Дамте нет воды, так что все мечети не имеют водоемов.

На следующий день мы выехали из Дамта и встретили на дороге трех евреев и пять евреек. Они несли печки, а мужчи-

ны несли дрова. Господин спросил их, согласятся ли они, чтобы их сфотографировали: он даст им четыре пиастра. Они были довольны этим, и он сделал снимки и дал им четыре пиастра. Мы миновали деревню Эль-Хакаб, первую из деревень Каатабы, и поспешили дальше, пока не достигли деревни Эль-Хашаф. Здесь мы провели ночь у одного габили, потому что там нет кофейни; в деревне живут только габили. Мы провели там ночь как нельзя лучше.

В среду, 11-го (числа) месяца эль-ка'да (24 ноября), мы выехали, миновали деревни Михган и Эль-Эрфаф, Хаджлан, Солан, Голь-эд-Дема, Байт-Джауль, Эль-Бдева, Эль-Ханка и Гутъат-эш-Шереф. Мы спустились с (перевала) Накиль-эш-Шам, а в нижней его части находится деревня под названием Гардах. Мы двигались без остановок, пока в четыре часа не прибыли в город Каатабу, и вошли в него благополучно. Многоуважаемый господин отправился с секретарем во дворец правителя и приветствовал каиммакама 'Абдаллах Бека эль-'Асири (из Асира). Господин передал ему приказ маршала. 'Абдаллах взял его, прочел и ознакомился с содержанием. После этого он был к нам очень внимателен, купил нам барана из лучших, какие имелись, и приказал своему представителю передать нам годах * фуражного зерна для наших животных. Мы были его гостями в течение двух дней.

В четверг (25 ноября) господин заснял упомянутый город со всех сторон, а также большую мечеть, называемую Джами-эль-Фарах. Мы пошли в еврейский квартал, и господин сфотографировал пять евреев — ремесленников, которые изготовляли шали, и сделал снимки трех евреек, так как их платья были очень красивы. После этого господин вернулся к правителю, и каиммакам попросил его сделать снимки всех чиновников. Господин ответил ему, что он должен приказать слугам постелить ковры во дворе правительственного здания, затем чиновники должны сесть на ковры — и он сфотографирует их. Тогда каиммакам приказал слугам вытащить ковры из здания и устлать ими двор. И они вынесли ковры и постелили их во дворе. Все чиновники уселись на ковры на возвышении, примыкающем к зданию, и господин сделал снимок всех чиновников.

На следующий день, в пятницу, 13 эль-ка'да (26 ноября), мы выехали из Каатабы, и первая деревня, которая нам встретилась, была деревня Шохаб. Мы ехали примерно два часа и видели колодец. В нем много воды, и уровень ее довольно высок; канат и бадья лежат здесь же. Его название — Бир-эс-Солаб. Мы набрали из него воды для животных и напоили их. Затем мы двинулись в направлении деревни Сбере. И мы не переставали двигаться весь день до четырех часов.

В это время мы прибыли в селение, называемое Хбель-Яхья. Там нет ни одного каменного дома, только хижины, как в Тихаме. Мы остановились в нем, и владелец Хбель-Яхья поместил нас в строение с земляным полом, сложенное из соломы. Мы провели там ночь.

На следующий день, в субботу (27 ноября), мы выступили из Хбель-Яхья и поехали по вади Кишар — это вади с многочисленными ручьями и деревьями, которые не дают плодов и служат только для топлива; миновали деревню Кишар и остановились в большом саиле, который называется Саилат-эс-Сарва. В середине находится высокая гора под названием Джабаль-Ярах, на которую никто не может забраться — так круты ее склоны.

[Затем] мы достигли деревни Акамат-Баркад, вступили в Ка-эль-Ахдуф и, миновав деревни Эль-Мисвала и Эс-Сабва, достигли Сук-эр-Рубу («базар по средам»), где и позавтракали. Он лежит на вершине высокой горы. Мы напоили животных из колодца в Эль-Мисвале и отдыхали в Сук-эр-Рубу. Имя хозяина кофейни было Мусанна. Затем мы, положась на [волю] Аллаха, двинулись через перевал, который приводит разум в смятение. Мы никогда не видели ничего подобного ему. Он называется Накиль-Джирбет-эль-Фува. Перейдя через него, мы миновали Наджд-Нааман, вышли в вади Эль-Мусаада, и нам показали Джабаль-Саурак. Мы поспешили дальше по нашему пути и достигли михайи Адамата; сразу после въезда мы заметили михайю и увидели, что там построены каменные сторожки без дверей. Мы вошли, господин — в одну сторожку, остальные — в другую. Там было около двадцати собак, которые беспокоили нас всю ночь; мы не спали из-за их громкого лая.

На следующий день, в воскресенье, 15-го (числа) эль-ка'-да (28 ноября), мы вышли из михайи Адамата на восходе солнца, и первая долина, которую мы миновали, была вади Адамат. Затем [мы проехали] деревню Эз-Зараиб и вади Эш-Шайх-Убайд. Мы видели деревню Эш-Шайх-Убайд, и она изумила господина. Он сделал в ней снимки мечети и минарета, строений очень красивых и древних. Мы миновали Ка-эс-Судан, вошли в Эль-Дженед и увидели мечеть и минарет, подобных которым нет нигде. Господин сделал снимки, а мы выпили кофе в михайе Эль-Дженеда, миновали деревню Эс-Сакин, Ка-Хубан и Ка-Иблис и ехали без остановок, пока не достигли Таиза. Мы въехали благополучно в город Таиз в четыре часа, остановились в самсаре таможни и провели там первую ночь.

На следующий день (29 ноября) господин стал искать дом; он нанял дом в саду и приказал нам перенести туда ве-

щи. Мы принесли их туда и увидели, что это очень красивый дом. Особенную прелесть придают ему сад и городской ручей, журчащий днем и ночью во дворе дома. Все комнаты дома имеют оконные проемы и содержатся в порядке. Здесь господин сделал снимки большой мечети, которая называется Джами-эль-Музаффар, и всех святых могил и заснял также город со всех (четырех) сторон. Господин поднялся также в крепость Эль-Гахира; эту крепость построил Таджтекин ибн Аййуб *, и господин отдыхал там, а все окрестности лежали у его ног. Затем он спустился назад, в город, и принимал европейца, который находился в Таизе.

В четверг, 19-го (числа) месяца эль-ка'да (2 декабря), мы, положась на Аллаха, выступили из Таиза после завтрака, в три часа указанного дня, и шли беспрестанно, пока вокруг нас не сгустилась ночная тьма; в восемь часов вечера мы достигли Эр-Рамады. Мы провели там ночь.

На следующий день (3 декабря), положась на волю Аллаха, [мы выступили] из Эр-Рамады с восходом солнца; нас сопровождали пять всадников охраны и три жандарма из лива * Таиза. Мы двигались из Эр-Рамады мимо деревни Хаджда и Ка-эль-Ахбуб, которое называют также Билад-Ибн-Ясин. Мы позавтракали в Хезидже, с нами шли посланные Салихом Зеки регулярные солдаты и два лейтенанта в качестве охраны. Мы долго ехали, пока достигли Эль-Барха. Мы застали в Эль-Бархе каиммакама, которого звали Ахмед На'ман. Он пригласил господина [к себе], и господин пошел к нему и провел там ночь. На следующий день каиммакам приказал сопровождать нас двум лейтенантам и примерно пятнадцати солдатам. Они поехали с нами.

Мы вышли (4 декабря) из Эль-Барха и ехали без остановок до конца дня, когда прибыли в Эт-Тобани. Там мы остановились на ночь. В полночь оба лейтенанта встали, разбудили господина и хотели не мешкая двинуться дальше. Но господин не согласился. Тогда солдаты и оба лейтенанта ушли, а господин остался до утра.

На следующий день (5 декабря) мы выступили из Эт-Тобани и достигли святой могилы, называемой Эд-Дабулия, на середине пути до Мохи. Ехали долго, очень торопились и в Моху прибыли здоровые и благополучные. Мы отправились со всеми животными к дому господина Бенцони, итальянского консула, и увидели, что это дом над морем, один из красивейших домов [города]. Мы оставили в его доме весь багаж, а животных отвели в михайю 'Али Джабира. Мы остановились в михайе, а господин — у консула в упомянутом доме.

 Господин сделал снимки всех мечетей и дворца султана

Хасана, и мы долго бродили по Мохе, вошли в пушечную цитадель и обнаружили в ней десять старых пушек. Мы нашли бо́льшую часть Мохи в развалинах; в ней было только около 20 [целых] домов. После того как мы сфотографировали дворец султана Хасана, Хусен эн-Набхани потерял кассеты для аппарата, и господин очень огорчился. Мы долго искали их и пошли к женщине, которая была во дворце султана Хасана, и спросили ее: «Не знаешь ли ты, кто взял кассеты?» Она ответила, что видела, как их взяли три солдата. Мы пошли искать и нашли их у одного солдата. Господин дал ему бакшиш — два талера Марии-Терезии и дал шавишу (фельдфебелю) один талер Марии-Терезии. Господин был очень рад, что нашел кассеты.

В среду (8 декабря) господин снимал место, где добывают соль, и посетил со своим секретарем маяк, который находится в море. Они сели в самбук и плыли до маяка; по форме это большой минарет, а в нем лестница из 280 ступеней. Наверху вокруг идет балюстрада, сделанная из железа. Господин заснял с этой балюстрады море и город Моху. Затем господин спустился с маяка и вошел со своим секретарем в помещение, расположенное на земле, в котором находилось около двадцати европейцев. Господин попросил их выйти наружу и построиться в ряд, чтобы сделать с них снимок. Они вышли, выстроились в ряд, господин сфотографировал их всех, после чего господин и секретарь вернулись в Моху.

На следующий день, 26 эль-ка'да(9 декабря), мы отправились из Мохи, здоровые и благополучные, и с нами были консул Бенцони и его слуга. Мы выступили в путь, положась на волю Аллаха, в час дня и двигались безостановочно, пока не прибыли в Эт-Тобани, здоровые и благополучные. Мы провели там ночь, лучше которой не бывает: каждый из нас имел одеяло, на котором он спал, а многоуважаемый господин — даже железную походную кровать (дословно — железный стул).

В пятницу, 27-го (числа) месяца эль-ка'да (10 декабря), мы благополучно выехали из Эт-Тобани, миновали Ка-эт-Тобани и вади Хисн-Ибн-Альван — откуда нам показали Джабаль-эн-Нар (Огненную гору), — Эль-Батха, Эль-Магарр, Эль-Хджера и Эль-Ариш, а это место, приятнее которого нет, но оно покинуто людьми. Мы не нашли в нем никого из жителей, так как они бежали, боясь правительства. Мы двигались по вади Эль-Хараза и Джабаль-эль-Хазн и еще по нескольким вади, пока не прибыли в Эль-Барх и остановились у хозяина кофейни 'Али ибн 'Али Булбуле. Мы позавтракали просом; оно было черного цвета и пригодно только

для скота, но из-за сильного голода мы по необходимости ели его.

На следующий день, в субботу, 28 эль-ка'да (11 декабря), мы выехали оттуда, здоровые и благополучные, и спустились в вади Эль-Хаит. Там много банановых деревьев, винограда и ручьев.

Затем мы вступили в вади Рахабу, нас сопровождали солдаты из регулярной армии и два лейтенанта, которые пришли с нами из Эль-Барха. Отсюда мы отправились в вади Хезиджу и в Хаджду и благополучно достигли Эр-Рамады. Мы остановились в михайе, принадлежащей эль-'Аззаби, и провели там ночь.

На следующий день, в воскресенье, 29 эль-ка'да (12 декабря), мы благополучно отправились из Эр-Рамады и не прекращали путешествия, пока не достигли города Таиза; мы вошли в него здоровыми и отдыхали там день.

На следующий день (13 декабря) многоуважаемый господин пожелал ознакомиться с Джабаль-Сабир — а это высочайшая из гор — и захотел посетить «семерых спящих», которые похоронены в мечети на Джабаль-Сабир. Мы вышли из Таиза в четыре часа; нас сопровождали три жандарма из людей Таиза, мы взбирались на гору и шли вверх пять с половиной часов без остановки, пока не достигли мечети «семерых спящих». Мы вошли внутрь. Над могилами «спящих» — большая решетка, сделанная из дерева. Их могилы соединены между собой, как будто это могила одного человека высокого роста. Мы спросили, где находятся семь могил, и нам сообщили, что все они расположены под этой могилой. Мы нашли большую щель в нижней части могилы и спросили, что это такое. Нам ответили, что здесь была большая дыра. Ее засыпали, и осталась только эта щель. Секретарь сунул ногу в эту щель и почувствовал сильный ветер. Так подтвердилась правильность их речей.

Господин сфотографировал мечеть и дал хранителю мечети талер Марии-Терезии, чтобы он купил для мечети покров. Затем мы пошли вверх, к крепости Эль-Арус. Господин снял все видные [оттуда] места. Господин и все его спутники спустились и пришли в Таиз в то время, когда призывали на вечернюю молитву. Следующий день господин и его спутники отдыхали.

На третий день, в среду, 2-го (числа) месяца эль-хиджжа (15 декабря), мы все благополучно выехали из Таиза в восемь часов, миновали Ка-Хубан и Эль-Джундию, вади Эд-Дабба и вади Эль-Хури и повернули к городу Ди-эс-Суфаль. Туда мы прибыли в пять часов указанного дня, направились в правительственное здание и спросили мудира. Мы не про-

были во дворце и нескольких минут, когда к нам вышел эс-сеййид 'Абдаллах эд-Делами, мудир, и пригласил нас к себе. Господин противился, но мудир поклялся, что предоставит все, что мы потребуем, купил нам барана и дал нам все, в чем мы нуждались.

Следующий день, четверг, 3-го (числа) месяца эль-хиджжа (16 декабря), мы отдыхали в Ди-эс-Суфале, и господин сфотографировал местность со всех сторон и сделал снимки всех мечетей и минаретов — это место наполнило его величайшим восхищением.

На третий день, в пятницу, 4-го (числа) месяца эль-хиджжа (17 декабря), мы выехали из Ди-эс-Суфаля, миновали вади Эль-Хури и саиле Ди-Ширак. Мы вошли в деревню Ди-Ширак, и господин сфотографировал мечеть Ди-Ширака. Затем мы поехали по Накиль-эс-Сияни и Накиль-эль-Мхаррас, и нам показали хорошо расположенную деревню, которая называлась Эн-Ниджад. Там имеется большая цитадель. Мы прошли Накиль-эль-Махмуль, спустились с Накиль-Джибла и прибыли в Джиблу. Там мы направились в дом Шараф эд-Дина эль-Хашшаша и остановились у него, в его доме, потому что это хорошо содержащийся дом из красивейших домов, и мы провели там прекраснейшую ночь.

Следующий день, субботу, 5-го (числа) святого месяца эль-хиджжа (18 декабря) мы отдыхали. Господин встал, сфотографировал упомянутый город со всех сторон, а также мечети и минареты. Мы позавтракали, и господин решил отправиться из города Джиблы в Эль-Удайн, но тут прибыл приказ от Хусена боги, каиммакама Ибба. В приказе было сказано, что господин должен поспешить в Ибб. Поэтому мы все в тот же день выехали в Ибб. Секретарь господина заболел лихорадкой. Когда мы прибыли в Ибб, нас принял каиммакам. Мы пришли в его дом, а слуги принесли вещи в особую комнату, и все переночевали у каиммакама.

На следующий день (19 декабря) многоуважаемый господин встал и приказал слугам навьючивать животных; он искал секретаря, чтобы тот поехал с ним. Ему сообщили, что секретарь лежит в лихорадке, но он не поверил их сообщению. Тогда он сам поднялся к секретарю и нашел его лежащим в постели. Он измерил ему пульс и увидел, что секретарь болен лихорадкой. Он дал ему пять порошков (хинина). Господин выехал в сопровождении консула Бенцони и четырех человек охраны, двух из людей Ибба и двух из людей Архаба, их имена — Ахмед Са'ид эль-Джамали и Салих Хамуд эль-'Узри, а также повара Хусена ибн Мухаммада эн-Набхани и 'Али ибн 'Али эль-Го'ми, из людей Саны. Все они выехали в воскресенье, которое пришлось на 6-е (число)

святого месяца эль-хиджжа 1328 года, и доехали до Машвары. Туда собрались на ярмарку люди из всех мест. Господин заснял Эль-Удайн с самоге высокого места перевала. Затем они спустились с перевала и миновали вади Эд-Дур. Тут на них и напали бандиты с ружьями, господ убили, а солдат из Ибба ранили, одного — в бедро, а другого — в голову, и пуля выбила ему глаза. Позже я узнал от повара, что они всего за час до этого вышли из Эль-Удайна.

Они похоронили господ в их одеждах и взяли все, что у них было, с собой для властей в Эль-Удайне. Через три дня вещи господ уже были в Иббе. После того как замещающий кади узнал об убийстве господ, он пришел в дом каиммакама, составил перечень всех вещей и приказал слугам принести все вещи к правителю, и они принесли их. Тогда кади поставил своим каламом знак на каждой вещи.

Великая скорбь охватила секретаря господина. Его болезнь усилилась, и он целый месяц не покидал Ибба. Все спутники господина оставались в подозрении, а до этого они были уважаемы и почитаемы. Мы решили отправиться по домам и навестить своих жен и детей. Мы выехали благополучно из Ибба со всеми вещами господина и прибыли в Сук-эс-Сувег, падая от усталости и слабости. Мы попросили хозяйку кофейни сделать нам кофе и, выпив его, расположились на отдых. Вдруг появился всадник, который ехал из Ибба. Он сказал нам, что бандиты ожидают нас в Эс-Сахуле и собираются ограбить и убить нас, полагая, что у господ было много золота и теперь мы везем его с собой. Он передал нам приказ каиммакама вернуться в Ибб. Мы возблагодарили Аллаха, возвратились и сидели в Иббе, пока не прибыл уполномоченный, Мухаррам эффенди, со своим секретарем и не допросил каждого из нас.

Мы оставались там еще некоторое время. Затем прибыли европейцы и с ними батальон охраны. Они пребывали в Иббе четыре дня. На пятый день они выступили в Эль-Удайн и пребывали там четыре дня. Они вынули господ из могил, завернули их в саваны, погрузили в ящиках на верблюдов и привезли в город Ибб. Следующий день они отдыхали в Иббе, а на третий день уехали из Ибба.

Это конец сообщения о путешествии многоуважаемого господина Германа Бурхардта, немца.

И я молю господа, Всемилостивого и Всемилосердного, наказать и покарать тех, кто убил господ, и ускорить их наказание и кару! Аминь. Аминь. Аминь.

14-го (числа) месяца сафара 1328 года (25 февраля 1910 года) написал секретарь господина

 Ахмед ибн Мухаммад эль-Джаради, из жителей Саны.

ПУТЕШЕСТВИЕ ФИЛБИ ЧЕРЕЗ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АРАВИЮ К СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ ПУСТЫННОЙ ЧЕТВЕРТИ

То, что ʹАбдаллах Гарри Сент-Джон Бриджер Филби — самый значительный и заслуженный исследователь Аравии нашего века, по необходимости признают даже те его «соперники», которые отвергают современный стиль экспедиций, свойственный поздним путешествиям Филби, — на автомобиле — и которые глубоко сожалеют о развитии, сделавшем Саудовскую Аравию вследствие советов Филби за последние 35 лет важнейшим нефтедобывающим районом.

Как политический агент Великобритании и гость Ибн Саʹуда, Филби предпринял в конце 1917 г. свое первое путешествие по Аравии: впервые европеец пересек Центральную Аравию от Персидского залива, от Эль-Укайра, до Красного моря, до Джидды. Снова как гость Ибн Саʹуда он смог немного позднее — с марта по октябрь 1918 г. — проехать от Эр-Рияда далеко на юг, до вади Эд-Давасир, и исследовать области, в которые до него никогда не проникал ни один европеец. «Филби принадлежал уже тогда к величайшим исследователям-путешественникам клонящегося к концу периода открытия» (Виссман).

Британская политика в Аравии в годы после первой мировой войны отравляла жизнь Филби, заступнику Ибн Саʹуда, не меньше, чем его партнеру Т. Э. Лоуренсу, который заступался за величайшего врага Ибн Саʹуда — шерифа Мекки Хусайна ибн ʹАли; в 1924 г. Филби подал в отставку. Хотя британское правительство запретило ему ехать в Аравию, Филби в конце 1925 г. удалось встретиться с Ибн Саʹудом в Рабиге. В начале 1926 г. он поселился в Джидде, где создал предприятие по торговле автомобилями. Сверх этого он написал несколько книг о своих путешествиях, о новой истории Аравии и о «Харун аль-Рашиде». Чтобы вырваться из заточения в Джидде с ее нездоровым климатом, Филби в 1930 г. перешел в мусульманство, «но так и не стал настоящим верующим мусульманином — религиозные проблемы не были для него вопросами первостепенной важности. В нем всегда происходила внутренняя борьба между европейцем, гражданином мира, и ревностным последователем мусульманского ритуала, и побеждало всякий раз то, что в данный момент больше соответствовало среде, в которой он находился. Филби не искал смысла жизни или веры» (Виссман). Приняв ис-

лам, Филби переехал к Ибн Са'уду в Эт-Таиф, а еще через несколько месяцев — вместе с королем в Эр-Рияд и Батин.

На протяжении последовавшей четверти века до смерти Ибн Са'уда в ноябре 1957 г. Филби смог предпринять целый ряд больших и малых экспедиций, которые принесли решающие материалы для нашего знания Аравии: в 1932 г. — пересечение Пустынной четверти — Руб-эль-Хали — через несколько месяцев после первой экспедиции через пустыню сэра Бертрама Томаса; в 1936—1937 гг. — экспедиция в Йемен, через Наджран к развалинам Шабвы, древней столицы Хадрамаута, в вади Хадрамаут и до Эль-Мукаллы, гавани на южном берегу Аравии, затем назад через Шабву в Наджран и через Северный Асир до Джидды; путешествия в Северный Хиджаз в 1950, 1952, 1952—1953 гг.; в 1951—1952 гг. — большая экспедиция через Асир и Наджран на Эр-Рияд вместе с лингвистами профессором Г. Рикмансом и его племянником доктором Ж. Рикмансом, а также с Ф. Липпенсом.

В 1955 г. произошел открытый разрыв между наследниками Ибн Са'уда и неудобным независимым советчиком Филби. Вынужденный покинуть страну, Филби поехал в Дамаск, Бейрут и наконец поселился на Ливане, но в 1956 г. был снова призван в Эр-Рияд. В 1960 г., возвращаясь из одного из своих многочисленных путешествий в Европу, Филби умер.

'АБДАЛЛАХ ГАРРИ СЕНТ-ДЖОН БРИДЖЕР ФИЛБИ

Картина, которая открылась нашим взорам с гребня песчаного хребта, где мы остановились, чтобы позавтракать и изучить местность, долго будет жить в моих воспоминаниях — не столько сама по себе, сколько из-за чувств, которые я испытал. Наконец-то я увидел то, ради чего так долго путешествовал по пустыне. Впервые глаза европейца, мои глаза, увидели пальмовые рощи вади Эд-Давасир. На расстоянии примерно три километра на северо-запад лежала полоса пальм Шарафы, где могли стоять передовые посты вражеских сил. Позади нее, на запад, до самого горизонта, простирался широкий пояс пальм, охваченный с обеих сторон пустынными песчаными равнинами; это было ложе вади Эд-Давасир. Здесь и там виднелись глинобитные хижины, деревушки под тенистыми пальмами, и даже на пустынной равнине на юг от пальмового пояса. От восточного конца пояса долина, растрескавшаяся от солнца и совершенно голая, терялась через несколько километров в окружающей песчаной равнине; она шла мимо группы деревьев итил, называемой Гайф *, и мощных зарослей кустарника рака. Под нами вдали тянулась

длинная стена гор Тувайк, а точно на восток от нас — провал Тамра. На северо-западе и юго-востоке виднелись концы хребта.

Вокруг, как нам казалось, никого не было. После завтрака мы на всякий случай зарядили винтовки и вернулись к своим верблюдам. Мы сели верхом и двинулись по равнине тесной группой, так что нас без труда мог заметить каждый шпион. Мы держались на порядочном расстоянии от границы пальмового пояса, опасаясь внезапного нападения, но были недалеко от нее, когда увидели впереди людей, движущихся по равнине. Было видно, как они появились и стали приближаться к нам. Расстояние между нами сокращалось довольно медленно, и мы пытались разглядеть, нет ли среди них Ибн Джилхама или Рушайда, но были готовы оказать сопротивление приближавшемуся отряду, если это были враги. Когда нас разделяло не более 400 метров, человек двадцать или более, ехавшие нам навстречу, пустились быстрой рысью и приближались, размахивая ружьями и затянув военную песню. Впереди скакали два предводителя на крошечных арабских пони. Тут настал конец нашей неопределенности. Всадники на лошадях и верблюдах с криком обрушились на нас; они скакали между нами и вокруг нас, проводя странные эволюции арабских военных игр и настоящих сражений. Это были друзья, не враги, — Ибн Джилхам и Рушайд с охраной из людей эмира. Мы приветствовали их самым теплым образом.

Тем временем мы оказались на одной высоте с деревушками и рощами Шарафы. На одном-двух темных лицах, показавшихся на крышах, можно было заметить интерес к нашей группе; это нас несколько встревожило. Дальше шло так: по совету Ибн Джилхама мы стали держаться еще дальше от полосы пальм, намереваясь остановиться только тогда, когда окажемся под защитой дворца эмира. Но когда мы доехали до второго участка пальм, называемого Лугаф, нас встретила делегация, возглавляемая эмиром Нуаймы.

Их сердечные приветствия и настойчивые приглашения посетить их деревню до разрешения наших трудностей с людьми Дама (особенную силу их словам придало сообщение, что в зарослях итила еще прячется вражеская засада) заставили нас еще раз прервать наше путешествие. Скоро мы расположились лагерем около поселка Нуайма, обнесенного стеной. Таким образом я получил возможность (которая, может быть, мне никогда больше не представится) осмотреть не спеша восточную часть оазиса и немного познакомиться с его гостеприимными жителями.

После прибытия Ибн Джилхама, личности, известной в этих местах, кажется, состоялся совет, на котором было ре-

18 Зак. 186

шено, что жители Дама возьмут назад свои возражения и уберут свои заставы из Шарафы. Однако они громко протестовали против того, что и они несут определенную ответственность за досадный промах начальства. Ночью же благоразумие было забыто: прежнее решение сочли достойным сожаления и отменили. Сорвиголовы из Дама после этого объявили, что они не разрешат мне проехать через их город. На подступах к городу были выставлены заставы. Эмир (по слухам, слабый и недостойный человек) повел себя в новом положении с поразительной нерешительностью. Все знали, что он, в сущности, на стороне фанатиков. В одном из писем к Ибрагиму он объявлял, что не в состоянии держать их в узде, в то время как кади ʻАбдулʻазиз ибн Бишр из Эр-Рияда, с другой стороны, кажется, тайно поддерживал строптивых в их упрямстве.

Во всяком случае, все сомнения на его счет рассеялись, когда стало известно, что прошлой ночью эмир отступил в пустыню. Он хотел бы, конечно, избежать ответственности, во-первых, за осквернение своего поста моим присутствием и, во-вторых, за последствия вооруженного сопротивления моему приезду.

Так или иначе, вступив в вади, мы сломали лед враждебности и находились в данный момент среди друзей. Но перспективы дальнейшего продвижения все же были далеко не розовыми и давали Ибрагиму и его товарищам много поводов для размышлений. Критика, которой он подвергся за свои неумелые действия в Эс-Сулайиле, кажется, нарушила его душевное равновесие. К тому же он чувствовал себя подавленным от сознания своей ответственности за мою личную безопасность. Этим объяснялись резкие перепады его настроения: он то впадал в отчаяние, то обрушивал на врагов поток хвастливых угроз. И все же благоразумие одержало верх. Поначалу он предложил всем без исключения отступить из вади в надежное укрытие на плоскогорье Тувайка, чтобы оттуда послать к Ибн Саʻуду за помощью и угрожать жителям Дама сильнейшим неудовольствием господина. Об этом смехотворном предложении я впервые узнал после того, как оно было единодушно и полностью отвергнуто Ибн Джилхамом и другими вождями. В их готовности не унывать из-за вызова жителей Дама и ответить решительными действиями на любую провокацию (после того, как противник будет предупрежден о неизбежных последствиях дальнейшего сопротивления) эмир Нуаймы был полностью на их стороне. Его мотивы были, несомненно, политического характера: он видел в надвигающемся кризисе средство возвыситься в глазах Ибн Саʻуда за счет своего местного соперника. Факти-

чески в мелком местном соперничестве и вражде и заключалась самая верная гарантия нашей безопасности.

Когда это решение было принято, во вражеский лагерь отправили три послания. В двух из них ясно и недвусмысленно сообщалось эмиру и кади, что их бессилие перед бесчинствами необузданной черни, которой они, как предполагается, должны управлять, несомненно, вызовет гнев их господина; им давалось также понять, что именно они будут отвечать за все неприятности, которые могут произойти на следующий день, когда мы думаем двинуться дальше. Третье послание, составленное в самых энергичных выражениях, было направлено прямо к жителям Дама. Мы принимали их вызов и сообщали наше намерение двигаться дальше, а также предупреждали их, что город будет сровнен с землей Ибн Са'удом, если они теперь же не откажутся от сопротивления и не пришлют ответственных представителей, чтобы сопровождать нас во дворец эмира.

Полные беспокойства, ожидали мы результата этих посланий. Поздним вечером пришли ответы эмира и совета Дама: кади уклонился от исполнения своих служебных обязанностей и отправился отдыхать в пустыню; эмир уверял нас, что неприятности якобы устранены и мы можем двигаться дальше в полной безопасности; сами злодеи выразили готовность раскаяться в своем поведении; они умоляли о прощении и уверяли нас, что мы можем двигаться дальше к месту нашего назначения, не опасаясь никаких препятствий с их стороны. К арабам, как и ко всем прочим, подходит известная повсюду пословица: «Собака, которая много лает, не кусается», но бесконечные уверения в безопасности все же насторожили нас. Теперь все было хорошо, и предполагалось, что положение больше не изменится в течение ночи. Мы должны были опасаться только возможного предательства или проявления фанатизма отдельных лиц. Все же мы не уменьшили наших мер предосторожности, но, наоборот, увеличили их. На всю ночь были выставлены караулы вокруг нашего лагеря, чтобы обезопасить нас от неожиданного нападения, и меня попросили очень рано погасить свет и закрыть вход в палатку, прежде чем я лягу спать. К счастью, эта чудесная, прохладная ночь прошла спокойно.

Сразу же после нашего прибытия в Нуайму нас пригласил на кофе Файсал ибн Сувайлим, дружески настроенный эмир или, скорее, замещающий эмира. Постоянный владетель сана Михмас ибн Сувайлим был в это время у бедуинов Бурайка (подразделения Миса'ара, ветви племени Давасир), вождем которых он был. Файсал и его младший брат Хизлул, который присутствовал на нашем приеме, были двоюродными

братьями Михмаса, и он доверял деревню на время своего отсутствия их надзору. В их жилище мы проникли через дыру в 60 сантиметров высотой в стене, окружающей деревню. За кофе мы сидели в грязном помещении для гостей, которое было скорее похоже на коридор, чем на комнату: оно было в 6 метров длиной и 1,2 метра шириной. Позднее они оба присоединились к нам на нашем обеде, во время которого толпа деревенских мальчишек собралась вокруг нас на почтительном расстоянии. В свою очередь, Файсал и Хизлул пригласили нас к столу в дом их двоюродного брата — амира.

Дом был расположен в центре деревни, в конце улицы, которая вела от единственных настоящих ворот. Примерно дюжина отверстий в других местах стены, окружавшей деревню, была такого же типа, как то, через которое мы проникли в дом Файсала, и они точно так же давали непосредственный доступ в различные дома. Эти отверстия на ночь закладывались связками хвороста — от воров и неприятеля. Мясо, съеденное за ужином, доставили мы сами, потому что в это время года все овцы находятся далеко на пастбищах и в вади ничего нельзя купить. Основу поданного нам громадного блюда составлял дымящийся размоченный хлеб, заменявший рис, который также невозможно добыть. Поистине скуден жизненный уклад у жителей Давасир; их основное питание состоит из фиников, молока и размоченного хлеба, к чему добавляется иногда для разнообразия пшеничная каша.

После обеда я обошел под сильным прикрытием Лугаф, или участок оазиса, принадлежащий Миса'ара. Он отделен обширными прогалинами шириной до ³/₄ километра от плантаций Шарафы на востоке и от среднего участка на западе. Он охватывает густые заросли пальм, лежащие частью внутри русла вади, частью на его левом берегу, и содержит пять деревушек, из которых две почти совершенно разрушены. Нуайма и Куайз лежат на голом, отлого спускающемся правом берегу, неподалеку друг от друга; это незначительные, обнесенные стеной поселки с населением в 400 и 300 душ. Жители Куайза, как и их шайх Файхан ибн Кувайд, принадлежат к ветви Миса'ара, называемой Албу-Хасан. Примерно в 400 метрах на север от этих двух поселков, у подножия левого берегового склона, там, где пальмовый пояс образует угол, лежит маленький, не обнесенный стеной поселок Назва, принадлежащий другой ветви Миса'ара — Албу-Саббан, с населением примерно в 300 душ; его вождь — Шуджа' ибн Хурайм. Вплотную к нему, также в самой долине, выше по течению, видны развалины Дарсы, поселка Ал Ханабийа, маленького подразделения Шакара — ветви Хасан. Эти разва-

лины — результат первого вторжения в вади племени Давасир. Окруженная сварливыми, враждебными соплеменниками, Дарса успешно противостояла превратностям судьбы еще за год до моего прибытия в эти края, но затем была смыта наводнением. Жители, за исключением человек тридцати, живущих в развалившихся хижинах, переселились к родственному племени в Эль-Афладж и оставили развалины своего маленького поселка и остатки своих пальм свидетельствовать об образе действий бога и людей.

Напротив этих развалин, на правом берегу, лежат остатки Рувайсы; там живет немногим более двадцати человек из старой колонии племени Амур; основной род их занятий — возделывание зерновых на небольших клочках земли. Они влачат свое жалкое существование, пока их соседям Миса'ара не взбредет однажды в голову присвоить эти земли. История Лугафа — печальный ряд сражений и бедствий — копия истории всего вади Эд-Давасир.

Поселения Шарафы восточнее Лугафа — пространная полоса пальм с несколькими превосходными рощами и довольно многочисленными деревьями итил, которые тогда как раз цвели. Здесь живет около 500 человек из независимой ветви Давасир, по которой эта местность и получила название. Она считается близкородственной Миса'ара, а некоторые даже рассматривают ее как ветвь этой группы. Эти люди живут в не обнесенном стеной главном поселке Мишриф, а небольшая группа — в двух деревушках с общим названием Увайзат и в нескольких разрушенных касрах *. Все они подчиняются власти первого шайха Мишрифа, Ибн Хизлула, который во время моего приезда неожиданно выехал в Эр-Рияд.

На следующий день, 30 мая, меня подняли рано. Палатки были сняты, и с рассветом все было готово к выходу. «С богом!» — сказал нам хозяин, и мы ответили: «Да вознаградит вас господь!» Затем мы встали и двинулись дальше, чтобы преодолеть последний короткий отрезок нашего пути, соблюдая при этом все меры предосторожности: ехали в замкнутом боевом строю, с ружьями наготове, потому что, хотя данные нам заверения в безопасности освободили нас от главной заботы, не исключена была возможность, что какая-нибудь опрометчивость с одной из двух сторон запутает нас в непредвиденных последствиях. Сопровождаемые двумя всадниками на конях из свиты наместника, которые ехали впереди как разведчики, мы скоро оставили позади участок Миса'ара и находились на уровне первых пальм среднего участка, лежавшего справа от нас, примерно в километре с четвертью. Песчаная равнина, по которой мы двигались до сих пор, перешла на правом берегу вади в покрытый гравием ровный

участок, поднимавшийся к низкой цепи холмов. Северная сторона цепи возвышалась над руслом вади и над городом Дам, глинобитная стена которого показалась теперь на небольшом расстоянии от нас. Примерно в 400 метрах слева от нас, на краю песчаного участка, лежал маленький, ветхий и жалкий поселок Маатала; в нем обитало около двухсот чернокожих арендаторов Мухарима, независимого и, кажется, полностью кочевого подразделения Давасир. Мухарима принадлежала пышная пальмовая роща перед поселком, вокруг которой земля была усеяна следами их лагерей, разбиваемых в период уборки урожая. Это подразделение, которое должно насчитывать до двух тысяч человек (среди них не меньше двухсот конных), пренебрегает постоянным местом жительства и предпочитает кочевать по пустыне со своими стадами. Только во время сбора фиников они приходят сюда, чтобы воспользоваться плодами усердного труда своих арендаторов.

Несколько развалившихся касров на равнине между Маатала и пальмовым поясом свидетельствуют о проживании здесь когда-то в прошлом оседлого населения. Но мне не дали никакого объяснения наступившим переменам; причина вряд ли кроется в слабости самого племени, поскольку эти люди, по моим наблюдениям, пользуются в вади репутацией особенно храбрых и решительных. Ближайшее поселение, которое мы миновали, Мукабиль, похоже на Маатала, но оно меньше и лежит ближе к пальмовому поясу. Около пятидесяти чернокожих арендаторов трудится здесь на владельцев этой земли — бедуинов из За'лук, подразделения Райбан.

От стен Дама, выступавших на наших глазах из утренней дымки, нас отделяло не более полутора километров голой равнины. «Изкар Аллах!» * — воскликнули самые набожные из наших спутников, когда мы сомкнули ряды для последнего боевого испытания и не спеша двинулись дальше; два всадника на лошадях ехали на порядочном расстоянии впереди. На крышах выделялись темные лица людей, которые собрались, чтобы видеть проезд «неверного». Вдруг два подозрительных парня пробежали от городской стены к одиноко стоящим развалинам. Наши разведчики устремились вслед за ними, чтобы их отогнать. Среди нас произошло некоторое замешательство, когда мы, ничего не подозревая, стали вдруг спотыкаться на плохо ухоженном кладбище, расположенном у самого юго-восточного угла города.

Мы снова двинулись вперед, надеясь, что наша опрометчивость осталась незамеченной. Сразу после этого мы достигли города и пять минут — пять минут сильнейшего напряжения, которое я когда-либо переживал, — двигались в суровом

молчании вдоль южной стены под мрачными, пристальными взглядами собравшегося народа. Мы сознавали, что призыв одного фанатика или выстрел сумасшедшего может вызвать кризис, против которого мы были бессильны: нас могли расстреливать со всех крыш. Долго после этого в моих воспоминаниях жили эти бесконечно длившиеся минуты, а также облегченный вздох моих спутников, когда мы достигли конца стены и поскакали по узкому свободному пространству между городами Дам и Мишриф.

Перед воротами Барзана, похожего на крепость дворца наместника вади Эд-Давасир, мы разрешили верблюдам лечь.

'Абдуллах ибн Мухаммад ибн Му'аммар, уроженец Эль-Касима и двоюродный брат Фахада ибн Му'аммара, наместника этой провинции, встретил нас у входа во дворец с церемонными приветствиями и видимым облегчением. Он сразу же провел нас в большой зал для аудиенций и пригласил нас сесть и выпить кофе. Дружелюбный, добродушный мужчина средних лет и немного выше среднего роста с самого начала произвел на меня очень хорошее впечатление, несмотря на все плохое, что я о нем слышал, и особое выражение лица, типичное для наджди *, которое свидетельствует лишь о невежестве и предрассудках. Важная должность, которую он получил около двух лет назад как преемник Са'да ибн Аффайсана после его перевода в Эль-Афладж, была 'Абдуллаху явно не по силам. Он не только был совершенно лишен силы и энергии, необходимых для надлежащего руководства неспокойными племенами и областями, но вдобавок полностью разделял принципы учения ихванов * и поэтому с самого начала был склонен поддерживать фанатические элементы своего наместничества за счет закона и права. Во всяком случае, 'Абдуллах не был хозяином в собственном доме, как Ибн Аффайсан, и, к его чести, имел лишь одну отнюдь не честолюбивую мечту — вернуться к частной жизни и посвятить себя духовным предметам.

Когда мы прибыли, наместник заканчивал служебные дела на официальном приеме; в приемном зале, куда мы вошли, собралось большое пестрое общество. Деловая часть была прервана, меня провели на почетное место — поблизости от очага и рядом с местом наместника. Человек, который уступил мне место, был Сум'ан ибн Матраха, вождь Рашид — ветви 'Арка, свирепый бандит из Наджрана с высоким лбом и широкой грудью. Незадолго до этого в связи с процессом, который шел между его собственным и другим племенем, Фахад, он был вызван в Эр-Рияд и собирался отправиться туда в сопровождении пяти светлокожих и плохо

одетых горцев дикого вида; их черты лица и одежда выдавали в них чужаков.

Их одежда состояла только из головного платка без украшений и из очень грязной короткой белой рубахи, перепоясанной туго набитым патронташем; за пояс сбоку были заткнуты изогнутые разукрашенные металлические ножны кинжала. Представители группы Фахад опередили своих противников в Эр-Рияде. Один из них только что вернулся оттуда; это был неотесанный бедуин по имени Булайх. Он принадлежал к компании, в которой среди многих других находился также молодой человек, даже мальчик 15 или 16 лет, выглядевший совершенно изнеженным, с очень чувственными чертами лица. Его бесстыдное, дерзкое поведение у очага, где он, казалось, занимал первенствующее положение, выдавало в нем весьма уважаемую личность; по его речам в нем можно было узнать начинающего мутавва'а *.

Вначале 'Абдуллах, казалось, был мало склонен беседовать со мной. Но я знал, что он сам в значительной мере повинен в неприятностях, которые предшествовали нашему прибытию, и мне не было совестно, что я ему навязался. Понемногу он оттаял, и мы хорошо поладили между собой. Пока в центре внимания, не говоря обо всех прочих, находился Ибрагим. Он и не думал упускать удобный случай публично высказать праведное негодование, которое испытывал против оскорбительного поведения жителей Дама. Я не знал в Аравии никого, кто бы с такой легкостью провозглашал лозунги ваххабитского мусульманского пуританства и чье сердце, измеренное ваххабитскими мерками, было бы таким гнездом пороков. Совершая в строжайшей тайне то, что осуждалось им публично, Ибрагим еще и выдавал себя за образец благопристойности, вот почему он не позволил себе упустить эту возможность проповедовать добродетель, как он ее понимал.

На этот раз его темой был чудовищный проступок, в котором провинился Дам, сопротивляясь приказу Ибн Са'уда. С этой точки зрения представлялось невозможным оспаривать случай, о котором он говорил подробно, с воинственной миной, на высочайших тонах. Его посох с силой вонзался в пыльный пол, но его доводы были довольно слабы. Это словоизвержение выслушали молча. Казалось, оно не произвело особого впечатления на слушателей. 'Абдуллах выразил мнение присутствовавших, на мой взгляд, достаточно точно, когда он заявил, что на самом деле ничего плохого не произошло и поэтому дальнейшее обсуждение этого дела излишне.

Так мы сидели вместе почти два часа и ждали завтрака, который устраивал для нас наместник. От представлений при нашем прибытии отказались. Но когда я постепенно освоил-

ся с атмосферой, царившей в собрании, меня познакомили с Сум'аном, после того как я спросил о нем Тами, кто он и что он такое. Когда необходимые пояснения были даны, старый разбойник проворчал: «Ибн Са'уд гасабна 'ал шауфатак» — «Ибн Са'уд вынудил нас смотреть на вас, иначе мы бы лучше перерезали вам глотки». При этом он выразительно провел своим мозолистым указательным пальцем по горлу. «Наши в Наджране, — продолжал он, — без сомнения, убили бы вас, но мы — слуги Ибн Са'уда». Я ответил: «Очень рад познакомиться с вами, и если правда, что вы скоро отправляетесь в Эр-Рияд, то я надеюсь, что вы со своими спутниками будете сопровождать нас на обратном пути». Он охотно согласился с этим предложением. К вечеру перспектива обогатиться за мой счет настроила его очень дружелюбно; во всяком случае, после ужина он сел за кофе рядом со мной.

Когда я решил, что наше знакомство зашло достаточно далеко, чтобы я мог выразить близкие отношения, похвалив красивую, украшенную драгоценностями джамбию, торчавшую у него за поясом, он вытащил ее и протянул мне. «Она принадлежит вам, — сказал он. — А что вы дадите мне как ответный подарок?» Я с улыбкой замял это дело и отдал ему оружие — прекрасной хадрамаутской работы, с рукояткой, усаженной агатами, и ножнами, инкрустированными тонкими золотыми пластинками. При этом я тешил себя несбыточной надеждой совершить когда-нибудь подходящий обмен.

Поводом, который привел представителей племен Рашид и Фахад в дом наместника Ибн Са'уда в Вади — кстати сказать, это событие самым поразительным образом показывает, как возросло влияние Ибн Са'уда на юге, кажется, с недавнего времени,— было столкновение, происшедшее между ними незадолго до этого. Рашид убили девятерых людей Фахад и угнали много верблюдов. Фахад сейчас же послали в Эр-Рияд делегацию с жалобой. Она получила приказ предоставить дело на рассмотрение амира Вади. По возвращении, которое последовало сразу же, они застали делегацию своих противников, прибывшую с юга, чтобы изложить свое дело. В тот день, который мы провели в Барзане, амир выслушивал доводы обеих партий. Накануне нашего отъезда они пришли к соглашению: Сум'ан от имени своего племени выразил готовность заплатить за угнанных верблюдов 600 талеров Марии-Терезии и по 800 талеров Марии-Терезии за каждого убитого — общей суммой около восьми тысяч талеров (большая сумма для бедуинского племени!). Сум'ан, конечно, надеялся получить с меня взнос для уплаты этой суммы, и я дал ему понять, что он получит его, когда будет сопровождать нас на обратном пути.

Но после окончания дела ему больше не было нужно предпринимать поездку в Эр-Рияд, и наше соглашение было этим ликвидировано. Несмотря на это, в день нашего отъезда он все же пришел ко мне за деньгами, но не затаил на меня злобы, когда я растолковал ему, что никоим образом не обязан платить. Его общество было для меня очень желательным на обратном пути, и я крайне сожалел, что он не сможет присоединиться к нам.

В общем, семь дней, до вечера 5 июня, мы провели как гости 'Абдуллаха ибн Му'аммара в Барзане, мощном, только за год до этого построенном форту в форме квадрата. Он расположен на открытом месте между соперничающими городами Дам и Мишриф таким образом, что орудия на его высоких стенах из красноватой глины и выступающих угловых башнях могут держать под обстрелом оба города. Из-за сложных политических отношений в Вади и беспокойного характера Давасир, вследствие чего поддержание мира было очень трудной задачей, место, выбранное для резиденции наместника, показалось мне очень хорошим и гораздо более удобным, чем развалившиеся теперь форты, воздвигнутые предшественниками Ибн Са'уда для защиты своей власти. Самым старым среди них был форт, называемый Бахья, развалины которого лежали примерно в 400 метрах к югу от Дама. Он, кажется, восходил к началу прошлого века, может быть, даже к правлению великого Са'уда. Форт пришел в упадок, должно быть, во время беззаконий, которые начались после захвата турками Верхнего Неджда, после взятия и разрушения Даранйи.

Следующим правителем из дома Са'уда, который осуществлял действенную власть над Вади, был Файсал. Он построил у самой восточной стены главного города мощную крепость, которая называется Абу-Таук — вероятно, из-за рва, еще и сейчас окружающего ее тяжеловесные развалины, состоящие наполовину из глины, наполовину из каменной кладки. Она была заброшена, как и предыдущая, во время волнений, охвативших весь юг во время правления Файсала и его внука, теперешнего правителя.

Внутренняя часть Барзана, который имеет только одни ворота на северной стороне, представляет собой просторный двор, окруженный жилыми помещениями и конюшнями. Справа от вестибюля находится обширный зал для аудиенций, длина которого достигает двух третей наружной стены. Его пол покрыт толстым слоем мелкого песка. На другой стороне находится маленькая грязноватая мечеть, а на ее крыше — небольшое помещение — вероятно, комната для частных аудиенций. Во время моего пребывания его предоста-

вили в мое распоряжение, хотя единственным входом служила лестница, ведущая вверх непосредственно с открытого двора мечети. Личные покои амира занимали бóльшую часть восточной и часть южной стены. Там же находятся комнаты для гостей и кухня. Остальные здания заняты конюшнями. В углу двора был колодец; к залу для аудиенций примыкала площадка, обнесенная невысоким глинобитным забором и снабженная очагом для кофе. Во всякое время, когда двор не был освещен солнцем, сюда выходили амир и его гости, чтобы поболтать за кофе.

Наместник распорядился кормить нас, согласно обычаю, очень обильно, днем и вечером. Ужин состоял из баранины и размягченного хлеба, большие круглые лепешки которого складывались высокими горками. Но так как я знал, с какими трудностями связаны покупки в этих местах, а среди приобретенных в Эс-Сулайиле овец еще было несколько лишних, я поручил Ибрагиму просить амира разрешить нам самим заботиться о своем пропитании. Так мы поступали до конца нашего пребывания в Барзане, до последнего вечера, когда хозяин опять настоял на том, чтобы устроить для нас прощальное пиршество. Сум'ан и его свита охотно принимали участие во всех пирах. Должен сознаться, я испытывал живой интерес к неотесанному старому забияке, который обладал удивительным даром всегда сказать что-нибудь неуместное, просто потому, что не задумываясь высказывал любую мысль, которая появлялась в его странном мозгу. При этом он всегда ревел мне прямо в ухо голосом, который сделал бы честь быку, как будто я и все другие были совершенно глухими. «Почему, — прокричал он мне однажды, — вы не молитесь как мусульманин?» Находчивый Тами помог мне отшутиться и перевел разговор на другую тему. Сум'ан еще никогда не видел моря и даже никогда не был в Сане, но лучше чем кто бы то ни было знал пустыню Наджрана.

С холмов Абу-Хувайль (эта гряда холмов получила свое название от заброшенного форта Хувайль, который лежит у ее западного конца, и расположена примерно в 400 метрах на юг от Барзана, параллельно правому берегу вади) в первый вечер моего пребывания я насладился широчайшим видом на весь оазис и его окрестности. Непосредственно под нами, на небольшом расстоянии друг от друга, лежали три маленьких города — Дам, Мишриф и Сабха — на южном берегу русла, которое отделяло их от расположенных на другой стороне принадлежащих им обширных и густых пальмовых рощ. Западнее поднимались вверх по руслу рассеянные большие поселки, пальмовые рощи и заросли итила, составлявшие Фараа — западную часть оазиса. Длина всего оазиса

от одного конца до другого составляет около 11 километров, исключая необитаемые заросли итила и рака — Гайф и Рака.

Через эту часть проходит русло потока вади Эд-Давасир; его глинистое ложе местами покрыто тонким ковром кустиков римза и травы, в основном же это голая, потрескавшаяся от солнца земля. Вокруг расстилается необозримая пустыня — волнующееся море красноватых песчаных волн. Она достигает северного горизонта и начинается прямо на границе пальмового пояса, который на памяти людей во многих местах потерпел от нее значительный ущерб. Прежние рощи и поселки — Маайзар (между частями Лугаф и Мухарим), Миджрания и Курария (между средней и западной частями) — погребены песками. А еще 30—35 лет назад, как говорят, здесь зеленели обширные поля и рощи финиковых пальм.

ПУТЕШЕСТВИЕ РАТЬЕНСА И ФОН ВИССМАНА В ЙЕМЕН

От каких случайностей могут зависеть направление и результаты научной экспедиции в XX в., особенно отчетливо показывает экспедиция в Йемен, которую предприняли Карл Ратьенс и Герман фон Виссман в 1927—1928 гг.

Если правитель Саудовской Аравии расстроил первоначальный план путешествия в южную часть Хиджаза, то воля имама Йемена определила маршрут и задачи путешественников в его стране. Тем более удивительны богатые результаты археологических и географических исследований, богатые находки сабейских надписей и специальная карта, которые исследователи смогли предъявить после этой экспедиции. Удалось провести первые раскопки в Южной Аравии.

ГЕРМАН ФОН ВИССМАН

Готовясь к путешествию в Аравию, намеченному на осень 1927 года, мы надеялись, что сможем проехать в южную часть королевства Хиджаз, а также в область Асир, чтобы провести там географические, геологические и культурно-исторические исследования. При дружеском посредничестве министерства иностранных дел и немецкого посольства в Египте было испрошено разрешение на эту поездку у представителей правительства Хиджаза в Каире, и мы получили ответ, превзошедший все наши ожидания: ничто не препятст-

вует нашему въезду во все области Хиджаза, кроме священных городов, к тому же придворный врач короля Ибн Са'уда, который как раз находится в Каире, заявил о своей готовности сопровождать нас в Джидду. Нас просили при отъезде посетить представителей правительства Хиджаза в Каире.

Но еще в Генуе перед самым отправлением парохода мы получили телеграмму посольства, в которой сообщалось, что представитель Хиджаза внезапно отказал нам во въезде, а когда мы зашли к нему в Каире, он сослался на недавно полученное предписание правительства Ибн Са'уда запретить европейцам въезд в страну и даже в гавань Джидду без личного разрешения короля. Он посоветовал нам подождать ответа короля на повторный запрос, хотя Ибн Са'уд находился тогда на месопотамской границе.

Зная по опыту, что подобного рода трудности всегда легче всего преодолеваются на месте, мы решили попытаться высадиться в Джидде без официального разрешения на въезд и попросили телеграфом голландского консула в Хиджазе господина Ван дер Мойлена (который еще в Европе самым дружеским образом приглашал нас быть его гостями во время нашего пребывания в Джидде) позаботиться, чтобы нам разрешили прибыть в Джидду на несколько дней. Это удалось благодаря его ходатайству.

Но уже через несколько дней мы узнали из переговоров с высокопоставленными чиновниками в Джидде, прежде всего из беседы с министром иностранных дел Абдаллахом Дамлуджи, что наши планы в Хиджазе не могут быть реализованы. Здесь не место распространяться обо всех причинах этой неудачи; достаточно будет сказать, что именно тогда было совершенно невозможно для немусульманина путешествовать во владениях Ибн Са'уда, так как он боялся, что если даст хотя бы одному европейцу разрешение на въезд, то ему станут надоедать с самых разных сторон такими же просьбами под научными предлогами и ему будет тогда трудно отклонять их. Было уже большой уступкой, что нам разрешили свободно передвигаться в окрестностях Джидды и совершить экскурсию в вади Фатима до границы священной области. Как мы слышали, с тех пор на целые годы европейцам, живущим в Джидде, была запрещена всякая свобода передвижения вне городской черты.

Поэтому после десятидневного пребывания в Джидде мы решили выехать дальше и поискать счастья в Южной Аравии, то есть попытаться проникнуть внутрь страны из Ходейды, что прежде не входило в наши намерения. Мы переправились в Порт-Судан и уже через пять дней нашли места на маленьком моторном судне, груженном бензином, которое

отправлялось через Массауа, Камаран, Ходейду и Моху в Аден.

В Ходейде мы сразу же получили от ее губернатора, второго сына имама, принца Сиди Мухаммеда, разрешение въехать в страну и были приняты дружески, как его гости. Уже на третий день нашего пребывания в Ходейде пришло телеграфное сообщение имама, что он разрешает нам прибыть в Сану в качестве его гостей. Для фрейлейн Апитц, которая сопровождала нас как востоковед, было поставлено условие, что она должна быть в мужской одежде или с закрытым лицом.

Уже в Ходейде мы встретились с первыми арабскими древностями. Они принадлежали принцу Мухаммеду, и его личный секретарь Мухаммед эль-Леси, высокообразованный египтянин, охотно показал их нам. Речь идет прежде всего о 17 могильных статуэтках, двух стелах с изображениями голов и различных других предметах... Как место происхождения всех этих вещей нам назвали лишь Джоф, на востоке Йемена. Точное место находки бедуины держали в секрете, и сам принц не знал его. Но это должно было быть целое поле могильных камней с большим количеством скульптурных изображений и где при раскопках можно было бы найти очень много предметов украшения. Но, как мы узнали позднее, арабы никогда не трогают захоронений, даже если они относятся к языческому времени. Также и поэтому бедуины боятся указывать точное место находки, если они действительно в поисках сокровищ тайно раскапывают могилы. Но торговля этими вещами и владение ими не запрещены.

Могильные фигуры и рельефы, вероятно, перешли в собственность Мухаммеда эль-Леси, который уже тогда рассказывал нам, что принц собирался подарить их ему. Когда на обратном пути мы прибыли в Ходейду, эль-Леси уже уехал. Нам принц подарил на прощание несколько мусульманских монет времени Расулидов *.

На пути в глубь страны до Саны мы видели из доисламских древностей только несколько цистерн. На третий день пути при выходе из Баджиля нас подстерег за стенами города человек, который предложил нам купить древности (он, вероятно, ехал с ними в Аден). Сначала он показал монеты, тысячи маленьких медных монет и несколько больших, среди последних — греческие и римские. Мы купили некоторые из них, намного сбив первоначально назначенную им очень высокую цену. Затем подошла очередь каменного рельефа с надписью, который нам показался подозрительным, так как выглядел слишком новым. Но так как трудно было представить себе, что в этой захолустной стране изготовляют

фальшивки и что на них находятся покупатели, мы приобрели этот рельеф — правда, только за пятую часть запрошенной цены. И в действительности он оказался фальшивым.

В Сане также находится в обращении целая масса фальшивых каменных рельефов, вероятно, сохранившихся с турецкого времени. Некоторые из них мы дешево купили, изрядно поторговавшись. В Германии выяснилось также, что некоторые из больших монет поддельны.

В Сане мы скоро узнали о многочисленных доисламских памятниках страны, особенно когда мы на первой аудиенции у имама среди других целей нашего визита в Йемен назвали и археологические исследования. Скоро мы заметили, что сам имам проявляет большой интерес к этим древностям.

Особенно важным для географических и геологических исследований мы считали посещение района к востоку от Саны. Кроме дороги к Марибу, это была настоящая terra incognita, таившая много загадок. Нам рассказали о больших полях развалин, относящихся к самому древнему времени, о хорошо сохранившихся храмах, о громадных статуях, покрытых надписями, и о целых городах, которые якобы никогда не перестраивались. Добавьте к этому, что мы встречали и в Сане вождей как из Джофа, так и из Наджрана, которые приглашали нас посетить их страну и уверяли, что мы могли бы путешествовать в их областях в полной безопасности.

Поэтому уже на второй аудиенции у имама мы попросили позволения совершить путешествие по Джофу. Король уклончиво ответил, что теперь он не может дать такого разрешения, но даст нам возможность обследовать некоторые другие древние городища севернее и северо-восточнее Саны. Через несколько дней любезный министр иностранных дел кади Рагиб, турок и единственный человек при дворе, говоривший на европейском языке, сообщил нам, что мы должны ехать в Эль-Хукку и Хаз, где находятся большие древние городища, которыми уже с давних пор интересуется король и которые он, может быть, разрешит раскапывать. Министр сам должен был сопровождать нас, но приказ об этом был отменен накануне нашего отъезда. Высокопоставленный чиновник должен был быть на месте за два дня до нашего отъезда и все приготовить.

26 января 1928 года мы выехали через Баб-эш-Шегадиф из Саны на север по равнине. По дороге мы видели слева, северо-западнее Эль-Джирафа, развалины из глинобитных кирпичей с четырьмя прямоугольными башнями, которые показались нам весьма старыми, но мы не смогли ближе исследовать их. В песчаниковых стенах склона, ограничивавшего долину слева, нам встретились первые искусственные пе-

щеры. Одна из них находится перед деревенькой Эль-Азрагейн; скалы около ее входа густо покрыты наскальными рисунками. В той же местности справа от дороги лежит ряд цистерн, которые сделаны в виде пещер, выдолбленных в потоке молодой лавы и укрепленных оставленными столбами породы. Большие древние водоемы лежат у деревень Эль-Азрагейн и Байт-эль-Хаури, у подножия одноименного вулкана.

Вечером мы достигли цели нашего путешествия — деревни Эль-Хукка. У въезда в деревню нас встретил шериф сиди Абдаллах эд-Думейм, старый почтенный арабский вождь из Джофа, главнокомандующий имамской армии. Он проводил нас к нашему месту жительства; впереди шло около 15 поющих солдат.

На следующее утро шериф показал нам местные древности, прежде всего холм развалин на юге, у последних домов деревни. К нашему удивлению, солдаты вместе с большим числом жителей деревни и с помощью нескольких пар волов уже два дня занимались тем, что убирали обломки камней и раскапывали холм сбоку. Теперь стало ясно, что король уже давно вынашивал план раскопок, во-первых, из интереса к древностям страны, но, может быть, и потому, что он надеялся увидеть добытые при раскопках драгоценности или сокровища. Теперь он использовал присутствие европейцев, которые также выказали интерес к этим вещам, чтобы заставить их следить за раскопками и помогать советами. Сиди Абдаллах сказал нам, что король предоставил нам решать, как глубоко и как долго нужно копать. Позднее в Хазе имам также предоставил нам определить, нужно ли раскапывать тамошние развалины, более значительные, чем в Эль-Хукке.

Таким образом, нам предстояло выполнение задания, к которому мы были абсолютно не готовы. Приказ имама ни в коем случае не мог быть отменен, и мы считали теперь нашим долгом наблюдать за работами и регулировать их таким образом, чтобы результаты раскопок, по крайней мере насколько мы сами их понимали, были зафиксированы в рисунках и чертежах.

Уже при первом посещении раскапываемого холма мы поняли, какая трудная задача стояла перед нами. Около сотни рабочих набросились на холм с огромным рвением. Оттуда вылетали груды земли, а сиди Абдаллах переходил от одной группы рабочих к другой и воодушевлял людей. Он, как, впрочем, и все работавшие, был озабочен только тем, чтобы перерыть мусор над сокровищами и металлическими предметами. При этом они сметали стены и камни, которые лежали у них на пути, хотя бы для того, чтобы очистить место

для прохода воловьих упряжек. Южный угол холма был уже снесен, остались только остатки фундамента стен.

Мы должны были сначала объяснить сиди Абдаллаху, что для нас важно не только найти ценные предметы, но что каждый камень, каждый остаток стены, каждая колонна должны оставаться на своих местах и только в случае крайней необходимости, если мы дадим разрешение, их можно убрать; что каждый обработанный камень, каждый черепок нужно показывать нам, что в случае находки целого сосуда нужно сразу же позвать одного из нас на место находки. Сиди Абдаллах очень старался исполнить наше желание, насколько это вообще было возможно, так как арабы не понимали, чего мы хотим. Во всяком случае, мы должны были считаться с образом мышления шерифа, привыкшего повелевать, поскольку зависели от него в тот период целиком и полностью. Его доверие было слишком легко потерять, необдуманно высказав недовольство или даже порицание. Поэтому темп работ мы не могли умерить, так же как не могли помешать тому, что отдельные колонны или стены, если они слишком мешали движению воловьих упряжек, вдруг исчезали за нашей спиной. Вместо того чтобы показать нам найденные предметы на месте находки, их приносили гораздо позже или совсем утаивали, как, например, лучшую находку — бронзовую голову льва. Мы впервые увидели ее по возвращении в Сану, у имама, а в Эль-Хукке нам показали только ее нижнюю челюсть.

В первые два дня мы не надеялись, что сумеем бороться с варварскими методами раскопок, и, когда две большие вазы, которые мы лично в первый день с большим старанием выкопали из земли почти неповрежденными, на следующее утро оказались разбитыми, мы послали два письма спешным гонцом в Сану — королю и министру иностранных дел, — в которых описывали положение и подчеркивали, что при таких обстоятельствах раскопки лучше прекратить.

Результат не замедлил сказаться: через день на быстрых конях прибыли министр-президент кади Абдаллах эль-Амри и его небольшая свита с поручением короля выяснить состояние дел и передать сиди Абдаллаху приказ повиноваться всем нашим распоряжениям. Этот приказ привел к тому, что шериф, который теперь был подчинен нам, временно объявил себя больным. Теперь мы проводили такую политику: прежде всего не дать шерифу заметить, что мы используем новое положение против него. Поэтому мы выражали наши желания в виде просьб или старались делать так, как будто наши намерения исходят от него самого. Через несколько дней нам удалось восстановить с ним наилучшие отношения.

19 Зак. 186

Наряду с наблюдением за раскопками мы должны были исследовать все дома деревни Эль-Хукка в поисках материала, который жители брали из древних развалин, применяя его при постройке своих домов. Все хорошо обработанные камни, которые было легко извлечь, были вделаны в стены домов. Большие камни использовались для дверных и оконных проемов. Часто из светлых, хорошо обработанных плит известняка на внешних стенах домов изготовлялись грубые мозаики, например изображение лошади. Эти камни резко выделялись на фоне черных глыб лавы, из которых главным образом сложены современные дома. Но прежде всего в дома вделаны почти все камни с надписями, к счастью чаще надписью наружу, так что их легко скопировать. Однако из-за высоты домов, в стены которых вделаны эти камни, для снятия копии требуется хорошее зрение. При раскопках мы нашли один-единственный камень с надписью...

Уже во время работ у нас создалось впечатление, что мы раскапываем храм. Надпись на вотивном даре в форме курильницы, найденная при раскопках, так же как граффити, обнаруженные на скалах около храма, позволила нам установить сравнительно точно, что раскопанное здание было храмом богини Солнца Зат-Баʻдан и относилось ко времени с 100 года до нашей эры до 100 года нашей эры.

Во время перерывов в раскопках, когда солдаты и рабочие танцевали и пели или отдыхали, и по вечерам, когда шериф со своей свитой сидел, жуя гат * и куря кальян, в одной из комнат своего дома, освещенной только одной свечой и наполненной дымом, мы пытались использовать превосходные знания сиди Абдаллаха о стране и людях и наводили справки преимущественно о его родине — Джофе. Он был братом одного из самых значительных вождей в этой области. Он перечислил нам основные города Джофа: Эль-Бейда, Бейхан, Эль-Гайль, Эль-Хазм и Эль-Музумма — и главные племена габиле * Хамдан (отличается от бени Хамдан, живущего севернее Саны), Дахам и Барад.

По словам шерифа, значительные развалины лежат у Хамир-Гани, недалеко от южного Эль-Бейда, восточнее Рида, в Южном Йемене. Тамошнее городище почти так же велико, как современный город Сана. По рассказам бедуинов племени Аувалиг, там стоит большая статуя, вся покрытая надписями. Развалины находятся также у Азама и Дибама, а у Ансаба расположено узкое ущелье, и живущие вокруг кочевники рассказывают, что там сохранился почти полностью храм химьяритского времени, в который ведут семь дверей, украшенных изображениями животных.

 Сиди Абдаллаху сейчас около 65 лет, но он еще сохра-

нил юношескую бодрость. Он был когда-то душой восстания против турок и исходил всю страну в многочисленных походах как полководец имама. Поэтому он очень хорошо знает область Наджрана на север от Джофа; оттуда происходит вождь Джабир ибн Мана, с которым мы лично познакомились в Сане, где он находился для переговоров с имамом. Важнейшие городища в Наджране — Махаза и Тенгини, их более точное местоположение мы не смогли установить. И сиди Абдаллах, и другие арабы говорили нам, что три племени области Наджрана — бени Мезкер, Ал эль-Хинди и Ал эль-Мурра — и сейчас якобы тайно придерживаются христианства.

Сиди Абдаллах уверял нас, исходя из своего знания страны, что древние городища совершенно неизвестны в Тихаме, на прибрежной равнине. В предгорьях они также не встречаются, только на самых высоких ступенях плоскогорья попадаются первые древности. Самые западные развалины, какие он знает в Йемене, лежат на вершине Джабаль-Шибам, у Манахи. Остается предполагать, что древние жители Южной Аравии боялись жаркой прибрежной равнины и только у Мохи (Музы), на побережье пролива Баб-эль-Мандеб, и на южном берегу полуострова проникали к морю.

Сам шериф и все люди, с которыми мы говорили, все время утверждали, что мы могли бы путешествовать по Джофу в безопасности только под его защитой. Он там очень популярен; если бы он нас сопровождал, ни один волос не упал бы с наших голов. Сам он очень хотел совершить с нами поездку к себе на родину и обещал нам по возвращении в Сану переговорить с имамом о том, чтобы тот разрешил нам поехать с ним.

Тем временем работы по раскопкам быстро продвигались благодаря усердию рабочих. Мы намеревались копать только до такой глубины, чтобы желание имама можно было считать выполненным, а остальное отложить до будущего появления специалистов. Известия о ходе работ и важнейшие находки отправлялись королю. Уже при посещении кади Абдаллаха они вместе с шерифом пришли к мысли, что хорошо обработанные плиты известняка, который отсутствует во всем районе Саны, образованном из песчаника и вулканических пород, было бы неплохо использовать для постройки мечети в Сане, которая была уже наполовину готова. Когда мы объявили, что раскопки окончены и попросили разрешения отправиться дальше, шериф получил приказ остаться с нами в Эль-Хукке, пока не будет готова дорога из Саны в Эль-Хукку, по которой можно будет отвезти камни в столицу.

У северо-западного края большой равнины, у Саны, ле-

жит местность, усеянная молодыми вулканами, она начинается в пяти километрах к северо-западу от Эль-Хукки. Лавовые потоки, идущие от нее, покрывают местность далеко за пределами этой деревни. С востока к ней примыкает область, покрытая глыбами вулканических бомб и гальки, по которой трудно передвигаться даже пешеходу. Она представляет собой темную поверхность, резко отличающуюся от красновато-желтых эоловых отложений равнины. Эти глыбы лежат тонким поверхностным слоем на мелкозернистом материале широкой долины Саны. Его убирают, чтобы очистить поверхность осадочных наслоений. Этот слой глыб является продуктом извержений вулканов, которые, вероятно, происходили и в исторические времена и которые, кажется, могли быть причиной разрушения храма в Эль-Хукке. Храм был уничтожен во время пожара, возникшего, вероятно, при извержении вулкана.

Постройка дороги по приказу имама была окончена в три дня. Это была большая работа, которую оказалось возможным выполнить только потому, что все мужчины всех деревень в округе были вызваны на барщину и сиди Абдаллах целые дни не слезал с коня, наставляя и подгоняя рабочих.

Мы просили имама, чтобы он приказал увезти с раскопанного участка только камни, лежавшие отдельно, и оставить раскопанные стены храма, защитив их от жителей деревни Эль-Хукка. Были ли выполнены его распоряжения (сделать это было весьма трудно, особенно в отношении жителей деревни), мы не знаем, потому что больше не были в этом месте.

Пока строили дорогу, мы привели в порядок и упаковали коллекции, что было нелегко из-за недостатка упаковочного материала, и совершили несколько экскурсий по очень интересным окрестностям Эль-Хукки. В предпоследний день нашего пребывания шериф пригласил нас совершить вместе с ним еще одну экскурсию верхом: он хотел показать нам какие-то древности в окрестностях.

Сначала мы поехали на северо-восток к небольшому, высотой около 100 метров, вулкану Джабаль-эль-Эрра, одиноко возвышающемуся среди равнины. Склон с двух сторон был отделен от вершины рвом глубиной около 8 метров. На маленькой площадке вершины вертикальная шахта глубиной 5 метров и диаметром 1,5 метра ведет в древнюю подземную цистерну высотой 2 метра и 8,5 метра в поперечнике, укрепленную семнадцатью колоннами. Ее дно покрыто полуметровым слоем солоноватой, приятной на вкус воды, которой арабы приписывают целебную силу. Камня с надписью, который здесь раньше видел сиди Абдаллах, теперь больше не суще-

ствует. Мы нашли только глиняные черепки, бусы, куски алебастра и обломки стеклянных браслетов.

После короткой остановки мы двинулись дальше по равнине к комплексу деревень и прочных замкоподобных домов, Эль-Джахалия, где обнаружили среди путаницы наполовину развалившихся новых домов стены древнего сооружения, сложенные из тесаного камня. Мы не исследовали его подробнее, но скопировали надпись на камне, вделанном в дверь дома. Затем мы вернулись в Эль-Хукку по новой дороге, которая проходит через эту деревню.

На следующее утро, 5 февраля, мы отправились дальше на запад в сопровождении пятидесяти солдат, которые пели, держась за руки по четыре человека в ряд. Мы поднялись на террасу долины Саны и оказались на волнистом плоскогорье, медленно понижавшемся к ущелью. На его западной стороне круто вздымалась мощная песчаниковая стена Джабаль-Каукабан. На одной из гряд холмов этого отлого опускающегося плато лежал город Хаз, где мы должны были проводить дальнейшие раскопки.

Из-за фанатичности жителей Хаза мы расположились в одном из домов еврейского квартала, лежащего вне города. Когда на следующий день мы осматривали развалины в городе и копировали многочисленные надписи, вделанные в стены городских домов, нас часто осыпали бранью, а однажды даже забросали камнями. Но потом население успокоилось, особенно когда жители увидели, что мы не хотим выламывать камни с надписями из стен их домов, чего они поначалу опасались.

Древние развалины находятся частично в самом городе, частично в окрестностях. Прежде всего большое городище лежит на скалистом выступе, выдающемся на запад и на юг, Джабаль-Эррейн, в получасе ходьбы на северо-запад от города. Древности и многочисленные камни с надписями, которые можно найти в горной крепости Байт-Гофр в часе пути на север от Хаза, по словам жителей, все якобы происходят с городища Эррейн.

Весь Хаз обнесен высокой стеной из необработанных камней, положенных один на другой. Но в некоторых местах, особенно на северо-востоке, нижняя часть этой стены состоит из искусно обработанных прямоугольных блоков; камни размером примерно 80×40 сантиметров уложены один на другой почти без связующих материалов. Эта основа стены очень древняя и, как нам кажется, является доказательством того, что старые здания внутри города составляли лишь часть крепости, обнесенной стеной. Эта сохранившаяся часть древнего города ограничивается казармой гарнизона, гасром *,

который на севере непосредственно примыкает к городской стене, и гигантским водоемом, полностью облицованным хорошо обработанными плитами, который когда-то снабжался водой через подземные водоводы, частично еще сохранившиеся, с горы Джабаль-Месджеб, в трех часах пути от города. Подземный ход, который мы смогли проследить только очень недалеко, ведет от казармы по направлению к водоему. Можно предположить, что он подводил воду к цистерне или, наоборот, от цистерны к гасру.

Несколько водоемов есть и между Хазом и Джабаль-Эррейн, в том числе два больших водосборных водоема в узком русле между обеими местностями, и еще один на южном склоне горы; последний целиком вырублен в вулканической породе, и в него можно проникнуть только через шахту. Еще раньше мы обнаружили между Хазом и Байт-Гофр большие площади, покрытые рядами камней — круглых, овальных, квадратных и четырехугольных. Местные жители говорили нам, что это могилы химьяритов. Мы просили у шерифа разрешения вскрыть одну из этих могил, но он наотрез отказал в этой просьбе, потому что для его соотечественников все могилы священны, будь то мусульманские или нет.

Здание казармы окружает почти квадратный двор, из которого через шахтообразные галереи можно проникнуть в глубоко лежащие небольшие камеры под зданием. Шурфы, которые мы смогли сделать во дворе, открыли культурный слой с обломками хорошо обработанного известняка. Это позволило установить, что все здание стоит на древнем культурном слое, на котором (частично из материала этого слоя), очевидно, еще в раннемусульманское время было воздвигнуто новое здание, образующее фундамент современной постройки.

Городище Эррейн лежит на вершине выступа горы. Оно представляет собой постройку из обработанных и необработанных камней, из которой выступают также обломки колонн. Его площадь — 100 квадратных метров. Постройки покрывают относительно ровную поверхность, которая с трех сторон довольно круто обрывается вниз. Мы собрали только несколько валявшихся глиняных черепков. Вся Джабаль-Эррейн теперь необитаема, да и вообще во всей местности вокруг Хаза нет отдельно стоящих домов. Поселения здесь всегда укреплены.

Мы получили от имама сообщение, что он предоставляет нам решать, хотим ли мы предпринять раскопки в Хазе или на Джабаль-Эррейн с помощью сопровождающих нас солдат и рабочих, которые будут предоставлены нам из Хаза. По опыту, который мы получили в Эль-Хукке, мы сочли самым разумным оставить здешние грандиозные развалины непотре-

воженными, пока не появятся люди, лучше подготовленные и снаряженные для этих работ. Кроме того, предстоял рамадан, и сиди Абдаллах собирался устроить еще какие-то особые дни перед постом. Мы заметили, что он обрадовался, когда мы предложили имаму отложить раскопки в Хазе, так как на это потребовалось бы слишком много времени.

9 февраля мы отправились в обратный путь в Сану, который проделали за один день быстрой езды сначала через плоскогорье Хаза, затем пересекая несколько боковых долин, ведущих к равнине Саны. Только после наступления темноты мы стояли перед воротами Баб-эш-Шегадиф, где нам пришлось долго ждать, пока нас впустили, потому что с заходом солнца все ворота города закрываются.

На следующей аудиенции король внимательно выслушал сообщение о раскопках и обсуждал с нами находки и чертежи. Выяснилось, что многие находки из Эль-Хукки нам не показали; они были прямо пересланы к королю, который только теперь показал их нам. Имам оставил себе бронзовую голову льва, медный ковш с сабейской надписью, большой медный сосуд и многое другое, но разрешил нам сфотографировать и зарисовать эти вещи. Размещение этих драгоценных предметов в кладовой дворца внушает нам страх, что они могут со временем погибнуть. Особый интерес имам проявлял к надписям; он попросил нас изготовить ему копии всех наших зарисовок и пытался, используя транскрипцию сабейских букв в старых рукописях, особенно в арабской энциклопедии «Шемс эль-'улум» *, перевести некоторые надписи, однако безуспешно.

Наши желания сводились теперь к тому, чтобы получить от имама разрешение на поездку в Джоф, Мариб или Эль-Бейда, в чем мы очень рассчитывали на поддержку шерифа Абдаллаха. Как нам рассказали позднее, шериф также подавал такое прошение имаму, но получил отказ. Имам не был настолько уверен в преданности восточных племен, чтобы он мог поручиться за необходимую безопасность своих гостей в этих районах.

Тем временем пришел рамадан, а в это время нечего и думать о большом путешествии, так как днем все спят, а ночью наверстывают упущенное днем: едят, пьют и жуют гат. С большим трудом нам удалось добиться у имама разрешения совершить экскурсию в область Бани-Джермуз, к северо-востоку от Саны, где мы хотели изучить находящиеся там залежи гипса и алебастра.

18 февраля мы выехали и вечером того же дня прибыли в деревню Эль-Гирас, у подножия горы Хусн-ду-Мармар. Дорога шла вдоль восточного края котловины Саны, где из-под

вулканических трапповых пород выступали песчаники, от белых до оранжево-красных; песчаниковые стены к северу становились все выше. Из древностей по дороге мы встретили лишь несколько водоемов. Развалины Хадаган, которые обозначены в этом месте на карте Э. Глазера, согласно его же позднейшим разъяснениям, лежат несколько севернее. Хотя все наши люди знали, какой интерес мы проявляем к таким местам, они ничего не сообщили нам об этом городище, как, впрочем, и об упомянутых тем же Глазером развалинах Рехаббы; этот город нам показали среди равнины.

В Эль-Гирасе мы сначала нашли лишь несколько камней с надписями, вделанных в стены домов и мечети, но позднее обнаружили еще несколько колонн, отличавшихся от тех, которые нам приходилось видеть раньше. Колонны находились под мечетью, и мы предположили, что на том месте, где сейчас стоит мечеть, раньше было химьяритское здание, тем более что во дворе мечети расположен большой водоем, который показался нам очень старым. Но из расшифровки найденных здесь надписей стало ясно, что они происходят из Шибама, всего в четверти часа пути от Эль-Гираса. Мы дважды проезжали мимо этого места, но никто из местных жителей не указал нам находящихся там развалин.

На следующий день мы посетили месторождение алебастра северо-восточнее Эль-Гираса. На всех горных склонах этой области, сложенных из песчаника, мы видели сотни пещер, даже при восхождении на круто обрывающийся Хусн-ду-Мармар высотой около 310 метров, которое мы совершили на следующий день. Пещеры, вырубленные в песчаниковых стенах, были похожи на ту, которую мы видели в обрушившейся скале у Минда, и на пещеры у Эль-Азрагейна, по дороге в Эль-Хукку. В большинстве случаев они лежат высоко в скальной стене и недоступны для исследователя.

На вершине Хусн-ду-Мармар, которая образует ровную площадку и со всех сторон окружена отвесными сбросами, теперь находится несколько полуразрушенных зданий и мечеть. Плато частично обнесено стеной, а в середине расположен большой открытый водоем, который показался нам древним. Мы предположили, что здесь уже в химьяритское время находилась крепость. Во время подъема мы обнаружили кроме нескольких сторожевых башен, контролировавших самые трудные места дороги, еще несколько водоемов, вырубленных глубоко в песчанике и доступных только через шахты.

Обратный путь в Сану шел через город Рауда. Уже будучи в Сане, мы узнали, что в одном из домов в Наби-Айюб (место паломничества примерно в 450 метрах над Эль-Харрой, не более чем в пяти километрах от залежей алебастра)

есть помещение, все стены которого якобы покрыты химьяритскими надписями.

По возвращении мы возобновили наши попытки получить у имама разрешение на путешествие в Джоф, но было все больше заметно, что его сопротивление не удастся преодолеть. Во время одного из визитов к сиди Абдаллаху он подарил нам разные мелкие доисламские вещи, которые ему прислали из Джофа: несколько бусин и украшений.

Теперь нам приносили и предлагали купить разные древности, происхождение которых в большинстве случаев установить было невозможно. Среди них попадались и поддельные, которые частично удалось распознать. Однако, так как они, по нашему мнению, были скопированы с подлинных вещей, мы все же покупали их — правда, задешево.

Мы поняли, что путешествию в Джоф состояться не суждено, и надеялись по крайней мере получить разрешение проехать на юг по так называемой Тарика-эль-Йемен, йеменской дороге, через Дамар и Таиз в Аден. Министр иностранных дел обнадежил нас, что такое разрешение наверняка будет получено. Наш слуга Махаммед Мехсин, араб из Адена, который уже раньше побывал в Рида и Эль-Бейда с каким-то англичанином, уверил нас, что на этом пути нетрудно сделать крюк из Ярима через Рида в южный город Эль-Бейда.

Но тут пришли вести о воздушном налете англичан на Каатабу и другие города Южного Йемена на границе с протекторатом Аден. Имам, который в конце мировой войны завладел частью английской территории, начал военные действия против англичан. В такой обстановке наша просьба о путешествии на юг была, разумеется, отклонена. 13 марта мы покинули Сану и отправились тем же путем, каким прибыли, Тарика-эш-Шам, назад в Ходейду, куда прибыли 19-го, и уже 22-го смогли сесть на пароход, шедший на Ассаб и Джибути, чтобы возвратиться в Европу.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВАН ДЕР МОЙЛЕНА И ФОН ВИССМАНА ПО ВНУТРЕННИМ ОБЛАСТЯМ АДЕНА

Голландец Д. Ван дер Мойлен и доктор Герман фон Виссман совершили вместе два научных путешествия в Хадрамаут: первое — в середине 1931 г., второе — в 1939 г., за несколько месяцев до начала второй мировой войны. Оба ученых — выдающиеся знатоки Аравии. Фон Виссман известен экспедициями в Йемен, которые он совершил в 1927—1928 гг.

(совместно с К. Ратьенсом) и в 1931 г. Ван дер Мойлен многие годы был голландским консулом и посланником в Саудовской Аравии, а также долго работал колониальным чиновником в Голландской Ост-Индии. Там Ван дер Мойлен познакомился с жителями Хадрамаута. «На своих самодельных парусных лодках, очень похожих на наши старинные ост-индские корабли, хадрамаутцы уже с очень давнего времени отваживаются плавать в Восточную Африку и Индию. Они рискуют забираться и дальше. Вдоль берегов Индии они ходят под парусами в Бирму, Сиам и Малакку, достигая в конце концов архипелага Голландской Индии, где проникают всюду, от северной оконечности Суматры до самых дальних островов „Великого Востока", как они называются голландской Ост-Индской компанией. В любой уголок земли, куда попадают хадрамаутцы, они приносят с собой свою веру, крепкую, как скала, и ту убежденность и пророческую силу, которые обеспечили мусульманам выдающееся место в Восточном полушарии. Но свое главное внимание они направляют, несомненно, на приобретение тех земных благ, которых так сильно недостает в их собственных скудных пустынных краях. Свободные от каких-либо укоров совести, они бросаются в борьбу за земное богатство с ловкостью и прирожденным упорством, ничуть не заботясь о славе, почестях и власти. Власть и влияние некоторые из этих мусульман приобретают без больших усилий, так как они сейиды, то есть прямые потомки пророка, и, как таковые, уважаемы и почитаемы в мусульманском мире.

Постепенно тоненький ручеек начинает течь обратно на родину. Добившись успеха в большом мире по эту сторону моря, некоторые мусульмане стремятся вернуться в родные края и подготовиться к возвышенному моменту, когда святая земля Аравии примет их на вечное упокоение — далеко от шумной борьбы ради денег и далеко от тех кривых дорог, по которым им приходилось идти, чтобы заработать эти деньги. С ними в неизменный с незапамятных времен Хадрамаут текли богатства иного мира. Они построили там снежно-белые храмы как знаки своей благодарности Аллаху за дарованное им благосостояние, а также отчасти и как искупительные жертвы за преступления, которые они совершали, чтобы загрести земное вознаграждение.

Следом за мечетями возникали жилища, одно лучше другого. Не так давно только крупные племенные вожди, бедуинские князьки и султаны владели крепостями и замками; теперь и денежные аристократы стали строить пышные жилые здания. Они покупали себе защиту бедуинских племен, привозили неизвестное до того оружие страшной силы. Для

Хадрамаута, долгое время пребывавшего в забвении, начался новый этап расцвета в его многовековой истории.

Это изменение не прошло незамеченным, замкнутым внутри скалистых стен, окружающих вади и джоли (каменистые плоскогорья Южной Аравии). Эхо кровавой вражды и шум военных столкновений внутри страны дошли даже до Ост-Индии, где голландские власти, разумеется, пожелали получить сведения о политическом положении страны, из которой происходила небольшая, но влиятельная часть их подданных, не порывавших связей со своей родиной. Это послужило причиной моего первого путешествия в Хадрамаут, которое я совершил в середине 1931 года».

В этом путешествии 1931 г. Ван дер Мойлен и фон Виссман, выехав из Эль-Мукаллы, посетили долину Хадрамаут с городами Шибам, Сайвун и Тарим и достигли также могилы Худа, национального места паломничества, и таинственной пещеры Бир-Барахут. Намерение возвратиться к побережью через внутренние области Адена было сорвано племенной враждой бедуинов.

Членами второй экспедиции Ван дер Мойлена и фон Виссмана были также госпожа Беттина фон Виссман-Ринальдини и ассистент фон Виссмана доктор Х. Василевски. На этот раз дорога от Адена в Хурайду, входные ворота вади Хадрамаут, составила начальный участок пути. Даже эта первая часть экспедиции, как и дорога через перевал Тальх, проходила по неисследованной местности. В неизвестные места экспедиция проникла и во время отклонения от главного маршрута — в Северный Хадрамаут и в область племени Авамир.

Д. ВАН ДЕР МОЙЛЕН

Нашим первым тяжелым перевалом был Акабат-эль-Марма. Имея в виду трудный путь, который предстоял нам на следующий день, наши люди хотели преодолеть этот первый акаба * до восхода солнца. Ничто не могло быть более удобным для нас: если только груженые верблюды вступят на узкую, извилистую скальную тропу, они должны будут подняться до самого перевала. Затем мы могли после короткого спуска достичь места, защищенного от резкого горного ветра и представляющего собой достаточно обширную площадку для отдыха людей и животных. Решение двигаться дальше, кажется, было единодушно поддержано всем караваном, потому что все сразу же взялись за работу без воркотни. Караван был разделен на маленькие группы, каждая из двух связанных верблюдов, вьюки были осмотрены и укреплены

заново. Затем вперед отправился проводник с лучшими верблюдами, а остальные группы последовали за ним одна за другой на определенном расстоянии. Каждый погонщик держался у самых верблюдов и подбадривал их своеобразным монотонным пением с очень характерным ритмом. Верблюды слушали и шли за погонщиками, осторожно ставя на узкую каменистую тропу свои длинные ноги с плоскими копытами.

Мы слышали, как они шаркали ногами по сухим каменным глыбам; иногда они случайно оскальзывались, когда под ними сползали камни, после чего с трудом восстанавливали равновесие. Тогда громкий монотонный напев погонщиков поощрительно усиливался, и животные, успокоившись, шагали дальше. Они медленно преодолевали один поворот за другим. На крутых поворотах люди должны были идти очень осторожно, чтобы направлять вьюки, далеко выступающие на боках верблюда, вокруг выдающихся к тропе выступов скал. Казалось, что верблюды точно понимали приказы опасаться выступов то справа, то слева. Даже если животные не могли видеть собственными глазами, почему отдается приказ, они неуклюже подавались в сторону и нащупывали надежную опору для ног. Все наше внимание сконцентрировалось на верблюдах, потому что им было очень тяжело. Когда верблюд, по своему строению чудесно приспособленный к жарким песчаным равнинам, вынужден карабкаться по крутой скалистой дороге, покрытой голым, подающимся под его ногами щебнем, это вступает в очевидное противоречие с его природой. И мы еще очень усложнили ему это тяжелое восхождение, когда, погрузив тяжелую ношу на его и без того необычайно высокую спину, подняли его центр тяжести еще выше над землей. Поэтому мы не спускали глаз с неутомимо трудившихся верблюдов, чтобы быть готовыми в случае необходимости прийти на помощь, если один из них поскользнется, или, наоборот, чтобы успеть отскочить в сторону. Мы забыли нашу собственную усталость, восхищаясь верблюдами и их погонщиками. Но все это оказалось лишь закуской по сравнению с тем, что ожидало нас на следующий день. Но караван хорошо выдержал это предварительное испытание.

Чем выше мы поднимались, тем холоднее становился ветер и тем великолепнее вид на юг, на предгорья хребта с их одиноко поднимающимися на равнине вершинами, похожими на сторожевые башни. Все следы человеческих поселений остались далеко под нами. Мы были одни в этом горном мире. Горы, высоко поднимающиеся вокруг, казалось, со всех сторон нагромождали препятствия на нашем пути. В молчании этих гор, облаков и ветра мы понимали наше собственное ничтожество, и одиночество заставляло нас благоговейно

содрогаться. Близость других существ была утешением. Мелодичные крики бедуинов и солдат, отражавшиеся от скальных стен, действовали успокоительно в этой грандиозной, величественной тишине, царившей вокруг. Арабы, казалось, были одержимы стремлением пробить эту грандиозную тишину: вся первая ночь, которую мы провели в горах, была так заполнена пением и рассказами всяких историй, что мы смогли заснуть только ненадолго.

Мы разбили лагерь в Ба-Худайш, месте, где русло вади резко расширяется. Дождь, который застал нас на равнине, наполнил углубления в скалах кристально-чистой, свежей водой. Каждый из нас отыскал маленький пруд и предоставил себе вполне заслуженное удовольствие — основательно вымыться с мылом. В этих водоемах плавали резвые маленькие рыбки; там и тут неожиданно выпрыгивали лягушки и разрывали тишину своим громким кваканьем. Ба-Худайш лежал на высоте примерно 970 метров над уровнем моря. Из-за свистящего ветра, дувшего со стороны вади, холодный воздух с наступлением ночи стал еще холоднее, но хорошее начало, которое мы положили успешным восхождением на акаба, придало нам уверенности, что назавтра мы энергично возьмемся за предстоящее нам дело.

Когда окончился ужин, солдаты раздули тлеющие угли и начали при свете костра танец, сопровождаемый пением, хлопаньем в ладоши и притопыванием босых ног в ритме пения. После танца вперед выступили бедуины со своими пылкими песнями — дана. Манера этих песен общеизвестна, она лишь варьируется соответственно вкусу и дарованию каждого исполнителя. Бóльшая часть этих песен, без сомнения, импровизируется. Караванщики пели такими громкими голосами, что их песни становились терпимыми для ушей только на достаточно большом расстоянии. Но двое солдат пели нежно и мелодично и закончили свои строфы наполовину подавленным рыданием. Невольно мы стали им подпевать и вступили в хор с мощным рыданием; этот наш взнос приветствовали дружным хохотом.

Было уже поздно, когда по нашей просьбе пение прекратилось. Выставили охрану, а остальные попытались укрыться потеплее и заснуть. Ветер гнал над нами по небу темные, низко нависшие облака; иногда над долиной срывался мелкий дождь. С неприятным чувством мы представляли себе, каким плачевным стало бы наше положение, если бы дождь действительно полил по-настоящему. Эти дожди прерывали наш сон, и, хотя некоторые снова начинали дремать, многим караванщикам было так холодно под тонкими хлопчатобумажными одеялами или под мешковиной, что они предпочитали

сидеть и болтать с караульными и так дожидаться рассвета. Когда начало светать, мы должны были натянуть на себя ледяную, промокшую от росы одежду. С окоченевшими ногами и ноющими ступнями мы бродили среди тюков поклажи, натыкаясь на лентяев и пытаясь заставить их двигаться.

Герман был олицетворенной совестью каравана. Он вставал раньше всех по звону своего будильника и заставлял нас вставать без всякого милосердия. Затем мы все вместе начинали надоедать повару, так что он в конце концов поднимался тоже.

Труднее всего было поднять на ноги бедуинов, особенно если они до поздней ночи пели, а утро было недостаточно холодным, чтобы помешать их сну. Они лежали, как колоды, и, конечно, не выказывали ни малейшего желания собрать верблюдов, которые по обыкновению разбрелись за ночь во все стороны. Поэтому эта работа часто доставалась юнге каравана, хотя он был еще ребенком. Только если ему не удавалось найти всех животных, мужчины принимали участие в поисках.

Пока повар готовил чай, Герман усердно занимался своими инструментами, при помощи которых определял местную точку кипения. Он проделывал эту операцию дважды в каждом лагере, чтобы таким образом высчитать точную высоту места над уровнем моря. Дымящаяся овсяная каша и горячий чай принесли первую счастливую четверть часа за день. Арабы начинали свою дневную работу с пустыми желудками. Некоторые из них совершили свои молитвенные упражнения. Как только собрали верблюдов, упакованные тем временем вьюки были укреплены на их спинах.

Я обычно сидел на обломке скалы, с которого можно было видеть весь лагерь, и при свете раннего утра заполнял свой дневник. Обычно первым выходил Герман с вожатым каравана, затем шли верблюды с конвоем, а я трогался в путь последним, чтобы проверить, не забыто ли чего-нибудь, и чтобы поддерживать хороший темп движения.

В день выхода на перевал Тальх не понадобились никакие приказы или поощрения. Мы двигались через пустынную область, в которой часто шли войны и скрывались в засаде враги. Бедуинские кладбища, мимо которых мы проезжали несколько раз в течение дня, были красноречивыми свидетельствами того, что здесь происходило. В строгом походном порядке, соблюдая предельную осторожность, мы прокладывали себе дорогу, одержимые все одним желанием — пройти благополучно. По временам карвановожатый спешил вперед, чтобы разведать местность перед нами. Мухсин в этот день также двигался самостоятельно и карабкался то в стороне,

то перед нами от одного наблюдательного пункта к другому, откуда он мог видеть тяжело шагающих верблюдов.

Флора и фауна здесь, наверху, были богаче, чем на равнине. На этой большой высоте, кажется, круглый год сохраняется достаточная влажность. Ветры, дующие с Индийского океана, задерживаются этим горным хребтом высотой от 1800 до 2700 метров. Осадки довольно обильны. Около нашего лагеря внезапно появилась большая стая птиц, которых каравановожатый назвал йа'куб, а по дороге мы видели кроликов и многочисленных птиц, похожих на голубей. Цветы, кусты и даже деревья росли по обе стороны дороги. Цветущий Adenium obesum и многочисленные алоэ, в том числе толстоствольное сабейское алоэ с его сверкающими букетами цветов, напомнили нам горы Йемена, которые тоже перехватывают дождевые облака.

Мы следовали руслу вади и теперь достигли извилистой дороги, выводившей на скалистую тропу — Акабат-эль-Кибд, или, в местном произношении, Акабат-ам-Кибд. Подъем стал заметно труднее. Верблюды шли хорошо, а их погонщики были внимательны и осторожны. Их предостерегающие и ободряющие крики не умолкали ни на миг. Их крики повторялись в большом голом ущелье перед нами, и маленький караван продвигался среди громких криков и эха. Сийара, который нас вел и был ответственным за нашу безопасность, пока мы находимся в области его племени, был худощавый, жилистый бедуин. В том месте, где к нашей дороге присоединялась боковая тропа, он остановился и подождал Германа и меня. Не хотим ли мы немного пройти по боковой дороге? Мы, разумеется, хотели. Он привел нас к месту, где под громадной нависающей скалой находилось типичное место отдыха бедуинов. Многочисленные следы лагерей показывали, что и сейчас оно используется таким же образом. Сийара показал нам камень, около которого на земле было темное пятно. Знаем ли мы, что это такое? Нет. Это кровь! Полтора месяца назад один из его людей был трусливо убит из засады, когда караван, который он вел, отдыхал здесь. Убийца подкрался тайком; его не видел никто. За этим обломком скалы он встал на колени и выстрелил. Сийара, раненный в спину, упал и истек кровью. Убийца бежал и ускользнул от погони. Воспоминания о злодеянии переполняли рассказчика, и он излагал свою историю быстро и страстно. Долго ли будут хукума * в Адене терпеть такие насилия? Не сообщим ли мы курнелю (полковнику) в Адене об этом и не спросим ли, почему он до сих пор не послал самолеты, чтобы наказать убийцу и его племя?

Мы ответили, что считаем поступок злодея трусливым и

отвратительным. Но почему он жалуется? Разве это не обычное дело? Разве это не их собственный закон? Разве месть не их правило? Да, он согласен, что они уже давно, во время войны, убили одного аулаки * и что теперь на одном из них таким образом свершилась месть. Почему же он жалуется? Разве не должно теперь племя по закону возмездия ждать мести?

Таковы были наши слова, но в сердце мы были согласны с ним. Мы слышали в его словах крик мужчины, который потерял друга и невиновного товарища, павшего жертвой трусливого убийства. Здесь мы столкнулись с твердым убеждением бедуинов, что необходима помощь англичан, чтобы положить конец системе, вызывающей вечное кровопролитие. Наш сийара был прав. Хукума в Адене должны знать об этом и принять решительные меры, чтобы освободить бедуинов от их бесконечных войн. Хукума должны принести и сюда «Pax Britannica»: слишком долго ожидают его эти области Адена!

После Акабат-ам-Кибд мы отправились к Маленькому Кибду — Акабат-ам-Кубайд. По ту сторону от него лежал полого спускающийся горный склон, на котором мы и прежде всего наши верблюды смогли устроить вполне заслуженный дневной привал. Мы чувствовали, что недалеко удалились от перевала. Люди и животные держались в скудной тени нескольких старых, растрепанных ветром акаций, которые здесь называют «самр». Внизу жарко пекло солнце, и сильные порывы ветра развевали одеяла, которые мы натянули на зонтиковидные кроны акаций, чтобы увеличить тень.

Перевал Тальх лежал справа от нас. Он пересекал высокий темный горный хребет с глубокими расщелинами, который круто обрывался к дальней равнине. Плотные облака скрывали от наших взоров склоны перевала. Глядя назад, мы видели под собой равнину, залитую ярким солнечным светом. Перед хребтом, на который мы взбирались, лежал широкий холм, по которому извивался наш путь. Дальше на юг, у моря, земля была ровной. Несколько черных гор с плоскими вершинами одиноко поднимались над поясом холмов. Вероятно, это были небольшие погасшие вулканы.

Отдых был кратким. Нам предстояло еще не только пройти перевал и примыкающий к нему неджд (высокое плато), но и спуститься с северного склона хребта, находившегося перед нами. Чем ниже мы спустимся, тем лучшую защиту мы найдем на ночь от сурового, резкого ветра. После доброго часа лазанья мы наконец достигли вершины перевала — рас аль-акаба, — лежащей на высоте 1860 метров над уровнем моря. К востоку и западу от нас вздымались в небо вершины хребта Тальх, примерно еще на 300 метров. Мы продолжили

свой путь по высокому плато, где нас окружил совсем другой ландшафт. Южная часть высокогорной равнины принимала морские ветры, приносящие дождь. Напротив, северная часть, кажется, получала очень мало осадков. Это была волнистая местность, усеянная блестящими голыми скалами, отливающими красным и желтым цветом. Здесь рос редкий вид деревьев, которые придавали местности особый характер своей необычной формой и своим широким распространением. Это была страна тальха, горной акации, вероятно абиссинской. Только эти старые, искривленные акации могут противостоять суровому климату этой местности из скал и камней, где днем и ночью воет штормовой ветер.

Караваны избегают этой призрачной страны или пытаются пересечь ее возможно быстрее и ускользнуть от ее суровых ветров. Поэтому здесь деревья тальха не используются ни как топливо, ни как корм для верблюдов и достигают преклонного возраста. На коротких суковатых стволах, похожих на обломки скал, они простирают свои плоские кроны на небольшой высоте над скалистой почвой, показывая своими колючими ветвями направление беспрерывных беспощадных ветров. Воистину печальная местность эти области тальха, где одни только могилы бедуинов напоминают о проходящих иногда людях.

После напряженного, утомительного лазанья весь день напролет для наших ноющих ног и рук была утешением равномерная, спокойная ходьба по ровной земле. Сухой ветер обвевал нас свежестью и осушал наши насквозь пропотевшие тела. Мы могли даже ускорить шаги, потому что каждый понимал, насколько от этого зависит, проведем ли мы ночь в защищенном, ниже расположенном месте. Солнце было уже низко, когда мы достигли начала вади. Здесь мы могли и сами найти дорогу, поэтому сийара с двумя людьми, каждый из которых был нагружен пустыми кирба (бурдюк для воды), отправились на поиски воды. Тем временем караван поспешал дальше через камни дикой долины вади.

Наша спешка была похожа на бегство от негостеприимных одиноких вершин, где в облаках и ветрах жили злые духи, где путешественник не видел людей, а только проходил мимо их могил. Если мы и не боялись одиночества этих исхлестанных ветром горных вершин с их старыми, исковерканными в борьбе против беспрерывного ветра тальхами, то наши бедуины были, без сомнения, под сильным впечатлением всего этого: прыгая через обломки скал, они гнали своих верблюдов вниз, в вади, чтобы быстрее попасть снова в обитаемую местность.

Наконец темнота вынудила нас остановиться и разбить

20 Зак. 186

лагерь в месте, где дно долины расширяется. С обеих сторон вертикально вздымались скалы, придавая долине вид туннеля, в котором свистел и ревел ветер. Все быстро принялись за работу. Были убраны камни, чтобы расчистить место для сна; караванщики карабкались по скалам, чтобы найти корм для верблюдов сверх того, который был собран во время движения. Солдаты занялись поисками сухих дров для большого лагерного костра. Мы готовились к холодной ночи. Несколько человек, присоединившихся к нашему каравану, чтобы под его защитой пересечь эту небезопасную область, оказывали солдатам большую помощь. Один молодой человек, всегда готовый приняться за дело, шел с нами от Лаудара. Он путешествовал в сопровождении пожилого мужчины. Они вместе выехали из Йемена и уже месяц были в пути. Старший происходил из Ибба; в караване его прозвали эш-Шейба (Старик). Молодого, который шел из Каукабана, звали Каукабани. Теперь он отправился с нашими людьми на поиски топлива, вооружившись топором и веревкой. Вместе они энергично взялись за очень старую, наполовину засохшую акацию. Дерево было сухим и хрупким, и топор мало что мог с ним сделать. Поэтому они молотили по веткам тяжелыми камнями; если ветка не обламывалась, на нее набрасывали веревку и сильными рывками, сопровождаемыми пением, отрывали суковатые обломки. Эти куски дерева под громкие ликующие крики притащили в лагерь, и скоро запылали два костра.

Мы находились в ущелье Шааб-Нааман, все еще на своего рода ничейной земле. На следующее утро мы надеялись вновь вступить в контакт с обитаемым миром. Так как мы не знали, как он настроен по отношению к нам, Мухсин выставил сторожевые посты и спал лишь урывками. После ночного ужина все, у кого не было дел, принялись укрываться от резкого ветра, как только могли. Лагерный костер тлел, и толстые деревянные колоды вспыхивали, когда над лагерем проносился порыв ветра. Они будут гореть всю ночь и согревать бедуинов, тесно улегшихся вокруг костра. Утомительное лазанье через перевал Тальх исключало повторение задорного настроения прошлой ночи, и усталый караван скоро уснул. Ветер выл в скалистом ущелье вади; рядом с нами съежились на земле верблюды, пережевывая свой колючий корм и иногда испуская глубокие вздохи.

Шааб-Нааман впадает в вади Хатиб, боковые склоны которого расходятся так далеко, что живущее здесь племя Фатхан может заниматься земледелием на террасообразных лёссовых землях вдоль русла вади. Правителем племени был

 шейх ʻАбдаллах. Нам требовалось его разрешение, чтобы от-

правиться дальше в Джабир. По ту сторону Джабира мы оказались бы в землях племени Рабизи, которое в это время ввязалось в войну. Здесь употребляют для этого более дружелюбное слово «рабша», которое, кажется, должно значить «ссора». Мы надеялись, что шейх 'Абдаллах не станет чинить нам препятствий, но ничего нельзя было знать наверняка: война может действовать заразительно.

В воскресное утро 2 апреля караван двинулся по теперь уже полого спускающемуся вади Хатиб. Там, где вади расширяется, мы миновали первую водосборную плотину, построенную из больших камней. Когда по вади течет сейль (сель), плотина перехватывает часть воды и направляет ее в канал, по которому она отводится на поля, лежащие вне досягаемости потока, во внутреннем изгибе вади, и орошает их. Эти глинистые поля, называемые «тин», хорошо распаханы и разбиты на террасы. Мы были приятно поражены, найдя на границе области, известной только своими войнами — главными врагами сельского хозяйства, это доказательство древней культуры.

По мере продвижения вперед число полей возрастало, увеличивалась их протяженность. Над полями на краю вади были построены каменные хижины для сторожей, охраняющих посевы перед сбором урожая. Но теперь земля была покрыта толстым слоем мелкой пыли, в которую беззвучно погружались наши ноги. Вскоре после этого мы вошли в другую долину; ее холм был увенчан крепостью. Все русло этой долины было разбито на поля; здесь и там были видны пашущие крестьяне. В остальном царило глубокое молчание, и ничто не двигалось.

Мы должны были ждать шейха 'Абдаллаха; сийара ушел вперед, чтобы сообщить ему о нашем прибытии. Прошло немного времени, и в одном из бастионов проснулась жизнь. Мы увидели, как между зданиями на вершине холма забегали люди, и скоро в нашем направлении двинулась группа вооруженных ружьями людей в одеждах цвета индиго. По вспаханным полям к нам бежали из других укреплений, так что постепенно вокруг каравана собралась толпа.

Раздалось несколько приветственных выстрелов. С нашей стороны не стреляли; вместо этого многочисленные хлопки в ладоши должны были служить свидетельством наших мирных намерений. Торжественные приветствия продолжались спокойно и с достоинством. Затем начались переговоры. Скоро выяснилось, что нам придется нелегко. Шейх 'Абдаллах еще не пришел; нам сказали, что он очень стар и вообще вряд ли сможет прийти. Тут все начали говорить одновременно, и их голоса становились все громче и громче. Мы поняли, что лю-

ди недовольны хукума: они не выполнили своего обещания установить мир в стране и на торговых путях. Дороги в глубь страны закрыты из-за войны, волна неуверенности вот-вот поглотит и их земли, торговля и сообщения пришли в полный упадок, убытки растут с каждым днем. Наши объяснения, что мы не являемся служащими хукума и не имеем с ними ничего общего, не помогли ни в малейшей степени. Жалобы слышались со всех сторон и в конце концов слились в общий хор. Крик становился все громче, и мы поняли, что обстановка накаляется и в любой момент может произойти нечто непредвиденное. Мухсин занял очень определенную позицию: он принадлежит к хукума и поэтому должен ответить на их жалобы. Он сделал это тактично и решительно и сказал, что мы как путешественники из чужой страны (нас называли здесь саракил *) не имеем к этому никакого отношения и просим только разрешения свободно пересечь их страну.

К счастью, внимание толпы было привлечено неожиданным появлением вдали группы мужчин в черно-голубых одеждах. Впереди них шел сгорбленный человек небольшого роста с длинными седыми волосами; он опирался на длинное копье — старое национальное оружие. Это был шейх ʻАбдаллах собственной персоной. Его свиту приветствовали многочисленные выстрелы, как это делается, чтобы приветствовать чужеземцев. Последовали аплодисменты, а затем, когда вокруг внезапно наступила почтительная тишина, шейх начал свою речь. Но увы! После мягкого вступления он скоро перешел к обвинениям против хукума; он бросал свои упреки раздраженным голосом со все растущим возбуждением и окончил истерическими криками, которые сотрясали дряхлое старческое тело. Для его свиты это послужило знаком, чтобы разразиться всеобщим криком и потрясать кулаками и ружьями. Поднялся адский шум. Сопровождавшая нас охрана была беспомощна; их племена, кажется, совершили много набегов на эту область. При этом Герман и я, хотя мы оба стояли молча и спокойно, были вовлечены в свалку. Прежде всего мы не могли понять ни слова из того, что нам рассказывали, потому что эти люди были чрезвычайно возбуждены и кричали слишком громко. Наконец стало понятно, что они хотят, чтобы мы немедленно послали к хукума посольство и вынудили их что-нибудь предпринять, чтобы в этих краях и особенно на торговых путях установился амн (безопасность). Бедствия, вызванные войной в окрестностях, казались очень большими, и мы понимали, какое значение могло бы иметь вмешательство сильной власти. Великобритания пробудила надежды и должна будет удовлетворить их в будущем.

Я обещал написать письмо курнелю в Аден. Они, правда, не были полностью удовлетворены этой отсрочкой действия, но постепенно их гнев, не встречая сопротивления, утих. Но это театральное представление все же имело эпилог.

Старый шейх вцепился в мой рукав и потащил меня в укромное место, где мы оказались одни. Он спросил, сколько мы заплатим за свободный проезд. Я объяснил ему, что мы действительно не принадлежим к хукума и поэтому не можем платить даже приблизительно столько, сколько платят англичане. Я предлагал пять талеров Марии-Терезии; он требовал пятьдесят. Постепенно я дошел до десяти, но должен был потом еще торговаться с сийаром, который не хотел удовольствоваться пятью талерами. Мы не знали, окупятся ли наши затраты, то есть на какой отрезок пути обеспечиваем себя надежным конвоем. На наши вопросы о протяженности области этого племени мы получали лишь хитрые, уклончивые ответы.

Спор между нашим аденским конвоем и собравшимся народом был еще в полном разгаре, когда шейх дал знак, что мы можем двигаться дальше. Старый вождь шел рядом со мной и старался унять гнев людей своей свиты, которые продолжали спорить с нашими солдатами. Он, казалось, был очень доволен неожиданными десятью талерами, которые должен был получить его сын, когда мы благополучно прибудем на границу его земель. Перед тем как распрощаться и доверить сыну предводительство, он еще раз напомнил нам о письме, которое мы должны написать хукума. Я обещал ему переслать хукума сообщение и сказал, что оно будет действеннее и убедительнее, если я приложу к нему его тасвир (фотографию). Мое предложение шейху не понравилось и даже насторожило его, потому что за всю свою долгую жизнь он никогда еще «не подвергался такой опасности». Но более молодые люди, и среди них и его сын, охотно согласились. Поэтому наши объективы направились сразу и на шейха ʻАбдаллаха, и на его строптивую свиту. Старый вождь судорожно вцепился в свое копье для защиты от этого дьявольского дела, так что длинное древко задрожало. Затем он вернулся в свой укрепленный дом на холме, а его сын вышел вперед и взял меня, по арабскому обычаю, за руку. Так мы шли вместе впереди каравана и таким образом были избавлены от утомительного соседства наших спутников с их резкими, сварливыми голосами.

Долина снова сузилась; дорогой нам служило русло тогда сухого оросительного канала. Здесь росло много деревьев исл и ʻилб *, по глинистому руслу вади раскинулись хорошо обработанные поля. Нейтральной зоны мы достигли гораздо

раньше, чем ожидали. Таким образом, брань и крики были лишь искусно разыгранной сценой, чтобы взять с нас побольше за проезд по их крошечной территории. Как рады были мы теперь, что они своим грозным спектаклем выжали из нас только жалкие пятнадцать талеров! Они хорошо сыграли свои роли, но и мы показали себя равными им и могли теперь с полным достоинством распрощаться с ними.

Без проводника мы перешли низкий водораздел, который здесь образует ничейную землю между двумя маленькими племенами. С последнего песчаного хребта мы посмотрели вниз, в расширяющуюся часть долины. Шумные люди из Хатиба повернули восвояси и оставили нас одних в чудесной тишине. Прямо перед нами лежало темно-зеленое поле зреющего бурра (ячменя). Эта благодать свежести и плодородия была возможна благодаря постоянному орошению из колодца на краю поля. Верблюд и осел приводили в движение скрипящий подъемный механизм колодца. Позднее мы увидели тянущуюся вдоль русла вади кайму из серо-зеленых деревьев исл.

Немного дальше и выше, на крутом склоне, лежала деревня Джабир со своим гордым замком, который обозревал маленькое государство в долине как защитник. Низкие здания вокруг замка были построены из добротного камня. Джабир напомнил нам средневековое европейское поселение. Далеко внизу на склоне, за деревней, стояла кубба с высоким острым куполом, искусно построенная из обработанного камня; она была сооружена в честь какого-то святого предка и сохраняла живые воспоминания о нем. Рядом находилось кладбище с грудами камней над могилами. У подножия холма раскинулись обширные поля. Многие из них были покрыты зреющим ячменем.

Дорога шла по долине и теперь вела вниз. Мы медленно двигались, пока не дошли до нескольких высоких деревьев ʻилб прямо напротив крепости. Здесь пришлось уложить верблюдов и снять с них груз, потому что о дальнейшем движении нечего было и думать. Двух человек из конвоя, Салима и ʻАваза, послали вперед, чтобы привести шейха из Джабира; его жилище, по-видимому, было довольно далеко. Мы должны были вести с ним переговоры о нашем проходе через его страну и, что было для нас особенно важно, надеялись получить у него сведения о его соседях — воинственном племени Рабизи. Он должен был выступить посредником между нами или по меньшей мере ввести в контакт с Рабизи. Мы поджидали в скудной тени деревенских ʻилбов, расположившись среди своих беспорядочно разбросанных тюков с поклажей.

Но мы не могли ждать спокойно. Половина деревни сбежалась, чтобы посмотреть на необычное зрелище. Дети и взрослые мужчины обступили нас, поднимая ногами облака пыли, которые ветер нес прямо на нас. Никакого приглашения в гости из хусна не было. Предложив нам чашку кофе, нам обещали бы защиту, но, вероятно, они предпочитали выжидать, что произойдет. Во всяком случае, они сохраняли возможность захватить нас врасплох и напасть как на врагов. Оставив нас сидеть на пыльной обочине дороги, они явно нарушали закон гостеприимства по отношению к чужим. Мы завидовали двум беднякам из Йемена, которые не имели ничего, кроме ветхих лохмотьев, прикрывавших их тело, и которые до этого времени жили на наш счет, но теперь они были приняты как братья и нашли в деревенской мечети крышу над головой, покой и безопасность. Мы должны были часто пересаживаться с места на место, чтобы оставаться в тени. Медленно ползло время; казалось, этот день с его плохими предзнаменованиями никогда не кончится. Неужели с наступлением ночи мы должны будем улечься чуть ли не прямо в поднятой пыли, на глазах у этих грубых зевак?

На заходе солнца показались наконец Салим и ʻАваз в сопровождении сына шейха, через земли которого нам предстояло двигаться. Он был еще ребенком и, конечно, никоим образом не мог взять на себя ответственность. Его послали явно преднамеренно: шейх хотел выиграть время. С этим ребенком мы не могли ни вести переговоры, ни двигаться дальше — мы терпели поражение. Наши советники и охрана выглядели обескураженными. Обсуждались самые разнообразные планы, не говорили только о возвращении — об этом мы не хотели и думать.

Не можем ли мы обойти эту негостеприимную область? Кажется, есть путь через окружающие скалистые горы, но еще никто и никогда не пытался провести там навьюченных верблюдов. Люди Джабира считали, что этой дорогой мы доберемся до Нисаба за пять дней, тогда как, продолжая двигаться по вади, мы легко могли бы оказаться там через два дня. Если мы попытаемся идти окольной дорогой, нам придется платить выкупы другим племенам, через чьи области мы будем проходить, и нанимать новых проводников. Мухсин отверг этот смелый план и, так как ему самому не приходил в голову никакой другой выход, предложил сообщить о случившемся своему начальнику в Аден и ждать здесь, пока тот не пришлет нам помощь. Но это нам не подходило. Мы обещали начальству в Адене не просить помощи. Да и каким образом они могли бы нам помочь? Нет, Мухсин, мы не позволим победить нас! Мы должны попытаться

вести переговоры. Если бы нам только удалось добраться до зачинщика недоразумения! Тогда мы могли бы пустить в ход наши талеры Марии-Терезии и поднять цену до самого высокого уровня, который только сможем выдержать.

Мы прочно обосновались в Джабире, хотя главные препятствия были еще впереди. Наши мрачные предчувствия превратились в не менее мрачную действительность. Мухсин и его товарищи пришли в отчаяние и, казалось, потеряли всякую надежду. Они считали наш оптимизм дурацким, он даже действовал им на нервы. Молча дотащились мы до песчаного русла вади, где власти Джабира позволили нам разбить лагерь. Русло сейля шло здесь вдоль склона горы и было отделено от деревни полосой обработанных полей. Хотя мы чувствовали себя обиженными, потому что нам было отказано в гостеприимстве, мы нашли утешение в тишине этого места. Джабир лежал на расстоянии в полмили, и даже самые любопытные из его жителей с наступлением темноты вернулись в свои дома. Пояс деревьев исл вдоль плотины вади служил нам защитой от докучных взглядов и жгучих лучей солнца. Легкий ветерок шелестел в деревьях исл, а мы лежали на своих матрасах и смотрели на отвесную скальную стену, гребень которой вырисовывался резкой черной линией на усеянном звездами небе. День, полный напряжения и неприятностей, кончился. Больше всего мы сожалели о том, что нарушилось единодушие нашего каравана. Мухсин и его товарищи болезненно переживали брошенные им в лицо упреки, в какой-то момент они даже хотели со своим предводителем вернуться за перевал Тальх. Но пока мы находились по эту сторону перевала, хотя и столкнулись с новыми препятствиями. Они больше не верили в конечный успех нашего предприятия, но мы твердо стояли на своем. Конвой образовывал молчаливую группу, державшуюся в стороне. Мы четверо держались особняком. Этой ночью мы чувствовали взаимное отчуждение.

Весь день пути от Шааб-Нааман до деревни Джабир был длинной цепью неприятностей и разочарований. Сидя в пыли под большими деревьями ʽилб, мы вдруг вспомнили, что сегодня воскресенье, вербное воскресенье, и наши мысли унеслись вдаль от всех наших печалей и поражений. Тогда я понял справедливость слов испытанного путешественника по Аравии, который сказал: «В конце концов исследователь и путешественник всегда возвращается домой».

ПУТЕШЕСТВИЕ ИНГРАМСА ЧЕРЕЗ СТРАНУ МАХРА

Гарольд Инграмс известен не столько как исследователь, сколько как человек, который осуществлял «Pax Britannica» в протекторате Аден, которому удалось при помощи неистощимого терпения и дипломатического таланта, а в случае необходимости также с помощью королевской авиации постепенно ограничить и в конце концов даже прекратить кровавые племенные распри бедуинов, совершенно парализовавшие страну.

Инграмс с 1919 г. состоял на британской колониальной службе, сперва на Занзибаре, затем на небольшом острове Маврикий. В 1934 г. исполнилась его заветная мечта: он был переведен в Аден. Местные власти прислушались наконец к благоразумному мнению, что страну невозможно умиротворить, пока остаются совершенно неизвестными большие районы востока (и что, несмотря на столетний протекторат — с 1839 г., о восточной части страны есть только очень неточные сведения). Поэтому Инграмс вместе с женой смог предпринять осенью 1939 г. экспедицию в Хадрамаут.

Если на пути из Эль-Мукаллы через долину Давъан в Шибам и дальше в Тарим Инграмс пересекал уже исследованные области, то его обратный путь из Тарима через вади Масила в гавань Сайхут проходил по неизвестной стране, в которую до него не проникал ни один европеец.

ГАРОЛЬД ИНГРАМС

Теперь началась последняя и в известном отношении лучшая часть пути. Когда сознаешь, что путешествуешь по неисследованной стране, кажется, что каждый взгляд должен открывать что-то совершенно особенное. Аравия — сухая страна. Но здесь на протяжении многих миль постоянно течет река с прозрачной зеленой водой, окаймленная травой и деревьями. Это была та часть вади, о которой я так давно читал в книге Хогарта. При виде ее я испытал совершенно необоснованное чувство, что она все эти годы ждала меня.

Вади было, без сомнения, одним из важнейших древних путей в Хадрамаут, из него и через него. Здесь, вероятно, прошли Малик ибн Фахм и его орды аздитов во время их грандиозного переселения из Йемена в Оман. Мы нашли следы прежних путешественников и, как можно будет увидеть, следы островных фортов, которые должны были защищать

древнюю Дорогу благовоний и являются отличительной чертой вади. Во всем Хадрамауте, кажется, древние предпочитали такое островное положение. Шабва, Хаджарайн, Гайбун, Шибам и Хусн-эль-Урр служат тому примером.

Вади Хадрамаут занимает ключевое географическое положение в стране, которой оно дало свое название. На севере и юге местность поднимается к высоким плато, образующим водоразделы. С северного плато высотой около 1000 метров над уровнем моря берет начало целый ряд вади, которые на севере теряются в песках; другие на юге впадают в вади Хадрамаут. Южное плато выше северного; оно поднимается на западе до 1800 метров над уровнем моря и посылает свои вади на север, в вади Хадрамаут, и на юг, в море.

Восточнее стен Тарима вади сразу же совершенно меняет свой облик. В политическом отношении оно снова течет по области Куайти, но эта область не входит в число пяти провинций, хотя в Эйнате и есть губернатор-ку'айти, который отвечает за сношения с племенами Тамими и Манахиль, имеющими с султаном договор «А». Поэтому вади в политическом отношении принадлежит к Куайти до самой Махры.

Масштабы благосостояния также меняются восточнее Тарима. Это никоим образом не означает умаления способностей тамими * как торговцев, потому что некоторые из них зарабатывают деньги на Яве, и вождь клана бин-Йемани должен получать оттуда большой доход. Причина разницы в уровне жизни, кажется, проистекает из того, что на протяжении многих лет у тамими сложились особенно тесные торговые связи с Восточной Африкой и для молодого поколения гораздо легче отправляться туда. Но хадрамаутцы в Восточной Африке не имеют таких выгодных занятий, как в Ост-Индии.

Изредка полая вода делает недоступными проходы, по которым мы шли в вади Масила. Тогда используются окольные пути, которые идут по стенам вади. Во время половодья количество воды, протекающей по вади, должно быть очень значительным, потому что мы видели на верхушках высоких деревьев занесенные водой обломки. В нижнем течении вади отметка уровня воды на вертикальных стенах достигает 20 футов. Такие наводнения делают невозможным земледелие в русле сейля. Манахиль и Махра располагают свои поля и угодья на ровной верхней поверхности твердых наносов, принесенных рекой и отложившихся на почти отвесных берегах высотой часто 20—30 футов.

После того как мы оставили позади Кабр-Худ, наш караван получил первое пополнение — 11 верблюдов с бедуинами. По пути к нам присоединялись новые и новые группы, так что, когда мы прибыли в Сайхут, в нашем караване ока-

залось 90 верблюдов. Это было в первый день рамадана, и мне было любопытно, сколько человек из членов нашего каравана будет поститься. Сейийд Мухсин был единственным, и он поднял из-за этого достаточно много шума.

Мы пересекли реку Сана и увидели на ее берегу небольшой огород, обнесенный забором из стволов финиковых пальм, в котором росли арбузы. Перейдя реку, мы подошли к настоящему городу Сана — группе в 30—40 маленьких хижин кубической формы, сложенных из пальмовых стволов, без окон и с постоянно открытой дверью. Жители вышли из хижин, и для сейийда настало хорошее время, потому что многие мужчины стали целовать ему руку: дважды кисть и дважды ладонь.

Вскоре мы разбили лагерь у Коз-Адуби, не проведя в седле и четырех часов, но бедуины утверждали, что дальше идти будет легче и мы вовремя прибудем в Сайхут. Наш лагерь находился у подножия островного холма вади, вероятно, на месте старого укрепления; утром, подъехав к нему с противоположной стороны, мы увидели древнюю плотину (Рикардс заметил ее с воздуха), сложенную из камней, скрепленных известью, и прекрасно сохранившуюся. Двое мужчин, которые бродили в этой местности, сопровождали нас часть пути. Один из них спросил меня, есть ли у меня на родине средство, которое служит любовным зельем.

После Табуркума с его оросительной системой, где плотины следовали одна за другой, мы прибыли в Баса, где река исчезает и где мужчина, расположившийся поблизости с женой и ребенком, вызвался проводить нас в сад и показать там нечто, что, как мы поняли, было наскальной живописью.

Через 40 минут езды мы оказались у скалы и, сгорая от нетерпения, стали карабкаться по ее склону. На высоте $^3/_4$ скалы мы нашли природную нишу, потолок которой был богато расписан белой и красной краской. Красные знаки выглядели совершенно свежими, белые поблекли. То, что я узнал позднее, позволяет мне предположить, что красные знаки были нарисованы «кровью дракона» с Сокотры, которая сохраняет свою свежесть неограниченное время. Ниша служила прекрасным укрытием для надписей и защищала их от солнечных лучей и непогоды. Многие буквы были мне незнакомы, хотя некоторые напоминали химьяритские.

Вернувшись к каравану, мы застали Салиха (бедуина) за следующим занятием: под руководством и с помощью других бедуинов он собирался стрелять в птиц, похожих на цесарок, «бури», как их здесь называют. Две большие птицы сидели на пне, пока совершались приготовления. Салих занял превосходное место и лежал примерно в 10 метрах от них. Он

целился долго и старательно. Птицы, вероятно, были знакомы с меткостью бедуинов и не двигались с места. Мы сохраняли мертвую тишину и наблюдали, затаив дыхание. Наконец Салих выстрелил. Раздался страшный треск, и обе птицы взлетели, даже не вскрикнув, как будто это их совершенно не касалось. Они сделали все, что было в их власти, чтобы внести свою долю в наш ужин.

11 декабря мы поднялись рано, но после обеда большинство заснуло, кроме Д., заполнявшего свой дневник, и Салиха (не эль-Хулаки), который старательно вычесывал своей джамбией вшей из головы Карама. Сейиид Мухсин сказал нам, что мы находимся на полпути между Таримом и Сайхутом.

Некоторые задвигались, услышав, что где-то есть вода, и мы послали к ним Бухейта. Остальные поднялись немного позднее и догнали караван, когда он подошел к глубокому пруду, оставшемуся после половодья.

Здесь мы встретили мужчину, женщину и ребенка с несколькими верблюдами, и они рассказали нам о нападении сей'ара на махритов. Они ограбили караван, шедший на юг, одного человека убили и одного ранили.

Устная служба новостей заменяет газеты, и человек спрашивает и сообщает новости, которые, как у нас события футбольного матча, распространяются еще до их опубликования.

От того места, где мы нашли воду, левый берег вади принадлежит Махра, а правый — Манахиль. Так как между этими племенами существует вражда, наши погонщики-минхали * сообщили нам, что отныне они будут тамимитами.

Когда мы рано утром 12 декабря проснулись в своем кустарнике, погонщики верблюдов уже явно проявляли свое нежелание приближаться к владениям Махра. Все же мы двинулись вперед, надеясь вновь найти исчезнувшую реку, потому что уже в течение трех дней мы были вынуждены ограничивать потребление воды. Встретить хотя бы одного путника — уже хорошее предзнаменование, и мы как раз утром встретили бедуина, который шел быстрым шагом, таща на спине свои земные богатства; ружье, узел в платке цвета индиго, соломенный тюфяк, деревянный ковш и небольшой кухонный горшок.

Мы были уже в Марахай, где поток вновь появляется у левой скальной стены в виде ручья. Лягушки и маленькие рыбки резвились в прозрачной воде. Мы чувствовали траву под ногами, вади было чудесно зеленым и выглядело почти как долина в Англии, потому что тамариски были похожи на молодые сосенки. Спокойно и неназойливо вступили мы в страну Махра — первые европейцы в этих краях, и природа

не могла бы встретить нас более приветливо. Ветви блестели от росы, и птицы пели среди деревьев. Вдруг мы увидели красивого маленького «королевского рыбака», в точности как на Занзибаре, который стоял в воде и ловил рыбу. Паутина, усыпанная росой, сверкала в лучах утреннего солнца, и трава была такой изумрудно-зеленой, какой я никогда до этого не видел. Вади было не шире 100—150 метров, сплошь покрытое полосой лугов, по которым пролегал наш путь. Склоны также густо поросли деревьями. Растительность была чрезвычайно разнообразна: исл, 'айс (tamarisk sp.), 'ишар, хармал, немного сумра, хувейра, леджава (Zygophyllum sp.) и отдельные пальмы — сар. Среди этого богатства особенно бросалась в глаза арйата. Живописная группа этих деревьев высотой 40—50 футов находилась перед нами; совершенно необычная картина в этой стране. Можно себе представить, как освежающе подействовал этот вид на наши глаза, уже давно привыкшие видеть лишь голые скалы и песок. Неправда, что я не люблю арабские ландшафты, но сами арабы говорят, что три лучшие вещи в мире — это проточная вода, зеленая трава и красивое лицо.

Жилища здесь такие же простые, и в Хаутат-эс-Сеййид мы увидели обычные убогие хижины из жердей — таков преобладающий вид построек в вади и в стране Махра. Картина изменилась только в Калъане: от Калъаны до Дубайи строят одноэтажные дома из глины.

Мы подошли к реке, полной зеленых водяных растений, и к пастбищу, на котором паслись коровы. Когда мы на другой стороне поднялись на левый склон, то увидели внизу, на реке, которая стала широкой и глубокой, трех диких уток с оперением в черных, коричневых и белых пятнах. Они взлетели с шумом, подняв целый фонтан брызг.

После обеда мы догнали отдыхающий караван в 40 верблюдов, который затем сопровождал нас всю дорогу до Сайхута. Там были шесть или семь бедуинов, женщина с пожилым мужем и двое маленьких детей. Мужчина рассказал мне, что он со своей семьей направляется на Занзибар, где хочет найти пропитание. Я дал ему рекомендательное письмо. Бедуины принадлежали к племени Манахиль, но выдавали себя, как и наши, за тамимитов.

Мы подъехали к нескольким полям и немногочисленным хижинам в Бин-Кора. Мужчины сидели в доме с водоемом, вокруг которого висели рыболовные сети. Маленькие сокотранские коровы и козы паслись невдалеке, и, когда мы подошли, залаяла собака. Здесь, у излучины вади, Карама показал нам тропинку для пешеходов. По ней человек может пройти этот участок пути за два часа, в то время как про-

вести верблюдов окольным путем можно только за шесть часов. Мы расположились лагерем у селения Эль-Хазафа, но в темноте видели только огни нескольких хижин на скалистом склоне над нами.

13 декабря мы встали позднее, чем обычно, потому что в Эль-Хазафе мы взяли нашего первого сийара, ʻАйта бин Саʻида из рода Бин Сахаль из Махра. Это был красивый юноша лет шестнадцати, и ответственность за наш большой караван не угнетала его. До сих пор наш путь проходил по областям, принадлежавшим отдельным племенам, где сийары не нужны, или вдоль часто используемых дорог, где их присутствие едва заметно. Путешествие же по стране Махра с караваном минхали или тамими напомнило мне поездку в международном поезде, где кондуктора на каждой границе меняют свою национальность, потому что Махра по своему языку, одежде и обычаям — иной народ. Их соседи на западе едва ли признают их арабами, хотя они сами считают себя чистокровными потомками химьяритов. Их главный город — Кишн, но их султаны живут на Сокотре, которая с незапамятных времен зависит от чужеземной ветви Саʻд бин Т̣овар из Бин Афар, правящей династии Махра.

Я спросил у одного своего друга, махрита, о самом излюбленном занятии его племени, и он ответил: набеги. Сельское хозяйство, изредка выращивание благовоний и верблюдоводство — побочные занятия. Махритские верблюды известны с древнейших времен своей быстротой и выносливостью в ночных переходах. Они славятся особым умом и привязчивостью. Махритский верблюд не захочет иметь дела с чужим, но сразу же ляжет перед своим хозяином.

Под предводительством настоящего махрита мы сразу же в начале пути сбились с дороги и были вынуждены вернуться, что было очень тяжело, потому что дорога идет круто вверх и вниз и мешают многочисленные торчащие ветви деревьев. Мы потеряли около получаса, чтобы переправиться через реку, потому что в том месте, где мы ее переходили, на противоположной стороне оказался очень крутой берег. Вода, которая лилась с верблюдов, делала дорогу такой мокрой, что каждый раз для следующего животного приходилось насыпать землю и класть ветки. Мы поднимались по сузившемуся вади, когда перед нами предстал самый прекрасный вид, какой нам когда-либо встречался. Длинные прямые струи чистой зеленой воды, окаймленные зеленью растений, текли под нами по песчаному руслу. Прямой участок реки пробудил во мне смелую мысль, что здесь когда-нибудь можно будет проводить соревнования по гребле между племенами.

Под акаба лежало селение Батха; вокруг хижин бегали куры. Мы хотели купить яиц, но жители не поняли, для чего они нам нужны, и спросили, не курим ли мы их, может быть, потому, что Хассан и я часто были с сигарами во рту.

После полудня мы, к нашему изумлению, обнаружили за Эз-Захомой изгородь, которая с первого взгляда, казалось, была по ошибке перенесена сюда с какого-то английского поля. Она состояла из шести горизонтальных жердей, укрепленных одна над другой, каждую из которых можно было убрать. Я надеюсь, что последний караванщик восстановил ее в прежнем виде, но сильно в этом сомневаюсь. Пройдя через эту изгородь, мы за поворотом обнаружили деревню Батха и увидели первый признак более высокой культуры после того, как покинули Кабр-Худ. Это был мавзолей вели Салиха бин ʻАкила.

Мы перебрались на правый берег реки, где цвет склона из-за лавы внезапно изменился с коричневого на черный и темно-красный, и продолжали путь вниз, к широкому вади Акид, которое, как нам говорили, достигает большой длины и густо населено.

Сделав остановку у Сифа, около реки, под кустами ʻайса, мы пересекли обширную рощу финиковых пальм, окруженную частоколом из пальмовых стволов, и достигли Макрата, расположенного на вулканическом поднятии, лежащем в долине.

Переправившись через реку, мы увидели первый встречный караван с рисом и небольшим количеством фиников для Эйната и сушеной рыбой и зерном для бедуинов сухой части вади. Караваны Махра лишь изредка обслуживают вади выше Эйната. Тарим снабжается главным образом по дороге из Эш-Шихра. За караваном пешком следовала старуха. В носу у нее было громадное кольцо, которое выглядело как оловянное, но могло быть и серебряным. Позднее я заметил, что почти все старые женщины носят такие кольца.

Вади расширилось теперь в большую и широкую плодородную равнину, которую оживляли пашущие мужчины и занятые другими делами женщины и дети. Место называлось Техайр, так же назывались и все расположенные здесь селения. Стая куропаток взлетела перед нами, и я пожалел о своем дробовике, который остался в багаже.

Все было тихо и спокойно во время этого вечернего перехода. Не слышно ни одного звука, кроме шагов верблюдов. Всюду следы опустошительного половодья, ободранные сучья в кронах и вывороченные с корнем стволы деревьев. Мы расположились лагерем на узкой площадке над руслом сейля, густо поросшим деревьями, без всяких следов человеческого

жилья. Наш молодой проводник забрался, как и каждый вечер, около половины девятого на скалу и сообщил деревьям и склонам гор, которые ответили ему громким эхом, что он — наш защитник и что мы находимся под охраной его племени. «Кто должен услышать это, Хассан?» — спросил я, когда мы сели ужинать. «Может быть, обезьяны», — засмеялся наш проводник. Однако мне показалось,. что его слова в этих безлюдных местах были обращены отнюдь не к обезьянам.

Следующее утро было мягкое и свежее, но в пути очень докучали деревья ʿайс и арйата, потому что, когда нам приходилось отгибать в стороны их мокрые ветви, на руках и на лице оставалось что-то липкое и неприятное, особенно от ʿайса. Они затрудняли также ориентировку по компасу. Единственным признаком, что местность обитаема, был шум голосов из деревни, спрятавшейся под деревьями. Однажды мы встретили мужчину с ребенком в колыбели — единственный раз, когда я видел в Аравии такую картину.

Когда мы вышли из леса, мы увидели издалека Бузун, где начиналась область, принадлежащая роду Бин Зуейди племени Махра. За Бузуном мы вновь вступили в тень леса и в полдень сделали привал в Эль-Бурайке, маленькой деревушке на поляне, на левом берегу вади. В Бузуне сеййид Мухсин нанял сийара из Бин Зуейди, Мсейка бин Салима, который тоже был совсем молод. Он был очень весел и все время громко пел, аккомпанируя себе хлопаньем в ладоши, но его пение прекращалось всегда внезапно со звуком остановившегося граммофона. Он был одет в черный, обшитый каймой махрийский плащ, который, если не учитывать украшений, является почти униформой. (Бин Афрар носят такие плащи с серебряной каймой, а правители — с золотой.) Мсейка имел монгольские черты лица и сзади выглядел как китаянка со своими волосами, завязанными высоким узлом. Как раз в тот день он прибыл в Бузун из Сайхута и сказал нам, что на дорогу потребуется два дня.

У Недуры мы покинули лес и поехали дальше под акациями; их злые колючки рвали нашу одежду и царапали нам лицо и руки, пока мы не добрались до Теймана, где заночевали в великолепном месте, высоко над вади. Отсюда мы вышли рано утром 16 декабря. Пока бедуины навьючивали верблюдов, напевая всегда одно и то же (их слова часто относились к одному из нас), утреннее солнце осветило громадные склоны вади и темные кусты под ними и окрасило все красным и золотым цветом.

Мы спустились к реке и снова повели войну с торчащими сучьями. Мы встретили людей, расстилавших листья арйата для просушки, и эта картина повторялась не раз. Высушен-

ные листья отправляются в Сайхут и продаются на корм верблюдам. То обстоятельство, что местным торговым центром стал Сайхут, показало нам отчетливее, чем что-либо другое, что мы приближаемся к концу своего путешествия.

Все еще были заметны многочисленные признаки вулканической деятельности, и когда мы двигались по открытому пространству, то видели с обеих сторон черные скалы. За ними поднимались еще более высокие и старые каменные массивы, изрезанные вертикальными расселинами, которые отвечали грохочущим эхом поющему Мсейку и кричащим погонщикам верблюдов. Уровень воды на вертикальных стенах был, самое малое, на высоте 20 футов, и Мсейка сказал, что такое половодье бывает раз в четыре года и длится десять дней. Если кто-нибудь попадает в бешено мчащийся поток, ему уже нет надежды на спасение.

Деревень больше не было до самой Калъаны с развалинами замка традиционной средневековой архитектуры. Дома, стоящие вокруг, тоже заброшены и обветшали. Здесь река прекращается, остаются только небольшие болотца, да и то только тогда, когда пройдет сейль. После полудня мы ехали по горному острову в середине широкой долины, который был увенчан каменной стеной. Наши бедуины приписывали ее детям 'Ада и называли хусн 'Ад.

Мы миновали ша'б, называемый Эль-Кохль, который, как объяснил Мухсин, обязан своим названием залежам сурьмы, и сделали привал у Каталь-эль-Абид, около небольшого водоема. Мы расположились лагерем на той его стороне, что была защищена от ветра высокой скалистой стеной с отчетливо видными слоями горных пород. Это было хорошее место для лагеря, с зарослями арйата вокруг и с обломками скал под нами. На ужин у нас были райский суп, последние бараньи котлеты с луком и в заключение запеканка из лапши с вишнями. Неплохое меню для такого места, но Ганесс, который за это время окончательно превратился в бедуина, бегло говорил по-арабски и сам седлал своего верблюда, сохранил свое поварское искусство и свою предприимчивость. Я послал гонца с письмом в Сайхут, чтобы известить представителя султана о моем прибытии и сообщить ему, что нам нужен дхов * на Эль-Мукаллу. Мы заснули под шум бедуинов, пивших кофе на другой стороне пруда.

Предполагая, что это последний день пути, мы встали 17 декабря вовремя и надеялись достичь Сайхута засветло. Дорога была тягостной, растительность скудной, и скоро стало очень жарко. Двое мужчин проходили мимо и спросили, не сеййиды ли мы. Вероятно, кто-то им сказал, что мы сеййиды, потому что один из них попытался поцеловать ру-

21 Зак. 186

ку Д. Тот отдернул ее, как это принято в нашем обществе, но сейийды позволяют целовать себе руку. Человек отвернулся, пораженный, а один из бедуинов сказал: «Насара», и его лицо покраснело от гнева. Без сомнения, он почувствовал себя оскорбленным, и я опасался инцидента. Он схватился за рукоять кинжала, но одумался и удалился.

У Самармы мы покинули вади и поднялись на плато Эль-Макад, что значительно сокращало путь. Обзор быстро увеличивался, и мы каждое мгновение ожидали, что увидим море. Плоскогорье лишено растительности, и единственная его достопримечательность — могила еще одного великана — Мола Эль-'Айна. Сейийд Мухсин, наш гид по придорожным святым, не знал, когда он жил, и сказал только, что это было, видимо, уже давно. Он добавил, что путешествующие по морю во время шторма торжественно обещают посетить эту могилу, если спасутся.

Чтобы увеличить скорость, мы ехали во главе каравана до Дубайи с ее глинобитными хижинами (их было около ста пятидесяти) и большой площадью возделанной земли. Жители сбежались со всех сторон, чтобы посмотреть на нас. Они производили приятное впечатление. Я встретил одного или двух, которые говорили на суахили * и просили меня сфотографировать их. Один мужчина схватил под уздцы верблюда Д. и предложил ему посетить женщин. Через несколько минут другой бросился к нему и схватил повод его верблюда, который шел первым (его вел Карама). Я подумал, что этот человек хотел того же, что и первый, но Карама вырвал у него повод и пошел дальше. Тогда человек что-то закричал и снова схватился за повод. Я как раз беседовал со своим новым знакомым, говорившим на суахили, и подумал только, что это, должно быть, очень упрямый человек, но тут Хассан и Зайди с большой поспешностью соскочили с верблюдов, не дожидаясь, пока они лягут. Я осведомился, что происходит, и Хассан с испугом сказал: «Они хотят застрелить вас».

Тут я увидел, как человек вытащил патрон из своего пояса, зарядил ружье и, что-то бормоча, завернул за угол дома. За ним последовали еще трое. Они направили на нас свои ружья, и кто-то крикнул нам, что они будут стрелять, если мы не остановимся. В суматохе было нелегко понять, что происходит, но мы вовремя разобрались, что зуейди решили убить нас, если мы не повернем назад, потому что они не хотят терпеть в своей стране христиан. Остальной караван был слишком далеко, и мы решили ждать, когда подоспеют сейийд Мухсин и Мсейка и придумают, что можно сделать. Тем

 временем зуейди, которые хотели нас застрелить, спокойно

стояли за углом дома. Мы слезли с верблюдов и вошли в дом, где нас обступили мужчины и женщины. Они были очень приветливы, но не хотели, чтобы мы двигались дальше. Мои знакомые, говорившие на суахили, сказали мне, что Дубайа терроризирована этими бедуинами — зуейди, которые спустились с гор и подчинили деревню. Мы узнали, что человека, который первым пригрозил застрелить нас, зовут ʽАли бин Ханад; он и другой, по имени Заркиа, — зачинщики покушения.

Наконец прибыл сеййид Мухсин и все выяснил. Он сослался на нашего сийара, благодаря которому мы получили право прохода, и указал на то, что честь зуейди зависит от того, сможем ли мы путешествовать спокойно. «Никто никогда не имел в виду, чтобы сийар защищал христиан», — был ответ.

Тут появилась остальная часть нашего импозантного каравана. Мсейка и другой сеййид из деревни продолжили переговоры. Они удалились, потому что люди, вызвавшие инцидент, не хотели приближаться к нам. Мсейка сказал им, как сообщил сеййид, что их поведение постыдно и что он в этом случае будет сражаться на нашей стороне. То же заявили и все наши спутники. Эта угроза подействовала, и зуейди теперь пытались хотя бы сохранить свое достоинство, а потому удовольствовались полюбовным соглашением, по которому мы должны были переночевать вне Дарфата и ожидать решения.

Так как у нас еще не было ответа представителя султана в Сайхуте, что, как я понял, также было во власти зуейди, это казалось лучшим выходом из положения.

ПУТЕШЕСТВИЕ ТЕЗИГЕРА ЧЕРЕЗ ПУСТЫННУЮ ЧЕТВЕРТЬ

Вилфред Тезигер создал себе научное имя своей экспедицией в страну Данакиль *. Он служил колониальным чиновником в Судане и во время второй мировой войны изучил Сирию, Египет и Ливийскую пустыню, прежде чем летом 1945 г. прибыл в Саудовскую Аравию, чтобы подготовиться к экспедиции в Пустынную четверть — большую песчаную пустыню Южной Аравии. Он имел поручение Средневосточного объединения по борьбе с саранчой выяснить, следует ли рассматривать окраинные области пустыни, которые время от времени получают влагу из береговых районов Дафара, местом зарождения ужасающих стай саранчи; это поручение открыло Тезигеру на два месяца запретное государство Ибн

Са'уда и не менее труднодоступные владения султана Маската.

Правда, когда Тезигер в 1948 г. после поездки по Хадрамауту вторично пересек Пустынную четверть, на этот раз ее западную часть, и проник в Саудовскую Аравию без разрешения короля, он был арестован. И только заступничество Филби (он, как англичанин, перешедший в ислам, и специалист по Аравии, имел значительное влияние на Ибн Са'уда) спасло Тезигера от худшего. Филби рассказал Тезигеру вскоре после его освобождения: «Я случайно как раз был у короля, когда пришла телеграмма, сообщавшая о твоем внезапном появлении в Эс-Сулайиле. Он вскипел от ярости и спросил меня, знаю ли я тебя. Он намеревался сурово наказать тебя для устрашения других европейцев, которые захотели бы проникнуть в его страну без разрешения. Я хотел заступиться за тебя, но он не раз затыкал мне рот. Я был озабочен твоим положением и написал ему письмо, которое передал на следующее утро. Я сказал при этом, что обязанность каждого человека — помогать своим друзьям. Он был совсем в другом настроении, чем накануне вечером, и сразу ответил, что решил приказать отпустить тебя».

Две экспедиции по пустыне Западного Омана в 1949 и 1950 гг. Тезигер смог провести лишь в глубокой тайне и должен был заботиться о том, чтобы по возможности никого не встречать или по крайней мере чтобы в нем не узнали европейца. Тем не менее владыка Пиратского берега на Персидском заливе, шейх Абу-Даби, и шейх оазиса Бурайми принимали его как желанного гостя.

ВИЛФРЕД ТЕЗИГЕР

Байт Касир помогли нам навьючить верблюдов. Мы попрощались друг с другом и с ружьями на плечах двинулись в путь мимо кустарника, где за день до этого я сидел с Бин Кабиной. Растения, которые он собрал, чтобы показать мне, еще валялись вокруг на земле, уже совсем увядшие. С тех пор как мы держали их в руках, казалось, прошло очень много времени.

Руководство взяли на себя рашидиты. В своих выцветших одеждах цвета ржавчины они превосходно гармонировали с песком: худощавая, высокая, элегантная фигура аль-Ауфа и рядом с ним немного неряшливый Бин Кабина. За ними следовали оба байт касирита с запасным верблюдом, привязанным к седлу Мусаллима. Их одежда, которая когда-то была белой, теперь приобрела от долгой носки нейтральную окраску. Мабхаут был того же роста, что и аль-Ауф, на которого

он вообще был очень похож, хотя и не обладал его способностями. Издали я мог различать их только по цвету рубашек. Мусаллим, коренастый, немного кривоногий и необыкновенно выносливый, был с виду более груб. Из всех моих спутников он мне нравился меньше всего. Частое пребывание в Салале не пошло ему на пользу, и в нем было что-то угодническое.

После короткого перехода аль-Ауф предложил остановиться у Байт Имани, которые стояли здесь поблизости, и дать нашим верблюдам день для пастьбы, потому что неизвестно, что ждет нас дальше на север. Арабы дадут нам молока, так что мы сможем не расходовать запасы воды и провизии. Я ответил, что теперь он наш проводник и сам должен принимать все решения.

Спустя два часа мы увидели маленького мальчика в совершенно истрепанной набедренной повязке, с необыкновенно длинными волосами, который пас верблюдов. Он проводил нас в лагерь Байт Имани, где трое мужчин сидели на корточках вокруг погасшего костра. Они поднялись, когда мы подошли поближе. После обычных приветствий и обмена новостями они предложили нам чашку молока. Эти байт имани происходят из трех разных родов той же ветви Рашид, что аль-Ауф и Бин Кабина. Они не носили никаких головных уборов; на одном из них, седом мужчине по имени Хуайтим, кроме набедренной повязки была еще и рубаха. Палатки у них не было; все их добро составляли седло, веревки, чашки, пустые козьи бурдюки, ружья и кинжалы. Сегодня они чувствовали себя счастливыми и будут спокойно спать ночь на холодном как лед песке, укрывшись лишь своими изношенными набедренными платками. Я вспомнил об изнурительной летней жаре, когда нужно час за часом поить из горьких колодцев жаждущих, напирающих верблюдов, пока наконец колодец не иссякает, а верблюды ревом требуют воды, которой больше нет. Я подумал об ужасно суровой жизни бедуинов в этой безотрадной стране и об их смелой и неустрашимой предприимчивости. Прислушиваясь к их разговорам и удивляясь их врожденной вежливости, я понял, каким жалким и эгоистичным должен выглядеть я сам рядом с ними.

Байт имани говорили о Махсине и его несчастье и задавали бесконечные вопросы. Затем Хуайтим приказал маленькому пастушонку, который был его сыном, пригнать четырехлетку и старую серую верблюдицу, которые еще давали молоко. Животных заставили стать на колени, и Хуайтим сам развязал веревку, которой были связаны передние ноги нашего верблюда-самца. Самец был уже в диком возбуждении: он часто стучал хвостом, скалил зубы, надувал щеки и снова распускал их, чмокая слюной. Он неловко вскочил на желтую

верблюдицу, как гротескное воплощение бессильного вожделения, а Хуайтим опустился перед ним на колени, пытаясь помочь. Бин Кабина объяснил мне: «Верблюды не могут совокупляться без помощи человека, потому что они не в состоянии найти нужное место». Я был благодарен судьбе, что нужно было покрыть только двух верблюдиц. Их могла быть и целая дюжина, что истощило бы силы нашего верблюда.

На закате солнца мальчик пригнал остальное стадо — тридцать пять животных. Хуайтим вымыл руки под струей мочи верблюда и вычистил миску из-под молока песком. Бедуины думают, что верблюдица не станет давать молоко, если ее будут доить грязными руками или собирать молоко в посуду с остатками еды, особенно мяса и масла. Хуайтим осторожно коснулся вымени верблюдицы и успокаивающе заговорил с ней, чтобы она дала молока. Затем он уперся правой ногой в ее левое колено и стал доить ее в миску, которой балансировал на правом бедре. Верблюдица дала около двух с половиной литров молока, но другие давали едва ли литр. Всего у них было девять молочных верблюдиц. Аль-Ауф подоил Камайкаму, верблюдицу Бин Кабины. Она давала нам в Магшине дважды в день по литру молока, но теперь из-за усталости и плохого корма дала только около полулитра.

После доения байт имани устроили верблюдов на ночь и связали им колени, чтобы они не могли уйти далеко. Аль-Ауф считал, что мы должны пустить наших животных пастись, но не спускать с них глаз. Наш хозяин принес нам молока; мы сдули пену в сторону и жадно выпили его. Они вынуждали нас пить больше. «В пустыне, которая лежит перед вами, вы больше не получите молока. Пейте, пейте, пейте. Вы наши гости. Господь посылает вам теперь, пейте!» Я выпил вторично, хотя и знал, что они заснут сегодня вечером голодными и жаждущими, потому что у них нет ни другой еды, ни воды. Когда мы затем уселись вокруг костра, Бин Кабина приготовил кофе. Холодный ветер шуршал в темных барханах, теребил наши одежды и проникал под одеяла, в которые мы кутались. Луна давно уже зашла, а мы все еще беседовали о верблюдах и пастбищах, о путешествиях по пустыне, о набегах и кровной мести, о диковинных местах и о людях, которых они видели в Хадрамауте и в Омане.

На следующее утро Бин Кабина с одним из Байт Имани отправился искать наших верблюдов. Когда он вернулся, я увидел, что у него под рубахой больше нет набедренной повязки. На мой вопрос он ответил, что подарил ее. Я стал протестовать: он не может ехать по населенной земле по ту сторону пустыни и в Омане без набедренной повязки, а у меня нет второй, которую я мог бы ему дать. Он должен потребо-

вать ее назад. Я дам ему денег для человека, которому он ее подарил. «Что же он будет делать в пустыне с деньгами?— ответил он. — Он хочет набедренную повязку». Но в конце концов он сделал так, как я ему приказал.

Тем временем другой байт имани принес нам миски с молоком, которые аль-Ауф вылил в маленький бурдюк из козьей шкуры. Он считал, что мы сможем каждый день вливать немного молока в нашу питьевую воду, чтобы улучшить ее вкус. Смесь кислого молока с водой, которая позволяет использовать самую неупотребимую воду колодцев, арабы называют «шанин». Когда мы неделей позже прикончили молоко, мы нашли на дне бурдюка комок масла величиной с грецкий орех и цветом похожий на топленое сало. Вероятно, протекающий бурдюк можно сделать водонепроницаемым с помощью небольшого количества молока.

Мы поручили наших хозяев божьему милосердию и отправились дальше в пески. Аль-Ауф шел, широко раскинув руки ладонями вверх, и читал стихи из Корана. Песок под нашими ногами все еще был холодным. Зимой и летом арабы большей частью носят в пустыне вязаные носки из толстой черной шерсти. Ни у кого из нас не было таких носков, и наши пятки постепенно трескались от холода. Трещины становились все глубже и болели довольно сильно. Пройдя пешком часа два, мы затем ехали верхом до захода солнца. Верблюды набрасывались на каждое растение с жадно висящей и дрожащей нижней губой, и мы разрешали им глодать их. Наконец барханы стали кирпичного цвета. Они одиноко поднимались над беловатой гипсовой равниной, усеянной сверкающими зелеными солончаковыми растениями. После полудня мы подошли к еще более высоким барханам (около 150—200 метров) медового цвета. Здесь было очень мало растительности.

Мусаллим ехал на черном верблюде-самце и вел за недоуздок свою собственную верблюдицу, на которую были навьючены оба больших бурдюка с водой. При спуске с крутого песчаного склона она внезапно остановилась. Недоуздок, который был привязан сзади к седлу Мусаллима, туго натянулся и свалил верблюдицу боком на землю. Я двигался сзади, видел все, но не мог предотвратить несчастья. Я отчаянно крикнул Мусаллиму, чтобы он остановился. Но он не мог остановить своего верблюда на крутом склоне. Я послал к небесам отчаянную молитву: пусть порвется только веревка! — но увидел, что верблюдица упала на бурдюк с водой, и решил, что все наше предприятие рухнуло. Аль-Ауф уже спрыгнул и бросился на злосчастную веревку с кинжалом. Спрыгивая с седла, я соображал, достаточно ли у нас воды,

чтобы вернуться в Ганим. Упавшая верблюдица взбрыкнула, веревка порвалась, и животное оперлось на колени. Бурдюки с водой, которые сползли ей на спину, были, кажется, целы. Когда я склонился над ними, аль-Ауф сказал: «Слава и благодарность Аллаху! Хвала Аллаху!» Теперь мы погрузили бурдюки с водой на верблюда, который вырос в пустыне и был привычен к скользким крутым склонам.

Мы дошли до пастбища и остановились на ночлег. В ложбине, защищенной от ветра, мы разгрузили верблюдов, спутали им передние ноги, ослабили подпруги седел и пустили их пастись.

На заходе солнца аль-Ауф выдал по пол-литра воды, которую он для других смешал с молоком. Это было первое питье за этот день. С большим нетерпением ожидал я этого момента, все время поглядывая на заходящее солнце и судорожно пытаясь собрать немного слюны в глотке, которая казалась мне сделанной из дубленой кожи. Я получил свою долю воды, но без молока и приготовил себе чай, в который для аромата добавил молотой корицы, имбиря, гвоздики и кардамона.

Дрова мы могли найти в пустыне повсюду. В больших песках нет ни одного места, где бы когда-нибудь не прошел дождь, будь это хоть двадцать или тридцать лет назад, поэтому найти и выкопать длинные корни какого-нибудь мертвого кустарника было нетрудно. Бедуины никогда не жгут дерево трибулуса, если в их распоряжении есть какой-нибудь другой горючий материал, потому что захра («цветок») ценится как превосходный верблюжий корм и трибулус почти так же священ, как финиковая пальма. Когда я однажды бросил в огонь косточку финика, старый Тамтаим нагнулся и вытащил ее оттуда.

Бин Кабина жарил кофе. Он снял рубаху и головной платок, и я поддразнил его: «Если бы я не спас твою набедренную повязку, ты не мог бы теперь снять рубаху». Он огрызнулся в ответ: «А что я должен был делать? Он попросил ее». Затем он взял у Мусаллима муку из козьего бурдюка, четыре полных до краев черпака. Это количество, около трех фунтов, составляло наш дневной рацион. Такая диета казалась мне слишком бедной калориями и витаминами; тем не менее за все эти годы я не видел ни одной гноящейся или септической раны. Воду, которую мы находили, я всюду на Востоке пил без примесей или других мер предосторожности из колодцев, ям и потоков, не причинив себе этим никакого вреда. Человеческое тело, по крайней мере мое, кажется, вырабатывает свои собственные средства защиты, если ему дают такую возможность.

Когда Мусаллим приготовил хлеб, он позвал аль-Ауфа и Мабхаута, которые пасли верблюдов. Темнело. Хотя на западе еще мерцал последний отблеск прошедшего дня, звезды были ясно видны в небе и луна бросала свои тени на бесцветный песок. Мы уселись в кружок вокруг маленькой миски, пробормотали: «Во имя Аллаха» и обмакнули один за другим свои куски хлеба в растопленное масло. После еды Бин Кабина снял с огня маленький латунный котелок для кофе и поднес каждому из нас по чашке кофе. Затем началась беседа.

Я был счастлив в компании этих людей, которые решились сопровождать меня. Я был предан им, и их образ жизни нравился мне. Но при всем удовлетворении нашим товариществом я никогда не создавал себе иллюзии, что действительно принадлежу к их числу. Они были бедуинами, а я нет, они были мусульманами, я — христианин. Тем не менее я был для них их спутником, неразрывно связанным с ними узами, столь же священными, как узы гостеприимства, и более крепкими, чем племенные или семейные. Как своего спутника они стали бы защищать меня с оружием в руках даже против собственных братьев, и того же они ожидали и от меня. Я знал, что пройду это тяжелое испытание, только если сумею гармонически влиться в их общество, стать господином своего нетерпения, не уходить в себя, не осуждать жизненные привычки и мерки, отличающиеся от моих. Я знал по собственному опыту, что условия, в которых мы жили, с течением времени изнурят меня телесно, если не духовно, и что мои спутники часто будут меня раздражать и выводить меня из терпения. И особенно хорошо я знал, что будет не их, а моя вина, если это произойдет.

Ночью мы слышали лай лисицы на склоне над нами. На рассвете аль-Ауф снял путы с верблюдов, которых мы на ночь пригнали в наш лагерь, и пустил животных пастись свободно. До захода солнца им больше нечего будет есть. Бин Кабина подогрел еще раз остаток кофе. После часа пути мы подошли к чудесному зеленому пастбищу: недавно здесь прошел дождь. Аль-Ауф, поставленный перед выбором, двигаться дальше или пустить верблюдов пастись, решил сделать остановку. Мы разгрузили верблюдов и собрали вязанку трибулуса для дальнейшего путешествия. Аль-Ауф выкопал яму в песке и установил, что влага проникла в землю примерно на метр. Он исследовал таким образом почву всюду, где прошел дождь. Если растения еще не выросли, мы двигались дальше, а он оставался и внимательно изучал почву. Неясно, какую практическую цену может иметь такая информация о будущих пастбищах в сердце Пустынной четверти, и тем не

менее мне было очевидно, что именно это знание и эта предусмотрительность сделали его необыкновенно хорошим проводником.

Я лег на песок и наблюдал за орлом, который кружил над нами. Было жарко. Температура в тени, отбрасываемой моим телом, составила 29° Цельсия. Едва можно было поверить, что рано утром, когда мы измеряли, было всего 6°. Песок уже так раскалился от солнца, что обжигал мягкую кожу на моих ногах над носками.

Около полудня мы двинулись дальше по высоким бесцветным или сверкающим золотым блеском барханам. Вечером мы потратили целый час, чтобы обойти массивный красный песчаный холм высотой около 200 метров. Затем мы прошли солончак, тянувшийся как коридор среди песков. Гигантский красный бархан позади нас и его сосед выглядели теперь как ворота, которые медленно и тихо закрывались за нами. Я все время оглядывался на щель между ними, которая становилась все уже. Мне казалось, что мы никогда не сможем вернуться, если эта дверь закроется. Щель исчезла, теперь я мог видеть только стену песка. Я снова повернулся к другим. Они обсуждали цену цветной набедренной повязки, которую Мабхаут купил в Салале перед нашим отъездом. Вдруг аль-Ауф заметил верблюжий след и сказал: «Этот след оставил мой верблюд, когда я проезжал здесь по пути в Ганим». Позднее заспорили Мусаллим и аль-Ауф, каково расстояние между Магшином и Баем, где нас должны ждать Тамтаим и другие. Я спросил аль-Ауфа, ездил ли он когда-нибудь из вади Эль-Умайри в Бай. Он ответил: «Да, шесть лет назад». — «И сколько дней тебе потребовалось?» — «Это я хочу тебе рассказать. Мы взяли воды в Эль-Габа в вади Эль-Умайри. Нас было четверо: я, Салим, Джаназил из Авамира и Алайви из Афрара. Это было в середине лета. Мы прибыли в Ибри, чтобы уладить спор между Рашид и Махамид, который вспыхнул, когда убили сына Фахада».

Мусаллим прервал его: «Это было еще до того, как Рикайш стал губернатором Ибри. Я сам был там за год до этого. Меня сопровождал Сахайл, и оттуда мы отправились...» Но аль-Ауф непоколебимо продолжал: «Я ехал на трехлетней верблюдице, которую купил у Бин Дуайлана». — «Это та, которую угнали Манахиль из Яма?» — спросил Бин Кабина. «Да. Годом позже я обменял ее на желтую шестилетку, которую получил от Бин Хам. Джаназил ехал на верблюдице-батина *. Вы ее помните? Она была дочерью известной серой, которая принадлежала Харахайш из Вахибы».

Мабхаут сказал: «Да, я ее видел, когда был в этом году

 в Салале. Крупное животное. Она была уже старой, когда я

ее видел, и пережила свое лучшее время. Но еще и сейчас действительно красивое животное».

Аль-Ауф продолжал: «Мы провели ночь с Райем из Афар». Бин Кабина поддержал его: «Я встретил его в прошлом году, когда приехал в Хабарут. Он был с ружьем — „отцом десяти выстрелов“, — которое он снял с махрита, убитого им в Гадуне. Бин Маутлаук предлагал ему серую однолетку, дочь Фархи, и пятьдесят риалов * за это ружье, но он не согласился». Аль-Ауф продолжал: «Рай зарезал козу для нашего ужина и рассказал нам...» И тут я прервал его: «Хорошо, но сколько же дней понадобилось тебе, чтобы добраться до Бая?» Он удивленно посмотрел на меня и сказал: «Разве я не рассказываю тебе именно об этом?»

На заходе солнца мы остановились, чтобы поужинать и накормить верблюдов трибулусом, который захватили с собой. Все бурдюки сочились, и мы должны были позаботиться о своих запасах воды. Весь день бурдюки угрожающе капали. Каждую пару метров капля падала в песок, как кровь из раны, которую не удается остановить. У нас не было выбора: мы должны были двигаться дальше как можно быстрее и при этом не переутомить верблюдов. Уже сейчас они выказывали признаки жажды. Аль-Ауф хотел после еды двигаться дальше. Пока Мусаллим и Бин Кабина пекли хлеб, я расспрашивал аль-Ауфа о его прежних путешествиях по этой пустыне. «Я пересекал ее дважды, — сказал он. — Последний раз я проходил здесь два года назад. Я шел из Абу-Даби». Я спросил: «Кто сопровождал тебя?» И он ответил: «Я был один». Я подумал, что ослышался, и повторил: «Кто были твои спутники?» Он ответил: «Аллах был моим спутником». Пересечь эту ужасную пустыню одному — это необычайно смелое предприятие. Мы тоже пересекали ее теперь, но нас пятеро, мы составляем наш собственный маленький мирок, в котором каждый дарит другому дружбу, делит с ним разговоры, смех и сознает, что другие разделяют с ним опасность и лишения. Я был уверен, что ужасное одиночество сломило бы меня, если бы я был здесь один.

Я знал также, что аль-Ауф имел в виду именно это, когда сказал, что бог был его спутником. Для бедуина бог — реальность, и вера в его присутствие дает ему мужество, чтобы держаться до конца. Усомниться в его существовании было бы для бедуина так же немыслимо, как вести кощунственные разговоры. Большинство из них молятся регулярно, и многие соблюдают пост в рамадан, который длится целый месяц. В это время они не смеют ни есть, ни пить от восхода солнца до его захода. Если этот пост падает на лето — а так как арабские месяцы лунные, то лето приходит каждый

год раньше на 11 дней, — они для облегчения используют обычай, позволяющий путешественникам поститься тогда, когда они закончат путешествие, и переносят месяц поста на зиму Некоторые арабы, которых мы оставили в Магшине, постились теперь, потому что они не могли сделать этого раньше на протяжении всего года. Я слышал в Хадрамауте и в Хиджазе, как жители городов и деревень обвиняют бедуинов в безверии. Когда я стал однажды протестовать, мне ответили: «Даже если бедуин молится, Аллах не может услышать его молитвы, потому что они не совершают перед молитвой предписанного омовения».

Эти бедуины — не фанатики. Однажды я путешествовал с большой группой рашидитов, и один спросил меня: «Почему ты не станешь мусульманином? Тогда ты действительно будешь нашим». Я ответил: «Бог да защитит меня от черта!» Они засмеялись. Это выражение арабы используют, когда отгоняют от себя что-то вредное или непристойное. Другим арабам я бы никогда не осмелился ответить так, но каждый спрашивающий, безусловно, дал бы такой ответ, если бы я предложил ему стать христианином.

После еды мы ехали два часа по солончаку. Барханы по обеим сторонам бледно поблескивали в лунном свете. Они, казалось, стали еще выше, чем днем. Освещенные склоны казались очень гладкими, а тени в их складках были чернильно-черными. Скоро я начал дрожать от холода. Мои спутники громко распевали свои песни в тишине, в которой иначе только соль хрустела бы под ногами верблюдов. Слова их песен были словами жителей юга, но ритм и мелодия совпадали с песнями, которые я слышал от бедуинов Сирийской пустыни. На первый взгляд кажется, что бедуины Южной Аравии значительно отличаются от бедуинов севера, но теперь я замечал все больше и больше, что эти различия только поверхностные и выражаются прежде всего в одежде. Мои спутники чувствовали бы себя совершенно как дома в лагере племени Руалла, тогда как горожанин из Адена или Маската явно выделялся бы среди жителей Дамаска.

Наконец мы остановились, и я слез с седла, окоченевший от холода. Я много дал бы за горячее питье, но знал, что для этого я должен ждать еще восемнадцать часов. Мы зажгли маленький костер и грелись перед сном. Я очень устал, но заснул с трудом. Весь день, час за часом, я ехал на качающемся верблюде, и все мое тело было совершенно разбито. Вероятно, я ослаб от голода. Наше питание, даже по понятиям бедуинов, было голодным пайком. Но больше всего меня мучила жажда. Она была не так сильна, чтобы повредить моему организму, но я не мог освободиться ни на се-

кунду от ощущения жажды. Я даже видел во сне пенящийся бокал с ледяной водой. Но заснуть было трудно; теперь я лежал без сна и пытался оценить путь, который мы прошли, и путь, который нам еще оставалось преодолеть. На мой вопрос, как далеко до колодца, аль-Ауф ответил: «Препятствием может оказаться не расстояние, а большие барханы Урук-эш-Шайба». Вода, капающая в песок на моих глазах, и состояние наших верблюдов беспокоили меня. Верблюды лежали совсем рядом со мной в темноте. Я повернулся к ним и стал пристально на них смотреть. Мабхаут проснулся и закричал: «Что такое, Умбарак?» Я что-то пробормотал в ответ и снова улегся. Хорошо ли завязали бурдюк с водой, когда брали ее в последний раз? Что произойдет, если один из нас заболеет или пострадает от несчастного случая? При свете дня такие мысли легко прогнать; в одиночестве и в ночной тьме это потруднее. Наконец я сказал себе, что аль-Ауф путешествовал здесь совершенно один, и устыдился.

Остальные проснулись, как только стало рассветать, и хотели выйти в путь, пока еще холодно. Верблюды обнюхивали засохший трибулус, но слишком хотели пить и поэтому не ели. Через несколько минут мы были готовы. Молча, тяжело ступая, мы тронулись в путь. Мои глаза слезились от холода, твердая соляная корка врезалась в мои горящие ноги. Мир был серым и пустынным. Постепенно перед нами стали вырисовываться песчаные горы барханов на светлеющем небе. Понемногу становилось теплее, и восходящее солнце, коснувшись вершин барханов, вернуло им краски.

Перед нами лежала гряда высоких барханов без всяких пересекающих ее долин. Барханы были разной высоты, как горный хребет, вершины которого соединены перевалами. В самых высоких местах они поднимались над солончаковой равниной больше чем на 200 метров. Южный склон перед нами был очень крутым — это был склон, обращенный к ветру. Я хотел бы, чтобы мы поднялись на барханы с противоположной стороны, потому что легко заставить верблюда спускаться по этому крутому склону, но гораздо труднее найти возможность подъема.

Аль-Ауф попросил нас подождать, пока он отыщет дорогу. Я смотрел, как он идет по блестящей поверхности солончака с ружьем за плечами, откинув голову назад и устремив взор на крутой склон. Он выглядел очень уверенно. Но при виде этого песчаного склона мне показалось, что мы никогда не сможем заставить верблюдов забраться на него. Мабхаут был, очевидно, того же мнения, потому что он сказал Мусаллиму: «Мы должны найти обходный путь. Ни один верблюд здесь не поднимется». Мусаллим ответил: «Это мы

доверим аль-Ауфу. Он привел нас сюда. Мы должны были держаться больше к западу, ближе к Дакаке». Он схватил насморк и поэтому постоянно шмыгал носом, а его довольно высокий голос звучал хрипло и печально. Я знал, что он завидовал аль-Ауфу и при каждом удобном случае немного подкусывал его. Не очень умно я пошутил над ним: «Если бы ты был проводником, путешествие стало бы длиннее». Он повернулся и гневно ответил: «Ты не любишь Байт Касир. Я хорошо знаю, что ты любишь только Рашид. Я отправился с тобой сюда против воли моего племени, а ты никогда не ценил того, что я для тебя сделал».

За весь этот день он не упустил ни одной возможности напомнить мне, что без него я никогда не смог бы отправиться дальше Рамлат-эль-Гафа. Он добивался моей благосклонности и хотел получить более высокое вознаграждение, но все это только раздражало меня. Я хотел даже выразить мою неприязнь в гневных словах, что привело бы к бессмысленному спору, но взял себя в руки и отошел в сторону под предлогом, что хочу фотографировать. Я знаю, как легко в таких обстоятельствах почувствовать сильнейшую антипатию к одному из спутников и сделать его козлом отпущения за всевозможные несчастья. «Я не смею позволить этому зайти дальше, не то я возненавижу его. В конце концов я должен быть ему благодарен. Но, ей-богу, я хотел бы, чтобы он не напоминал мне об этом каждую минуту».

Я сел на песчаный пригорок и ждал возвращения аль-Ауфа. Земля была еще очень холодной, хотя солнце стояло уже довольно высоко в небе и бросало жаркий, яркий свет на песчаную стену перед нами. Мысль, что мощная песчаная стена, которая закрывает половину неба, создана одним только ветром, была фантастической. Я мог теперь видеть аль-Ауфа примерно в полумиле отсюда, у подножия бархана. Он поднимался на склон и выглядел как альпинист, который пробивается по мягкому снегу на высокий горный перевал. Я мог видеть даже следы, которые он оставлял. Только он двигался в молчаливой пустоте.

Что мы станем делать, если верблюды не пройдут через барханы? Я знал, что мы не можем идти дальше на восток, потому что там находятся зыбучие пески Умм-эс-Самим. Самый легкий и обычный путь через Дакаку, которым шел Томас, лежал больше чем в 300 километрах западнее. Мы не могли себе позволить удлинить наше путешествие окольным маршрутом. Наш запас воды уже был опасно мал, и наши верблюды очень скоро падут, если мы не напоим их. Мы должны провести их через чудовищные барханы, даже если нам придется разгрузить их и самим тащить наверх грузы.

Но что мы увидим на другой стороне? Сколько еще барханов ждет нас там? Если мы сейчас повернем назад, мы, может быть, сможем добраться до Магшина. Но если мы сначала преодолеем эти барханы, то верблюды будут (я знал это) слишком голодны и измучены жаждой, чтобы вернуться хотя бы в Ганим. Затем я подумал о султане и других людях, которые бросили нас на произвол судьбы, и об их триумфе, если мы вернемся назад сдавшиеся и побежденные. Я снова оглядел барханы и увидел, что аль-Ауф возвращается. На песок рядом со мной упала тень. Я посмотрел: это был Бин Кабина. Он улыбнулся, сказал: «Салам алайкум» и сел. Я спросил его: «Пройдут ли там верблюды?» Он отбросил волосы со лба, задумчиво, сморщив лоб, оглядел склон и ответил: «Он очень крут, но аль-Ауф уже нашел возможность пройти. Он — рашидит, а не один из этих Байт Касир». Затем он беззаботно разобрал ружье и принялся чистить его каймой своей рубахи. «Интересно, — спросил меня Бин Кабина, — все ли англичане пользуются такими ружьями?»

Когда аль-Ауф вернулся, мы подошли к остальным. Верблюд Мабхаута улегся, остальные стояли там, где мы их оставили, — плохой признак. Обычно они сразу же отправлялись искать корм. Аль-Ауф улыбался и молчал, никто не задавал ему вопросов. Он заметил, что вьюки на моем верблюде съехали на одну сторону, и передвинул седельную сумку на место. Затем он поднял палку, которой погоняют верблюда (она валялась на песке), пальцами ноги, взял верблюда за узду, сказал: «Пошли» и повел нас к бархану.

Теперь он мог показать, что по праву заслужил свою славу проводника. Он шел уверенно и искал дорогу, пригодную для верблюдов. Здесь, на наветренной стороне гряды, гладкий песок круто обрывался от вершины до подножия бархана, совершенно непотревоженный. Песчаные склоны были непреодолимы, потому что песок сразу же подавался и сползал вниз. Но по краям песок был крепче и не такой обрывистый. В этих местах можно было вскарабкаться наверх. Но и края не всюду были доступны верблюдам, и снизу едва ли можно было оценить, насколько круты они в действительности. Очень медленно тащили мы наверх недовольных животных, шаг за шагом. Когда мы останавливались, я озабоченно глядел на гребень бархана, где поднявшийся ветер сдувал в бездну песчаные флаги. Мне казалось, что мы никогда не достигнем гребня. Но вдруг мы оказались наверху. Прежде чем я позволил себе опуститься на песок, я пугливо огляделся вокруг. Я хотел знать, что нам предстоит. С облегчением я установил, что мы находимся на краю волнистого плоскогорья с плоскими долинами и небольшими круглыми холма-

ми, по которому мы сможем двигаться без больших затруднений. «Мы сделали это. Мы на вершине Урук-эш-Шайба»,— подумал я с восторгом. Страх перед этим грандиозным препятствием целиком охватил меня с той ночи в пустыне под Ганимом, когда аль-Ауф впервые предупредил меня о нем. Теперь этот страх исчез, и я с надеждой глядел в будущее.

Некоторое время мы молча отдыхали на песке; затем аль-Ауф позвал нас двигаться дальше. Несколько маленьких барханов, образованных поперечными ветрами, тянулись дугами параллельно большому обрыву по плато. Их крутой склон обрывался к северу, и верблюды могли спускаться с него без больших трудностей. Это волнистое плато было кирпичного цвета, там и сям проступали более темные пятна. Нижний слой песка, показавшийся в тех местах, где мы проходили, был светлее. Необычным в этом ландшафте было значительное число глубоких, похожих на кратеры воронок, которые выглядели как отпечатки гигантских копыт. Они отличались от нормальных серповидных барханов тем, что не возвышались над окружающей местностью, а образовывали своего рода ямы в твердой волнистой песчаной почве. Солончаки на дне этих ям выглядели очень белыми.

Мы сели верхом на верблюдов. Мои спутники закутали лица головными покрывалами и качались в такт движениям верблюда. Тени на освещенном песке были голубыми, как небо. Два ворона, летевшие на север, каркая, пронеслись над нашими головами. Я боролся со сном. Единственный звук — стук верблюжьих копыт по песку — напоминал шорох мелких волн на пляже.

В конце дня мы были вынуждены сделать четырехчасовую остановку из-за верблюдов на длинном пологом склоне, спускавшемся к солончаковой равнине. Здесь не было никакой растительности, даже солончаковые растения не пробивались на равнине у наших ног. Аль-Ауф объявил, что на закате мы отправимся дальше. Во время еды я весело сказал ему: «Худшее уже позади — мы преодолели Урук-эш-Шайба!» Он на мгновение задержал на мне взгляд и ответил: «Если сегодня ночью мы будем хорошо двигаться, может быть, и доберемся до него к вечеру». Я спросил: «Доберемся до чего?» И он ответил: «До Урук-эш-Шайба. Ты, кажется, принял то, что мы пересекли сегодня, за Урук-эш-Шайба? Но это всего лишь бархан. Утром ты сможешь его увидеть». Какой-то миг я думал, что он шутит, но затем понял, что он говорит серьезно и что худшая часть всего путешествия, которая, как я думал, осталась позади, все еще лежит перед нами.

 В середине ночи аль-Ауф сказал: «Здесь мы можем оста-

новиться. Можно немного поспать и дать верблюдам отдохнуть. Урук-эш-Шайба теперь уже недалеко». В моих снах в эту ночь он был неприступнее, чем Гималаи.

Аль-Ауф разбудил нас, когда было еще темно. Как обычно, Бин Кабина приготовил кофе. Горький напиток, который он выдал нам, возбуждал, но не согревал. Утренняя звезда взошла над барханами. В первом смутном свете утренней серости бесформенные барханы постепенно вновь приняли свой обычный облик. Ворчащие верблюды поднялись на ноги. Мы задержались на минуту у огня, затем сели верхом и по команде аль-Ауфа двинулись вперед. Хрустящий песок под моими ногами был холоден, как снежный наст.

Перед нами лежал высокий песчаный гребень, такой же, а может быть, и еще выше, чем гребень, который мы преодолели за день до этого. Но здесь вершины были круче и своеобразнее, многие поднимались башнями, как грозные пики, с которых свисали, как драпировки, крутые гребни. Песок этих барханов был светлее, чем тех, которые остались позади, и очень мягкий. При движении он клубами поднимался у нас под ногами. Вспоминая случай, когда двенадцать лет назад в стране Данакиль мои верблюды почти без всяких предварительных признаков свалились и погибли, я спрашивал себя, сколько еще смогут продержаться наши верблюды. Они уже сильно дрожали и иногда внезапно останавливались. Если один из верблюдов не хотел идти дальше, мы дергали его за узду, подгоняли сзади, приподнимали вьюки с обеих сторон и так гнали вверх по склону ревущее животное. Несколько раз верблюды ложились и отказывались подниматься. Тогда мы были вынуждены разгружать животное и сами тащить бурдюки с водой и седельные мешки. Ничего, что они становились очень тяжелыми, зато у нас еще имелось несколько галлонов воды и пара пригоршней муки.

Мы вели трясущихся, испуганных верблюдов вверх по большому изогнутому песчаному гребню; его край, острый как нож, обваливался под нашими ногами. Несмотря на убийственную усталость, мои спутники не теряли терпения. Солнце немилосердно палило; я чувствовал себя обессиленным и жалким, кружилась голова. Когда я взбирался по склону по колени в сползающем песке, мое сердце стучало, как будто хотело выпрыгнуть из груди. Жажда с каждой минутой становилась сильнее, я едва мог глотать, даже уши, казалось, были чем-то заткнуты. И это продлится много бесконечных часов, прежде чем я получу немного питья.

Я остановился, чтобы передохнуть, и позволил себе упасть на раскаленный песок, но услышал, как остальные зовут: «Умбарак, Умбарак!» Их голоса звучали устало и хрипло.

22 Зак. 186

Подъем длился три часа, пока мы не забрались наконец на этот гребень.

Добравшись до вершины, я не увидел на этот раз впереди слабоволнистых склонов, как день назад. Три маленькие гряды барханов спускались по склону горы, а за ними песок круто обрывался к широкой солончаковой равнине между песчаными горами. Хребет на другой стороне казался мне еще более высоким, чем тот, на котором мы стояли. За ним простирались опять песчаные горы. Я осмотрел горизонт в поисках выхода. Всюду, кажется, до конца мира, был песок, переходящий в небо. И во всей этой бесконечности нельзя было увидеть ничего живого, ни одного засохшего растения, в котором я мог бы найти надежду. «Здесь больше нет пути, — подумал я. — Мы не можем идти назад, и наши верблюды не смогут больше преодолеть ни одного из этих ужасных барханов. Это конец». Тишина полностью укутала меня. Я едва слышал голоса моих спутников и беспокойное шарканье верблюдов.

Мы спустились и каким-то образом — я никогда не пойму, как это удалось нашим верблюдам, — преодолели следующий склон. Наверх мы выбрались совершенно обессиленные. Аль-Ауф дал каждому из нас немного воды, ровно столько, чтобы смочить глотку. «Нам понадобится это, когда мы пойдем дальше», — сказал он. Полуденное солнце вытравило из песка все краски. Рассыпанные пятна кучевых облаков бросали тени на барханы и солончаки и усиливали впечатление, что мы находимся высоко в горах, а глубоко под нами, в долине, лежат замерзшие голубые и зеленые озера. Я сонно повалился на бок. Но солнце жгло через рубаху и не давало забыться.

Аль-Ауф поднял нас через два часа. Помогая мне навьючить верблюда, он сказал: «Выше голову, Умбарак. Теперь мы действительно одолели Урук-эш-Шайба». А когда я указал ему на гряды барханов перед нами, он ответил: «Там я смогу найти проход». Мы шли до самого заката, следуя только по долинам между барханами, и были бы не в состоянии подняться даже на один-единственный бархан. На склоне, где мы остановились, росло немного зеленого кассиса. Я надеялся уже, что эта счастливая случайность может побудить нас провести здесь ночь, но едва мы поели, аль-Ауф поднял верблюдов и сказал: «Мы должны двигаться дальше, пока прохладно, если хотим когда-нибудь добраться до Дафары».

Мы стали на отдых уже после полуночи, чтобы двинуться дальше с рассветом, еще совершенно обессиленные от вчерашней усталости. Но слова аль-Ауфа придали нам бодрости.

Теперь мы преодолели худшее. Барханы, во всяком случае, были ниже, чем раньше, одинаковой высоты, круглые и с небольшими вершинами. Через четыре часа после выхода мы достигли отлогого плоскогорья из песка золотого и серебряного цвета. Но нашим верблюдам все еще нечего было есть.

Вдруг из кустов выскочил заяц, и аль-Ауф убил его палкой. Все воскликнули: «Аллах послал нам мяса!» Весь день мы говорили о еде, все разговоры сводились к этой теме. С тех пор как мы покинули Ганим, тупое чувство голода съедало мои внутренности и каждый вечер мое горло было пересохшим. Даже выпив глоток, я едва мог заставить себя проглотить сухой хлеб, который распределял Мусаллим. Весь день наши мысли и разговоры крутились вокруг зайца. Около трех часов дня мы уже не могли противостоять соблазну остановиться и приготовить его. Мабхаут предложил: «Мы можем испечь его в шкуре на углях. Это сбережет нам воду, и без того ее у нас немного». Бин Кабина выступил оратором от всех остальных: «Нет, ради бога! Ты не должен предлагать ничего такого!» Повернувшись ко мне, он сказал: «Мы не хотим обугленного заячьего мяса, которое сделает Мабхаут. Суп! Мы хотим супа и особую порцию хлеба. Сегодня мы хотим поесть досыта, даже если потом нам придется терпеть голод и жажду. Ради бога, я зверски голоден!» Мы единодушно потребовали супа. Мы преодолели Урук-эш-Шайба и хотели отпраздновать это великое событие с помощью божьего дара. Если наши верблюды не бросят нас на произвол судьбы, мы теперь находимся в безопасности. Даже если выйдет весь наш запас воды, мы сможем добраться до колодца.

Мусаллим испек почти двойную порцию нашего дневного хлебного рациона, а Бин Кабина сварил зайца. Он посмотрел на меня и сказал: «Запах этого мяса почти лишает меня сознания». Когда мясо было готово, он разделил его на пять порций. Они были очень малы, потому что арабский заяц не больше, чем английский кролик, а этот был не очень большим. Аль-Ауф разыграл порции. Каждый из нас взял себе маленькую кучку мяса, которая ему досталась. Тут Бин Кабина сказал: «Боже мой, я забыл разделить печень!» Другие ответили: «Дай ее Умбараку». Я стал протестовать и сказал, что они должны разделить ее. Но все поклялись, что не станут ее есть и что она должна достаться мне. В конце концов я съел ее, хорошо зная, что не должен был этого делать. Но жадность к этому лишнему куску мяса была слишком велика. Наш запас воды был почти исчерпан, и у нас было только примерно на неделю муки. Изголодавшиеся верблюды так хотели пить, что отказывались от сухой травы, которую мы

подобрали по дороге. Самое позднее через два дня мы должны будем напоить их, иначе они падут. Аль-Ауф сообщил, что до колодца Хаба в Дафаре еще три дня, но недалеко отсюда якобы есть колодец с очень затхлой водой. Он думал, что верблюды, может быть, станут ее пить.

Когда мы ночью проехали немного больше часа, вдруг стало темно. Я подумал, что облако закрыло полную луну, и обернулся. Тут я увидел, что это — лунное затмение и что уже закрыта половина луны. В этот же момент затмение заметил также Бин Кабина и тут же сочинил песню, которую подтянули и другие:

Бог вечен,
Жизнь человека коротка.
Над нами стоят Плеяды,
Луна расхаживает под звездами.

Этим и ограничилось внимание, которое они уделили лунному затмению, к тому же полному. Казалось, они интересуются только местом ближайшей стоянки.

На следующее утро мы поднялись очень рано и ехали без остановок семь часов подряд по отлогим волнистым холмам. Песок здесь — сверкающих красок, меняющихся самым неожиданным образом. Иногда он выглядел как молотый кофе, затем снова становился пурпурным, кирпичным или редкостного золотисто-зеленого цвета. Там и тут мы проходили небольшие белые гипсовые площадки, которые располагались во впадинах и были усеяны серо-зелеными солончаковыми растениями. Два часа мы отдыхали на песчаной площадке цвета высохшей крови. Затем мы двинулись дальше, ведя верблюдов за повод.

Вдруг кто-то позвал нас. На вершине бархана притаился под кустом какой-то араб. Наши ружья висели на седлах, потому что мы не ожидали встретить здесь кого бы то ни было. Мусаллим был прикрыт моим верблюдом. Я видел, что он вытащил свое ружье и приготовился стрелять. «Это голос рашидита», — сказал аль-Ауф и вышел вперед. Он что-то крикнул невидимому арабу, тот встал и спустился к нам. Они оба обнялись. Мы также приветствовали человека, которого аль-Ауф представил нам как Хамада бин Ханна, шейха племени Рашид. Он был коренаст, с близко посаженными глазами, длинным плоским носом и носил бороду. Пока мы разгружали своих верблюдов, он привел своего из-за бархана.

Мы приготовили ему кофе и выслушали его новости. Он рассказал нам, что искал убежавшего верблюда, обнаружил наши следы и сначала принял нас за шайку грабителей с юга. Сборщики налогов Ибн Са'уда прибыли в Дафару и в

Рабад, чтобы собрать подати с племен. На севере мы должны были считаться с Рашид, Авамир, Мурра и небольшим числом Манахиль.

Мы должны были избегать всяких контактов со всеми арабами, кроме племени Рашид, по возможности же и с ними, чтобы известие о моем присутствии не стало всеобщим предметом обсуждения. Я не хотел ни при каких обстоятельствах попасть в руки сборщиков налогов Ибн Са'уда и, может быть, быть доставленным к Ибн Джалави, страшному губернатору Эль-Хасы, чтобы отвечать за свое присутствие в этих местах. Племя Караб из Западного Хадрамаута за год до этого совершало набеги на эти земли, и мы рисковали быть принятыми за грабителей, потому что наши следы шли от южного края пустыни. Этот риск мог стать еще большим, если бы мы стали избегать других арабов. Честный путник никогда не пройдет мимо лагеря без того, чтобы его не пригласили поесть и не расспросили о новостях. Было очень трудно идти дальше незамеченными. Прежде всего мы должны были напоить наших верблюдов и запастись водой. Для этого мы должны были подойти возможно ближе к Лива, и кто-нибудь из моих спутников должен был купить в деревнях продукты питания, самое меньшее — на месяц. Хамад рассказал мне, что Лива принадлежит к области племени Ал бу Фалах из Абу-Даби, которое до сих пор воюет с Са'ид бин Махтум из Дубай, отчего местное население постоянно находится под угрозой вражеских набегов. К вечеру мы двинулись в путь и ехали в сопровождении Хамада до захода солнца. Хамад хотел остаться с нами, пока мы не получим в Лива продовольствие. Так как он знал все места для лагерей в этой области, он пришелся нам как нельзя кстати.

На следующий день после семи часов езды мы достигли Хаур-Сабаха, на краю пустыни Дафары. Мы раскрыли колодец и обнаружили на глубине два с половиной метра соленую воду, такую горькую, что даже верблюды выпили совсем немного. Они жадно нюхали воду, которую аль-Ауф подносил им в кожаном ведре с успокоительными речами, но только касались ее губами. Мы тыкали их носами в воду, но они все равно не пили. Тем не менее аль-Ауф утверждал, что арабы сами пьют эту воду, смешав ее с молоком. Когда я выразил сомнение, он объяснил, что араб, который действительно страдает от жажды, даже убивает верблюда, чтобы выпить жидкость, находящуюся в его желудке, или втыкает в горло животного палку и пьет выброшенную верблюдом жидкость. Мы двигались дальше до захода солнца.

Когда мы остановились на следующий день после полудня, аль-Ауф сказал, что мы достигли Дафары и колодец Хаба

должен быть совсем близко. Он хотел взять там воду на следующий день утром. Мы выпили скудный остаток, который еще был в одном из наших бурдюков. На следующий день мы остались там, где были. Хамад хотел навести новые справки и на следующий день снова присоединиться к нам. Аль-Ауф поехал с ним и вернулся после полудня с двумя полными бурдюками. Вода, правда, была немного затхлой, но по сравнению с грязными, зловонными остатками, которые мы пили накануне вечером, была даже превосходной на вкус.

Было двенадцатое декабря. Прошло четырнадцать дней, как мы покинули Хаур-Бин-Атарит в Ганиме.

Теперь, когда мы не должны были больше точно отмерять каждую чашку воды, Бин Кабина приготовил вечером экстра-кофе, а Мусаллим увеличил нашу порцию муки на целую чашку. Это было чистое мотовство, но мы считали, что у нас есть причина праздновать. Но даже теперь коврига хлеба, которую разделил Мусаллим, не смогла утолить наш голод, который стал еще сильнее, потому что мы больше не страдали от жажды. Когда я улегся спать, высоко над нами стояла луна. Остальные еще болтали у огня. Я не слышал содержания их разговоров, только бормочущие голоса, и видел их темные силуэты, вырисовывавшиеся на фоне ночного неба. Сознание их присутствия и присутствия верблюдов, лежавших за ними, верблюдов, которым мы обязаны жизнью, делало меня счастливым.

Долгие годы передо мной стояла величайшая задача — пересечь Пустынную четверть, сама пустыня задала мне ее. Пустынная четверть оказалась в сфере моих интересов совершенно неожиданно. Я никогда не забуду волнения, которое испытал, когда Леан так случайно предоставил мне шанс поехать сюда, моего моментально принятого решения пересечь пустыню, моих сомнений и страхов, трудностей и минутных колебаний. Теперь я уже пересек Руб-эль-Хали. Для других мое путешествие не имеет особой цены. Его единственный результат — довольно неточная карта, которая вряд ли будет использована кем-нибудь другим. Это — событие для меня самого, и вознаграждением был глоток чистой, почти безвкусной воды. Мне достаточно этого.

Глядя назад, я ясно видел, что у этого путешествия не было верхней точки, не было минуты, которую переживает, например, альпинист, когда он наконец стоит на вершине. За прошедшие дни одно усилие и волнение следовало за другим, а впереди уже поджидали новые заботы. И, наконец, это пересечение Руб-эль-Хали — лишь часть большого путешествия, и мои мысли уже обратились к новым проблемам, которые ставил обратный путь.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ АРАВИИ С 1500 г. н. э.

1500—1505	Лодовико ди Вартема: Дамаск — Медина — Мекка, Аден, Сана.
1589—1594	Р. Паэс: Дофар — вади Хадрамаут — Мариб — Сана.
1607	И. Вильд: Каир — Мекка — Медина — Джидда — Моха.
1609	В. Форстер: Йемен (Сана).
1610	Ж. Журден: Моха — Сана.
1616	Ван ден Брок: Моха — Таиз — Дамар — Сана.
1762—1763	К. Нибур: большая экспедиция в Йемен.
1806—1815	У. Я. Зетцен: Петра — Синай; Каир — Мекка — Медина — Мекка — Джидда; Ходейда — Забид — Дуран — Сана — Зафар — Моха — Таиз.
1807	Али-бей эль-Аббаси (Доминго Бадия и Леблих): Мекка.
1814—1815	И. Л. Буркхардт: Петра — Мекка — Медина.
1818—1819	Г. Ф. Садлиер: Эль-Хаса — Неджд — Медина.
1826	Э. Рюппель: побережье Мидиана (Мувайла — Акаба).
1830—1831	И. Р. Уэллстед: Синайский полуостров, западное побережье Аравии (Британская картографическая экспедиция на «Палинуре» под руководством капитана Морсби).
1831	Э. Рюппель: побережье Хиджаза южнее Джидды.
1835	В. Шимпер: Джидда — Эт-Таиф (бот. иссл.).
1835	И. Р. Уэллстед и Ч. Дж. Круттенден: южный берег Аравии (Британская картографическая экспедиция на «Палинуре»).
1835—1836	И. Р. Уэллстед: внутренние районы Омана.
1836	Ч. Дж. Круттенден: Йемен.
1836	Комбе и М. Тамизье: внутренние районы южнее Джидды и Йемен.
1836	П. Э. Ботта: Йемен: Байт-эль-Факих — Таиз (бот. иссл.).
1837	М. Тамизье: открытие Асира.
1838	Р. Ошер Элой: Оман: Джабаль-эль-Ахдар (бот. иссл.).
1843	Т. Ж. Арно: Йемен: Мариб и Сирвах (надписи).
1843	А. фон Вреде: Хадрамаут.
1845	Г. А. Валлин: Вади-Сирхан — Хаиль.
1848	Г. А. Валлин: Неджд: Табук — Тайма — Хаиль — Мешхед-Али.
1850	Х. Дж. Картер: южное побережье Аравии, побережье Омана.
1853	Р. Ф. Бертон: Мекка и Медина (геол. иссл.).
1860	Г. фон Мальцан: Мекка.
1863—1864	К. Гуармани: Тайма — Хайбар — Анейза — Хаиль — Сирхан.
1865	И. Пелли: Северо-Восточная Аравия до Эр-Рияда.
1870	Ж. Халеви: Йемен: Маин — Наджран — Мариб (многочисленные надписи).
1870	С. Б. Майлс и В. Мюнцингер: внутренние области между Аденом и Хадрамаутом.
1873	Ч. Миллинген: Йемен.
1876	С. Б. Майлс: Оман.
1876—1878	Ч. М. Доти: Северная Аравия до Мекки.
1877—1878	Ф. Р. Бертон: Хиджаз.

1877—1880	Р. Манцони: Йемен.
1878—1882	Ш. Юбер: Северная Аравия.
1878—1879	В. С. и А. Блант: Неджд.
1882	З. Лангер: Южный Йемен.
1882—1884	Э. Глазер: Северный Йемен (многочисленные надписи).
1883—1884	Ж. Ойтинг: Северная Аравия, особенно древний Дедан (многочисленные надписи).
1883—1884	Ш. Юбер: Северная Аравия.
1885	К. Снук-Хюргронье: Мекка.
1885	С. Б. Майлс: Оман.
1885—1886	Э. Глазер: Южный Йемен (развалины Зафара).
1887	А. Дефлер: Йемен.
1887—1888	Э. Глазер: Йемен: путешествие в Мариб (многочисленные надписи).
1889	Г. Швайнфурт: Йемен: прибрежные горные районы (ботанические исследования).
1892—1894	Э. Глазер: Йемен (большая коллекция надписей, собранная в Сане).
1893	Л. Хирш: Хадрамаут.
1894—1895	Т. Бент: Хадрамаут.
1898	Д. Г. Мюллер, К. Ландсберг, Ф. Коссмат: побережье южной Аравии (Хадрамаут).
1899	В. Бури: протекторат Аден, Бейхан (развалины Тумна).
1899	А. Бардей: Йемен, побережье Хадрамаута.
1901—1902	Перси Кокс: Оман.
1906	Б. Мориц: северная часть мекканской железной дороги.
1906—1909	Перси Кокс: Оман.
1907—1910	А. Жоссен и Р. Савиньяк: Северный Хиджаз, Тайма и древний Дедан (три путешествия).
1909	Г. Бурхардт: Йемен
1908—1909	А. Мусиль: Северный Хиджаз и Северный Неджд.
1910	А. Мусиль: Северный Хиджаз и Северный Неджд.
1910	Л. Кобер: Северный Хиджаз (геологические исследования).
1910	Г. Ботец: Центральный Йемен.
1911	Дж. Шекспир: Северо-Восточная Аравия.
1912 (?)	Б. Ронкиер: Восточная и Центральная Аравия.
1913	Г. Белл: Северная Аравия до Хаиля.
1913	А. Бенейтон: проект железной дороги в Центральном и Южном Йемене.
1915	А. Мусиль: Северный Неджд (Нефуд и Джабаль-Шаммар).
1917	Г. Филби: Неджд (пересечение Центральной Аравии от Персидского залива до Красного моря).
1917—1918	Т. Э. Лоуренс (принимает участие в арабском восстании против турок на Хиджазской железной дороге).
1918	Г. Филби: Центральная Аравия до северной границы Руб-эль-Хали.
1920	Д. Ротман-Роман: Центральный Йемен (геол. иссл.).
1922	О. Х. Литтль: Хадрамаут (геологические исследования).
1922—1923	П. Ламар: Центральный и Северный Йемен (геол. иссл.).
1924	Р. Е. Чисман: северные окраинные районы Руб-эль-Хали.
1926	Э. Руттер: Мекка, Медина.
1926	Б. Томас: Северный Оман.
1927—1928	К. Ратьенс и Г. фон Виссман: Йемен (раскопки в Эль-Хукке).
1928	Б. Томас: Маскат — Южный Оман — Дофар.
1929	П. Лемер: Северо-Западный и Южный Йемен (геологические исследования).

1929	К. Ансальди: Йемен.
1930	Б. Томас: Дофар и его внутренние районы по южному краю Руб-эль-Хали.
1930—1931	Б. Томас: Руб-эль-Хали с юга на север (от Дофара до Катара).
1931	К. Ратьенс: Йемен.
1931	Д. Ван дер Мойлен и Г. фон Виссман: Хадрамаут.
1931	Г. фон Виссман: Йемен.
1931	Исследование золотоносной страны Махд-эд-Дахаб юго-восточнее Медины американскими инженерами.
1932	Г. Филби: глубинные районы запада Руб-эль-Хали (Эль-Хуфуф — Джабрин — Мамура — Эс-Сулайиль).
1932	Х. Хельфриц: Хадрамаут.
1933	Начало добычи нефти в Восточной Аравии Арабо-американской нефтяной компанией (АРАМКО).
1934—1935	В. Г. Инграмс: Хадрамаут.
1934	Фрейя Старк: Хадрамаут.
1934	Х. Хельфриц: Хадрамаут — Шабва.
1934	К. Ратьенс: Йемен.
1935	Н. М. эль-Азм: Йемен (Мариб).
1936	Египетская археологическая экспедиция — Н. М. эль-Азм, С. А. Хузаййин и др.: Северный Йемен и Хадрамаут.
1936—1937	Г. Филби: Джидда — Наджран — развалины Шабвы — Хадрамаут — побережье у Эль-Мукаллы — Хадрамаут — Наджран — южная граница Саудовской Аравии — внутренние районы Асира — Джидда.
1937—1938	Х. Скотт и Э. Б. Бриттон: Йемен (бот. и зоол. иссл.).
1937—1938	К. Ратьенс: Йемен.
1938	Фрейя Старк: Хадрамаут.
1938	Г. Кэтон-Томпсон и Э. В. Гарднер: раскопки в Хадрамауте.
1939	Д. Ван дер Мойлен и Г. фон Виссман: через внутренние районы Адена в Хадрамаут.
1939	В. Г. и Д. Инграмсы: Западный Хадрамаут и Махра.
1940	А. Гамильтон: Шабва (Западный Хадрамаут).
1944—1945	М. Тауфик: Йемен, развалины Маина.
1945—1948	В. Тезигер: Хадрамаут, Руб-эль-Хали, Эль-Афладж, Восточная Аравия.
с 1946	Развитие деятельности Арабо-американской нефтяной компании (АРАМКО) в Восточной Аравии.
1947	Г. Филби: Эр-Рияд — Эль-Афладж — Карья.
1947	Р. Б. Серджент: Западный Хадрамаут (Кабр-Худ).
1947	А. Фахри: Йемен (Мариб, Маин).
1948—1949	В. Тезигер: полупустыни и пустыни западнее Омана.
1948—1950	В. Филлипс, В. Ф. Олбрайт, А. Жамм и др.: раскопки в древнем Катабане (Южная Аравия).
1950—1951	Г. Филби: Эр-Рияд — Медина — Тайма — Мидиан.
1951—1952	Г. Филби, Г. Рикманс, Ж. Рикманс, П. Липпенс: Джидда — Наджран — Неджд.
1952	В. Филлипс, А. Жамм и др.: раскопки сабейского храма Аввам в Марибе.
1952	Г. Филби и Мустафа Садик: Северный Хиджаз (Мидиан).
1952—1953	Г. Филби и Р. Г. Боге: Северный Хиджаз (Мидиан).
1953	В. Филлипс, Ф. П. Олбрайт и др.: раскопки в Дофаре.
1953	Д. Ван дер Мойлен и А. Древес: Западный Хадрамаут.
1955	Ф. Гекен: почти весь Йемен (геологические исследования).
1959	А. Фахри: Йемен (Мариб и его окрестности).

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИМЕН И ТЕРМИНОВ

ʻАббас (аль-ʻАббас, эль-ʻАббас) Абу-ль-Фадл (570—662) — дядя пророка Мухаммеда со стороны отца; предок Аббасидов.

Аббасиды — потомки ʻАббаса (см.), династия халифов (750—1258). Аббасиды перенесли столицу халифата из Дамаска в Багдад.

Аббая — коричневый платок из верблюжьей или козьей шерсти или из хлопчатобумажной ткани, образующий одежду без рукавов. Используется также как упаковочный материал для табака.

Абу Бакр (Абу Бекр, Абу Бекер) ас-Сиддик (570—634) — один из первых последователей Мухаммеда. В 624 г. Мухаммед женился на его дочери ʻАйше (см.). С 632 г., после смерти Мухаммеда,— первый халиф.

Абуна — араб. «отец наш», монашеский титул.

Абу-ль-Фида, Исмаил ибн ʻАли (1273—1311) — арабский энциклопедист, историк и географ, автор известной всеобщей истории.

Абу Хафса — см. ʻОмар (ибн аль-Хаттаб, аль-Фарук).

Ага — тур. «господин», «старший брат». В Османской империи титул офицеров до майорского чина.

Агарь — наложница Авраама, мать Измаила, почитается как прародительница арабов. Ее могила в Мекке служит объектом поклонения мусульман.

Агатархид — греческий грамматик II в. до н. э., живший в Александрии. Автор трудов по истории и географии.

ʻАд — легендарный древний народ Аравии; согласно Корану, адиты отвергли пророка Худа (см.), посланного им Аллахом, и были уничтожены богом.

Азраки — арабский историк и географ (ум. ок. 858 г.), автор известной «Истории Мекки».

ʻАйша (ок. 613—676) — дочь Абу Бакра и жена Мухаммеда (с 624 г.). После его смерти носила титул «матери верующих» и играла важную роль в политической борьбе середины VII в. как противница ʻАли (см.).

Айюбиды (Аййубиды, Эййубиды) — династия султанов курдского происхождения, названная по Аййубу, отцу Саладина (см.), правившая в Египте, Сирии и Йемене (1169—1250).

Акаба (акабат, агабат) — горный перевал.

Акций — мыс в Ионическом море, где в 31 г. до н. э. флот Октавиана разбил флот Антония и Клеопатры.

Ал — род, часто составная часть племенных и географических названий.

ʻАли ибн Абу Талиб (ок. 600—661) — племянник и приемный сын пророка Мухаммеда. В 625 г. женился на его единственной оставшейся в живых дочери Фатиме. В 656 г. после убийства ʻОмана (см.) стал халифом, но не был признан ʻАйшой и Омейядами. Шииты почитают его как пророка, а его потомков — как единственных законных наследников сана халифа.

Амирия — название мечети в Рида, в Йемене.

Ансары — досл. «помощники», жители Медины, принявшие ислам после переселения Мухаммеда в Медину.

 Ануширван — Хосров Ануширван, сасанидский царь Ирана (531—579).

Арафат — гора в шести часах ходьбы к востоку от Мекки. Паломничество к ней составляет важную часть хаджжа.

Аскери — араб. «солдат».

'Аср — послеполуденная молитва.

Ассеманус, Иосиф Симон (1687—1768) — итальянский востоковед-маронит, сириец по происхождению, известный собиратель сирийских и арабских рукописей.

'Астар — бог планеты Венеры, верховное божество в древней Южной Аравии.

Аулаки — член племени Аулак.

Ахмед I — турецкий султан (1603—1617).

Бакшиш — перс. «чаевые, взятка».

Банианы — купеческая каста в Индии.

Бану оттоман (осман) — турки. Названы так по султану Осману I (1259—1326), основателю Османской империи.

Бартема — см. Вартема, Лодовико.

Батина — стельная верблюдица.

Белед (билад, блад) — досл. «поселок, деревня, город», «страна, область», часто составная часть географических названий.

Бени (бани, бену, бану) — досл. «сыновья», часто составная часть племенных названий.

Бени Хелал — арабское племя, известное по средневековому роману «Описание Бени Хилал».

Бертон Р. Ф. — английский путешественник и геолог, совершивший в 1853 г. путешествие в Мекку и Медину.

Библосские корабли — тип финикийских кораблей, названных по портовому городу Библу.

Билькис — по арабским легендам, царица Савская, приезжавшая к израильскому царю Соломону (X в. до н. э.). В Марибе большие руины древнего сабейского храма до сих пор называют Махрам (Харам) Билькис — Святилище Билькис.

Биркет — водоем, пруд.

Буза — вид пива из ячменя и проса.

фон Бух, Леопольд (1774—1853) — немецкий географ и геолог.

Бухур — сорт ладана.

Вади — русло высохшего потока, наполняющееся водой только в период дождей.

Вали (вели) — досл. «близкий», покровитель, святой; также могила мусульманского святого.

аль-Валид ибн 'Абд аль-Малик — халиф (705—715) из династии Омейядов.

Вартема, Лодовико — венецианский путешественник, оставивший описание своего путешествия в Аравию в 1500—1505 гг.

Ваххабиты — мусульманская секта, провозглашающая своей целью очищение религии на основе строгого следования Корану и сунне. Была основана в 1745 г. Мухаммедом ибн 'Абд эль-Ваххабом и вскоре распространила свое влияние на всю Аравию. Мухаммед 'Али (см.) разгромил ваххабитское государство (1811—1818), но впоследствии влияние ваххабизма снова усилилось, и с 1925 г. он является официальной идеологией в Саудовской Аравии.

Вилайет — область в Турецкой империи.

Габиле — племя.

Габили — см. кабили.

Гадуб — люцерна (Medicago satina).

Гайф, гаф — дерево, близкое итилу.

Гаср — см. каср.

Гат — см. кат.

Гирш (герш) — турецкая монета, по стоимости соответствует талеру Марии-Терезии.

Годах (гудда, годде) — арабская мера емкости, около 7,6 л.

фон Гумбольдт, Александр (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель и путешественник, один из основоположников современной географии растений, геофизики и гидрографии.

Данакиль — арабское название восточного побережья Африки южнее Массауа, до залива Таджура, и населяющих его племен кочевников и рыбоводов.

Дерахим — досл. «дирхемы», деньги.

Дервиш — член религиозно-монастырского ордена в мусульманстве.

Джамбия — йеменский кривой кинжал.

Джем'адар — титул правителей из рода Ка'айти в Хадрамауте.

Диван — собрание стихотворений; комната для собраний и приемов.

Донгола — область Нубии южнее вади Хальфа с главным городом Урду.

Дурро (дурра) — сорго (Sorghum vulgare). Так же называется и приготовленный из него напиток, похожий на пиво.

Дхов — небольшое парусное судно.

Евтихий — собственно Са'ид ибн Батрик, патриарх александрийский с 933 г., автор «Всемирной истории».

Ешхед Аллах — досл. «беру в свидетели Аллаха», возглас удивления, восхищения.

Зат-Ба'дан — сабейская богиня Солнца.

Зейдиты — мусульманская секта (ответвление шиитов), распространенная в настоящее время в Йемене.

Земзем — источник вблизи Каабы (см.), почитающийся в исламе как священный. Согласно преданию, Земзем появился благодаря вмешательству архангела Гавриила, спасшего таким образом от смерти Агарь и Измаила. Вода источника считается целебной.

Зубйе — буза (см.) с добавлением пряностей.

Ибн Са'уд — 'Абд аль-'Азиз ибн Са'уд (1880—1953), вождь ваххабитов, с 1926 г. король Саудовской Аравии.

Ибрахим паша (1789—1848) — вице-король (хедив) Египта, приемный сын Мухаммеда 'Али и его главный полководец. В 1816—1819 гг. подчинил ваххабитское государство в Аравии.

'Ид 'ашур ('ид уль-аджа) — досл. «праздник жертвы». Праздник в память жертвы Авраама, когда бог заменил его сына Исаака, предназначенного в жертву, ягненком. Празднуется мусульманами на 70-й день после окончания поста, в месяце зу-ль-хиджжа.

Изкар Аллах — «хвала Аллаху».

Измаил (Исмаил) — сын Авраама и Агари, который считается предком арабов.

'Илб — дерево Ziziphus spina Christi.

Имам — «предстоятель», ведущий проповедь и молитву в мечети. Титул главы мусульманских сект. В Йемене — глава зейдитов — имам — был и светским главой королевства.

Иоанн, пресвитер — по средневековым европейским легендам, в Эфиопии существовало христианское государство, основанное пресвитером Иоанном.

Иов — библейский персонаж, которого бог испытывал всевозможными несчастьями. Его имя стало символом нищеты и различных бедствий.

Исл (итил) — тамариск.

Исмаилиты — мусульманская секта мистического направления, отделившаяся от шиитов в VIII в. Названа по правнуку ʻАли, Измаилу ибн Джаʻфару, которого исмаилиты считают истинным имамом и мессией.

Истахри — арабский географ, годы жизни неизвестны. Закончил свое сочинение около 950 г. н. э.

Ихван — досл. «братство», религиозное движение среди ваххабитов, основанное Ибн Саʻудом в 1912 г. Оно основывало поселения бедуинов, переходивших к оседлости, и стремилось к восстановлению чистоты первоначального ислама. Сторонники этого движения также именовались ихванами.

Ихрам — одежда для паломников в Мекку, состоящая из двух платков. Ихрамом называется также состояние культового очищения, в котором находятся паломники, когда надевают это платье.

Йа керим — араб. «о благородный».

Йахйа ибн Хольд (Халид) ибн Бармак — везир аббасидского халифа Харуна ар-Рашида (ок. 738—805).

Йетро — тесть Моисея, живший, по библейской традиции, в стране Мидиан, на севере Аравии.

Йоктан — по библейской традиции, предок южной ветви семитских народов. Арабские легенды считают его предком древнего арабского племени Кахтан.

Кааба (Каʻба) — досл. «куб», центральное сооружение мекканской мечети, постройка длиной 12 м, шириной 10 м и высотой 15 м. В ее восточной стене укреплен черный камень в 30 см в поперечнике — предмет почитания мусульман. По доисламским арабским преданиям, Каабу построил Авраам.

Кабаил — досл. «племена».

Кабили — досл. «член племени», крестьянин, мужик.

Кади — судья.

Каиммакам — тур. «заместитель». В Османской империи — правитель касы (судебного округа).

Калам — араб. «перо», «речь»; обозначает также теологию ислама.

Кала'ун аль-Малик аль-Мансур — мамлюкский султан Египта (ум. 1290 г.).

Караимы — еврейская секта, возникшая в середине VIII в. Караимы отрицают Талмуд и раббинистическую традицию и признают только авторитет Библии.

Карматы — исмаилитская секта, образовавшая собственное государство в Бахрейне, просуществовавшее до середины XI в. В 930 г. карматы захватили и разграбили Мекку и увезли черный камень Каабы.

Каср — крепость, дворец; укрепленное селение.

Касыда — лирическая поэма, излюбленная форма арабской поэзии.

Кат — кустарник Gatha edulis, растущий в Йемене, с длинными красными листьями. Жевание листьев ката оказывает наркотическое действие.

Кафиз — мера объема; в разных местностях различна, но не более 406 л.

Кафир — досл. «неверный», немусульманин.

Кахтан — 1) родоначальник южной группы арабских племен; 2) название древнего арабского племени, сохранившееся до настоящего времени.

Кахтани — потомок Кахтана.

Кемли — перс. «шерстяной плащ»; у бедуинов называется «аба».

Кеффия — головной убор; полосатый платок с длинной бахромой, обвязанный шнурком.
Клебер, Жан Батист (1753—1809) — французский генерал, участник Египетской экспедиции, после отъезда Бонапарта командовал французскими войсками.
Корейшиты — арабское племя, жившее в Мекке; из этого племени происходит пророк Мухаммед.
Коссай (Куссей) — предок Мухаммеда, родоначальник корейшитов.
Кохль — сурьма.
Кубба — араб. «часовня, мавзолей», могила святого.
Кут — четырехугольная сторожевая башня.
Кыбла — направление в сторону Мекки, принимаемое мусульманами во время молитвы.

Лабик (лабах, лабайка) — клич пилигримов «Вот я перед тобой (Аллахом)!».
Эль-Леджа — монастырь на горе Святой Екатерины на Синайском полуострове; название Эль-Леджа употребительно у бедуинов; официальное название монастыря — Эль-Арбаʻин, т. е. «сорока мучеников».
Лива — досл. «знамя», а также «область, округ» (в последнем значении идентично турецкому «санджак»).
Лоуренс Т. (1888—1935) — английский разведчик, по образованию археолог. В период первой мировой войны, действуя по заданию английской секретной службы, руководил борьбой арабских племен против турок.

Магриб — досл. «заход, запад», в средневековой арабской литературе совокупное обозначение исламских областей к западу от Египта, в более узком смысле Алжир, Тунис, Марокко.
Макораба — древнее название Мекки.
Максура — отгороженное решеткой место в мечети, с которого имам возносит молитвы.
Маликиты — последователи Малика ибн Анаса, основателя одного из направлений (мазхабов) в мусульманском праве.
Мамелюк (мамлюк) — досл. «взятый во владение» (араб.); из мамлюков — пленных рабов, отпущенных на свободу,— формировалась гвардия египетских султанов. До 1811 г. мамлюки играли видную роль в придворной и государственной жизни Османской империи.
Маре — французский востоковед, автор «Истории правителей Египта».
аль-Махди ибн Абу Джаʻфар аль-Мансур — багдадский халиф (775—785).
Машрик — досл. «восток, восход», в Йемене — восточные области страны.
Меджлис — помещение для приемов; собрание (в современных мусульманских странах парламент).
Мединат — город.
Мединет-эн-Неби — досл. «город пророка», Медина.
Медресе — высшая школа в мусульманском мире; ранее в медресе изучались как теологические, так и естественные науки, ныне — только теологические.
Мела, Помпоний — римский географ первой половины I в. н. э. Автор географического сочинения «О строении Земли».
Мензиль — жилище.
Мерван — имя двух халифов из династии Омейядов: Мерван I — 683—685 гг., Мерван II — 744—749 гг.
Месджид — мечеть.
Метовеф — проводник, руководитель группы паломников во время хаджжа.
Мехмет Али — см. Мухаммед ʻАли.

Мешаих — мн. ч. от «шейх».
Мимбар — кафедра в мечети, с которой произносятся проповеди.
Мина — торговая площадь к востоку от Мекки; здесь отмечается праздник жертвоприношения.
Минхали — член племени Манахиль.
Мирза — перс. от *мир-саде* — «сын эмира»; после имени собственного — титул принца, перед именем — титул высших чиновников и ученых.
Михраб — ниша в мечети, обращенная в сторону Мекки.
Михрам — храм.
Молид — праздник дня рождения пророка Мухаммеда.
Мохаммед Али — см. Мухаммед ʻАли.
Мохаммед ибн Рашид — эмир бедуинского племени в Западном Неджде, с помощью которого турки начиная с 1870 г. распространили свою власть на Центральную Аравию.
Мохарем — одежда паломников, состоящая из набедренной повязки и платка, прикрывающего левое плечо, грудь и спину.
Муʻавия — имя двух халифов из династии Омейядов: Муʻавия I ибн Абу Суфйан — 661—680 гг., Муʻавия II — 683 г.
Муаллам (муаллим) — досл. «учитель», так назывались архитекторы и секретари правителей.
Мудир — тур. «правитель», в Османской империи правитель административного округа.
Мукарриб — титул правителя в ранний период истории древней Южной Аравии. Мукаррибы совмещали религиозные и хозяйственные функции.
Мунсиб — верховный судья в Хадрамауте.
Мусебели — черный теʻам (см.).
Мутавваʻ — проводник.
Мухаммед ʻАли (1769—1849) — родом македонец, с 1805 г. — наместник султана в Египте; с помощью Ибрахим-паши подчинил Хиджаз, Мекку, Медину и ваххабитские области. С 1841 г. — наследственный наместник (хедив) Египта.
Муэдзин (муэззин) — служитель при мечети, созывающий верующих на молитву.

Набатеи — население государства Набатея (к востоку и юго-востоку от Мертвого моря), арамеоязычные арабы. Набатея существовала по II в. н. э.
Набк — фруктовое дерево, дикая ююба.
Наджди — житель Неджда.
Накиб — досл. «глава, начальник», титул генерала.
Наргиле — персидская трубка для курения табака, в которой вдыхаемый табачный дым проходит через воду.
Насрани — христианин (мн. ч. — насара).
Нуба — круглый в плане форт, вооруженный пушками.

ʻОмар ибн ʻАбд аль-ʻАзиз — халиф из династии Омейядов (717—720).
ʻОмар (ибн аль-Хаттаб, аль-Фарук) — второй из четырех «праведных» халифов (634—644).
Оммиа (Омейяды) — династия халифов, правившая в Дамаске (661—749).
ʻОсман — третий из четырех «праведных» халифов (644—656). В его правление был выработан канонический текст Корана.

Пактия — область в Персидской империи, вблизи Инда (название встречается у Геродота).
Пара — турецкая денежная единица, четверть пиастра.
Паша — высший титул в административной системе Османской империи.
Пештамаль — набедренная повязка.

Покок Э. (1604—1691) — известный английский востоковед и теолог, профессор арабистики в Оксфорде. Прожил шесть лет в Халебе.

Рамадан — 9-й месяц мусульманского календаря, в течение которого соблюдается пост. Во время поста в дневное время полностью запрещается употребление пищи и питья.

Расулиды — средневековая йеменская династия, сменившая в 1231 г. Айюбидов, ее власть распространялась на всю Южную Аравию и Хадрамаут.

Рбабе (ребаб) — музыкальный смычковый инструмент.

Риал — денежная единица в Саудовской Аравии.

Рикманс Г. (1887—1969) — выдающийся бельгийский сабеист, крупный специалист в области эпиграфики древней Аравии.

Рикманс Ж.— современный бельгийский сабеист.

Рупия — денежная единица в Индии.

Са'ид ибн 'Иса эль-'Амуд ибн Ходун ибн Худ — один из потомков Йоктана.

Саййид (сеййид, сеид) — досл. «господин», у турок и персов потомок пророка Мухаммеда.

Сакия — оросительный канал.

Салах эд-Дин (Саладин) (1137—1193) — султан Египта и Сирии (1171—1193).

Салих — легендарный доисламский пророк.

Самсара — караван-сарай.

Самуд — полулегендарное арабское племя, упоминаемое в Коране.

Саракил — мн. ч. от *саркал* — «десятник», «староста».

Сахаб эн-неби — сподвижник пророка Мухаммеда.

Сеййид Са'ид — имам Маската, с 1808 г.— правитель Омана.

Сеййир (сийара, сийар) — конвой, поставляемый бедуинами для охраны караванов, проводник.

Селим I — османский султан (1467—1520).

Сель (сейль, саиле) — поток, текущий по вади после дождя.

Сеннар — остров на Ниле, к югу от Хартума.

Сигая — водоем, водопой.

Сокотра — остров в северо-западной части Индийского океана, у входа в Аденский залив.

Солиман (Солейман) — см. Сулейман II Великолепный.

Суакин — город в Судане, порт на побережье Красного моря.

Суахили — язык группы банту, распространенный на восточном берегу Африки от Мозамбика до Сомали.

Сулейман II Великолепный — османский султан (1495—1566).

Сулейман ибн 'Абд аль-Малик — омейядский халиф (715—717).

Сунна — предание о словах и действиях Мухаммеда, дополнение к Корану.

Сунниты — одна из главных сект ислама, признающая сунну (см.) как один из главных источников мусульманского вероучения.

Сура (сурат) — глава Корана.

Таджтекин ибн Аййуб — см. Туг-тегин ибн Аййуб.

Талер Марии-Терезии — серебряная монета, употребляемая в Аравии.

Тамими — тамимит, член племени Тамим.

Те'ам — разновидность durrha (Andropogon sorghum).

Тихама — низменная засушливая полоса, тянущаяся вдоль Красноморского побережья Аравии (чаще о побережье Южного Хиджаза и Северного Йемена).

Тобба (тоба) — титул химьяритских царей в средневековой арабской литературе.

Туг-тегин ибн Аййуб — правитель из династии Айюбидов. По его распоряжению в XII в. был построен город Таиз.
Туран-шах — правитель из династии Айюбидов, султан Египта (1249—1250).

Убайй ибн Ка'б — один из секретарей Мухаммеда; ему приписывается одна из ранних редакций Корана.
Укиль — сторож.
Улемы (улема, мн. ч. от *алим* — «ученый») — совет ученых (богословов).
Умра — церемонии, совершаемые пилигримами в Мекке во время хаджжа.

Феких (фегих) — законовед.
Феледж — подземный оросительный канал.
Ференджи (френги) — европеец (досл. «франк»).
Фирман — в Османской империи указ султана.
Френель Ф.— французский дипломат и ученый первой половины XIX в.; занимался южноарабской эпиграфикой и современными южноаравийскими диалектами.

Хаджж — предписываемое исламом паломничество в Мекку, которое каждый мусульманин должен совершить хотя бы раз в жизни.
Хаджжи — паломник, совершающий хаджж.
Халеб (Алеппо) — город в Сирии.
Халиф — досл. «заместитель» (пророка Мухаммеда), духовный глава мусульман; титул правителя мусульманской империи после Мухаммеда.
Хан — караван-сарай.
Ханифиты — последователи одного из четырех основных толков мусульманского права, основанного Абу Ханифой ад-Динавери.
Хафса — дочь пророка Мухаммеда, жена 'Омара ибн аль-Хаттаба.
Хиджра — бегство пророка Мухаммеда из Мекки в Медину (622 г.).
Худ — легендарный древний пророк, упоминаемый в Коране.
Хукума — мн. ч. от *хаким* — «ученый, судья, правитель», обозначение английской администрации в Адене.
Хусейн (Хосейн) — второй сын халифа 'Али и Фатимы. Во время борьбы за власть в халифате был убит в 680 г. в Ираке. Шииты почитают его как мученика.
Хусн (хосн) — замок, крепость, небольшое укрепленное поселение.

Чауш — в Османской империи лейб-гвардеец, полицейский унтер-офицер.

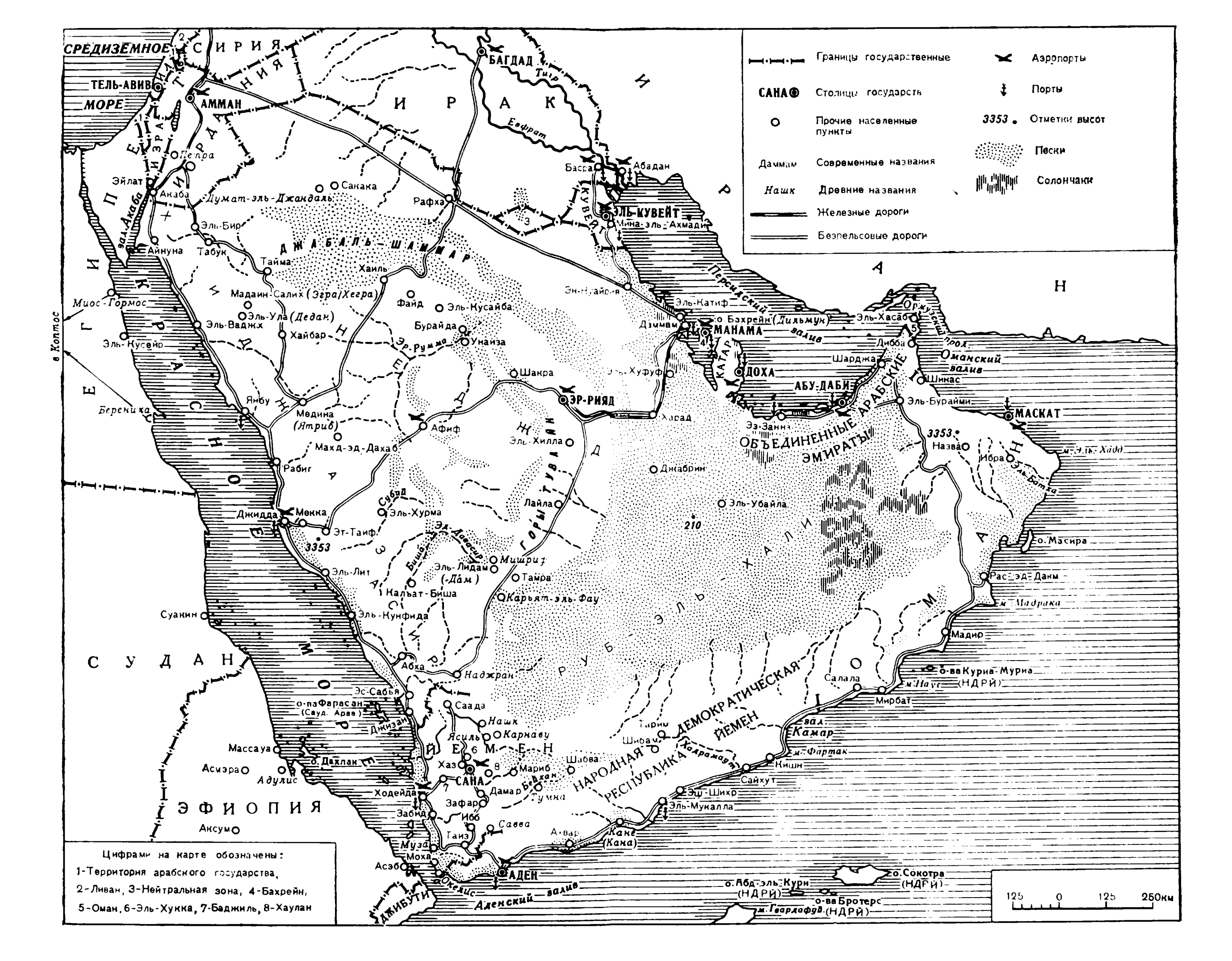
Ша'б (шаб) — скала, ущелье.
Шавваль — месяц, следующий за рамаданом; в первый день шавваля заканчивается пост.
Шафи'иты — последователи одного из четырех основных толков мусульманского права.
Шеддад — по арабскому преданию, один из потомков Иоктана.
Шейх (ших, шех, шайх) — досл. «старец», глава племени, ученый, глава религиозной секты.
«Шемс эль-'улум» — «Солнце знаний», средневековое арабское сочинение, содержащее многочисленные сведения по истории и географии Йемена.
Шериф — досл. «благородный», потомок Мухаммеда.
Шииты — одна из основных сект ислама; сторонники халифа 'Али, отрицавшие права Омейядов на престол; в противоположность суннитам отрицают устное предание (сунну) и признают только Коран.
Штювер — мелкая шведская монета.

Эмир аль-хаджж — глава каравана паломников.
Эмир эль-муменин — досл. «повелитель верующих», титул халифа.
Эмир эфенди — потомок пророка Мухаммеда.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

* Указатель составлен Н. М. Наджаровой.

СОДЕРЖАНИЕ



Границы государственные
САНА Столицы государств
Прочие населенные пункты
Даммам Современные названия
Нашк Древние названия
Железные дороги
Безрельсовые дороги
Аэропорты
Порты
3353 Отметки высот
Пески
Солончаки
Цифрами на карте обозначены:
1-Территория арабского государства,
2-Ливан, 3-Нейтральная зона, 4-Бахрейн,
5-Оман, 6-Эль-Хукка, 7-Баджиль, 8-Хаулан
125 0 125 250км
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
СИРИЯ
ИРАК
ИРАН
ТЕЛЬ-АВИВ
АММАН
БАГДАД
Тигр
Евфрат
Басра
Абадан
ЭЛЬ-КУВЕЙТ
Мина-эль-Ахмади
КУВЕЙТ
Петра
Эйлат
Акаба
зал. Акаба
Думат-эль-Джандаль
Сакака
Рафха
Эль-Бир
Айнуна
Табук
Тайма
ДЖАБАЛЬ-ШАММАР
Хаиль
Эн-Нуайрия
Эль-Катиф
Даммам
о. Бахрейн (Дильмун)
МАНАМА
Персидский залив
КАТАР
ДОХА
Эль-Хасаб
Ормузский прол.
Дибба
Шарджа
Оманский залив
Шинас
АБУ-ДАБИ
Эль-Бурайми
МАСКАТ
Миос-Гормос
Мадаин-Салих (Эгра/Хегра)
Файд
Эль-Кусайба
Эль-Ула (Дедан)
Эль-Ваджх
Хайбар
Бурайда
Унайза
Эр-Румма
Эль-Кусейр
в Коптос
ЕГИПЕТ
КРАСНОЕ МОРЕ
Шакра
Эль-Хуфуф
ЭР-РИЯД
Харад
Янбу
Медина (Ятриб)
Беренике
Афиф
Махд-эд-Дахаб
Эз-Занна
ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ
3353
Назва
Ибра
м. Эр-Рас-эль-Хадд
Эль-Батха
Эль-Хилла
Джабрин
Рабиг
Лайла
ГОРЫ ТУВАЙК
Эль-Убайла
Субай
Эль-Хурма
Джидда
Мекка
Эт-Таиф
210
РУБ-ЭЛЬ-ХАЛИ
о. Масира
Эд-Давасир
Биша
Мишриф
Эль-Лидам (Дам)
Тамра
Эль-Лит
Кальат-Биша
Карьят-эль-Фау
Рас-эд-Дакм
м. Мадрака
Суакин
Эль-Кунфида
ОМАН
Мадир
СУДАН
Абха
Наджран
Салала
Мирбат
о-ва Курия-Мурия (НДРЙ)
м. Наус
Эс-Сабья
о-ва Фарасан (Сауд. Арав.)
Джизан
Саада
Нашк
Ясиль
Карнаву
ЙЕМЕН
Тарим
Шибам
Шабва
Хадрамаут
НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ЙЕМЕН
зал. Камар
м. Фартак
Массауа
Асмэра
Адулис
о. Дахлак
Хаз
САНА
Мариб
Дамар
Бейхан
Тумна
Кишн
Сайхут
Эш-Шихр
Эль-Мукалла
Ходейда
Зафар
Забид
Ибб
ЭФИОПИЯ
Аксум
Савва
Таиз
Азвар
Кане (Кана)
Муза
Моха
Асэб
АДЕН
Окелис
Аденский залив
ДЖИБУТИ
о. Сокотра (НДРЙ)
о. Абд-эль-Кури (НДРЙ)
о-ва Бротерс (НДРЙ)
м. Гвардафуй

2р. 50 к.